СВЕРХНОВАЯ ФАНТАСТИКА

СОРНЫЕ ТРАВЫ

ДМИТРИЙ ДЗЫГОВБРОДСКИЙ

НАТАЛЬЯ ШНЕЙДЕР

Annotation

Разом погибает пятая часть населения Земли – почему? Эпидемия? Оружие массового поражения? Или виноваты зеленые человечки? В поисках ответа герои – семейная пара, хирург и судмедэксперт – не исключают даже такой причины, ибо вероятность остальных ничуть не больше. Предлагая, анализируя и отбрасывая версию за версией, герои постепенно приходят совсем к другому вопросу: почему оставшимся в живых так повезло? И повезло ли?

- Предисловие
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11

Сорные травы

Предисловие

«Давно не читал ничего столь же качественного!», «К середине я читала и периодически останавливалась отрыдаться...», «Роман захватил и не отпускал до последнего слова…» – говорили после первого знакомства с «Сорными травами» те, кто вместе со мной работал над подготовкой романа к публикации.

И я не удивлялась.

Хотя, если быть откровенной, первый раз я открывала рукопись с опаской. Апокалипсис – тема, порядком изъезженная и истоптанная многочисленными авторами. Да и не только авторами. В преддверии очередного конца света о нем говорят и пишут столько, что удивить и испугать кого-то уже сложно. Может, и хорошо, что страх у людей сменился равнодушием и усмешкой, а истерические вопли сдают позиции анекдотам и байкам. Но для писателей это – двойной вызов: все-таки удивить и напугать.

«Все лгут!» – безапелляционно заявлял доктор Хаус, диагностировал волчанку и, хромая, удалялся по больничному коридору. Да, сегодня будни медиков – тоже весьма популярная тема, которая также потеряла свою новизну, хотя и в меньшей степени. Ведь писать что романы, что сценарии тут не так-то просто – недостаточно только фантазировать, нужно и разбираться в материале.

«Сорные травы» – это роман о врачах в дни апокалипсиса. Это даже не двойной – тройной вызов мастерству авторов. Наталья и Дмитрий с блеском справились со сложнейшей задачей.

Медицинское образование и опыт работы Натальи, помноженные на кропотливое изучение «фактовки» обоими авторами, позволили описать быт морга и хирургического отделения больницы с достоверностью, которая присуща лучшим образчикам «производственных романов». Экономическое образование Дмитрия помогло добавить миру объемности за счет моделирования коллапса современной рыночной цивилизации. Добавьте к этому, что оба автора не новички в литературном мире. Дмитрий публикуется с 2003 года, правда, до сих пор только в малой форме. У Натальи кроме многочисленных рассказов недавно вышел и первый роман «Двум

смертям не бывать», отзывы читателей на который варьируются от положительных до восторженных.

Так о чем же эта книга? О медиках и конце света. О непростых отношениях порядком надоевших друг другу супругов. О маразме и беспомощности чиновников и героизме и подлости простых людей. О духовности, религии, цинизме и прагматизме…

В романе только одно допущение, которое позволяет отнести его к фантастике: разом гибнет пятая часть человечества. Но когда книга прочитана, допущение перестает казаться таким уж фантастическим. В описанный авторами мир не просто веришь – в него погружаешься с головой. Героям не просто сопереживаешь – начинаешь смотреть на все их глазами. А разгадка причины апокалипсиса в конце заставит поежиться и прожженных реалистов.

Я рада, что современные авторы не перестают писать книги, которые способны заставить читателей задуматься и, может, что-то изменить к лучшему в своей жизни и окружающем мире. Такие книги должны быть изданы. И прочитаны – теми, кто не бежит от реальности и не боится откровенно отвечать самому себе на непростые, неудобные вопросы.

Анна Антонова

Редактор издательства "Фантаверсум"

Авторы благодарят за неоценимую помощь в изучении матчасти:

Алексея Аксенова, Аркадия Курамшина.

Глава 1

«Ненавижу баб», – раз в пятый за утро подумал я.

Мысль вертелась в голове и так, и эдак – но никак не могла вырваться в материальный мир. Хватало еще воспитания, вбитого отцом, чтобы понимать – все твои нелады и противоречия с мирозданием нужно держать под черепной коробкой. Там им и тише, и уютнее. Да и окружающим спокойнее. Если уж решил ненавидеть кого-то, лучше начать с себя. Конструктивнее получится. И объект ненависти поближе будет.

Настроение было отвратительным – до тошноты, до желания разбить любое зеркало, попавшееся на глаза. Причин за пару лет набралось достаточно – они вообще имеют привычку скапливаться, как дерьмо в забившемся коллекторе.

Но, без сомнений, самая значительная и самая свежая причина такого настроения – прошедшая ночь. Удивительная, запоминающаяся, восхитительная ночь, когда я на дежурстве, по версии для жены. Ночь, когда я единственный и любимый для другой девушки – красивой и нежной. И то, что в эту самую минуту я находился рядом с ней в маленькой женской машинке, только подбрасывало дровишек в топку плохого настроения.

Парадокс?

Как по мне – нет.

Был бы отец жив, точно бы спросил:

– Сынок, а может, ты юродивый? Раз женщин ненавидишь. Ты еще вериги нацепи да власяницу надень...

Он всегда умел сбить с ног словесным ударом. Я так и не научился парировать его выпады – умер отец намного раньше, чем во мне скопилось достаточно жизненной мудрости и цинизма для противоборства. Да и умер так, что меня до сих пор мучает чувство вины. Привет из могилы, чтобы сынок нос не задирал. Так что такие внутренние диалоги для меня совсем не редкость. Привычка, скорее уж. Личный психотерапевт из загробного мира.

Может, меня так совесть пробирает? Вроде не мальчик – давно должен был от этого рудимента избавиться. Современный мир совесть

не жалует. Моральные метания, вы немного не ко двору в двадцать первом веке, добро пожаловать в очередь за динозаврами. В профессии хирурга лишние эмоции ценятся еще меньше. А все равно муторно на душе. И Машка вспоминается – знает о моих похождениях или нет. Скорее всего да – умная баба всегда в таких вопросах из себя дуру для мужа строит. До поры, до времени. А потом выставляет счет – от и до.

Дороге с нами явно было не по пути, она вырывалась из-под колес и таяла в зеркалах. Весенние улицы радовали глаз тусклой от городской пыли листвой деревьев, не убранным с зимы подснежным мусором, разбитыми и перевернутыми мусорными баками и толпами пешеходов, которые делятся на уже моих пациентов и еще нет. Время такое, мало кто избегает знакомства со скальпелем – болезни молодеют, патологии ширятся. Зато все без исключения пациенты – и мои бывшие, и мои будущие – к Машке попадут. Рано или поздно. «Дороги все до одной приводят сюда. В дом вечного сна…» – вспомнилась песня «Крематория».

Лена весело бибикнула замешкавшему на светофоре джипу – тот рванул прочь, раздраженно взревывая двигателем перед маленькой и шустрой женской машинкой, – глянула иронично:

– Что закручинился, Иван-царевич? Аль беда какая стряслась?

И врать не хотелось, и правду не скажешь. Да что ж это такое сегодня со мной? С ясной и холодной ненавистью теперь уже исключительно к самому себе я нарочито бодро ответил:

– Вай, девушка-красавица, домой не хочу, на работу не хочу, к тебе хочу. Укради, да?

Ленка звонко рассмеялась – у нее это всегда получалось настолько заразительно, что у меня даже против воли улучшалось настроение. Еще когда мы вместе работали в больнице, я прибегал к ней после особо тяжелой операции, чтобы просто поболтать и выпить кофе. Хирургу страшнее всего не когда пальцы дрожат, а когда нервы звенят как струны. Но сегодня ее улыбка не смогла, как обычно, вытащить меня из трясины самоедства и чисто русской тоски. Похоже, коллектор переполнен – как рванет, прячьтесь все. Я стоять останусь. Мой коллектор – чего бояться?

– Джигит просит, чтобы его дама украла?

– Времена такие. Самого джигита держат сто и один аркан – не вырвешься, не выберешься, не убежишь.

– Тогда украду – сам напросился, – улыбнулась Лена и напела чуть слышно: – Спрячь за высоким забором Ивана, выкраду вместе с забором…

Девушка вывернула через узкие улочки на параллельно идущий проспект. Еще два квартала и больница, где я работаю. А еще через три дома офис Лены – представительство очередной фармкомпании. Я остался в больнице – все же прикипел к отделению, которое еще моего отца помнит. А вот Лена, как настали тяжелые деньки для врачей, ушла. Платили в представительстве неплохо – Лена быстро обросла хорошей машиной, дорогой одеждой и, самое главное, уверенностью. И раньше симпатичная – она превратилась в настоящую красавицу. Некоторым женщинам, чтобы стать ослепительными, нужно немногое – вера в себя, чуточку денег и желанный мужчина рядом. По словам Ленки, третий ингредиент – это именно я. Негодный выбор, как по мне, но сил не хватает об этом сказать.

Я, на мгновение обо всем забыв, залюбовался ею. Полные губы – чуть намечается форма сердечка, но именно что чуть. Не дотягивая до глянцево-журнального эталона, губы кажутся намного естественнее и красивее. Большие серо-зеленые глаза с пушистыми, длинными от природы ресницами. И дополняющий все это великолепие ироничный взгляд, как будто постоянно провоцирующий. На подвиги? На глупости? На откровенность? Длинные светлые волосы – от рождения светлые. Крашеные современные офисно-планктонные блондинки могут только позавидовать такой длине и такому цвету. Королева, которая уверена, что нашла своего короля. Жаль, король в этом не уверен. Да и какой я король – валет, не более. И даже не козырной.

И, смазывая впечатление, перед глазами встала Машка. Строгая прическа, темные густые волосы ухвачены в косу. Яркие карие глаза смотрят то ли насмешливо, то ли обвиняющее – мол, что ж ты, козел, живую жену с любовницей сравниваешь. Даже губы, узковатые – но я помню, насколько нежные и теплые, – чуть изогнуты полузаметной усмешкой. Маша, Машка, Маруська, не отпускаешь ты меня.

И в очередной раз за утро я про себя отметил: «Ненавижу баб».

Каким-то женским чутьем Ленка заметила мой взгляд. Обернулась и подмигнула:

– Что так изучаешь внимательно?

– Любуюсь. И не верю.

Лена чуть притопила педаль газа, и машина вырвалась вперед из потока товарок за мгновение до красного света, прорвавшись на желтый сигнал светофора.

– А ты верь. Твоя. А ты мой – и даже не дергайся, не убежишь.

– И от бабушки ушел, и от дедушки ушел, – неловко пошутил я.

– А от такой симпатичной лисички, как я, не уйдешь.

– Не уйду, – согласился я, хотя уверенности не ощущал. Может, я все же Машку люблю? А бегаю по бабам от дури и скуки? Иначе почему так муторно в душе.

– Что, сынок, прыщавого подростка в себе так и не перерос? – сказал бы отец.

И, наверное, оказался бы прав.

Лена быстро наклонилась и чмокнула меня в щеку. Потом, глянув коротко на дорогу и не заметив в ближайшие метров двести каких-либо препятствий, посмотрела уже серьезно:

– Иван, я понимаю, что тебе тяжело все менять. Просто знай, я тебя люблю. И все будет хоро…

Время, звонко щелкнув, как сломавшиеся часы, резко замедлило ход. Лена начала заваливаться на меня, я попытался ее подхватить, но так и замер, не дотянувшись совсем чуть-чуть. Не мог отвести взгляд от ее глаз – зрачки Лены мгновенно расползлись темным пятном на всю радужку, утопив зеленый цвет в мрачной трясине. В этом было нечто настолько пугающее, что я все никак не мог протянуть руку. Самое страшное, что взгляд ее за секунду стал пустым и бездонным, как след от упавшего камня в ряске пруда. Руки Лены безвольно соскользнули с рулевого колеса – машину резко начало заносить. Но не успел автомобиль развернуться перпендикулярно дороге, как удар сзади размазал меня по сиденью. Затылок основательно приложило о подголовник. Я еще успел краем глаза заметить, что впереди наперерез нам вылетает с перекрестка синяя иномарка, но тут время снова набрало ход с триумфальным грохотом и треском – и от нового удара я полетел головой вперед в лобовое стекло.

Щелк.

Боли не было. Показалось, что шея благополучно сложилась и ушла в плечи. Руки запоздало метнулись прикрыть голову, но только лишь не позволили лицом на излете треснуться о торпеду. Зазвенело в ушах, и на мгновение от хлесткого удара отнялись кисти рук.

Щелк.

Где-то рядом звонко хлопнуло рассыпающееся стекло. Взревел сигнал грузовика. Вслед ему пронзительно рявкнула сирена «скорой», но тут же замолкла. Донесся еще один аккорд столкновения.

Щелк.

Еще один удар – но более мягкий. Тело по инерции бросило влево – больно приложился плечом о руль. Донесся издалека отчаянный крик женщины. Еще несколько звучных ударов, но где-то совсем-совсем далеко.

И машина остановилась.

Я неуверенно вытянул руку, открыл дверь. Не верилось, что все кончилось. Вот только что – все?

Тело плохо слушалось, набитое по ощущениям ватой и по факту адреналином. Это только кажется, что с выплеском гормона ты превращаешься в терминатора. Скорее уж в Буратино, пока организм не поймет, что со всем этим допингом делать. Потом будешь бегать живчиком, но первые секунды – это всегда ступор.

В ушах ощутимо звенело, и зрение немного туманилось. Выбравшись, я пошатнулся и оперся о крышу автомобиля. Мутным взглядом окинул окрестности – и мне открылась картина такой аварии, что голливудские режиссеры слюной бы захлебнулись от зависти. Русский масштаб и удаль.

За нами стояло штук семь разбитых машин – именно они и смягчили удар фуры. Дальние легковушки исковеркало так, что мне сразу стало понятно – выжившие там если и есть, то ненадолго. Из автомобилей уже повылезали люди и ошалело метались между ними. В сам грузовик крылом влетела «скорая». Водитель уже обкладывал дальнобойщика трехэтажным, а врач с медсестрой деловито выковыривали кого-то из ближайшей разбитой машины. Синяя иномарка, которая и подставилась под нас, развернулась практически на сто восемьдесят, из нее никто пока не появился. Стоило бы пойти глянуть, выжил ли там кто, но меня больше сейчас волновало – что с Леной. Тяжелое предчувствие сжало горло ледяным хватом – вспомнились расширенные зрачки. Гадкий признак, ой, гадкий. Мысленно обругав себя за слабость, я на подгибающихся ногах обошел автомобиль и открыл дверь.

Лена с разбитым лицом лежала на руле. Открытые глаза смотрели в мою сторону слепо и бездумно. Уже по внешнему виду стало ясно, что проверять незачем. Но все же во мне сработали условные рефлексы врача. Я попытался прощупать пульс – ничего. Прикрыл ее глаза ладонью и резко убрал руку – реакции на свет тоже не было.

С каким-то накатывающим ужасом – не хотелось верить, что она вот так просто умерла, – провел ладонью по своему лбу и почувствовал маслянистую влагу. Глянул – багряный след на руке.

И пришел в себя. Резко и сразу. Как будто собственная кровь убедила в реальности происходящего.

Уже уверенно и четко вытащил Лену на асфальт, внимательно осмотрел. Переломов нет, череп вроде в порядке, шея не сломана, чуть разбито лицо, но именно что чуть.

Мертва. Абсолютно. Точно.

В груди полыхнула давно не испытываемая злость. Привык уже по работе, что люди умирают. А вот оказывается, к смерти знакомого – близкого? – человека оказался совсем не готов.

Издалека, похоже, что с параллельной улицы, раздался звук взрыва. Завыли сирены пожарных. Что ж за херня творится?

Еще раз для уверенности прощупал сонную артерию Лены.

Ноль.

Глянул на часы – по ощущениям прошло не более двух-трех минут с момента аварии. Ощущения не соврали. А значит, шанс еще есть. Примерился и как по учебнику дважды четко ударил кулаком в прекардиальную область.

Проверил пульс.

Ничего.

Сложил ладони на груди Лены и резко провел тридцать компрессий – Пал Палыч из академии точно бы четверку поставил, если бы увидел своего ученика. Пятерок Палыч принципиально не признавал, мол, лучшая пятерка – оживший пациент.

Я на мгновение закрыл глаза, внутренне собрался и начал делать Лене искусственное дыхание.

Тридцать компрессий, два вдоха, тридцать компрессий, два вдоха…

Проверить пульс.

Ноль.

Прервался и быстро набрал «скорую». Линия ответила короткими гудками.

И снова. Тридцать компрессий, два вдоха…

Проверка.

Тридцать компрессий, два вдоха.

Снова попробовал набрать «скорую» – тот же нулевой результат.

И снова три десятка компрессий, два вдоха.

Наконец я резко отстранился.

Дальше не было смысла продолжать. Это только в американских фильмах главный герой реанимирует-реанимирует героиню – а она открывает удивленные глазки минут через двадцать и романтично обнимает спасителя. В реальности все немного быстрее заканчивается. Пятнадцать минут – гарантированная смерть мозга. Десять минут – с большой вероятностью потерпевший получит диэнцефальные нарушения на всю оставшуюся жизнь. То есть главная героиня очнется в лучшем случае доброй и послушной идиоткой – хотя, исходя из голливудских стандартов, главный герой только рад будет.

В руководствах пишут, что надо держать умирающего на непрямом массаже до приезда «скорой», мол, всегда остается шанс. Но прошло уже больше двадцати минут, а «скорую» у меня вызвать так и не получилось. Судя по тому, что творилось вокруг, помощи я не дождусь.

Я отработал все мероприятия четко. Пора прекращать.

Устало присел рядом. Дико захотелось пить. Нет, алкоголь точно не годился. Вот бы чего-то холодного, шипучего, чтоб прям в нос ударило. Отвлекло. В горле саднило – видно, перестарался при искусственном дыхании.

– Прости, Лен… Плохой из меня Иван-царевич получился.

Я ладонью прикрыл ей глаза, поднял на руки и аккуратно усадил в машину – незачем на грязной дороге лежать. Не смотрелась Лена на асфальте. Никак. Рукавом протер ей лицо, хоть немного убрал кровь – только под носом чуть-чуть запеклось.

Самое противное – не было ощущения потери. А от этого становилось особенно тошно.

Что-то ведь между нами происходило?

Должно же быть мне, черт возьми, больно?

Или я совсем уже профессионально деформировался?

Ни сожаления, ни горя, как будто парализовало все чувства. Я застыл рядом с машиной – задумался, что делать. Надо бы позвонить, предупредить родных, сообщить об аварии. Но тут я понял, что ни имен ее родителей, ни их адреса, даже номера не знаю. Растерянно сунулся в машину – найти телефон Лены или сумочку.

Но тут заорал мой мобильный.

– Иван, в больницу. Срочно, – сухо сказал Олег Данилович, наш главврач.

– Не могу, – просипел я в трубку, откашлялся и продолжил: – Я тут в аварию попал. Куча машин побилась. Знакомая погибла. Я не…

– У нас хуже, – прервал меня Олег Данилович. – На работу. Быстро. И сразу ко мне.

В следующее мгновение он отключился, не дав мне возможности даже согласиться, не говоря уж об обратном. Возражения не принимаются. Жив ли, мертв ли – будь на месте. Это тебе не в офисе штаны просиживать и в экселе таблички набивать. Когда на тебе ответственность за жизни и здоровье людей, сантименты неуместны.

В этом был весь Олег Данилович – близкий друг отца, в какой-то степени его мне заменивший. Даже то, что я в тридцать три стал заведующим хирургическим отделением, в большей мере его подарок. Не мне. Моему отцу. Как потом мне рассказал Олег Данилович, папа сам его попросил. Я тогда, вконец разругавшись с родителем – нашла коса на камень, – решил отправиться в армию прямо со второго курса медицинской академии, блистательно завалив зимнюю сессию. Не знал я тогда, совсем не знал, что Корнилову-старшему оставался всего лишь год – с диагнозом «плоскоклеточный рак легких» долго не живут. Но отец все равно перед смертью позаботился о близких людях, насколько успел. Олега Даниловича устроил на свое место главврача, непонятно каким образом протащив его на эту должность, минуя бюрократию Минздрава – какой смысл до последнего верховодить в больнице, если последние песчинки в часах уже летели вниз. Вот только условие поставил или попросил – кто разберет их отношения, – что если я возьмусь за ум и после армии все же выберу стезю врача, то Олег Данилович устроит меня в больницу и не мытьем, так катаньем сделает хорошим хирургом. Как отец. А потом, если достойным сынуля окажется, отделение хирургическое передаст. То, в котором глава семьи начинал, а потом и долгое время заведовал.

Ох, и поиздевался надо мной дядя Олег, поизмывался всласть. И ночные дежурства чуть ли не в два раза чаще, чем другим, – хотя в этом и было немалое благо, неплохие деньги выходили. И выволочки при всех в коридоре да на планерках, а не в тиши да неге кабинета. И выговоры административные за малейшие проколы. И частое ассистирование на операциях, даже когда после ночной смены ничего не соображаешь.

Но все же выковал скальпель себе под руку – так, чтобы доверять можно было, как своему старому другу. Сделал из меня того, кем бы хотел видеть отец – во всяком случае, я на это надеюсь. И нисколько не жалею, что пришлось все это вытерпеть. Это мое искупление за то, что папа умер, когда я служил в армии – даже на его похороны не попал. Мне теперь всю жизнь искупать – стать если и не лучшим, чем отец, то хотя бы не худшим врачом. Жаль, что таким же человеком-глыбой быть не получается. У Корнилова-старшего точно не было бы этой дурацкой беготни по бабам. Он любил работу, а женщин просто терпел рядом.

До больницы оставалось совсем недалеко. Даже верхние этажи здания уже виднелись. В обычное время я бы прошагал это расстояние минут за десять-одиннадцать. Но сегодня пролетел за пять – видать, адреналинчик действовать начал. Еще подумалось, что надо будет потом зайти к коллегам в неврологическое отделение, чтобы глянули на предмет сотрясения. Вроде бы и голова не кружится, не тошнит, не водит – а ссадина на башке изрядная, до сих пор немного кровит. Знаю по опыту да по рассказам знакомых нейрохирургов, насколько коварны такие удары – бегает человек еще дня три, а потом шлеп на пол, и готов. Кровушка внутри накопилась по-тихому, придавила какую-то зону мозга – и вперед к патану. Не смешно будет, если я к Машке попаду. Но потом, все потом…

По пути попробовал дозвониться до общих с Леной знакомых, чтобы подсказали, как связаться с родителями. Но никто трубку не брал. Пару раз вообще мелодичный голос сообщил, что сеть перегружена. Уже перед входом в больницу вспомнил о Машке, набрал ее номер. Но жена отбила вызов чуть ли не сразу – злая, наверное. Может, даже и догадывается, какие у меня дежурства бывают. Да и пусть догадывается – меня тоже все достало.

Привычно вместо парадного входа рванул через приемник терапии. А там творился форменный бедлам. На полу лежали с десяток человек. Причем их позы намекали, что жизнь в телах если и теплится, то едва-едва. Вокруг бегали, несомненно, родственники. Из общего гомона можно было понять, что обеспокоенные близкие требуют, чтобы немедленно да сей же час к ним спустились реаниматологи, кардиологи, да и сам главврач заодно. Больше всего надрывалась полная, богато, но безвкусно одетая тетка: и «скорая» – сволочи, потому что не дозвонишься, и тут преступники, потому что помощь не оказывают, а она сама мужа перла целый квартал. У тишайшей Елены Ивановны – бессменного врача приемного отделения – щеки уже алели сердечным румянцем, а шея напряглась жгутами жил. Кажется, сейчас будет взрыв – тогда родственники позавидуют тихо лежащим на полу. Тут появились четверо санитаров – и споро утащили два тела. С ними, позабыв про требования, рванула чуть ли не половина митингующих: одни – охраняя унесенных санитарами, другие – требуя, чтобы немедленно занялись их пострадавшими.

Воспользовавшись временным затишьем, я пробрался к двери ординаторской.

– Елена Ивановна, что за бедлам происходит?

– Ой, батюшки, – всплеснула руками женщина, – с вами-то что, Иван Игоревич? У вас кровь идет!

– Уже почти нет, – мрачно пошутил я. – Вся закончилась. Что в больнице творится? Мне Олег Данилович звонил – сказал, проблемы.

– Да не проблемы, а черт-те что. Олег Данилович всех заведующих собирает у себя. Мне сказал, чтобы сразу направляла к нему, если кого увижу.

– А кратко? Что стряслось?

Елена Ивановна наклонилась поближе к окошку и тихо прошептала:

– Иван Игоревич, у нас больше сотни смертей за последний час. Только в больнице. И еще все время несут в приемный покой людей с улицы.

Видимо, выражение лица у меня оказалось соответствующим. Женщина поджала губы, горестно всплеснула руками и так же тихо продолжила:

– И не только пациенты. Еще несколько врачей и сестер. Моя напарница Алевтина Федоровна – царствие ей небесное – так и осталась в сестринской сидеть. Как присела передохнуть, так и отошла.

У меня резко заколотилось сердце. Губы пересохли – вот уж не думал, что так отреагирую. Казалось бы, ко всему привык. Что ж сегодня за день такой? Но постарался успокоить женщину:

– Не беспокойтесь, Елена Ивановна. Сейчас схожу к Олегу Даниловичу и все выясню. Думаю, после собрания станет известно, что происходит.

Более не задерживаясь, я рванул в свое отделение. Меня встретила перепуганная старшая медсестра.

С порога я рявкнул:

– Сколько?

– Восемь, – поняла она с одного слова.

– Кого-нибудь вытащили?

Сестра мотнула головой и разрыдалась.

– Ну, тихо, тихо, – сбавил я тон. Не люблю женские слезы, особенно если женщина мне в матери годится. Сам виноват – у нее пациенты мрут, а тут еще я ору. – Наши все живы?

– Да-а, – всхлипывая, ответила старшая. – А в терапии Анечка из манипульки умерла-а-а…

Жаль девчушку – я эту медсестру помнил. Совсем молоденькая, только из медучилища, стройненькая, как березка, – и такая же светлая по характеру. Завтерапии нарадоваться на нее не могла – всем поможет, все успеет. И вот тебе…

Чувствуя, что дело приближается к полноценной истерике, я снова перевел голос в командную тональность:

– Валентина Матвеевна, прекратите. Вы на работе. Позаботьтесь об умерших – для начала перенести их в одну палату, оградите от прочих пациентов, сообщите в морг. Да, и все истории мне на стол – буду разбираться.

Уже на бегу:

– И дайте мне бинт, смоченный в спирте, – надо хоть кровь вытереть. Неудобно с разбитой головой к Олегу Даниловичу являться.

Заскочив в ординаторскую – ни одного врача, все куда-то запропастились, – сбросил куртку. Тут и сестра подоспела с

бутылочкой спирта, шариком ваты и сложенным бинтом. Я, как мог, оттер кровь со лба – вроде больше не сочится. Из волос выдирать застывшие темные комки не стал – времени нет. Надеюсь, в моей темной шевелюре и видны не будут, но на всякий случай прикрыл колпаком. Посмотрел на себя в зеркало – морда офигевшая, глаза дикие. Странно, что внутри абсолютное спокойствие. А по делу-то можно и паниковать – столько смертей. На ходу застегивая халат, поспешил на второй этаж, в администрацию.

Там тоже бегали, но не кричали. Шепотом переговаривались и делали страшные глаза. Перед самым кабинетом Олега Даниловича на светлом ламинате лежало тело, укрытое простыней. Краешек немного сдвинулся – виднелась рука с ярко-красным маникюром и длинными аристократическими пальцами. Я медленно подошел к простыне, откинул ткань с лица. Так и думал – секретарь шефа Алина. Сколько ей было? Двадцать семь? Двадцать девять? Еще вчера мы сидели все вместе – Алина, я и завотделения кардиологии Натаныч – в кафе при больнице и весело болтали, делились планами на лето. И вот теперь у нее нет никаких планов, нет лета – нет ничего. И выражение лица спокойное-спокойное, как будто задремала на минутку. Странно видеть ее такой – энергичную, смешливую, деловую Алинку. Аккуратно прикрыл лицо белой тканью и встал. Еле слышный скрип двери заставил меня вздрогнуть. Резко обернувшись, я увидел шефа. Олег Данилович, близоруко щурясь, смотрел на тело.

– Такая молодая, Ваня, правда?

– Молодая, – эхом повторил я. – Олег Данилович, что происходит?

– Заходи, Иван, советоваться будем. Мне как раз из Минздрава звонок пришел. Быстро тунеядцы отреагировали. Мы тебя только ждали да Игоря Натановича. Но Натаныч… уже не придет.

– Игорь тоже? – пробормотал я ошарашенно.

– Да. Нашли в ординаторской за столом минут десять назад, – шеф махнул приглашающе рукой. – Заходи.

В кабинете собрался весь цвет больницы – и не только заведующие, но и наиболее опытные врачи. Я даже одного из своих заприметил – Сергей Валентинович Луканов, как обычно, проигнорировал мое приветствие, только щеки надул. До сих пор простить не может, что сопляка заведующим поставили в обход него. Хотя, поговаривают в отделении, неприязнь издалека идет – Луканов

еще с отцом что-то никак поделить не мог. Олег Данилович сделал хороший подарок старожилу – поставил над ним сына старого недруга. Видать, было за что осадить Сергея Валентиновича. Но сегодня тот сидел рядом с шефом – в чем бы ни заключались разногласия, но опыт остается опытом. И сейчас он более всего нужен.

Главврач не спеша прошелся по светлой комнате, уставленной стеклянными статуэтками да рамочками с дипломами, выглянул в окно и только после этого задал вопрос:

– Ваши мысли, коллеги?

На удивление, никто не стал никого перебивать. Вообще тишина стояла такая, как будто в школе учительница написала на доске архисложную задачу, да вот как решать, никто не знает – и потому весь класс стыдливо молчит, чтобы не позориться.

Александр Викторович, опытный инфекционист, тихо предположил:

– Эпидемия? Тропическая лихорадка?

– Тогда уж легочная чума, – мрачно пошутил шеф. – Не развивается все так быстро. И симптомов нет, насколько я знаю. Никаких.

Видимо, на меня так удар головой подействовал, что я полез на баррикады:

– Я видел… Перед смертью резко расширяются зрачки. И больше ничего.

– Любопытно, – прищурился шеф. – Что предполагаешь?

– Ну… Если исключить отравление атропином, а его исключаем сразу – столько отравы негде сейчас взять, то… похоже на смерть коры мозга.

– Массовая? «Дом-2» пересмотрели? – ехидно поинтересовался Сергей Валентинович. Видно было, что он получает непередаваемый кайф, осаживая молодого выскочку.

– Я… – на мгновение перехватило горло, но я продолжил: – Я видел эти проявления вблизи. Умерла молодая женщина. Без патологий. В последнее время не жаловалась ни на боли, ни на слабость, ни на температуру.

И, бросаясь в омут с головой, продолжил:

– Я был с ней последние сутки – никаких тревожных симптомов не заметил. Ни вчера, ни ночью, ни в последние минуты перед

смертью.

Олег Данилович тревожно глянул на меня:

– Маша?

– Нет… – Я запнулся. Блин, оказывается, и мне бывает стыдно. – Другая женщина.

Луканов демонстративно прокашлялся и отметил:

– В наше время…

– Яблоки были слаще, а сливы больше, – оборвал его шеф. – Мы не на собрании комсомола, Сергей Валентинович. Пока что, как ни удивительно, только Иван Игоревич может хоть что-то сказать о симптоматике и развитии… этой… хвори.

– Точно хворь? – спросил завотделения терапии. – Может, токсикологи что скажут. Вода там или выброс какой?

– По всей стране? – вкрадчиво спросил Олег Данилович.

Тут уже подскочили почти все.

– Стране? – ошарашенно переспросил терапевт.

Ни слова не говоря, Олег Данилович щелкнул пультом управления – засветилась панель телевизора на стене. На первом же канале экстренные новости. Звук шеф не включил. Но картинка говорила сама за себя: пылающие обломки самолета. Другой канал: снова новости – Москва, Садовое кольцо, длинная пробка, между машинами бегают люди, вдалеке поднимается столб черного дыма. Мигнул экран – следующий канал: замедленная съемка. Концерт? Мюзикл? На возвышении хор – падают люди со ступеней, коллеги пытаются поддержать. Ниже бегущая строка с количеством погибших. Еще один канал – эмблема BBC: бегают полицейские в непривычной форме, на улицах лежат люди. Крупным планом показано лицо девушки – щека вдавилась в асфальт, рот приоткрыт, пустые глаза.

Я еще успел заметить огромные зрачки – на всю радужку. Как у Лены.

– Минимум стране, – подтвердил шеф. – Мне из Минздрава звонили. Официальная версия – новый вирус гриппа, высоковирулентный[1], с геморрагическими[2] осложнениями.

– Чушь, – вмешался инфекционист. – Уж геморрагии мы бы сразу заметили. Да и вирус не бывает совсем без симптомов. Опять этот горе-финансист крутит министерством как хочет – кто такого дурака поставил командовать здравоохранением.

– Известно кто, – пробурчал Луканов, – и известно за что. Будет у тебя жена дочерью Самого, и ты взлетишь. Но к медицине его заслуги отношения не имеют.

– Чушь, не чушь, а такова будет официальная позиция, меня знакомый уже предупредил – так что гласно будем повторять эту сказку для обывателей. Но в работе ориентироваться на здравый смысл, – заметил Олег Данилович. – Еще версии есть?

Ответом ему была кладбищенская тишина. Даже стало слышно, как за сплошными стеклопакетами окон шумит перепуганный народ на улицах.

– Тогда за работу. Живых проверить, контактировавших изолировать, умерших – в морг, персоналу инструктаж, палаты обработать тщательно, всем маски… Так, ничего не забыл? – Шеф с хрустом сломал карандаш и продолжил: – И молчать! Ясно? Все гипотезы мне, все версии сюда. Для прочих любопытствующих – грипп. Не хватало еще, чтобы журналисты какую-нибудь вавилонскую чуму придумали.

Кто-то еле слышно застонал – видимо, представил, что понапишут акулы пера, когда сообразят, насколько все жарено да остро. А там покоя врачам не будет – ни от пациентов, ни от родных, ни от знакомых. Еще ипохондрики, как стадо леммингов, набегут – и ладно бы только поликлиники осаждали, так они же сразу за лечением примчатся, невротики бешеные.

Все потихоньку начали расползаться.

– Александр Викторович, Иван, останьтесь!

Луканов недовольно обернулся, хотел что-то сказать, но, поймав злой взгляд шефа, промолчал. Логично – не время выяснять, у кого стаж длиннее да толще.

Шеф усмехнулся:

– Я прям как папаша Мюллер.

Александр Викторович, инфекционист, удивленно посмотрел на него.

– Ну, – пояснил Олег Данилович, – «а вас, Штирлиц, я попрошу остаться». Что, совсем склероз замучил, Саша?

Тот махнул рукой и присел на стул. Я же решил постоять – мне еще сегодня дохрена сидеть придется, эпикризы смертные катать.

– Итак, Саш, а теперь спокойно мне объясни, почему чушь, – попросил Олег Данилович. – Я все же хирург бывший, меня ваши тонкости инфекционные не интересовали еще с академии.

– Да просто все, – вяло ответил Александр Викторович. – Тебе как, по-научному или как простому обывателю?

– Хм, знаешь, а давай-ка по-простому. Мне мэр звонил – просил, чтобы я ему объяснил, как разберусь. Вот и поможешь мне собрать версию для чиновников, чтобы они хоть что-то поняли.

– Ну тогда… Вспомни азы. Сколько сейчас известно вирусных кирпичиков? Шестнадцать типов гемагглютинина и девять типов нейраминидазы[3]. И практически все комбинации известны, их возможная вирулентность и патогенность тоже. Помнишь, как все срались от «аш один эн один»[4], хотя я тогда еще говорил, что новой «испанки» не будет?

– Да это понятно. Пятеро чихнули – полстраны обосралось, – поморщился шеф. – А сейчас ты почему отметаешь возможность?

– Да потому, – пожал плечами инфекционист и тяжело вздохнул. – Не складывается. Новые комбинации вируса нам передаются по большей части от поросят да птичек. Самый патогенный, насколько я помню, был «аш пять эн один»[5]. Тогда смертность скакнула до тридцати процентов. А сейчас сколько? Явно выше, и намного. Но вирулентность тогда была низкая – так и задавили эту гадость карантином. Птичьи штаммы плохо передаются от человека к человеку – они привычны к высокой температуре крылатых. А у нас в носоглотке и крови им как в Антарктиде – холодно, противно и жрать нечего. Вот и получается, что наиболее опасные варианты вирусов плохо передаются. А вот свиные штаммы передаются хорошо, но особой угрозы от них нет – так, почихать да посопливить с фебрильной температурой. А у нас сейчас что? Куча трупов без предшествующих симптомов и бешеное распространение. Не вяжется…

– Уверен?

– Хочешь, знакомым в Институт вирусологии позвоню? Гарантирую, они то же самое скажут. Ну не верю я в летающих свиней. – Тут Александр Викторович помолчал и нехотя продолжил: – Мне показалось, что exitus letalis[6] у всех наступил почти одновременно. Ересь, конечно. Не бывает так… Но так показалось.

Если все же не показалось, тогда это точно не вирус. Что угодно, но не он.

– Ясно. Иван, а ты что добавишь… о твоей знакомой?

Я пожал плечами:

– Да практически все и сказал. Лихорадки не заметил. – Перед Олегом Даниловичем я темнить не стал, ну есть любовница, точнее, была. – Респираторных явлений, диспептических симптомов не наблюдалось. Кожные покровы чистые, насколько я помню. Блин, да вообще никаких симптомов, даже голос не менялся, горло не болело – я бы знал.

– Ясно, – повторил шеф, – что совсем ничего не ясно. Хорошо, коллеги, за работу. А я позвоню одному человечку в верхах – может, он чуть больше скажет. И ты, Саша, своим ученикам позвони в институт – пусть поделятся сомнениями.

– Позвоню, – кивнул Александр Викторович.

Мы с инфекционистом вышли из кабинета и синхронно глянули друг на друга.

– Ваня, у тебя все живы? – как-то потерянно спросил Александр Викторович.

– Не знаю. Не смог до жены дозвониться. А больше никого и нет.

– Счастливый ты, – невнятно сказал коллега и, ссутулившись, пошел по коридору.

Я с минуту стоял в приемной шефа, тупо уставившись на белую простыню поверх Алины. Бывают такие моменты, когда дел настолько много, что просто не знаешь, за какое браться. Отделение? Машка? Сообщить родителям Лены? Обзвонить немногочисленных друзей?

Так и не определившись, я поднялся в отделение. Родной этаж заполняли испуганный шепот да топот медсестер. Двери палат были по большей части приоткрыты – оттуда выглядывали встревоженные пациенты. Их уже успели разогнать, чтобы под ногами не путались.

Около сестринского поста меня встретила еще более перепуганная старшая медсестра:

– Иван Игоревич, у нас…

За ее спиной маячили двое громил. Очень характерного вида. Похожих амбалов я встречал, когда на «скорой» подрабатывал – если вызов на «огнестрел». Часто рядом с подраненным «пацаном» такие вот «корешки» крутятся. Первого амбала я мысленно окрестил Лысым:

голова, что колено, полностью оправдывала такое прозвище. Второй – типичный Бычара: мало того что смотрел исподлобья, так и еще и чего-то жевал, активно двигая челюстями. Наряды как будто у гробовщиков отобрали в Америке девятнадцатого века – черные костюмы, черные рубашки, серые галстуки. Жалко, что не негры – вообще бы колоритно смотрелись. Опа! Лысый красноречиво помахал передо мной пистолетом.

– Это врач? – угрожающе спросил у медсестры Бычара.

– Бери выше, – любезно ответил я. – Заведующий этим отделением.

Опустив руку в карман, я незаметно сквозь ткань нащупал Spyderco Civilian – керамбит висел, как обычно, на поясе брюк. Жаль, что до него через застегнутый халат не добраться. А эти громилы явно занервничают, если я им тут стриптиз начну показывать. Ничего, в крайнем случае как-нибудь да достану. Дурь это, конечно, с ножом на короткоствол идти. Но хоть что-то.

– Резать умеешь? – спросил Лысый.

– И не только. В чем дело-то?

Он ткнул пальцем в сторону дивана, стоящего рядом с сестринским постом.

– Если не поможешь, голову прострелю – и тебе, и ей, – он указал на Валентину Матвеевну. Старшая схватилась за сердце и побледнела.

– Будешь угрожать, ни хрена не добьешься, – зло ответил я, направляясь к дивану. На нем явно без сознания лежала эффектно и богато одетая девушка. Красивой я бы ее не назвал – проступала в выражении лица, пусть даже расслабленного, какая-то испорченность. Но это не важно – пациентов мы не выбираем. – Что с ней?

– В аварию попала, – хрипло сказал Бычара. – Какой-то мудак в нее въехал. Мы его вытащили из машины пристрелить, а он, сука, уже сдох. Со страха, наверное, когда понял, в кого въехал.

– Когда сознание потеряла?

– Да мы уже из машины ее такой достали.

– В себя приходила?

– Нет, – ответил Лысый.

– Когда авария была?

– Двадцать три минуты назад, – по-военному четко отрапортовал Лысый, глянув на часы. – Доктор, спаси девку. Вижу, херово ей. У

меня кореш таким же бледным был, когда ему маслину в брюхо засадили.

Я быстро осмотрел девушку. То, что ей плохо, видно и так. Зеленоватая бледность и круги под глазами к признакам хорошего здоровья не относятся. Дыхание поверхностное и быстрое, пульс здорово частит, брюшная стенка напряжена. Синяки на груди и животе уже налились темным. Чуть перевернул набок – сразу же бросилась в глаза припухлость на пояснице. Ясно – и хреново. Кажется, почка.

– Валентина Матвеевна, свяжитесь с оперблоком, срочно нужна операционная. Похоже, тут внутреннее кровотечение. Подозреваю разрыв почки. Кровь на полный анализ, группу, гематокрит[7]. Время свертывания, время кровотечения, протромбин, фибриноген[8]. И найдите мне ассистента.

– Иван Игоревич, так ведь никого нет.

– Совсем?

– Олег Федорович и Диана в операционной, с утра не выходили. По плану им еще минут сорок работать. Сергей Леонидович не мог связаться с дочерью – побежал в ее школу.

– А Луканов?

– Сбежал он, – медсестра брезгливо поджала губы. – Как эти вломились с требованием врача, так он по второй лестнице убег.

– Мудак, – холодно констатировал я. – Интерны в отделении?

– Только двое – остальные тоже ушли домой.

– Зови, пусть опыта набираются.

Зазвонил телефон: Машка. Живая. Уже легче. Но как же не вовремя. Я коротко рявкнул в трубку – на разговоры времени не было – и рванул в сторону операционной.

– Анализы цито[9], и больную в оперблок!

Через двадцать минут я уже стоял в белом бестеневом свете операционной лампы. Врут те, кто говорит, будто в оперзале пахнет одними антисептиками. Этот запах не описать несколькими словами, как несколькими нотами не сыграть полифоническую фугу. Он почти неуловим, но привычен любому хирургу. Если бы у меня попросили свободными ассоциациями описать его, первым словом назвал бы «страдания». И не важно, что сознание одурманено наркозом, – телу все равно больно и страшно.

Девушка лежала на столе совсем бледная – как будто прозрачная. Признаки раздраженной брюшины усилились – так что я правильно угадал. Артериальное давление ниже восьмидесяти – капельница заливала препараты, но эффекта пока не было. Пульс скакал от сотни до ста двадцати.

Парень-интерн бодро отчитался по результатам экспресс-анализа – вторая минус, полный анализ в норме – пока еще в норме, скорее всего гемоглобин вниз пойдет. Свертываемость низкая в сочетании со странными значениями фибриногена и протромбина[10]. Первое хорошо – всегда проблема с экзотическими группами крови вроде четверки. А вот последнее непонятно – вроде здоровая по виду деваха, ну, не считая аварии. Тромбоциты в норме. Так почему же такой низкий показатель свертываемости? Но ладно, будем работать с тем, что есть.

Анестезиолог пошаманил – по-другому их работу и не назовешь, все по чутью, прикидкам да головоломным формулам, которые больше на магию похожи, чем на науку. Слишком уж индивидуальные организмы у пациентов – что одному на чих, то другому на вынос вперед ногами. Врач посмотрел на меня и развел руками:

– Иван Игоревич, готова. Похоже, что наркоз приняла нормально, но затягивать бы не советовал – слишком слаба.

– Тогда приступаю. Спасибо.

Срединная лапаротомия. Извини, милая, заживает такой разрез дольше, шрам видный останется, да вот выбора у меня нет. Надо сразу получить доступ ко всем твоим внутренним органам – кто его знает, что у тебя там творится, откуда кровь хлещет. Сейчас не до красот и хирургического выпендрежа. Если просто разрыв селезенки, то еще ничего. А если разрыв в почке или глубокое ранение печени – тогда ой, хоть ты и без сознания, но молись.

Разрез мне сразу не понравился – слишком уж сильно кровить начал. Ну нет по срединной линии крупных сосудов, чтобы так лилось. Хотя, если свертываемость снижена… Но не настолько же. Меня начало беспокоить, что я увижу в брюшине. Через несколько секунд я это узнал – оттуда хлестануло чуть ли не знаменитым аравийским фонтаном Фахда.

– М-мать.

Заработал кровеотсос. Я начал искать причину кровопотери.

– Быстро плазму. И добавьте рефортан, преднизолон во вторую вену. Что-то слишком сильно льет.

Печень выглядела странно – для молодой и здоровой девушки. Нет, не цирроз, не повреждения хронического гепатита. Что-то очень знакомое, но я никак не мог ухватить, где еще видел такие характерные изменения. Инфильтрации желчью не наблюдается, а вот сам орган кровил – неприятное диффузное кровотечение. Сдавил сосуды ворот – на время решило проблему. Есть пять минут, потом придется убирать зажим. Надо искать дальше – кровь все равно поступает. И причина явно не в печени.

Вот оно!

Поврежденная брюшина, а за ней – разрыв артерии почечной ножки. Все вместе и обеспечивало тот кровавый фонтан, что меня поразил при полостном разрезе. Кровь тугими толчками выплескивалась из раны. Я быстро стал набрасывать швы. Интерн споро помогал – хорошая хватка у парня, и сам без подсказки справляется. Если не бросит медицину из-за нищенской оплаты, выйдет неплохой хирург.

Кровь все равно прибывала, давление скатилось до шестидесяти четырех.

– Еще плазму. И пустите сильнее по вене. Я не успеваю перекрыть отток.

Печень снова начала сочиться кровью. Я глянул на зажим – вроде крепко держится. Но все равно пора снимать – время на исходе. Откуда крови-то столько?

Дошивая артерию, я устало вздохнул. Кажется, успели. Почку девочка сохранит – не вижу причин для удаления. Убрал зажим с сосудов – открывшееся снова кровотечение уже так не пугало, как рана на почке. Аккуратно я стал приводить печень в порядок…

Давление ухнуло сразу до сорока, противно запищал кардиомонитор, пульс бодро ускакал до ста пятидесяти.

– Бл…дство, – выматерился интерн, – что ж за хня?

Полностью с ним согласен, но не было времени что-либо ответить. Такое ощущение, что кровь стала сочиться чуть ли не из самой брюшины.

– Еще криопреципитата, – крикнул я, лихорадочно перекрывая новые участки кровотечения.

И тут сердце встало. Давление покатилось вниз.

Медсестра вкатила два шприца сразу в трубку капельницы – ноль реакции, последние пики пульса на кардиомониторе стирались ровнехонькой, чуть-чуть волнистой линией. Анестезиолог достал дефибриллятор – дал разряд, второй, третий. Тело на столе безвольно дергалось под импульсами.

Еще укол адреналина.

Три разряда.

– Все, – сказал я, снимая маску. – Хватит.

И только теперь вспомнил, откуда мне знаком такой характерный рисунок поверхности печени. Бывает же – в пылу операции все ненужное уходит куда-то в дебри памяти, как будто сознание само решает, что важно в данный момент, а что нет. Хотя даже пойми я это сразу, не факт, что помогло бы, что спасла бы догадка умершую девушку.

Я вышел из операционной через пять минут, прямо в заляпанном кровью фартуке. Не люблю выглядеть хирургом-маньяком – всегда стараюсь поаккуратнее работать. Но, видимо, сегодня день такой, что все через задницу получается. Настроение было соответствующим – хотелось кого-то убить. Желательно в первую очередь новых знакомых с короткостволами по карманам.

Бугаи сидели, как школьники, – смирно и тихо. Подскочили, только меня увидели.

– Ну?! – открыл было рот Бычара.

– На чем она сидела? – сразу наехал на него я.

– Чо?

– Не «чо», а на чем она сидела?

Удивительно, но этот вполне себе простой вопрос сбавил градус нахальства у моих новых знакомых.

Лысый угрюмо спросил:

– Тебе-то что?

– А сказать не могли, идиоты? – Меня несло, и останавливаться я не собирался. – Предупредить нужно было, что ваша подопечная – конченая наркоманка, а не пушкой махать.

– Да ты знаешь, кто она? – рявкнул Бычара. – Она дочь Коломийского. Вякнешь кому-то, я тебе голову в жопу засуну.

– Не вякну. – Мне резко стало на все плевать. – И никому это уже интересно не будет.

– В смысле? – испуганно спросил Лысый.

– Девушка умерла. Сильная потеря крови. При частом употреблении кодеинсодержащих препаратов нарушаются механизмы свертываемости – даже специальные инфузии, что я в нее влил, дела исправить не смогли. Да и от героина такое бывает. Потому и спрашиваю… Сказали б, что ваша подопечная – прожженная наркоманка, может, и вытянули бы.

– П…ц тебе! – заорал Бычара, хватаясь за пистолет.

Но Лысый удержал его за руку.

– Стой, Вадим. Если грохнешь доктора, то кто подтвердит хозяину, что мы ни при делах? Он же нас следом порешит. Мы еще хирургу позавидуем.

Удивительно, но столь проникновенная тирада товарища возымела действие. Бычара неловко убрал руку. И хмуро поглядел на меня:

– Еще увидимся, доктор. Хозяин захочет с тобой поговорить.

– Не думаю. – Я, нагло развернувшись к ним спиной, пошел снимать окровавленный костюм. Дико хотелось в душ и чего-нибудь алкогольно-высокооктанового. Но еще сильнее хотелось, чтобы этот ненормальный день побыстрее закончился. Или хотя бы не приносил больше сюрпризов.

Эти два брата-акробата крепко меня разозлили. Что ж за мода такая пошла – крайними врачей делать. Должны спасти, должны вылечить, должны сделать невозможное – и никакой исход, кроме благополучного, не подразумевается. Жаль, что никто, кроме нас, не знает, сколько болезней в сухих строчках инструкций дополняются фразой «при адекватном лечении смертность не более такого-то количества процентов». Мы порой вытягиваем с того света, когда сами не верим в благополучный исход, но никто этого не замечает, не хочет замечать. А не получается – общественное мнение с радостью хавает объяснение, кто виноват от и до.

Да и не стоит обывателям всего этого знать – а то еще повесятся с перепугу, как поймут, насколько она хрупкая – эта жизнь. Нет, мы точно не герои, побеждающие смерть инъекцией да таблеткой. Мы

шулера, которые раз за разом обманывают старуху с косой, выставляя ее за дверь больничной палаты.

Вернувшись в отделение, я услышал, как визжит старшая медсестра. Следом донесся крик:

– Кто-нибудь! Сюда! Он встал!

В конце коридора из палаты выскочила Валентина Матвеевна, причем с такой скоростью, как будто за ней гнались ромеровские зомби, подвывая: «Мозги! Мозги!»

– Кто встал? – не сдерживаясь, заорал я на весь коридор. – Что еще случилось?

– Иван Игоревич! Иван Игоревич! – Истерические нотки никуда не делись, Валентина Матвеевна подбежала ко мне, вцепилась в плечо. И тут я с удивлением понял, что медсестра от страха еле на ногах держится.

– Кто встал? – уже тише и спокойнее повторил я.

– Труп! – то ли всхлипнула, то ли взвизгнула старшая.

– Пойдемте глянем. – И почти что галантно подхватив ее под ручку, потащил к дальней палате. Насколько я понял, именно туда снесли все трупы, пока работники морга за ними не придут. – Валентина Матвеевна, может, вы просто ошиблись?

– Не-ет, – всхлипнула женщина, – я туда зашла окна проверить. И тут он приподнимается и простыню с себя снимает.

– Может, вы слишком поспешно его в трупы записали?

– Вы что? – обиделась медсестра. – Как тут ошибешься? Я же сама с Сергеем Валентиновичем его реанимировала. Разряд давали, адреналин ввели – сердце даже не дернулось.

– Извините, Валентина Матвеевна, – повинился я. И вправду, уж кому-кому, а старшей медсестре стоило в этом доверять – с ее-то опытом. Мертвого от живого точно бы отличила. Ну, разве что кроме какого-нибудь экзотического случая, вроде летаргической комы. Да и Луканов бы такой глупой ошибки не совершил – педантичная сволочь, не позволяет себе ошибаться. Два опытных человека – и вдруг приняли живого за мертвого? Странно.

Дверь палаты неожиданно открылась нам навстречу, на пороге показался светловолосый мужчина, завернутый в простыню, как римлянин в тогу. На ногах у него были синие в зеленую полосочку носки, из-под импровизированной накидки выглядывала синяя майка

спортивного кроя. Глаза сверкали странным лихорадочным возбуждением.

– Иван Игоревич, доброго дня, – важно поздоровался пациент.

– И вам доброго, Михаил.

Тут медсестра не выдержала и с глубоким вздохом потеряла сознание. Я еле успел ее подхватить, чтобы не ударилась, и аккуратно уложил на пол.

– Ирина! Аня! Сюда! – рявкнул я на все отделение. – Валентине Матвеевне плохо!

Еще раз внимательно оглядел Михаила Тимошенко – он лежал в моем отделении после операции, четыре дня прошло, динамика была отличная. Да и сейчас выглядит хоть куда. Трупных пятен нет, наоборот, румянец на щеках, да и движения резкие, бодрые. На свежий труп никак не похож, как и на классического зомби.

– Что же вы так, Михаил? Зачем Валентину Матвеевну пугаете?

Тот виновато пожал плечами. Помог мне перетащить женщину на диванчик около поста. Рядом захлопотали две медсестрички. Впрочем, Валентина Матвеевна быстро пришла в себя, пересела за стол, стараясь держаться подальше от Михаила.

– Позволите? – Я взял его запястье, нащупывая пульс. Ровный, как у абсолютно здорового человека, ударов семьдесят. Даже слишком ровный для человека, который только что очнулся среди покойников. – Михаил, как вы себя чувствуете? – поинтересовался для успокоения совести.

– Отлично, доктор, – улыбнулся Тимошенко. – Даже лучше, чем раньше.

– Представляете, Валентина Матвеевна сказала, что вы умерли, а сейчас воскресли. – Я втайне порадовался, что хоть какая-то сегодняшняя история закончилась хорошо.

– Так и есть, – кивнул он, как-то очень внимательно ко мне приглядываясь.

– В смысле?

– Я умер. И Господь меня воскресил, – торжественно заявил Михаил.

Неподалеку опять послышался глубокий вздох. И вслед за ним снова засуетились медсестры.

– Валентина Матвеевна, – устало сказал я в воздух, – вам еще не надоело в обмороки падать? Это как бы непрофессионально.

И, повернувшись к Михаилу, спросил раздельно и ясно:

– Вы утверждаете, что умерли? А потом вас воскресил Господь?

Михаил радостно закивал. И с гордостью во взоре добавил:

– Я должен многое сделать. И потому Он меня вернул.

Я прямо почувствовал, как Михаил сказал «Он» – с очень большой буквы. Вот те раз, а казался совершенно нормальным до сегодняшнего дня. Надо будет завтра вызвать больничного психиатра – пусть Вадим разбирается с этим «воскресенцем» сам.

– Тогда поздравляю вас, – пожал я руку Михаилу. Спокойствие, только спокойствие, тон доверительный, движения плавные. – Отдыхайте, завтра мы еще с вами побеседуем…

– Но я хотел уже выписываться, – перебил меня Тимошенко.

– Зачем торопиться? Вы сегодня пережили потрясение. Вам нужно отдохнуть. А завтра я вас выпишу. – Пациент выглядел совсем не так, как я его помнил и до операции, и после. Что-то в нем появилось. Пока еще малозаметное, но все более и более проявляющееся с каждой минутой разговора. Напор? Уверенность? Или признаки безумия?

– Спасибо, Иван Игоревич, – еще одна широкая улыбка.

– За что?

– За понимание. Я думал, что придется долго объяснять, а вы сразу все поняли и уверовали в меня.

– Э-э-э… – Я не нашелся, что сказать, так меня смутило его последнее заявление. Уверовать в него? Мания величия? Начальные признаки шизофрении? Так, без Деменко точно не обойтись. Надо бы его еще сегодня натравить на этого «ходячего жмура». – Отдыхайте, Михаил. Конечно же, я вас понимаю. Валентина Матвеевна, отведете пациента в его палату?

Тут я поймал перепуганный взгляд старшей и сжалился.

– Ирочка, помогите Михаилу. А Валентина Матвеевна пусть еще немного отдохнет.

Медсестра подхватила руку Тимошенко и немного опасливо повела его по коридору.

– Иван Игоревич, – свистящим шепотом сказала старшая медсестра, – я не ошиблась. Христом клянусь, не было ошибки.

Спросите у Луканова. Мне не верите, ему поверьте.

– Да верю я вам, Валентина Матвеевна, – я устало отмахнулся. – И доверяю как специалисту – вряд ли вы просто так ошиблись. Может, это такой симптом неведомой болезни? Впал человек в глубокую кому, вот вы его и приняли за мертвого. Полежал немного и пришел в себя. Сегодня уже столько всего навертелось – я готов поверить во что угодно.

– А адреналин, а разряд?

– Всякое в истории медицины было.

Ужасно хотелось посидеть – тело просило пощады, морально я тоже жутко вымотался за сегодня. Но плановые больные никуда не делись даже в такой день, да и приемник работал споро, одного за другим подвозили новых пострадавших. Видимо, сегодня у «скорой» ударные стахановские сутки. И еще надо было проверить нежданную гипотезу – может, не одному Тимошенко повезло.

Через полчаса я выполз из палаты с мертвыми пациентами – перещупав, переслушав всех по два раза. Нет, ни летаргия, ни глубокая кома, ни прочая экзотика не наблюдались. К сожалению. Люди бесповоротно мертвы – уже начали проявляться трупные пятна на нижнерасположенных участках тел, помутнели роговицы, да и слизистые оболочки повысыхали. Мертвы, без вариантов. Трупы ничем не напоминали живчика Тимошенко, хотя, по словам Валентины Матвеевны и сбежавшего засранца Луканова, Михаил поначалу ничем от умерших не отличался. Но к финишу с ними не пришел – дезертировал.

Минут через десять я уселся за посмертные эпикризы. Все равно эту работу делать надо, а кроме меня сейчас и некому. Медсестрам не доверишь, Луканов неизвестно где. Да и сегодняшние эпикризы фиг кто напишет. Я и сам не знаю, как их заполнять. Может, написать ту геморрагическую ерунду, что придумали полудурки из Минздрава? Так позориться перед Олегом Даниловичем не хочется. Пусть это и официальная версия, но ведь идиотская. Нет никаких признаков геморрагии у трупов. А значит, у здоровых тем более искать ее смысла нет.

Еще два часа я потратил на бумажки. Потом я забежал в администрацию, но шеф уже ушел. Да и в администрации мало кто остался – Олег Данилович всех отправил по домам.

Выбравшись из больницы в ясное тепло раннего весеннего вечера, я не спеша прошел на стоянку к своей машине. Темно-синий «фольк» – пусть и не шикарный кабриолет, но мне нравится. Мне в нем уютно, а для меня это самое важное. Вчера я оставил машину около больницы, меня забрала Лена. Сегодня пора самому ехать домой.

Лена…

А я так и не связался с ее родными.

Неприятно чувствовать себя сволочью. И что день такой ненормальный – совсем не оправдание. Достал телефон, чтобы набрать хоть кого-то из общих знакомых. И с удивлением увидел надпись «нет сети». Явно сюрпризы дня сегодняшнего заканчиваться не хотят. Плюнув и решив, что разберусь со всем этим завтра, я забрался в машину и выехал со стоянки.

Домой я добирался целый час – не ожидал, что встретятся три крупные пробки. Кое-где дорогу украшали россыпи искристого стекла, в одном месте даже не успели оттереть кровь с асфальта – и багровое пятно выделялось под ярким весенним солнцем. Перед подъездом припарковалась «скорая» – водила устало курил на лавочке, мрачно осматривая окрестности.

Лифт тоже не работал. Но это я никак не связывал с неприятными сюрпризами прошедшего дня. Детище Элиша Грейвса Отиса и раньше отказывалось выполнять обязанности и выдавало самые разнообразные капризы, доводя лифтера до белого каления. А вот жильцы в большинстве своем привыкли. Да и я не роптал. Забежать на восьмой этаж – хорошая гимнастика. Но вот сегодня я бы предпочел небольшой подарок от современной техники – с радостью бы вознесся на свой этаж в кабине лифта.

Еле переставляя ноги, я пересчитал все ступени с первого этажа и по свой… чтобы увидеть на площадке, около двери соседки врача «скорой».

– Случилось что? – устало поинтересовался я, протягивая руку. – Я сосед. Тоже медик. Хирург. Сволочной денек, правда?

После крепкого рукопожатия молодой врач мрачно сказал:

– Армагеддец, а не денек. С ног сбиваемся… И везде одно и то же.

– А тут что? – выдавил я из себя остатки любопытства.

– У вашей соседки муж умер. Сейчас оформим и будем забирать. Полицейские уже уехали – вот у кого тоже работы сегодня непочатый

край.

– Ужас… – вяло согласился я, отпирая дверь. – Надо будет зайти к соседке, успокоить хоть как-то.

– Надо, – кивнул врач, подкуривая сигарету. – Сучий день, быстрей бы закончился.

Махнув рукой на прощание, я закрыл дверь и первым делом поплелся на кухню, чтобы выудить что-нибудь высокооктановое из холодильника. Идти к бару не хотелось, хоть там и угнездились напитки посолиднее, но в холодильнике можно найти средство два-в-одном – выпить и закусить. Только сейчас я понял, что не ел весь день. Да и утром с Леной позавтракал только кофе с домашней булочкой.

На кухне меня встретил никотиновый туман и Машка, угрюмо пьющая водку на подоконнике. Думал, что меня сегодня уже ничем нельзя удивить. Но Маша, пьющая в одиночку, – это очень круто. Если жена по водке ударила, тогда точно конец света наступил.

Глава 2

Когда речь заходит о судмедэкспертах, почему-то все представляют здорового небритого мужика с бычком в зубах. Именно поэтому, когда перед родственниками покойных появляюсь я, большинство смотрит пустым взглядом. Некоторые раздраженно бросают: «девушка, ну я же просил позвать патологоанатома». Поначалу я обижалась, потом веселилась, сейчас не обращаю внимания. Небритым дядькой мне не стать ни при каких условиях, да и метр шестьдесят роста тоже не слишком подкорректируешь. Если добавить к этому манеру носиться чуть ли не вприпрыжку, симпатичное лицо и фигуру со всеми нужными округлостями, очевидными даже под бесформенной спецодеждой, реакция людей становится предсказуемой до невозможности.

Кабы не куча отчетов и необходимость иногда общаться с родственниками усопших, моя работа была бы идеальной. Впрочем, огромное количество бумажек – вечная беда любого врача, и по сравнению с докторами других специальностей мне еще везет. «Больные» не скандалят, отвечать по большому счету не перед кем, кроме собственной совести и Бога, которого нет. Ведь, как известно, патанатом – лучший диагност, он же последняя инстанция. Да и проверками особо не допекают. В последний раз, помнится, проверять пришли по наводке журналистов. То ли работники желтой газетенки перегрелись, то ли их источник отличался своеобразным чувством юмора, а проверять его никто не стал. Словом, решили они сорвать покровы: местные торговцы фруктами хранят их не где-нибудь, а в холодильниках судебного морга. Подкупить медиков выходит дешевле, чем арендовать нормальные склады по всем правилам.

Узнав о цели визита, шеф покрутил пальцем у виска и повел комиссию смотреть холодильники. Дело было как раз в разгар лета, а полежавший пару дней под кустом труп пахнет ничуть не лучше подгнившей туши. Проверяющие нервно сглотнули и мигом испарились, отказавшись даже от коньячка на прощанье. Выражения, которыми их потом поминал шеф, при дамах лучше не повторять. Во второй на моей памяти раз проверка приходила, когда появились слухи

о том, что мы пускаем трупы на органы. Хотела бы я посмотреть, на какую трансплантацию сгодится почка бомжа, месяц после смерти пролежавшего в подвале. Впрочем, в той комиссии оказались люди вменяемые, в холодильники не лезли. Мол, вы же сами все понимаете: поступил сигнал, мы обязаны отреагировать.

Словом, все хорошо, кроме живых, с которыми тоже приходится общаться. Я в судебные медики-то пошла именно для того, чтобы не иметь дела с больными. К сожалению, хороший врач – это не только светлая голова, но еще и умение принимать людей во всех их проявлениях. По крайней мере, в рабочие часы. То, что хорошего врача из меня не выйдет, я поняла довольно быстро. И выбрала специализацию, исходя из принципа «не навреди». Насколько оказалось сложно прорваться в интернатуру на «судебку», сейчас лучше не вспоминать, но оно того стоило. Нет, с головой у меня все в порядке. А вот с терпением и тактом – не очень. Так что стараюсь лишний раз не встречаться с родственниками покойных. Понятно, трудно сохранять адекватность, потеряв близкого. И все же...

– Девушка, я же просил позвать патологоанатома.

Ну вот, рабочий день, считай, еще не начался, а уже. Семейная пара, чуть за сорок. У нее заплаканное лицо и погасший взгляд, он держится как человек, то ли не осознавший, что произошло, то ли не желающий в это поверить.

– Меня зовут Мария Викторовна, и я судебно-медицинский эксперт. Чем могу помочь?

Дурацкий вопрос. Помочь я могу едва ли, смерть – пожалуй, единственная необратимая штука в нашем мире, а в другой я не верю. Но это лучше чем «что вы хотели?».

– Вы… вскрывали мою дочь?

– Простите, а как ее фамилия?

Может, я, может, и нет. Криминальных трупов хватает – от «подснежников» до суицидов. За последние два дня были три молодые женщины. Изнасилование и убийство, взрыв и криминальный аборт с летальным исходом. Так которая из?

– Воронцова… Катя, – выдавила женщина. Вчера вечером тело отдали.

Эту помню. Неопровержимое доказательство того, что всеблагий и справедливый Господь – всего лишь выдумка для слабых. Девочке

было шестнадцать. В девочку был влюблен мальчик, который ее не интересовал совершенно. Такое случается, и нередко. Только мальчик, как водится порой за юными мальчиками, решил, что это конец света. Сделал самопальную бомбу, навесил на пояс, шахид недоделанный. Напросился на встречу – мол, попрощаться хочу, докучать больше не буду. Обнял напоследок и бабахнул.

– Да, я проводила экспертизу. Что вас интересует?

– Где ее трусики? – спросил отец.

– Прошу прощения?

– Нам выдали одежду. Все на месте, кроме трусов. Где они?

– Понятия не имею. Возможно, возвращать было нечего.

Как могут выглядеть трусики после того, как прямо на животе у девушки взорвался заряд?

– Как это вы не имеете понятия, если, как говорите, проводили экспертизу?

– Ко мне на стол тело попадает раздетое. Если хотите, могу поискать санитара, который этим занимался.

– Уж поищите, – процедил он. – Не стыдно на людском горе наживаться?

Отвечать на риторические вопросы не имеет смысла, поэтому я молча развернулась и пошла искать санитара. Не то чтобы я верила, будто он стащил трусы. Просто клиент всегда прав и так далее и тому подобное, а врачи, конечно, убийцы и хамы, и нельзя лишать человека удовольствия в очередной раз убедиться в этом лично.

Искать, разумеется, не пришлось, куда он из секционного зала денется. Идти дольше оказалось: в служебные помещения родственники не допускаются.

– Михалыч, с этой, которую взорвали, ты работал?

Михалычу за шестьдесят, и, кажется, он был здесь всегда. По крайней мере шеф утверждает именно так, а я тут слишком недолго для того, чтобы это оспаривать. Пять лет после института – как раз тот срок, за который из личинки врача формируется специалист. С точки зрения обывателя, правда, доктором меня назвать сложно, ну да обыватели на то и обыватели, чтобы иметь единственно верное мнение обо всем на свете.

– Сама знаешь, я, – ответил Михалыч. – А что?

– Там родители трусы потеряли. Поговоришь?

– А ты чего?

Я сделала умильное лицо.

– Ну, Михалыч, ну миленький, поговори. Я ж опять поругаюсь, ты же знаешь.

– Эх, молодо-зелено, – вздохнул он. – И чему вас только учат? Должна будешь.

Я кивнула. Чему учат? Куче всякой ерунды, которая потом забудется сама собой. А вот разговаривать с людьми – нет. Кто-то потом учится сам, а кто-то как я. Безнадежен.

Михалыч вон безо всякого университета умеет уболтать даже самого агрессивного. Жаль, мастер-классов не дает. Смеется только, мол, любить людей надо, они хорошие, но не все сами это понимают. Может, и так. Только…

Додумать я не успела. Из-за спины раздался крик «врача!», и я рванула туда со всех ног. Из-за банального обморока Михалыч бы не суетился, навидался. И обмороков, и сердечных приступов. И если он орет во всю глотку, значит, что-то серьезное. Из секционного зала через коридор, выложенный кафелем – убьюсь когда-нибудь, поскользнувшись, – туда, где остались безутешные родственники.

Когда я вылетела в холл, над лежащей уже суетились коллеги. Непрямой массаж сердца, дыхание рот в рот, как по учебнику. Вот клинической смерти прямо в морге на моей памяти еще не было.

Михалыч поднял голову:

– «Скорую» вызывай!

– Что сказать? Сердце?

– Да!

Телефон зазвонил, как всегда не вовремя. Муж умирающей, до сих пор тихонько сидевший в углу, подпрыгнул, я матюкнулась, на миг забыв и про этику, и про деонтологию.

«Вот когда ты помрешь – похоронят тебя, гроб украсят зеленым венком»[11], – завывал телефон, пока я извлекала его из-под рабочего костюма. Муж на эту песню обижается, ну и пусть. У меня больше поводов. Я сбросила вызов – перезвонит, если надо, – и набрала номер «скорой». «В настоящее время все линии заняты, пожалуйста, подождите».

Попадись мне идиот, что первым придумал ставить на время ожидания музыку, – убила бы. Отключилась, набрала снова.

«Пожалуйста, подождите».

Цирк, да и только. Полное здание вроде как врачей, а толку – ноль. Впрочем, будь тут хоть сам Гиппократ, широко бы он развернулся со стандартной аптечкой да мешком Амбу[12], непонятно, каким чудом попавшим в укладку?

– Что там?

– Не отвечают.

– Не может быть!

– Звони сам. – Я сунула коллеге телефон, он отмахнулся, достал свой. Я снова набрала номер. Музыка. Да сколько ж можно!

Нет, я все понимаю. Про врачебные зарплаты мне можно не рассказывать, у мужа-хирурга в расчетке слезы одни, щедро наше государство несказанно. Про то, какая адская работа у «скорой», можно тоже лишний раз не повторять. Результат предсказуем: людей не хватает. И если бригаду приходится ждать полчаса, значит, она едет с одного вызова на другой – и появиться раньше просто некому. Но чтобы вот уже пятнадцать минут занято? Что у них там стряслось, умерли все?

– Скорая помощь. – Ну наконец-то.

– Женщине плохо с сердцем, – знаю, что это не диагноз. Но глазом-рентгеном не обзавелась, диагнозы издалека ставить не умею. Вот вскроем… тьфу ты, не накаркать бы. – Проводим сердечно-легочную реанимацию. Нет, самостоятельного дыхания нет. Пульса тоже. Адрес… Да, судебный морг. Ждем.

Телефон снова подал голос, я опять сбросила звонок. Сменила коллегу: мне достался мешок Амбу. Два вдоха, тридцать нажатий. Два вдоха…

По-хорошему нужно подключать мешок не к маске, а интубировать. По-хорошему нужен дефибриллятор, одновременно – катетер в подключичную вену и фармакологическую поддержку. Если б мы были в больнице, все бы это нашлось. Наверное. Но мы были в морге, а местным постояльцам реанимация ни к чему.

Меня сменили, отошла к стенке, чтобы не мешаться. Глянула на часы – еще пятнадцать минут прошло. Потом еще пятнадцать. Некоторые источники утверждают, что и первой четверти часа хватило бы для того, чтобы убедиться в неэффективности реанимации, кто-то рекомендует продолжать до приезда «скорой». Но «скорой» не было.

– Хватит, – сказал шеф наконец. – Все понятно уже. Ты, – палец указал на ближайшего коллегу, – оформляй документы. Уносите.

Он подошел к мужу умершей, начал что-то негромко говорить. Я не вслушивалась. Не первая смерть на моей памяти – еще когда студенткой в реанимации подрабатывала, насмотрелась, – а все равно паршиво. Сходить, что ли, стрельнуть у кого сигарету? Если не превращать в привычку, действительно успокаивает. И позвонить надо… что там муж хотел?

– Ив, привет, звонил?

Вообще-то мужа зовут Иван. Ваня. Но какой он, к лешему, Ваня – шикарный кареглазый брюнет с широченными плечами, вокруг которого девчонки штабелями укладывались. Когда мы начали встречаться, в институте, «Иван» показалось слишком чопорным, а «Ваня» – совершенно неуместным... тогда и родилось: «Ив». Прозвище, навевающее мысли о Франции... и соблазне. Дела давно минувших дней. А прозвище осталось.

– Да, – голос был недовольным, и я поморщилась. – Домой рано не жди, у меня ахтунг.

И отключился, не попрощавшись.

Я убрала телефон, медленно и бережно, уж очень хотелось запустить о стену. Достал. Обидами на пустом месте, дежурствами, половину из которых выдумывает, вечной усталостью, что якобы дает право уткнуться носом в монитор и ничего не делать – можно подумать, я на работе груши околачиваю… А еще бабами. И находит сплошь красивых, но без мозгов. Предпоследняя вон додумалась позвонить с воплем: отдай его, он мой. Мы же интеллигентные люди, давай, мол, ситуацию разрешать цивилизованно. Я не стала уточнять, с каких это пор «цивилизованными» называют попытки решить за взрослого дееспособного мужчину, с какой женщиной ему оставаться. Он что, дитятко малое, неразумное? Да забирай, говорю. Только ты всерьез полагаешь, что мужчину можно, как телка, из рук в руки за рога передать, а он и не взбрыкнет? Обручальное кольцо у него на пальце, а не в носу, захочет – уйдет. Не уходит? Ну извини, милочка, полагаешь, это мои проблемы?

Мужу я тогда ничего не сказала. Устраивать скандал – противно и бессмысленно, а ничем иным подобный разговор и не закончился бы. Из десяти пар с курса, поженившихся до окончания института, мы –

последние, кто еще не развелся. И, кажется, тоже недолго осталось. Жаль.

Телефон зазвонил снова, я опять поморщилась, но ответила. Аня любит потрепаться «за жизнь», то есть ни о чем, абсолютно не принимая во внимание, есть ли у собеседника время и желание говорить. Но все лучше, чем размышлять о том, что хорошее дело браком не назовут. Или о трупе, который только-только увезли, и «скорой», что так и не приехала.

– Маш... Кирюша умер.

– О господи... – Я прислонилась к стене. – Когда?

– Я утром его покормила... Положила в кроватку, пошла на кухню сама поесть... Возвращаюсь – он теплый и неживой совсем.

Я сползла по стене, не отрывая трубку от уха. Аня все звала меня в крестные, а я смеялась, совсем, что ли, сдурела, атеистку в крестные звать? Так и не окрестили....

– Маш, в «скорую» еле дозвонилась. А приехали какие-то с полицией. Протокол пишут. Они что, считают, это я его сама?

– Мария, все в порядке?

Я отмахнулась от шефа – все в порядке, захотелось вот на полу посидеть вместо работы.

– Анечка, они ничего такого не считают. Правда. Просто есть правила. Никто тебя ни в чем не обвиняет.

– Они говорят, в морг повезут, дома не оставят. Я не хочу, чтобы моего мальчика...

– Анечка, милая. Ему не будет больно. Правда.

Ему уже никогда не будет больно.

– Как я его одного с чужими оставлю? Маш, а ты можешь договориться, чтобы меня пустили?

Даже если б и могла, не стала бы. Понятно, что подруга сейчас не в себе, и все же нашла, о чем просить.

– Не получится. Есть приказ Минздрава... Сто восемьдесят два, пункт один-восемнадцать.

– Как ты можешь о бумажках говорить, когда тут... – всхлипнула она и бросила трубку.

Могу. Я много чего могу. Ох ты черт, ну и денек, а ведь еще девяти утра нет.

У служебного входа обычно кто-нибудь из наших да околачивался. Раньше, не церемонясь, курили прямо в прозекторской, но потом там поставили пожарные датчики, на каждую сигарету реагирующие истошной сиреной, – и заядлым курильщикам пришлось перебраться во двор. У кого стрельнуть курево, найдется.

Рядом с крыльцом стояла труповозка, около нее в компании водителя и полицейского дымил наш эксперт.

– Сигареты не будет? – поинтересовалась я.

– Ты ж не куришь, – коллега протянул раскрытую пачку. Я пробурчала что-то невнятное, затянулась. Дым заскреб горло – потом болеть будет. Ну и черт с ним.

– Постой. – До меня только сейчас доперло, что эксперт вообще-то с ночной смены и давно должен был ехать домой. – Ты чего до сих пор здесь?

– Да с вызова возвращались. Этим, – он мотнул головой в сторону полицейской машины, – по рации еще один пришел. Давай, говорят, заглянем, все равно смена еще не кончилась. Заглянули, мать его! – Коллега сплюнул. – Вот только-только добрались, на дорогах кирдык, авария на аварии, пробки дикие. Домой пешком пойду. Документы только оформлю.

Я кивала, машинально поддакивая. Что за день такой?

– А тут что? Чего ручки трясутся?

И в самом деле. Надо же, не заметила.

– Да тоже веселуха с утра пораньше. Посетительница умерла.

– Бывают же деньки, м-мать... Хрен с ним, пошли работать.

Пошли работать. Что бы ни творилось вокруг, наше дело никуда от нас не денется – одним людям нужно узнавать причину смерти других. Хорошо это или плохо – не мне судить. Сейчас – просто отлично, можно работать и не думать. Еще плюс, что детские прозекторы есть, в соседнем крыле, и детские трупы на них. Конечно, скажи я про Кирюшу – подменили бы без проблем, а возможно, он бы просто ко мне не попал. И все же лучше так. Потом протокол почитаю, Аня же спросит.

Так, ладно, все фигня, кроме пчел, а рыдать на работе неприлично. Оставим до дома. А пока – самоубийца.

Как по мне, подростков с идеями «вот умру, буду в гробу лежать красивый, и все поймут, кого потеряли» нужно приводить к нам в

приказном порядке. Чтобы убедились – смерть красивой не бывает. А заодно посмотрели, что сделают с их телом. На извлеченный и аккуратно разложенный органокомплекс, от языка до прямой кишки, на вынутый мозг. И не слишком эстетичный шов от горла до паха, остающийся после того, как внутренние органы вернут обратно и туда же, в брюшную полость, сложат мозги – чтобы не испортили похороны, вытекая из вскрытого черепа. Смерть – мой хлеб, а относиться к трупу как к объекту изучения студенты учатся еще на курсе анатомии. Но тех, кто ищет в ней эстетику, я бы собственноручно привязывала к секционному столу. Чтобы полюбовались, эстеты, тоже мне.

Что там у нас? Повешенный… Сам ли этот мужчина залез в петлю, или ему помогли, решать следователю. А мое дело – точно назвать причину смерти. И подробно описать все, что увидела. Чем я и занялась.

Я дописывала акт судебно-медицинской экспертизы, когда через плечо склонился коллега, дохнув свежим спиртом. Вопреки представлениям обывателей, на работе мы не пьянствуем. Ну, не чаще других. Праздники и дни рождения – дело святое. Впрочем, насколько мне известно, даже у офисного планктона принято проставляться по таким поводам. Спиртяга с утра, да еще и от Вадима, кафедрального сотрудника, который сейчас должен был этажом выше студентов строить, – не иначе как завтра красный снег пойдет.

– Что делаешь?

– Песни пою. Русские народные, – огрызнулась я. Терпеть не могу, когда за спиной стоят и через плечо заглядывают. Еще меньше люблю дурацкие вопросы. – Куда студентов своих дел?

– Домой отпустил. Все равно только четверть группы добралась, говорят, город встал полностью.

Странно. Пробки у нас, конечно, есть – где их нет. Правда, приезжие москвичи истерически смеются, слыша что-то вроде «ну, от сих до сих можно доехать за пятнадцать минут, а если пробка – то за час». Но чтобы весь город стоял?

– Шеф сказал, – продолжал Вадим, – пойти к тебе и вместе исследовать любой труп из сегодняшних скоропостижно скончавшихся.

– Вдвоем? Зачем?

– Затем, что есть приказ, который говорит: в случае сложности экспертного исследования…

– Про приказ посетителям втирай. Какая там сложность?

Он вытаращился на меня, словно на чудо-юдо.

– Ты где была все это время?

– Работала, если ты не заметил.

– А. Ну да. Ты работала, а мы тут так, мимо пробегали. Оторви голову от бумажек и посмотри по сторонам.

Это верно, когда я о чем-то думаю, ничего вокруг не вижу. Сколько обиженных знакомых пришлось утешать – мол, не специально мимо с каменной мордой прошла, просто задумалась, – не перечесть. Я огляделась. Присвистнула. То, что холодильников не хватает, – не новость, и трупы часто оставляют в секционном зале. Но столько? После десятидневных новогодне-алкогольных марафонов и то меньше бывает. Между столами, пожалуй, не пройдешь, не наступив.

– Пойдем, еще кое-что покажу.

Вадим деловито зашагал в соседнее крыло, где детские прозекторы работают. Игнорируя вопросы, подвел к двери трупохранилища. Что может быть такого сверхъестественного в холодильнике? Это только в ужастиках оттуда мертвецы вылезают, а у нас трупы тихие. Вадим распахнул дверь, изобразил галантно-дурашливый жест. Так, похоже, к спирту он не просто приложился. Я шагнула внутрь и вцепилась в косяк.

– Корвалол налить? – поинтересовался Вадим. Голос звучал как будто сквозь вату.

– Откуда столько?

Зрелище наводило на мысли о Вифлееме первого года нашей эры.

– Откуда... Соседний квартал, три садика и одна школа.

– Выброс, что ли, какой? Так и нас бы накрыло.

– Не знаю. Никто не знает. Я тут одним глазком в Интернет глянул – пишут, что дети до трех лет почти все, да и те, что постарше, – большая часть. Врут, наверное. На то он и Интернет, чтобы из мухи слона сделать. Но то, что много… – Он придержал меня под локоть, повторил: – Корвалол налить? У меня в кармане лежит.

– Еще бы валерьянки предложил. – Я отступила, закрывая дверь. – Только я не детский прозектор.

Водки бы сюда. Много. Кирюша, значит, всего лишь один из… сотен? Сколько детей до трех лет в городе с населением в семьсот тысяч? Думать об этом не получалось.

– Так я тоже. Нет, нам взрослых хватит. Скоропостижно скончался – и никто ни хрена не понимает. Поэтому шеф сказал – вдвоем. У меня глаз не замылен, а ты патологически дотошна. Может, и углядим что. Не углядим – позовем шефа, пусть сам смотрит.

На самом деле таких разинь, как я, еще поискать. Муж давно не удивляется ключам от дома в холодильнике или соленому чаю. Именно поэтому на работе я пунктуальна до невозможности – знаю, что, если отступлю от правил, непременно забуду что-нибудь существенное.

– Токсикологию на цито послали?

– Естественно. И гистологию тоже по «цито». Только пока результата нет.

Действительно, чего я тут из себя самую умную строю. Анализ крови на содержание токсических веществ – рутинная процедура. Если, как выразился Вадим, «никто ни хрена не понимает», логично сделать анализ экстренно. Гистология быстро не придет, готовить препарат – не один день, но кое-что тоже посмотреть можно.

– А детские прозекторы что говорят? – Мы вернулись в секционный зал, я начала натягивать перчатки.

– Пока пишут «СВДС». И тоже ждут лабораторию.

Синдром внезапной детской смерти, значит. Когда причины вроде бы нет, а младенец – мертвый. Только обычно его ставят у детей первого года... Похоже, педиатры тоже ничего не понимают.

– Этот, – указал Вадим.

– Хорошо. Поехали.

Через два часа – копались очень дотошно, обычно вскрытие проходит куда быстрее – молча уставились друг на друга. Говорить, в общем, было не о чем.

– Зови шефа. Пусть сам смотрит.

Потому что я окончательно перестала что-либо понимать. Ну, полуатрофичные мышцы коренного горожанина, тяжелее сумки с продуктами ничего не носившего и дальше стоянки не ходившего. Ну, грязные легкие, которыми обычно пугают на плакатах о вреде курения – а на самом деле непременный атрибут все того же городского жителя: автомобильные выхлопы, ТЭЦ и заводы никому на пользу не

идут. Атеросклероз, не слишком, впрочем, выраженный. Признаки хронического гастрита. Если брать в целом – классический пример того, что нет здоровых, есть недообследованные. Но таких, как этот мужчина, – каждый второй вполне себе живой человек. Так какого ж рожна этот – неживой? Кроме стандартных признаков быстро наступившей смерти ровным счетом не к чему прицепиться.

Шеф выглядел так, что впору было и ему корвалол предлагать.

– Значит, пишем острую коронарную недостаточность, – сказал он, выслушав наше не слишком внятное бурчание. – Предварительно. И ждем, когда препараты будут готовы, может, там что увидим.

– А что, токсикология пришла?

Конкретно этого трупа – вряд ли, но он не один такой – вон все столы заняты, очередь ожидающих вскрытия подвинули.

– Пришла. Чисто.

Шеф вздохнул.

– Все суета сует. Все тщета и ловля ветра. У меня коньяк есть. Пойдем, помянем Светочку мою.

– Внучка? – ахнула я. – И у вас?

– И у меня.

Потом вскрыли еще несколько трупов, заключения по которым можно было писать под копирку. В наскоро сделанных гистологических препаратах не нашлось ровным счетом ничего, за что можно бы зацепиться. Разве что легкий отек коры мозга – и то, если сильно придираться, пытаясь найти хоть какую-то причину. Потом путь пешком через опустевший город – редкие прохожие, битые машины, сошедший с рельсов и влетевший в столб трамвай, оборванные провода на земле. Заплаканная продавщица в малюсеньком магазинчике, где я купила две бутылки водки, сигареты и палку вареной колбасы. Полбутылки я влила в рыдающую Аню – не могла не зайти. Этого хватило, чтобы подруга уснула – много ли надо женщине, которая и раньше почти не пила, а с начала беременности и вовсе стала трезвенницей.

Потом дорога домой – всего-то два квартала, недолго. Подъезд, наполненный разноголосым воем. Я через ступеньку взлетела на наш восьмой этаж, ждать лифт не было сил. Плевать, что воздуха не хватает, быстрее закрыться ото всех. Вздрогнула, услышав, что из-за соседней двери тоже несется надрывный бабий вой. С соседкой мы не

то чтобы дружили: порой стреляли друг у друга соль и спички, порой сплетничали в лифте. Надо бы зайти. Я на миг прислонилась лбом к косяку. Не могу. Вот просто не могу, и все. Позже.

Сбросив обувь, я первым делом рванула к компьютеру. Наушники в моем плеере совершенно не глушат окружающие звуки, а вот для компьютера Ив купил какие-то навороченные, с супер-пупер-звучанием, беспроводные. И – что самое главное – позволяющие совершенно отрешиться от мира. Я забросила всю папку с музыкой в проигрыватель – выбирать тоже не было сил – и пошла на кухню. В Интернет не полезу. Днем выглянула с кафедрального компа. Хватило меня на четверть часа.

Ив задерживается... да, он же предупреждал. Может, и хорошо – на кухне шаром покати. Что бы ни случилось в мире, хоть ядерная война, хоть Армагеддон, но пришедшего с работы мужа нужно накормить. Готовить не хотелось, но на такой случай заначка есть. Я вытряхнула из морозилки двухлитровый контейнер с замороженным бульоном и второй – с заправкой для борща, свалила два ледяных куба в кастрюлю. Дождаться, когда закипит, и супружеский долг на сегодня выполнен.

Пока лед превращался в суп, я уничтожила остатки колбасы. Вот теперь можно и выпить. Ива ждать не буду – непонятно, когда вернется. У них наверняка тоже в больнице веселье через край бьет. Сколько посмертных эпикризов он напишет сегодня? Спрашивать не стану, сам расскажет, когда придет. Или не расскажет. У каждого врача есть кладбище, которое он носит в душе всю жизнь. И никакой цинизм от этого не спасает. Поэтому незачем расспрашивать.

Я распахнула окно, уселась на подоконнике с ногами, прислонившись спиной к откосу. Дом кирпичный, наружные стены толстые, удобно. Еще бы на внутренних не экономили – не пришлось бы наушники дома надевать. Высоты я не боюсь, выпасть – не выпаду, даже если упьюсь в стельку. А если и выпаду – после сегодняшнего денька уже ничего не страшно. Налила себе водки – эх, надо было колбасу оставить. Вообще-то у нас приличный бар: мужу пациенты постоянно таскают выпивку и конфеты. Что-то, подороже и повкуснее, он приносит домой. Остальное собирают всем отделением и отдают в буфет, нераспакованное. Там буфетчица берет товар за полцены, чтобы потом продать очередным благодарным пациентам. Только вот беда –

водки в баре нет, все больше дорогие коньяки, а в меня из крепких напитков ничего кроме водки не лезет. Полторы бутылки, конечно, много на меня одну, ну да сколько войдет. Теперь аккуратно пристроить стопку рядом с боком и закурить. И станет совсем хорошо. Сколько-то там затяжек – стопка. Почти как ИВЛ[13]. Пятнадцать вдохов, три нажатия – так, кажется, учили раньше. Теперь – два на тридцать. Впрочем, какая разница, если все равно толку нет.

Бреду по воде, а рядом гуляют рыбы.

Влажно блестят портфелями и чешуей.

Рыбы умеют делать карьеру, по крайней мере могли бы.

А такие, как я, занимаются полной фигней [14] .

И песенка в тему. Плевать, что окно открыто и все слышат, как я горланю. Я просто не могу сидеть одна в пустой квартире и в бесконечный раз перебирать сегодняшнее. Родители живы – я позвонила им еще с работы. И больше ничего хорошего.

Мимо меня проплывает косяк макрелей.

Хрен бы с ним – плывет себе и плывет.

Тот не достигнет моральной цели,

Кто скажет, что я урод.

Конечно, урод.

Я раздавила окурок в опустевшей стопке, развернулась, спустив ноги в кухню. И увидела квадратные глаза мужа.

Ну, конечно. У меня нет привычки сидеть на подоконнике, дымить в квартире и надираться в одно горло.

– Есть повод?

– Дверь закрой, – сказала я, слезая с подоконника. – Дым в комнаты пойдет.

– Да там и так топор вешать можно. – Впрочем, дверь он все-таки прикрыл.

– Голодный?

Глупый вопрос: когда мужчина приползает с работы... ничего себе, десятый час! Словом, когда мужчина приползает с работы черт-те во сколько, причем у него на лице написано, что именно с работы, а не с дружеских посиделок или от бабы, и день был не фонтан, сытым он не бывает. Но ритуалы никогда не отличаются разумностью, а эта фраза давно уже ритуал.

– Голодный.

Я поставила на стол тарелку борща, хлеб и сметану. Вытащила из шкафа вторую стопку и водрузила рядом бутылку с остатками водки. Захочет – выпьет.

Ив замахнул стопку и тут же налил еще. Да, похоже, и у него денек выдался нескучный.

– Сама чего не ешь?

– Только что, – я устроилась напротив. Давненько мы вместе за столом не сидели: завтракаем каждый сам по себе, потому что встаем в разное время, обедаем на работе, если обедаем. Ужинаем опять по отдельности: обычно я подаю ужин и ухожу за компьютер. Семейная идиллия, чтоб ее.

– Так какой повод?

Вот же настырный. Рассказывать долго и не очень-то хочется. Хочется сидеть на подоконнике, смотреть в небо, слушать музыку и курить. И не думать. Вообще. А муж, похоже, хотел пообщаться.

– Сколько к вам сегодня доехало?

– Не считала. Много. А повод... Праздную свое бесплодие.

Интересно, знает ли Ив про тот аборт? Говорить я ему не говорила, но присказка про шило и мешок никогда не перестанет быть актуальной. До сих пор не знаю, как мы тогда прокололись, предохранялись ведь. Статистика, черт бы ее побрал. А когда я поняла, что это не просто задержка, и высчитала срок родов, то почти и не колебалась. Рожать в самый разгар сессии? Может, и есть такие камикадзе, но не я, спасибо. Да и вообще тогда я и о замужестве-то не думала, не то что о ребенке. Конфетно-букетный период наших с Ивом отношений только-только перешел в постельный – и на тебе. Решение в тот момент казалось очевидным. Ивану я ничего не сказала: какой смысл что-то обсуждать, если и отдуваться при любом раскладе мне. Что ничего не проходит бесследно, стало ясно позже: когда мы более-менее встали на ноги и решили родить.

– То есть?

– Если б я смогла забеременеть, сегодня бы мы оплакивали нашего ребенка.

Оказалось, про детей Иван не слышал. Новость эта мужа, похоже, окончательно добила. Тут и одних взрослых-то хватит для того, чтобы захотеть напиться и забыться. Так что он приналег на водку, старательно догоняя уже изрядно косую меня.

– Ив, ты клиническую картину видел? У нас женщина умерла, из посетителей. Те, кто был рядом, говорят – стояла и просто упала.

– Видел. – Он снова опрокинул стопку, уже не закусывая. – Так и есть. Не было клиники. Зрачки огромные стали – и обмякла.

Я начала скатывать хлебные шарики.

– Зрачки – сам по себе не патогномоничный признак. Гибель коры.

Он кивнул.

– А по твоей части что?

– Да в том и дело, что ничего. Налей-ка мне тоже...

Какое же завтра будет похмелье... Ну и черт с ним.

Иван потребовал подробное описание этого «ничего», я честно пересказала.

– Если хочешь, поехали, проведу на работу, препараты вместе посмотрим.

– Издеваешься? Я сейчас аппендикс от маточной трубы на препарате не отличу, – хмыкнул он. – Узкий специалист подобен флюсу.

Шарики на столе складывались в пирамидку. Этак весь хлеб переведу.

– Маш, а излучение может быть? Отсюда и отек в коре – минимальный, потому что воздействие молниеносное. Вот тебе и никакой клиники. И никаких морфологических проявлений. – Иван поставил на пол пустую бутылку водки и поднялся к бару. – Коньяк будешь?

– Знаешь же, не люблю. А ты пей, если хочешь…

Он кивнул, вернулся за стол.

– Злобные инопланетяне с излучателями? – Я аккуратно положила на верх пирамидки последний шарик. – Бред сивой кобылы в темную сентябрьскую ночь.

– Инопланетяне – бред, согласен. Как и излучение. Но, с другой стороны, если разумных объяснений нет, остаются неразумные. Излучение хотя бы выглядит логичней, чем вирус с геморрагическими осложнениями.

– Да какой, в пень, вирус? Он даже при молниеносном течении морфологию даст. На препаратах что-то будет видно в зависимости от

типа. – Я махнула рукой. – Впрочем, чего азбучные истины пересказывать… Сам знаешь, не маленький.

– Минздраву это скажи.

– Идиоты. Зомбоящик включим? Мне в такой маразм поверить трудно.

Мы перебрались в гостиную: Ив не забыл прихватить недопитый коньяк. Пару минут я разыскивала пульт от телевизора – засунула куда-то месяц назад, когда кино вместе смотрели. Новостные выпуски на всех каналах оказались похожими, точно близнецы: нет причин для паники, слухи о количестве жертв сильно преувеличены, всего лишь новая форма гриппа с тяжелым течением, пейте, дети, корвалол, будете здоровы.

– Спите, жители Багдада, все спокойно, – прокомментировала я выступление министра здравоохранения. – Хоть бы не позорился, дурак, в одну группу элеутерококк с этим, как его… печень какой-то там утки, мешая.

– А они и есть одна группа: препараты с недоказанной эффективностью, – фыркнул Ив, опустошая очередную стопку.

Сколько ж мы вылакали за сегодня?

– Я имела в виду фармакологические группы.

– Ему-то откуда знать? Образования нет.

– Ну что ты. Экономическое, – я воздела указующий перст. – Экономисты – они ведь все знают. И как учить, и как лечить. И что эта нынешняя ерунда – грипп с геморрагическими осложнениями. Беда, коль пироги начнет печи сапожник...

– А сапоги тачать пирожник, – подхватил муж, выключая телевизор. – Классика. Двести лет прошло, а ничего не изменилось. Две вещи бесконечны: вселенная и человеческая глупость, – Ив пожал плечами. – Убедилась? Вернемся к нашим инопланетянам.

– Это твои инопланетяне.

– Хорошо. Хотя я вообще-то об излучении. Это хоть какое-то объяснение. Иначе придется сказать, что Господь Бог ткнул наугад пальцем и кто-то умер. А кто-то нет.

– Или не Бог.

– Или не Бог, – согласился Ив. – Или не наугад.

– Не знаю, я пока не вижу признаков, позволяющих хоть как-то объединить умерших. Завтра, если время будет, попробую поискать.

– А на форум ваш ты ходила? Может, коллеги что нарыли?

– Нет. – Я поднялась, намереваясь включить компьютер.

– Возьми ноут, неудобно из-за спины заглядывать.

Мы разлеглись на ковре, плечом к плечу, уткнувшись носами в монитор. На форуме судебно-медицинских экспертов тема про сегодняшние события нашлась, понаписать там успели не один десяток страниц. Но содержание их сводилось все к тому же: никто ничего не понимает. Смерти произошли примерно в одно и то же время по всей стране... точнее, по всему земному шару. Если учесть поправку на часовые пояса, выходило, что миллионы людей умерли в один миг.

– Не катит излучение, – сказала я. – Чтобы весь шарик разом накрыло?

– Как раз катит. Только не скользить по поверхности, как солнечный луч, а пройти Землю насквозь. Одномоментно. Звезда там взорвалась или что еще в этом роде.

– Сам-то себе веришь?

– Нет… А на буржуйских сайтах?

В англоязычном Интернете тоже не нашлось ничего нового. Разве что там официальные лица не пытались сделать хорошую мину при плохой игре. Во многих странах объявили чрезвычайное положение. Ведутся исследования, причины происшедшего выясняются. Судя по тому, что больше необъяснимых смертей не произошло, повторения странной «эпидемии» не ожидается. Тем не менее медицинские службы приведены в состояние повышенной готовности, и так далее, и тому подобное. Даже если кто-то и пытался собрать какую-то статистику, информации в свободном доступе не нашлось.

– Глухо, – резюмировал Ив. – Пошли спать, завтра на работу.

– Сейчас, еще ЖЖ гляну.

По-хорошему, надо бы не в Живой Журнал лезть, а друзей обзванивать. Но... Останавливал тот же страх, из-за которого я не зашла к соседке. Хватило увиденного и услышанного на работе. И Ани с Кирюшей. Осознание, что происходящее касается не только каких-то там чужих людей, но и меня лично, оказалось слишком страшно. И профессиональный цинизм не спасал. Да и нет его, пресловутого профессионального цинизма, есть лишь не слишком крепко сработанный щит, прикрывающий душу. От стрел, может, еще

сгодится, пулю не удержит, а уж бомбу вроде сегодняшней... Алкоголь, конечно, анестетик, но и он не всесилен. Я все-таки потянулась было к мобильному – набрала первый же номер, увидела надпись «сеть перегружена» и, неприлично обрадовавшись, отложила трубку в сторону. Домашний телефон мы давно отключили за ненадобностью: в век, когда мобильники есть даже у детей, городская телефонная сеть выглядит сущим атавизмом, а плату требует регулярно. Не судьба, значит, сегодня. Завтра. А пока – френдлента.

Терпеть не могу кальки с английского, предпочитая перевод, но «лента друзей» все же не то. Кто-то и вправду стал другом за несколько лет, кто-то перешел в разряд хороших приятелей, а кто так и остался пикселями на мониторе. Слухи в Сети расходятся мгновенно, куда там пресловутым завалинкам. Может, и мелькнет что-то дельное. Надежда умирает последней.

И в жутких мучениях.

Потому что кроме единичных постов «я живой» и нескольких «в ближайшее время в Сети меня не будет, занимаюсь похоронами» разумного в ленте не нашлось. Крики о том, что все это было предсказано то ли Нострадамусом, то ли Вангой – во мнениях присутствующие не сошлись. Конспирологические идеи разного толка: новый вирус, запущенный злобной военщиной, новый излучатель от нее же, происки жидомасонов, нашедших способ истребить русский народ. Побочный эффект Большого адронного коллайдера. Космическое излучение. Облако космической пыли. Инопланетяне (дочитав до этого места, я начала истерически хохотать), то ли испытывающие новое оружие против землян, то ли таким образом их изучающие. На этом фоне набившие оскомину цитаты из Иоанна Богослова с многострадальной звездой Полынь и печатью диавола, без которой никто не может ни продавать, ни покупать, казались такими знакомыми, что впору прослезиться. А редкие упоминания официальной версии и вовсе выглядели светочем разума.

– Дурдом, – сказала я сама себе и захлопнула крышку ноутбука. – Ив, ты спишь?

– Нет еще.

Муж вернулся в комнату.

– Начиталась?

– Ага. – Я поднялась, потирая поясницу: затекает, когда лежа на животе читаю. – Темна вода во облацех. И хоть бы одна зараза честно написала: ни черта не понимаю, может, со временем разъяснится.

– Давай, я это напишу. Даже зарегистрируюсь ради такого дела. Ерундой занимаемся: переливаем из пустого в порожнее. – Он по-хозяйски ухватил меня за задницу. – Пошли спать.

– Спать или спать? – поинтересовалась я. Судя по выражению лица, просто упасть и уснуть муж не планировал. Что ж, почему бы и нет?

– Спать. – Ив снова хлопнул по попе и занялся грудью. – И спать. Вперед, на полу неудобно.

Вперед так вперед.

Отмотать бы время назад, в тот миг, когда секс превратился в супружеский долг. Так разве упомнишь? Сперва сами все гробим, потом сами рыдаем. А сейчас можно предсказать все, что случится в следующие полчаса до последнего вздоха. Поцелуи... Одежда... нет, не летит, как когда-то, – сползает на пол. Губы... грудь, ниже... еще ниже. Теперь моя очередь. Скользнуть губами по животу, вниз, обвести языком головку, забирая в себя, еще и еще, пока ладони мужа не толкнут легонько плечи, отстраняя. Принять, качнуться навстречу, поймать ритм. Вперед-назад, вперед-назад, туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно... тьфу, что за чушь в голову лезет. Успею? Не успею. Ив всегда был хорошим любовником, но когда, подходя к пику, начинаешь размышлять о том, что ложиться в постель с гулящим мужчиной примерно так же приятно, как садиться голой задницей на общественный толчок... Вот теперь точно не успею, можно расслабиться и получать удовольствие. Вздрогнул, несколько неровных движений, замер. Все.

– Было?

А если я скажу – нет, что тогда? Будем вымучивать оргазм? Да-ешь ор-газм, шай-бу, шай-бу... А пошло оно все. Коньяк, что ли, добить?

– Ага. Мыться пойду.

«Do you believe in life after love»[15], – крутилось в голове. И чего эта песня привязалась, я же не слушаю Шер?

Холодная ванна под ногами, слишком горячая поначалу струя воды. Надо смеситель менять, что-то плохо стал регулироваться.

Может, доделать, что Ив не закончил? Руки есть, душ есть, дел на полминуты. Не буду. Не хочу. Не сегодня.

Я свернулась на дне ванны и расплакалась.

Глава 3

Утро добрым не бывает. Добравшись до работы, я поняла это особенно отчетливо. К тому, что в холодильнике не хватает «койко-мест», не привыкать: когда строили морг, людей в городе проживало раза в два меньше, чем сейчас. К трупам на полу секционного зала тоже – а куда их девать, если в холодильник не влезают, а столы нужны для работы. Но когда окрестности служебного входа напоминают батальное полотно, становится не по себе. Труповозка, что подъехала прямо передо мной, оказалась забита чуть ли не доверху, и санитары сбились с ног, не успевая оформлять и заносить покойников. А уж когда я, переодевшись, зашла в зал…

– Доброе утро, Мария. – Шеф невозмутимо, словно бы не услышав мою тираду, повернул голову. – Полностью разделяю твое мнение.

Шеф у секционного стола – редкое явление. Обычно он занимается только сложными вещами. Вроде того случая, когда мужчину намотало на вал и мы всем бюро соображали, как же описать то, что нам привезли.

– Сколько?

– Когда меня вызвали… где-то около полуночи, уже было под две сотни. К утру прибавилось. Я написал докладную с просьбой не проводить судебно-медицинское исследование вчерашних «скоропостижно скончавшихся», но ответа пока нет. Трупы везут.

Я снова прочувствованно выругалась. Если учесть, что обычно у нас выходит два-три трупа на одного эксперта за смену, объемы предстоящей работы впечатляли.

– Мария, – в голосе шефа мелькнуло неодобрение, – будучи солидарен по существу вопроса, осмелюсь напомнить: ты все-таки леди.

– Леди не потрошат трупы, – хмыкнула я. – Не знаете, сколько всего за вчера?

– Наши статистику пока не дали. Зарубежная тоже собрана не слишком хорошо. Думаю, точных цифр раньше чем через месяц не дождемся, если дождемся вообще. То, что есть, варьирует по городам,

но в целом получается пятнадцать-двадцать процентов взрослого населения. Плюс дети – среди них однозначно выживших меньше умерших.

– Сколько-сколько? – выдохнула я.

Шеф подхватил под локоть.

– Маша?

– Сейчас, – я отстранилась. – Все нормально.

Все просто замечательно. Только вот дышать темно, и воздуха не видно. Я опустилась на корточки, сцепив руки на затылке, – преодолевая сопротивление мышц, разогнула шею. Быстрый и надежный способ обеспечить прилив крови к мозгу, чтобы избежать обморока. Пару раз приходилось пользоваться. Если уж дожила до своих лет, ни разу не уподобившись изнеженной барышне, то и начинать не стоит. Медленно выпрямилась.

– Это десятки тысяч только в нашем городе.

– Да. Присядешь?

– Нет. Все нормально, – повторила, как заведенная. – Все... нормально…

Осмыслить это было невозможно.

– Шеф, – сказала я, на миг забывшись. – Прошу прощения. Олег Афанасьевич…

– Да ладно, чего уж там, – усмехнулся он. – Будто я не знаю, как вы меня зовете.

– Прошу прощения… вы ничего не перепутали?

– Я бы очень хотел перепутать. Можно понадеяться, что у нас статистика окажется другой. Но я уже сделал несколько звонков, и судя по услышанному… Боюсь, как бы на самом деле все не оказалось еще хуже.

– Ясно. О причинах что-то говорят?

– Пишем «острая коронарная недостаточность» плюс сопутствующим – грипп.

– Ох ты ж епрст!.. – Я осеклась, вспомнив замечание. Какая я леди, к чертям собачьим? Оно и к лучшему, леди – создания прекрасные, но исключительно декоративные. И все же выслушивать очередной выговор не хотелось.

– Мария, мы же взрослые люди. Ничего другого сверху и не скажут.

– Угу, – буркнула я. – Противно.

Шеф промолчал. Я сняла с вешалки пластиковый фартук.

– Олег Афанасьевич, а где все?

Он взглянул на часы, такие же стерильно белые, как и кафель, на котором они висели.

– Еще десять минут до начала рабочего дня. Один детский прозектор уже работает, там, в соседнем крыле. Санитары тоже пришли. Сейчас новые трупы примут – будут одевать и укладывать тех, что я ночью вскрыл.

– Вы не ложились?

– Хоть какая-то польза от бессонницы. Да и не могу я дома. Женщины плачут… – Он вздохнул. – Двое сотрудников позвонили и попросили свои законные три дня на похороны близкого родственника. Думаю, примерно к обеду они сообразят, что все равно осмысленно заниматься похоронами нынче не выйдет.

– Почему?

– Подумай.

Я подумала. Крепкое словечко вырвалось само. Шеф сделал вид, будто не заметил.

– Если сами не приедут, я их вызову. А потом задействую свои каналы, чтобы помочь с похоронами. У тебя кто-то есть?

– Подруги сын. Четыре месяца было… Может, и без меня справится, но если что – попрошу помощи.

– Хорошо, буду иметь в виду. Докладную, как я уже говорил, написал, но не уверен, что подействует. Трупы везут. Согласно закону, к нам должны доставить всех, а мы должны всех исследовать. Так что придется как-то справляться с этим потоком.

И с ворохом бумажек, сопровождающих этот поток. Похоже, надо будет здесь поселиться. Формально сроки проведения судебной экспертизы не ограничены, определено лишь, что в течение суток после установления причины смерти должно быть выписано свидетельство, а тело выдано родственникам. Но во что превратятся все эти трупы без холодильника через недельку… если родственники покойных не возьмут нас штурмом до того.

– Вадим скоро должен студентов подогнать, – продолжал шеф. – Какая-никакая, а помощь. И придется поработать сверхурочно.

– Да я уж поняла, – пробурчала я. – Чувствую, в ближайшее время скучать не придется.

Студентов оказалось трое. Маловато, но, учитывая вчерашний денек, удивительно, что и эти до кафедры доехали. Вадим вскрывал труп, подробно объясняя, что к чему, студенты жались друг к другу, почти не задавая вопросов. Странно. Обычно к пятому курсу народу море по колено, а сфотографироваться с органокомплексом в руках едва ли не дело чести – будет чем шокировать приятелей. То ли события, напоминающие дурдом, подействовали, то ли трупов все же многовато для неподготовленной психики. Впрочем, мне-то что за дело? Своих забот хватает.

Я как раз закончила с описанием, когда Вадим подвел длиннющего парня с рыжими вихрами, торчащими из-под колпака.

– Вот тебе подмога. Отпустить я их должен в одиннадцать-пятьдесят.

– Ясно, – я перевела взгляд на студента. – Как зовут?

– Вася.

– «Вася», – передразнила я. – Вы доктор, привыкайте. Василий?..

– Иванович.

Да уж, повезло парню. У родителей явно было извращенное чувство юмора. Тем не менее.

– Лечебник?

– Да.

– Я так понимаю, Василий Иванович, теорию вы знаете. Того, что сейчас показал преподаватель, вам хватит для самостоятельной работы или лучше повторить?

– Лучше повторить.

– Хорошо. Давайте так: я работаю, вы рассказываете, что видите и как бы писали протокол. Ошибетесь – поправлю. После этого, пока я работаю со следующим, вы заполняете документы. Я проверяю, и, пока составляю свой акт, вы вскрываете следующего и описываете. Будут вопросы – зовете меня. Понятно?

Он кивнул.

– Вот и славно. – Я глянула на его руки, поморщилась. – Перчатки у вас дрянь, возьмите нормальные вон в той коробке, и приступим.

Студент оказался толковым, вскрытие провел честь по чести. Медленно, правда, пока он с одним возился, я с двумя управилась, но

все помощь.

– А можно я останусь? – спросил он, глядя на часы. – У нас потом лекции по социальной медицине и стоматологии. Скука смертная.

– Здесь веселее, что ли?

– Здесь я помочь могу, а не дрыхнуть две пары. Видно ведь, что рук не хватает.

– Пусть остается, – вмешался шеф. – Работы и правда непочатый край.

Что ж, пусть остается. Хотя по большому счету наши усилия сейчас можно сравнить с попыткой вычерпать океан чайной ложной. Тридцать-сорок минут на труп, еще двадцать – на оформление акта, ту его часть, что можно написать, не дожидаясь лабораторных исследований. Итого – если шеф не пробьет разрешение не вскрывать вчерашних, через несколько дней мы будем завалены подгнивающими трупами. А что пробьет – сомнительно. Чиновники от медицины руководствуются не здравым смыслом, а некими высшими соображениями. Например «кабы чего не вышло» или «задница у меня одна». Теоретически они правы, под шумок можно много чего наворотить. «Приспать» ненужного ребенка. Помочь зажившейся на этом свете бабульке покинуть бренный мир, чтобы освободить жилплощадь. Раз и навсегда решить проблему с надоевшим супругом и не делить совместно нажитое имущество. Но никакие высшие соображения не изменят главного: исследовать все тела мы не в состоянии. И при таком темпе работы, как сегодня, проглядеть причину смерти – раз плюнуть.

– Мы тоже останемся, – вмешалась девушка. – Какая уж тут стоматология.

Шеф глянул на часы.

– Хорошо. Только, доктора, не обижайтесь, но сперва побудете на побегушках. Сейчас мы скинемся, смотаетесь в магазин, тут через квартал. Поднимемся на кафедру, пообедаете с нами. Потом продолжим работать.

– Война войной, а обед по расписанию? – хмыкнула девушка.

– Да. Если хочешь, чтобы мозг служил тебе верой и правдой, его нужно кормить. Тем более, когда война.

Пока студенты бегали, я звякнула Иву, предупредила, чтобы домой не ждал. Душ в здании есть, переночевать можно на кафедре.

Судя по тому, что я слышала краем уха во время работы, никто из наших домой тоже не собирался. Тем более что шеф обещал доплату за сверхурочные часы. Если обещал, значит, сделает.

Трупы везли. Полиция, похоже, додумалась до «оптимизации». Вместо того чтобы отправляться на каждый труп по очереди, привозить к нам и возвращаться обратно, сортировала вызовы по домам и загружала машину сразу под крышу. «Скорая» не появлялась ни разу – видимо, им не до трупов, больных хватает, а что их должно быть много – я не сомневалась.

Муж тоже не собирался сегодня ночевать дома. А может, и не только сегодня. К ним, как и к нам, везли и везли, вчера – пострадавших в авариях. Сегодня – тех, кого не довезли вчера, плюс обычный контингент. Человеческому телу не прикажешь отменить острый аппендицит из-за того, что вокруг дурдом. В общем, Иву оставалось только посочувствовать: живые больные бывают крайне невыносимы, а когда их очевидно больше возможностей врача – невыносимы вдвойне.

Ближе к вечеру – студентов мы уже отпустили, но официальный рабочий день еще не закончился – позвонила Аня. Попросила взаймы. На похороны. Ничего странного, погребение – удовольствие дорогое, даже если экономить. А с тех пор как отец ее ребенка растворился в неясных далях, с деньгами у Ани было не очень. Не голодали, но и не шиковали особо, а уж откладывать на черный день и вовсе не получалось.

– Маш, они только за гроб просят пятьдесят тысяч.

– Сколько? Ты что, собираешься заказать гроб красного дерева с наворотами?

Бестактно, конечно, так говорить, и похороны близкого – личное дело. Но…

– Нет. Говорят, это самый простой. – Она всхлипнула. – Маш, я бы продала что-нибудь, но нечего…

– Гони их в шею. Самый простой гроб столько стоить не может. Что за агентство?

– Не знаю. Позвонили сегодня с утра, говорят, мы знаем, что у вас горе, поможем… Маш, думаешь, мошенники? Откуда они знают?

Может, и не мошенники. У ребят из ритуальных агентств прикормленные люди везде. Начмед поликлиники, подписывающий

свидетельства о смерти. Или поменьше сошка, через которую проходят подобного рода документы. Человечек в полиции, знающий, куда сегодня выезжали на трупы. Вариантов много, не согласится один – найдут другого. Но чаще всего соглашаются: на то, что платит государство, сыт не будешь, а тут копеечка, и вроде как ничего дурного не делаешь. Родственники и впрямь частенько растеряны, совершенно не зная, куда обращаться.

– Они и визитку оставили. И прайс-лист, тут телефоны есть, – она назвала номер.

Номер я не знала, но посмотреть список недолго. С нами работают все агентства, что есть в городе. Или мы с ними, не разберешь. В наши обязанности входит установить причину смерти и выдать тело, обмытое, одетое и в гробу, причем гроб предоставляют родственники. Вот тут-то и подключается ритуальное агентство. Вообще-то при нашем бюро конторка работает, где все мы на полставки числимся – в подготовке тела к погребению есть нюансы. Мало кто хочет, чтобы близкий, погибший, скажем, в ДТП, лежал в гробу с месивом вместо половины лица. Или начал разлагаться, не дотянув до похорон. Или… да мало ли этих нюансов? Словом, мы получаем приличную прибавку к зарплате, ритуальщики – свою прибыль, государство – налоги, родственники – покойника в лучшем виде. Все довольны. Но поскольку иногда родственники заказывают гроб в «левом» агентстве – все эти конторы мы так или иначе знаем. Телефон был настоящий. Агентство при кладбище. Я перезвонила Ане, посоветовала договариваться с ними о месте для могилы, катафалке и прочем, а с гробом я разберусь.

В коридоре перед помещением ритуальщиков стояла толпа. В том самом, знакомом многим состоянии озверевшей очереди в присутственном месте. Я сунулась было к двери, но дорогу тут же преградила тетка в черном.

– Куда?

– По делу, – я попыталась ее обойти, но баба встала насмерть.

– По какому?

– По важному.

– Все стоят – и ты постоишь. Нашлись, тоже, высшая раса.

– Постою, – кивнула я. – С превеликим удовольствием, отдохну хоть. Только скажите на милость, пока я тут стою, кто будет вашими

покойниками заниматься? Пушкин? Или свидетельства о смерти сами напишутся?

Это в деревне на самый крайний случай покойника можно за оградой кладбища похоронить, а то и вовсе в саду закопать. В городе без бумажки никуда не денешься.

– Быстро только, – проворчала тетка, отступая.

Я шагнула внутрь, в комнатушку, протолкалась к прайс-листу, судя по виду – только сегодня приклеенному вместо старого, присвистнула. Ай, молодцы, до чего быстро сообразили! Препираться с огрызающимся продавцом бесполезно, он ничего не решает, продавить директора я, наверное, не сумею. Вот ведь незадача: столько народа перемерло, а всякая дрянь жива-живехонька. Придется к шефу обращаться. Обещал помочь, значит, сделает. Рычаги, чтобы надавить на агентство, у него есть.

Шеф был в кабинете, как и все наши, собравшиеся попить чайку и отдышаться. Там же оказались те двое, что брали выходные для похорон.

– С гробами я решу, – сказал шеф. – С транспортом сложнее: катафалк у них всего один. Кто платит, тот и заказывает музыку.

– Скинемся, грузовик арендуем, – отмахнулся коллега. – С могильщиками что делать? Техники не хватает, вручную копать разве? Ни за какие деньги договориться невозможно, я пробовал.

Шеф кивнул.

– Я думал, дворника-таджика попрошу друзей подогнать. А он тоже…

– Сами выроем, – вмешалась я. – Вас здесь двое взрослых сильных мужчин…

– Почему двое? А я? – вскинулся Вадим.

– Обижаешь, Мария.

– Прошу прощения. Четверо сильных мужчин, ну и я в деревне выросла, лопатой махать умею. Выроем. Только, Олег Афанасьевич, при всем уважении…

– Действительно, – снова подал голос Вадим. – Не надо вам. Все-таки руководитель руководить должен, а не ямы рыть.

– Так и скажите: стар стал да немощен. – Шеф, поморщившись, потер левое плечо. – Спорить не буду. Поможете?

Мы нестройным хором подтвердили: поможем.

Шеф заночевал в кабинете, комнатушку дежурного эксперта – ему всю ночь по городу мотаться – уступили мне, мужчины устроились в помещениях кафедры, сдвинув столы в классе. Я честно попыталась заснуть – не вышло. Та степень усталости, когда слишком вымотан, и чем больше ерзаешь в постели, тем хуже становится. Промучившись с полчаса, я от души выматерилась и поползла к компьютеру, прихватив по пути оформленные за последние два дня акты исследования. Больше сотни набралось, надо же. Для полноценной статистики немного, но в медицине чаще всего и приходится иметь дело с маленькими выборками, так что мне хватит.

Должны быть закономерности. Не может не быть. А там, уже зная, что объединяет погибших, можно подумать и о возможном источнике воздействия на «фактор риска».

Шеф заглянул в кабинет, когда я методично забивала информацию в статистическую программу.

– Не спится, Мария?

– Думаю.

Он глянул в экран, пролистал стопку актов

– Маловата выборка получается.

Это точно. Но смысл брать неисследованных?

– Пока хоть так.

– Давай помогу.

– Тоже не спится?

– Тоже думаю… А параметры ты хорошо подобрала, молодец, даже и добавить нечего. Может, сделаем отдельную таблицу по неисследованным? Пол-возраст и тому подобное, для чего полноценной экспертизы не нужно.

– А давайте. Хотя бы просто посмотреть.

Еще какое-то время звучал только перестук клавиш и щелчки мыши.

– Все, – сказала я, потягиваясь, – Чапай думать будет.

– Будь добра, позаботься о кофе.

И в самом деле, пока компьютер обрабатывает информацию, все равно заняться больше нечем. Я принесла кофе – растворимая дрянь, но лучше ничего нет, высыпала на тарелку упаковку крекеров, найденную в недрах продуктового шкафа в ординаторской.

– Мария, когда ты наконец дозреешь до научной работы?

– Никогда. Лень. – Я отхлебнула коричневую бурду и поморщилась. Пробовала уговорить коллег скинуться на кофеварку, вскладчину деньги небольшие – но те обозвали меня воинствующей эстеткой. Их и растворимый устраивает. Плюнуть уже, что ли, да самой купить? Не разорюсь…

– Если бы было лень – ты бы сейчас спала себе тихо-мирно, а не тут сидела.

– Олег Афанасьевич…

– Хорошо, оставим пока. Готово.

Так…

– Вроде есть привязка по возрасту, – я ткнула пальцем в экран. – С детьми все понятно, чем младше, тем больше, примерно к шестнадцати годам выходит на общий уровень взрослых. Потом скачок на интервал от двадцати до тридцати, и еще один – на сорок пять – шестьдесят и дальше – по убывающей. Плюс половой…

– Не пойдет, – оборвал меня шеф. – Вот, смотри.

Я уставилась на половозрастную пирамиду населения, которую шеф выудил откуда-то из глубин Интернета.

– Черт… И правда, не пойдет. Получается – количество умерших коррелирует с количеством населения этого возраста. И разделение по полу – так же. Только дети и выбиваются.

– Да.

Хорошо, поехали дальше.

Сопутствующие заболевания… мимо, найденные на аутопсии изменения по морфологически группам – тоже мимо…

– Ничего, – резюмировал шеф. – Случайное распределение, как оно есть.

– Должна быть зацепка.

– Должна. Я не верю в случайность. Но либо мы ищем не по тем параметрам, либо выборка недостаточна.

– Не думаю, что проблема в выборке. Мы не знаем, что искать, в этом дело.

По большому счету, за статистику я схватилась от отчаяния: перебирать варианты можно до второго пришествия.

– Да, очевидные причины отпадают, а неочевидные на то и неочевидные, что не приходят в голову… Смерть под лучом?

Дежавю, ровно вчера с мужем о том же самом говорили. Ходим по кругу, обсасывая одни и те же версии…

– Всю планету? Разом?

– Это чисто техническая проблема. Я говорю о теоретической возможности.

– Не помню. Навскидку патоморфологию не помню. Надо почитать и подумать.

– Да я тоже… Как ни странно, ни разу своими глазами не видел. Хотя почему странно…

– Ни одно излучение не может убить одного и оставить невредимым кучу народа рядом. – Я задумалась, припоминая. – Если это и правда смерть под лучом, через несколько дней мы будем иметь развернутую клинику лучевой болезни разной степени тяжести. Плюс еще кучу трупов с соответствующими морфологическими изменениями. К тому же при таком мощном луче у многих были бы признаки поражений цээнэс[16], почти сразу. Дезориентация, синдромы помрачения сознания разной степени тяжести… Где все это?

Шеф кивнул.

– Возможно, ты и права. Пойду попробую поспать, хоть и немного осталось. А ты?

Я посмотрела на часы:

– Смысла нет. Поищу признаки лучевой болезни, что ли.

Пока неизвестны причины, невозможно быть уверенным в том, что непонятное воздействие не повторится снова. И снова. И так, пока воздействовать станет не на кого. Может быть, поэтому я вместо сна тратила время на совершенно не касающиеся меня вопросы. Еще одна кружка горькой дряни – и пора заниматься делом.

Спустившись в секционный зал, я столкнулась с дежурным экспертом. Из краткой, несвязной, но крайне эмоциональной речи кое-как удалось выудить, что хоть и ездили с полицией только на очевидный криминал, но все равно это чересчур для одного. Особенно если учесть, что среди полицейских треть личного состава выкосило.

– Брешешь, – не удержалась я.

– Они так говорят. А «скорая» вообще твердит, что у них чуть ли не половины нет.

– Брешут.

Потому что поверить в это – проще сразу застрелиться. Современный город без полиции и «скорой»…

Шеф подтвердил – преувеличивают. Но ненамного. Так называемые помогающие службы пострадали от неведомой напасти куда сильнее, чем в среднем по популяции. Впрочем, официальной статистики до сих пор нет.

Трупы везли.

Студенты по расписанию не появились. Вадим позвонил в деканат – оказалось, старшие курсы сняли с учебы в поликлиники и на «скорую». Раньше так делали на пике эпидемии гриппа, и то не каждый год. Сейчас, похоже, работать действительно некому.

Судя по крикам из дальних помещений, среди посетителей то и дело начинались скандалы. Посовещавшись, мы решили: экспертам к родственникам не ходить. Некогда. Раз уж санитары в любом случае будут с ними общаться, пусть они и отдуваются. Им тоже некогда, но младший медицинский персонал имеет право сделать лицо кирпичом, мол, ничего не знаю, от меня ничего не зависит. К обеду даже непробиваемый, казалось бы, Михалыч начал смолить одну сигарету за другой и огрызаться.

Какая-то бойкая тетка умудрилась неведомым образом прорваться в секционный зал – и кулем осела у стеночки. Нянчиться с ней никто не стал: положили на каталку, вывезли в помещения для посетителей и сдали на руки мужичку, назвавшемуся мужем. Тот, вместо того чтобы лупить супругу по щекам, или что там делают граждане, приводя в чувство бессознательного родича, начал хватать санитаров за рукава и громким шепотом предлагать деньги. Чтобы кого-то там, фамилию санитар не запомнил, вскрыли без очереди. Санитар послал мужичка по всем известному адресу, правда, вернувшись, про предложение рассказал. Маршрут путешествия мы одобрили. Было дело, я и сама за такие вещи деньги брала, не стесняясь, – коль уж родственникам горит похоронить тело непременно на третий день после смерти или вообще в те же сутки до восхода солнца, пусть оплачивают сверхурочную работу. Да и коллеги подобным не брезговали, если уж начистоту. Но сейчас выбирать между богом и маммоной банально нет времени. Поди найди в этом бардаке «внеочередной» труп. Они сейчас все «внеочередные».

Санитара отправили обратно, оторвать со стены прейскурант на дополнительные услуги – жаль, что поздно сообразили, надо было еще вчера это сделать. Через полчаса примчался директор агентства, размахивая пачкой квитанций. Его вежливо послали возвращать деньги. Никто из нас не бессребреник, но некому и некогда заниматься мытьем и укладкой волос, посмертным макияжем и прочим и прочим.

– Конвейер, мать его всяко-разно, – проворчал Вадим, наблюдая, как один труп на секционном столе заменяет другой. – Я-то, дурак, думал, что все повидал.

Шеф оторвался от протокола, в который раз помассировал левое плечо. Не нравился мне этот недавно появившийся жест, совсем не нравился.

– Главное, совершенно бессмысленный. Не исследование, а профанация.

– По официальным каналам ничего не слышно?

– Пока нет.

А интересно, только ли людей задело? На животных до сих пор никто внимания не обращал, не до них. Но если окажется, что не было ни массового падежа скота, ни заметного количества трупов диких животных, то выходит совсем странно. Дохлых кошек и собак я на улицах не видела. Значит ли это, что их нет? Надо выйти в Сеть с кафедрального компьютера, поискать информацию о животных…

– Маш, тебе плохо?

– А? – Нашла время про Интернет думать. Работать надо.

Михалыч оперся о стол, подавшись в мою сторону.

– Я несколько раз повторил, что все готово, можешь начинать, а ты стоишь со стеклянным взглядом и ножом в руке и молчишь.

– Задумалась, извини. – Так, крышка черепа вскрыта, мозг вынут, органокомплекс подготовлен, и в самом деле можно работать. Если бы не санитары, которые делают черновую работу, возиться бы с каждым трупом вдвое дольше.

– Точно все нормально? Я пошел? – Он мотнул головой в сторону подсобных помещений, где тела приводили в божеский вид и уносили родственникам.

– Да, спасибо.

Работаем. Там, в городе, еще тысячи трупов, которые вот-вот начнут разлагаться. И которые нельзя похоронить без свидетельства о

смерти, а свидетельство не выдадут без исследования. Невозможно вычерпать море чайной ложкой, но придется. Скажи кто пару дней назад: судебный медик будет вкалывать сутками, словно врач фронтового госпиталя, – посмеялась бы от души. Сейчас было не до смеха.

Ближе к ночи шеф разогнал по домам всех, кроме дежурных, иначе, по его словам, назавтра мы будем никуда не годны. Возражать никто не стал, даже для приличия. Все равно трупы везли быстрее, чем мы работали.

Я ехала в полупустом – как всегда в это время – автобусе стоя, чтобы не заснуть. Радио у водителя вместо традиционного «шансона» издавало какое-то монотонное бухтение. Я прислушалась: речь патриарха. Складно говорит. Година тяжелых испытаний, благодать во Христе, утешение в вере для тех, кто остался, смирение и покаяние. И еще много таких же выспренних, но на самом деле ничего не значащих слов. Не нужно мне такое утешение, засуньте его себе куда подальше. Мне нужны силы и трезвый разум. Мне, Иву с коллегами, безымянным ментам, разрывающимся между вызовами – нервы у людей на пределе и там, где раньше бы все ограничилось обычным скандалом, сейчас доходило до убийства. Не думаю, что скорбящих утешит призрачное обещание лучшей доли на небесах для тех, кто ушел. Впрочем, кто их поймет, этих верующих. Ив называл себя православным, но на моей памяти в церкви он бывал от силы раза три, и то во время сессии, так что не считается.

Человек слаб, ему хочется верить в справедливого всемогущего и мудрого отца. Только во все времена боги у человечества получались под стать самим людям. Олимпийцы были жестоки, эгоистичны, коварны и проявляли внимание к смертным разве что из-за нелепого каприза или похоти. И чаще всего то внимание самим смертным выходило боком. Бог Ветхого Завета, на мой взгляд, смахивал на параноика, начисто лишенного этических ориентиров. Добро – это когда я угоню чужих коров, зло – когда угонят у меня. Бога Нового Завета я откровенно не понимала. Не люблю насилья и бессилья, как пел теперь уже классик. А то, что люди творили его именем, и вовсе выходит за пределы разумного. Верьте, во что хотите. Но не лезьте со своей верой к непричастным.

– Недоговаривает Святейший Владыка, – сказала сидящая рядом женщина. – Жалеет нас, грешных. А надо бы без жалости сказать, что кара это за грехи.

Я окинула ее взглядом: длинная юбка в катышках, годная разве что на половую тряпку, платок по брови. Все понятно. Странно – молодая, не старше меня.

– А как Господь длань карающую простер, сразу в церковь побежали – не протолкнуться. Раньше надо было думать.

Ну да, четырехмесячный Кирюша, несомненно, успел нагрешить в этой жизни так, что ничего, кроме смерти, не заслужил.

– Живут в блуде, вот у них Господь детей и отобрал. Развратничают, чревоугодничают, гордыню свою тешат, а потом удивляются, что Бог покарал.

Я старательно уставилась на собственное отражение в темном окне. Не надо связываться с фанатиками. Не убедишь, а себе настроение испортишь.

– Вот у меня, слава Господу, все родственники живы, и у мужа. А все потому, что праведно живем.

Очень хотелось спросить – что ж вам, таким праведным, Господь деток не дал? Или вы друг с другом не спите? Так еще апостол Павел велел супругам не уклоняться друг от друга. Но сказала другое:

– Гордыню тешишь, сестра. Как тот фарисей, о котором Господь наш проповедовал.

Не удержалась, нервы ни к черту. Жри, сволочь. Со мной ты поспоришь, а с Заветом? Как ни странно, писание я знала хорошо, слишком хорошо для атеистки. Книгу, на которой выросла вся европейская культура, знать просто необходимо, иначе большая часть этой культуры пройдет стороной. Но именно изучение первоисточника отвратило меня от веры раз и навсегда. Я не хочу верить в такого Бога.

– Сказано в писании, – продолжала я, – два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей благодарил Господа за то, что он не таков, как все остальные, пришедшие в храм.

Память у меня хорошая: первые три курса мединститута разовьют прекрасную память у кого угодно. Жаль только, застревает в ней большей частью ненужная дрянь, вроде этой. Книги могу цитировать страницами, зато запомнить телефон не в состоянии.

– Мытарь же говорил: Боже! будь милостив ко мне, грешнику! И сказал Господь, что мытарь пошел оправданным в дом свой, не то что фарисей. Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Автобус подкатил к моей остановке, распахнул двери.

– Не уподобляйся фарисею, – усмехнулась я напоследок. – А то Господь может и не простить.

Настроение испортилось окончательно. Нет, в Сеть не полезу. Черт с ней, с информацией, никуда не убежит. В душ, позавчерашний борщ и спать.

Утром оказалось, что транспорт ходит кое-как. Проторчав на остановке четверть часа вместо привычных трех-пяти минут, я чертыхнулась и потопала пешком. Автобус догнал на середине пути, пришлось пробежаться. И все равно на работе я появилась на час раньше положенного. Вокруг здания вилась очередь, живо напомнившая мне девяностые годы. Когда в наш деревенский магазинчик завозили продукты, вокруг выстраивался народ с трех окрестных поселков. Здесь, наверное, еще больше собралось, город все-таки.

Все наши оказались в сборе: работы за ночь только прибавилось. ДТП, несчастные случаи, суициды, убийства… Что раньше было чрезвычайным, за последние три дня превратилось в обыденность. Ничто не вернется на круги своя, это очевидно, но о будущем думать не хотелось. Век расшатался, но скверней всего то, что рожденный его восстановить едва ли найдется.

– Марья, – окликнул Вадим. – Вечером на кладбище едем. Ты в чем пришла – нужно будет домой заезжать?

– Нет.

Джинсы, водолазка, кроссовки. Сойдет. Белый халат быстро отучает модно одеваться – к чему, все равно никто не увидит. Тем более когда на работе каждый раз полностью меняешь верхнюю одежду на безликую и бесформенную.

– Лопаты есть? – поинтересовалась я.

– Есть. Вчера до ночи по городу мотались, искали – думали уже, не найдем. Еще надо где-то кресты достать. Хотя бы самые простенькие. Памятники потом, когда земля осядет.

Да, ближе к осени памятники тоже станут страшным дефицитом. Как по мне, покойникам без разницы, лежать ли под простым деревянным крестом или под китчевыми ангелами, скорбно обнимающими каменную плиту с именем и портретом. Но люди умудряются меряться размерами, даже хороня мертвых. Или пытаются искупить свою же вину, возвращая умершим то, что пожалели когда-то для живых. Впрочем, мне легко судить, я ни разу не теряла близких. В конце концов, всем нам есть в чем повиниться перед ушедшими.

Я думала, шеф сегодня в зале не появится – наверняка у него бумажной работы больше, чем у нас всех. Пришел – внешне невозмутимый, но осунувшийся и постаревший. Впрочем, все мы выглядели неважно в последние дни, перед зеркалом лучше лишний раз не задерживаться.

– Коллеги, у меня две новости. Обе плохие, – заявил шеф, входя в зал. – Первая – родственники покойных прислали парламентеров, требуют ускорить работу, иначе, по их словам, «примут меры».

– Куда ускорить? – поинтересовался Вадим. – Мы же не Шивы многорукие…

– Это понятно, просто примите к сведению. Толпа еще не агрессивна, но настоятельно рекомендую поодиночке из здания не выходить.

И это всего лишь на третий день? Народ на пределе, очевидно, иначе не творили бы такие глупости. Какой пикет может заставить корову доиться, а экспертов – работать быстрее человеческих возможностей?

– Вторая новость. Кузнецов пойман за руку при попытке вымогательства.

Кузнецов – наш новый санитар. Относительно новый, два месяца как оформился.

– С сегодняшнего дня он у нас не работает. У нас есть прейскурант на дополнительные услуги. Требовать денег за то, что входит в прямые обязанности, недопустимо.

Если шеф начинает говорить как прожженный чинуша – дело серьезное.

– Афанасич, погорячился ты. – Когда Михалыч появился из подсобки, никто не заметил. – Ну облажался парень, многие бы на его

месте не соблазнились? Уволишь, когда работу разгребем. Сейчас ты, что ли, гробы таскать будешь?

– Если надо – буду. Кузнецов у нас больше не работает, а на санитарское место очередь на пять поколений вперед. – Шеф сбавил тон. – Михалыч, не тебе объяснять, что всем нам придется когда-нибудь забирать из морга близких. И никому не понравится, если такой вот говнюк… Всему есть предел.

Не иначе, как за то, чтобы обмыть и уложить в гроб, деньги потребовал. На самом деле все не так просто: в законе написано «одетым, обмытым и в гробу», но не указано «бесплатно». А дальше все зависит от воли руководства бюро. Где-то отдельная такса, где-то – должностные обязанности. Наш шеф считает, что незачем зарываться, всех денег не заработаешь. Те, кто с ним не согласен, в бюро надолго не задерживаются.

– Всё, коллеги. Больше новостей у меня нет. Работаем.

Трупы везли. Слишком много для одного не самого большого города. Что там у нас... Автодорожная травма плюс аборт в ходу. Причина смерти очевидна, но этот аборт в ходу отнюдь не первый, что я видела за последние дни. А были ли нормальные?

– Коллеги, – подала голос я. – Много ли беременных попало к вам на исследование за последние три дня?

– Хватило, – откликнулся шеф.

– Мне кажется, что во всех случаях был как минимум начавшийся аборт. Если не в ходу. – Я начала загибать пальцы, припоминая. – Да, так и есть. Все на ранних сроках, и везде плодное яйцо фактически отслоившееся.

– У меня были две на поздних сроках, – откликнулся Вадим. – Скоропостижные. Выглядела беременность без патологий, провести бы кесарево в первые минуты – может, и живых достали.

– И тут бы младенчикам и конец пришел, – вмешался другой коллега, – новорожденные ведь тоже все.

– Да кто его знает... Самопроизвольные аборты тоже встречались, но ты же знаешь, какой процент беременностей заканчивается выкидышем.

– Знаю, не срастаются у меня проценты.

– Мне тоже показалось, что многовато, – сказал шеф. – Но списал на свою мнительность. Хорошо, очевидно беременных, в том числе

скоропостижных, обследуем особенно тщательно.

– Машка, я тебя убью, любопытная наша, – сказал Вадим.

– Руки коротки, – отмахнулась я. – Уж тебе-то сам бог велел полюбопытствовать, тоже мне, научный работник. Докторскую, глядишь, напишешь.

– Да мне мать эту докторскую знаешь куда засунет? – простонал он. – И так достала, что дома не появляюсь. Идея фикс у нее: мол, позавчерашнее повторится, и на этот раз я помру.

– Хватит, коллеги! Не так уж много у нас беременных, исследуем. Надо же разобраться, что за чертовщина происходит. И прекратите препираться, тоже мне, детский сад. Работаем до девяти вечера, там у всех свои дела. Пикетчики эти еще, на нервы действуют, заняться им больше нечем...

Вечером пикетирующих около морга не оказалось. То ли устали, то ли полиция разогнала – и черт с ними. Вадим посадил меня и еще двух коллег, потерявших близких, в свою машину и повез на кладбище. Шеф, как и обещал, с нами не напрашивался. Учитывая, что именно он каким-то чудом договорился с руководством кладбища, выбив и места для могил, и разрешение находиться на погосте в неурочное время, – странно требовать от пожилого человека еще и поработать лопатой за компанию. Каждый должен делать то, что умеет лучше всего. Шеф умеет решать проблемы.

Кладбище было относительно молодым – лет сорок, не больше. Не росло здесь вековых деревьев, не стояло покосившихся замшелых плит с ятями и фитами, не рассказывали легенд о здешних обитателях. От ворот расходились заасфальтированные дорожки, внутри чугунных оградок виднелись цветы и чахлые кустики, на площади у входа притулилась маленькая часовенка, чуть подальше – сторожка. Чинно и благостно, особенно в сумерках. Для полной картины романтического вечера только соловьев не хватало. И когда в лесу за кладбищенским забором таки защебетал соловей, я только удовлетворенно кивнула. Вот теперь все, как должно быть. А то напридумывают – призраки, упыри...

– Вот же, тут такое, а он заливается, – проворчал Вадим. – Как будто и не случилось ничего.

– И ни птица, ни ива слезы не прольет... – процитировала я. – У них самая пора.

Вадим постучал в двери домика, появившийся сторож окинул нас взглядом, задержался на мне.

– Явились все-таки. Я-то не поверил, что на ночь глядя подъедете.

– Днем работать надо, – сказал Вадим. – Покажешь, отец?

Конверт с деньгами перекочевал из рук в руки.

– Ну, пойдем. А ты, дочка, не боишься ночью, да на кладбище?

– Живых бояться надо, – я усмехнулась. – А мертвые не кусаются.

Похоже, ему не сказали, кто мы: подъедут, мол, четверо, покажи, где копать. Судебный медик, боящийся покойников, тем более давным-давно зарытых в землю, – смех, да и только. Впрочем, мне-то какое дело до мыслей сторожа – не споткнуться бы. Вадим молодец, прихватил фонарики. Лопата на плече, фонарь в руке – и никакие сумерки не страшны.

Идти пришлось долго. Закончилась старая, заросшая деревьями и облагороженная асфальтом часть кладбища, потянулись могилы последнего года-двух. Там, где камень плит не закрывал землю, виднелись цветы: белые лепестки, казалось, светились в полумраке. Не припомню, чтобы такие росли в нашей полосе – новомодный культурный сорт? Одно время, помнится, было модно высаживать тюльпаны, потом ландыши, потом ползучие многолетники, забыла, как их. Теперь, видимо, новое веяние.

А потом мы добрались до совсем свежих могил, и глазеть по сторонам расхотелось. Велика радость смотреть на бесконечные ряды неосевших холмиков и кое-как воткнутых в землю крестов, на нескончаемое поле, размеченное на ровные прямоугольники колышками и веревками, и разверстые ямы. И все те же белые лепестки, перекопанные, смешанные с кладбищенской землей. Видимо, все же дикорастущие. Странно.

– Вот здесь, – сказал сторож. – Раз, два, три, четыре. Сейчас на всякий эдакий номера с фамилиями сверю. – Он посветил на потрепанные листки, бормоча под нос. – Да, все правильно. Уходить будете, место пометьте как-нибудь, чтобы по свету найти, а то вона что творится, сам путаюсь.

– Спасибо, отец, – сказал Вадим.

– Ну, бывайте. И это... сторожить бы кого оставили. А то ушлый народ уже догадался своих покойников в чужие могилы подхоранивать.

– Это как?

– А ночью приезжают, только втихушку, со стороны леса или через поле, находят яму свежую, чуток подкапывают, покойника землей присыпают, и все. Без гроба даже. Не по-людски совсем, – он сплюнул. – Экономят, вишь. Так что оставьте кого сторожить.

– Понятно. Спасибо тебе.

– Бывайте, – сторож махнул рукой и побрел прочь.

– Ну что, двое работают, двое светят, меняемся по часам?

– А как еще? Хорошо, что не зима.

– Это да. Марья, держи фонарик, – скомандовал Вадим. – Поехали.

Мы сменились. Потом еще раз. И еще.

– Не успеем, – сказал Вадим, выбравшись из уже готовой ямы. – Полночь, два часа на одну могилу, а еще хорошо бы поспать перед рабочим днем часа три хотя б.

– Сегодня две и завтра две, – предложила я, протягивая ему пачку влажных салфеток.

– Да. По-другому не выйдет. Тогда завтра вы, – кивок в сторону коллег, устроившихся у подножья свежего холма, – своих забираете и хороните, чтобы на работу смогли послезавтра спокойно выйти. А вечером снова сюда вчетвером приедем. Для шефа и Машиной подруги выкопаем.

– Для внучки шефа и сына моей подруги, – поправила я, роясь в пакете с едой. Я не суеверна, и все же в таких вещах лучше выражаться точно.

– Да, нехорошо оговорился, – согласился Вадим.

По копченому окорочку и литру колы на нос. О еде вспомнили уже на окраине города, пришлось покупать то, что нашлось в круглосуточном магазинчике, – не требующее даже минимальной готовки, плюс источник кофеина с глюкозой. Без кофеина нынче никак. О том, что неплохо бы прихватить нитяные перчатки, не вспомнили вообще, руки сотрем, как пить дать. Нескольких полосок бактерицидного пластыря из моей сумочки на всех не хватит. Еда – черт с ней, но перчатки завтра надо раздобыть. Михалыча, что ли, спросить – у него, как в Греции, все есть.

– По домам развезешь или снова ночевать на работе будем? – спросила я у Вадима.

– По домам, наверное. Дороги пустые, за полчаса вас раскидаю. В своей постели все же удобней, чем на парте.

Это точно. Интересно, дома есть что-то съедобное? Ив, кажется, по телефону говорил, что собирается сегодня дома ночевать. Значит, борщ доест, а не доест – завтра выливать придется. Макароны вроде оставались и крупы... ладно, утром разберусь.

– Хорошего помаленьку, – я поднялась, подхватывая лопату. – Раньше сядем – раньше выйдем. Вадим, свети.

Ива дома не оказалось. Господи, они там друг у друга на головах, что ли, спят? В ординаторской – один диванчик, а палаты переполнены. Или по расписанию? Сил добраться до душа еще хватило. На то, чтобы проверить, есть ли что съедобное на завтра, – уже нет. Ну и черт с ним. Утро вечера мудренее.

Может, оно и в самом деле мудренее, когда выспишься по-человечески. А после трех часов сна – едва ли. Я всегда искренне завидовала людям, которые способны месяцами спать по четыре-пять часов и при этом не выглядят как зомби. Хорошо хоть, холодильник работает, как положено: несчастный борщ есть еще можно. Я уже традиционно прошла пешком половину дороги, традиционно же пробежалась за автобусом – зато проснулась и на работе появилась более или менее похожей на человека.

У входа стояли пикетчики с плакатами, вот людям не спится. Завидев, как я подхожу к воротам, оживились, подняли раскрашенные простыни повыше и даже попытались что-то скандировать. Вышло не очень, пионерские речовки и то слаженней. Я открыла кодовый замок, показала им средний палец – не надо бы, но настроение ни к черту. Калитка хлопнула за спиной, отгородив меня от справедливого возмущения общественности. Как все-таки хорошо, что я не работаю с людьми.

– Вадим, доброе утро, – сказала я, выходя из раздевалки. – Не знаешь, давно эти ненормальные стоят?

– Шеф умер.

– Не смешно.

– Шеф умер, – повторил Вадим. – Ночью. Я, когда вас развез, решил домой не ехать, чтобы мать лишний раз мозги не компостировала. Поднялся на кафедру, у шефа свет горел, думаю, дай

зайду. А он лицом на столе лежит. Окоченевший. Трупные пятна в состоянии гипостаза.

– Три-четыре часа, значит, – машинально откликнулась я. – Впрочем, надо температуру смотреть… Что ж он никого не позвал?

– Четыре часа, если быть точным. Кто теперь скажет, чего он не позвал... Были в это время наши, но внизу. Может, не докричался. На вскрытии – острый инфаркт миокарда, признаки кардиогенного шока.

– Кто исследовал? – поинтересовалась я. – Со стороны, что ли, пригласил?

– Я и исследовал.

– Я бы не смогла.

– Эх, Машка... Зеленая ты еще совсем, оказывается. То, что на столе, – это уже просто биологический объект.

Как говорит... говорил шеф, всему есть предел. Я не стану вскрывать человека, с которым проработала столько лет и который был скорее другом, нежели начальником. Точно так же, как ни один хирург не возьмется оперировать друга или родственника, если речь не идет о чем-то сложнее панариция. Хотя лично мне наплевать, что станет с моим телом после того, как умру, – а все равно не буду.

– Жене его позвонил, сказал, – продолжал Вадим. – Договорились, что завтра его вместе с внучкой отсюда заберем, чтобы домой не отдавать. И в одну могилу. Разрешение пробью... я ж теперь вроде как и.о.

– Понятно.

– Кстати, у него на сердце один рубец уже был.

– Ничего себе...

– Я тоже не знал. Такие вот дела.

– Со всем остальным как?

– Все так же. Везут. Договоренности на вечер в силе, как и все остальное.

Пока это самое важное. Что будет важным потом, доживем – увидим. Если доживем, конечно. Происходящее давно вышло за рамки обыденности, а значит, привычные оценки потеряли смысл. Остается руководствоваться только целесообразностью, все остальное побоку. Когда эта чертовщина закончится, можно будет собрать информацию и сделать выводы. Если не засекретят, к чертовой матери. Сейчас, конечно, не такие параноики, как в тридцатых, когда скрывали даже

количество произведенных в стране презервативов, но откровенно странных решений тоже хватает. Открыто смертность по позавчерашнему дню до сих пор не дали, хотя это вполне объяснимо: за три дня такую статистику не собрать. А вот то, что до сих пор теле- и радиоканалы утверждают, будто ничего сверхъестественного не произошло, обычная вспышка гриппа – куда хуже. Цензура, как она есть. Даже странно – когда появился «свиной» штамм, СМИ активно нагнетали истерию, хотя достаточно было сравнить смертность по старым сезонным штаммам и новому, чтобы понять: истерить незачем. А сейчас все активно делают вид, что ничего не происходит. Разве что в блогах может быть шумно, но добраться до Сети и вдумчиво изучить, что творится в социальных сетях, не было времени. Я бы и про официальные версии не знала, если бы в секционном зале не стояло радио, которое вместо обычных музыкальных каналов настроили на новостные – надо же знать, что делается за стенами бюро. А как тут узнаешь, если домой добираешься только для того, чтобы рухнуть в кровать, – и то не каждый день? Сегодня вечером вот снова на кладбище.

Сторож оказался тем же – две ночи через две, удачно вышло. Снова вызвался проводить, видимо, не зря вчера денег оставили. Я шла, внимательно отмечая ориентиры – завтра при свете дня не заблудиться бы. Смех, да и только: ночью заблудиться не боюсь, а вот днем... Хотя черт его знает, с какой стороны завтра днем машина подъедет, оставить у ямы, что ли, знак какой?

– Вот, – сказал сторож. – Здесь вы вчера копали. Сегодня похоронили.

– Знаем, – кивнул коллега. – Сами сегодня и хоронили.

– Ну, тем более, раз знаете. Бывайте.

Еще две могилы. Одна – для двоих. В то, что теперь придется работать без шефа, не верилось никак. Может, завтра поверю. А пока просто махать лопатой и не спрашивать себя, почему нет ни слез, ни скорби. Нет сил на слезы. Вообще на эмоции сил нет. Та крайняя степень усталости, когда сам себе напоминаешь старого заржавевшего робота с севшей батарейкой. Наверное, потом эмоции вернутся, когда все окажется позади. Но с каждым днем мне все меньше и меньше верится в то, что это кончится. Нормально. Просто усталость. Пройдет. Напиться бы...

– Все, – сказал Вадим. – По домам?

Я глянула на часы, подсвечивая фонариком циферблат:

– Меня на работу. Пока туда-сюда... проще не ложиться. Тем более что завтра полдня на похороны уйдет.

О господи, завтра еще придется держать под руку Аню и изображать скорбь, чтобы не услышать очередное обвинение в бесчувственности. Как объяснить безутешной матери, что, если весь мир не проливает слезы вместе с ней, дело не в равнодушии? Похоже, подругу я потеряю. Когда-то мы, две деревенские девчонки, сошлись, чувствуя себя одинокими в чужом городе. Теперь всё. И все. Шеф умер, подруга стремительно отдаляется, муж... кто еще? Эти двое, слава богу, живы – и пусть живут. Кто-то же должен остаться в этом трахнутом мире? А я буду роботом. Роботам не больно, верно?

Как хоронили шефа, я не видела. Только слышала рыдания женщин да обрывки речей коллег. Правда, и Аню под руку не держала – руки были заняты. Ритмично и споро – наловчилась за последние дни – закидывала землей метровый гробик. Могильщики действительно на вес золота, а у Ани здесь никого больше не было. Ее товарищи по работе не в счет – редко кому везет оказаться в коллективе, какой собрал когда-то шеф. Впрочем, в нынешние времена даже самые замечательные люди больше заняты своими проблемами.

– Давай помянем, что ли.

Водка в пластиковых стаканчиках, кутья из пластиковых же контейнеров одноразовой ложкой, пара бутербродов. Выпить не чокаясь, взять еду не благодаря. С поминальным застольем, пусть даже на двоих, Аня не справилась – она плакала, не переставая. Не рыдала, не выла, как многие на кладбище, – просто слезы текли и текли. И замирала иногда с остановившимся взглядом. Кутью сделала и сообразила все упаковать – уже хорошо. А забронировать столик в кафе и так невозможно ни за какие деньги – залы заняты под поминки.

– Все, Аня. Пойдем.

С шефом не попрощалась. Ладно, он понял бы. Приду как-нибудь, поговорю. Глупо разговаривать с могильным холмом, но что делать, если с человеком не договорили?

– Погоди, – подруга положила на могилу две гвоздики. – Вот так. Пошли.

– Погоди, – ответила я. И с размаха хрястнула лопатой по стеблям, ближе к цветкам. – Вот теперь пойдем.

– Зачем?

– Не украдут, чтобы перепродать.

Народа на кладбище было – не протолкнуться. Кто-то громко сказал – побольше, чем на Пасху. Хотя я так и не поняла, почему на Пасху, когда есть родительские субботы. Нынешние православные порой напоминают мне только-только окрещенных язычников: быть причастными к таинству хочется, а как правильно – еще не знают. Зато жаждут подогнать всех остальных под свои понятия о должном с тем неиссякаемым энтузиазмом, что свойственен лишь неофитам.

Где-то здесь должен быть Ив – говорил, коллегу сегодня хоронят. Разыскивать его я не собиралась. Даже если бы меня и пригласили на те похороны – искать чужих людей среди воющих поддатых толп... Домой хочу. Сейчас Аню попрошу подбросить, посплю часик как человек, и можно снова на работу. Хотя, если бы Ив довез, было бы лучше, конечно.

От ворот раздались крики – какие-то бабки от души молотили друг друга, к старухам присоединились и мужики в костюмчиках.

– Ничего себе... – Я остановилась, прихватив Аню под локоть. Та, казалось, вынырнула на миг из своего горя в бренный мир, с любопытством уставившись на потасовку. В толпу ввинтилась черная священническая ряса, драка рассыпалась, а потом грянул хохот, да такой, что меня передернуло. Неуместен он был на кладбище.

Под громкий мужской смех площадка у церкви опустела, остались трое – священник, человек, ростом и фигурой смахивающий на Деменко, доброго знакомого мужа, и сам Ив. Удачно. Попрошу забросить. Даже если он не домой – уж сделает одолжение. Только подойдем ближе, чтобы не орать на все кладбище. Священник направился в церковь, Деменко пошел к воротам, а Ив двинулся навстречу двум бугаям, навевающим мысли о буйных девяностых. Интересные у него знакомые.

– Подойдем? – поинтересовалась Аня.

– Да, сейчас. Кричать неохота.

Не нравилось мне, как Ив шагает навстречу этим ребятам. Слишком напряженная походка, слишком настороженные движения. Недоброе, похоже, знакомство. И, очертя голову, подлетать с

просьбами, наверное, не время. Мужчины застыли друг против друга. Услышав разговор на явно повышенных тонах, я поняла, что делать там мне совершенно нечего.

Я покрепче подхватила подругу под локоть.

– Пойдем, доведу до машины.

– Маш, там что-то неладное творится.

– Угу.

Я проволокла ее мимо мужчин, быстро и жестко, думая только о том, чтобы подруга не опомнилась и не начала вырываться. Ив, к счастью, внимания на нас не обратил – оно и понятно, не до того.

– Надо же что-то делать!

– Аня, я похожа на Ван-Дамма?

– Нет...

– Смею заверить, ты тоже. У тебя есть гениальная идея, как справиться с двумя бугаями с пушками?

Стволы у таких ребят всегда есть. Тем более что морды их я вспомнила – приходили как-то к нам «корешей» забирать, которые, напившись так, что между ушей булькало, въехали в «КамАЗ». Я тогда еще долго и занудно объясняла, что, виноват ли водитель «КамАЗа», нужно спрашивать у следователя, а я могу рассказать только про причину смерти и уровень алкоголя в крови.

Я довела Аню до автомобиля, вытряхнула из бесцеремонно отобранной сумочки ключи и открыла дверь.

– Вот твоя машина. Езжай домой, я позвоню.

– А ты?

– Там еще ребятам помочь с похоронами нужно.

Аня села за руль, придержала открытую дверцу машины.

– Маш, ты его совсем не любишь?

– При чем тут любовь? – хмыкнула я. – Расчет, мой друг, расчет...

При чем тут любовь, когда речь идет о банальной логике? Иногда, сталкиваясь с женскими реакциями, которые считаются нормальными, я ощущаю себя каким-то выродком-трансвеститом. Разве наличие женских половых признаков обязывает к атрофии мозга? Неужели так сложно понять, что, пока Ив один, ему приходится думать только о собственной безопасности, стоит влезть – и придется защищать еще и меня?

– Я не думала, что ты такая.

– Езжай, Ань. Я позвоню.

Машина отъехала от ворот. Я достала мобильник и пошла обратно на кладбище.

Глава 4

Три дня пролетели как один. Я за все время так и не заехал домой, а нормально поесть получилось только раз – когда коллеги насильно выпихнули из отделения в период относительного затишья и получилось добраться до столовой. На работе максимум, что удавалось, так это закинуться бутербродами да наскоро заглотнуть чай с конфетами – последних, как всегда, завались, благодарные пациенты заботятся об уровне глюкозы в крови врачей. Спать приходилось урывками – операции следовали за операциями.

Как говаривал отец о себе в такие минуты: в крови – по локти, в кофе – по макушку.

Такое ощущение, что город взбесился – суицидники валились пачками. Прыжки с балкона, неудачные саморезы кухонными ножами, глупые аварии на дорогах. Поступило несколько гражданских с пулевыми ранениями – нашли приключения на задницы. Этих я бы тоже к самоубийцам отнес, ну а кто еще сунется туда, где шанс получить пулю выше, чем на границе с неблагополучными странами Кавказа. Такие районы есть в каждом городе. Но люди с головой на плечах обходят их стороной.

К слову о детях гор: на вторые сутки поступил горячий джигит с залитой кровью головой – он все рвался разобраться с «русской сукой», которая не захотела знакомиться в темном дворе, а с размаху огрела его сумкой с продуктами. Я диагностировал вдавленный перелом черепа – похоже, в пакете оказалась стеклянная бутылка, которая и сбила романтический настрой с джигита. Коллеги удивились, когда я показал им снимок – как этот живчик еще бегал. Анекдот вспомнили: у пострадавшего черепная травма, а не черепно-мозговая потому, что мозга просто нет. Буйное тело, не переставая орать и угрожать, укатилось в операционную, где им занялся нейрохирург. Нехорошо так думать, но я искренне пожелал, чтобы хирург ему под черепом навел порядок с помощью скальпеля. Хоть я и врач, но не могу сочувственно относиться ко всем созданиям Божьим – некоторых прямоходящих Господь явно лепил наспех, отвлекаясь на футбольный матч.

Машу я не видел с той ночи. Мне тогда послышался тихий плач в ванной, но я не подошел и потом не спросил, как она. Не знал, что сказать и что сделать. Двойное фиаско – не смог доставить удовольствие пусть и не любимой, но близкой женщине и не сумел утешить родного человека. А после того дикого дня ей, скорее всего, поддержка была намного нужнее, чем мне. Я видел только часть смертей, а к Маше мертвых везли потоком. И, самое хреновое, детей. Какая женщина такое выдержит? А Машка не просто выдержала – еще и рано утром рванула на работу. Я с ней созванивался время от времени – строгая, отстраненная и спокойная, вся в делах.

Мне бы такие нервы.

Гадкое ощущение, словно во мне остались только чувства-близнецы – злость на себя и упрямство. Чтобы не дать волю этим эмоциям, я и торчал на работе. Незачем сваливать на Машку лишние проблемы.

Еще и Коломийский…

Лысый и Бугай больше не объявлялись. Но беспокойство не отпускало. Я наслышан всякого разного про их шефа и не сомневался – встреча состоится. Вряд ли мафиозо, который выжил в жестокой криминальной войне девяностых и подмял под себя чуть ли не половину города, откажется от желания узнать, что приключилось с его дочерью и кто виноват в ее смерти.

Извечные вопросы русской интеллигенции – «Что делать?» и «Кто виноват?» – не чужды и бандитам. И если Коломийский сам знает, что делать с неугодными, то с вопросами вины рано или поздно обратится ко мне.

Очередная ночь мерно перебирала в горсти минуты и секунды. Меня немного пошатывало – череда операций, вроде бы и несложных, вымотала до предела. Такова особенность хирургии – в обычные периоды все относительно спокойно, больше работы на терапевтов да кардиологов сваливается. Как приползет эпидемия, то опять же терапевты с инфекционистами страдают. Но когда начинается кутерьма, нас, хирургов, заваливает травмами, кровоизлияниями в брюшной полости, колотыми, резаными, стреляными и прочими повреждениями. Кому хорошо жить на Руси, так это психиатрам. Вадим Деменко считает, что пациенты просто боятся к ним сами заходить. Наследие советского прошлого, когда бумажка от такого

специалиста ставила крест и на карьере, и на личной жизни. И не важно, что там значилось – безобидная агорафобия с социофобией, генерализованное тревожное расстройство или более серьезные диагнозы, вроде биполярного аффективного расстройства, по-старому маниакально-депрессивного психоза, или шизофрении. Хотя ради справедливости стоит заметить, что если все же кто и зайдет, то такой экземпляр часто стоит сотни прочих пациентов.

Мельком глянув на часы, я с удовлетворением отметил, что стрелка зашла за три пополуночи. Можно и передохнуть. Надо прилечь хоть на часок на диване в ординаторской. А потом настанет столь нелюбимый период для всех врачей – четыре-пять утра, когда слабые пациенты уходят в мир иной, а приемники забиваются доверху самоубийцами или просто невезучими гражданами. Час экстренных операций.

Тихонько глянул, как дела на посту. Медсестры так и не прилегли, с ними рядом возились три девушки-интерна – закопались в ворохе медицинских документов. Врачам сейчас совсем не до писанины – так что всю рутину взяли на себя будущие специалисты. Молодцы девчонки, надо будет, как волна спадет, вина хорошего им принести да торт. Чтобы хоть знали – замечаю и ценю.

Вообще мало кто из наших уходил домой в последние дни. Слишком много боли вдруг оказалось за стенами больницы. Даже больше, чем в реанимационном отделении. Здесь, на своем посту, хоть что-то можно сделать, тогда как дома приходится воспринимать реальность в полной мере. Я до сих пор не знал, какой уровень смертности после того дня. Главному приходили из Минздрава противоречивые сводки. В Интернет заглянуть времени не было. А слухи, даже поделенные на десять, оптимизма не внушали.

Дверь ординаторской противно скрипнула – протяжно, на пределе слышимости. Но у меня не всколыхнулось и тени раздражения. Все эмоции, кроме упрямства и злости, остались где-то очень далеко – во вчерашнем, а может, и позавчерашнем дне. Только снял халат, чтобы окончательно его не угваздать, и завалился на проверенный, родной диван. Жесткий ворс ласково погладил кожу щеки – залезть в гардероб и вытащить из верхнего ящика подушку сил не осталось.

– Постель моя – попона боевого коня, – пробормотал я. Дернулась резко рука, отбросив прочь первые мгновения сна, – у меня такое

бывает при сильной усталости. Мозг чудит – когда засыпаешь, сердцебиение замедляется, дыхание становится реже, и некоторые центры мозга в ужасе начинают думать: все, финита, хозяин потопал к Стиксу на переправу. И, чтобы реанимировать тушку, посылают импульсы мышцам рук и ног. Я устроился поудобнее, надеясь, что тело все же даст мне немного передохнуть. Уткнулся лбом в валик подлокотника и мгновенно провалился в сон.

И тут практически сразу зазвонил телефон внутренней связи. Я нехотя поднял старую, потрескавшуюся красную трубку, хрипло пробурчал:

– Хирургическое.

– Иван Игоревич, доброе утро, – прощебетала Алина. – Вас шеф вызывает.

– Что он в больнице делает? – спросонья удивился я. – Он же в девять ушел. И какое утро, Алина?

– Иван Игоревич, вы, наверное, уснули после операции. Уже десять – шеф на месте с восьми.

– Иду, иду… – пробормотал я, положив трубку.

Протер глаза. Посильнее нажал костяшками, чтобы на черном фоне заиграли искры и звездочки, поморгал, огляделся. В ординаторской никого не было. Видимо, все уже на операциях или на обходе. Блин, неудобно-то как – думал же на пару часов прилечь. А проспал до самого утра. Глянул на мобильный телефон – пропущенных звонков не было. Как там Машка – надо будет позвонить, как от шефа выберусь. Подхватил помятый халат, накинул на плечи.

В коридоре и на лестнице я тоже никого не встретил, только из-за дверей администрации доносился приглушенный гул голосов. Перед приемной шефа пять мужчин о чем-то оживленно спорили. Лица были смутно знакомы – уверен, что когда-то и где-то их видел, но не вспоминается. Судя по терминам и строгим халатам, из нашей, медицинской братии.

Алина солнечно улыбнулась из-за плоского монитора, цокая яркими ноготками по клавиатуре.

– Доброе утро еще раз, Иван Игоревич. Проходите. Главный давно вас ждет.

– Бегу-бегу. Великолепно выглядите, Алина, – бросил я девушке ответную улыбку и, не дожидаясь ответа, зашел в кабинет главврача.

Не поднимая сонного взгляда, упал на стул и пару раз шлепнул себя по щекам, чтоб хоть немного прийти в себя:

– Господин главнокомандующий, офицер медицинской службы Иван Корнилов прибыл.

– Вольно, Ваня, – прозвучал давно забытый голос.

Я ошарашенно вскинулся. В кресле Олега Даниловича восседал отец. Прямая спина и гордо поднятый подбородок. Корнилов-старший. Легенда больницы.

– Не таращи так глаза, а то к эндокринологу отправлю щитовидку лечить.

– Папа… – хрипло прошептал я.

– Сынок… – передразнил отец, иронично поглядывая. – Я тоже рад тебя видеть.

– Папа, послушай…

– Потом, потом, еще успеешь. Не забудь, сегодня похороны Лены. Сделай девушке приятное, помоги закопать ее могилу.

– Что?!! – Фраза не просто царапнула – прошлась наждачкой по сердцу и нервам.

– Да, ей будет приятно! – отрезал отец. – Помню, как меня закидывали черноземом чужие люди – пусть и знаком я с ними чуть ли не с детства. А родной сын в это время…

– Отец, – я силился найти слова оправдания, – прости…

– И вообще хватит прохлаждаться, тебя работа ждет.

– Но…

– На операцию. Живо!

И я проснулся.

Надо мной склонилась старшая медсестра. Видимо, собиралась как раз тронуть за плечо. От моего неожиданного пробуждения она вздрогнула и отшатнулась.

– Иван Игоревич, экстренная.

– Что там? – хрипло спросил я, с трудом вставая с дивана. Наручные часы показывали без четверти четыре. Получается, что полтора часа урвать все же смог. Сон отпускал неохотно. Я даже глянул окрест в поисках красного телефона, хотя прекрасно помнил,

что его давно уже заменили на вполне современный белый аппарат родом из Японии, с которого и по больнице, и в город можно звонить.

Мотнул головой, стряхивая с себя тягучее и мучительное ощущение, когда четко не можешь понять – ты уже здесь или еще там.

– Острый аппендицит. Мужчина. Привезли с подозрением на перитонит.

– Везите в оперзал. Анализы взяли? – я все никак не мог попасть в рукав халата. Валентина Матвеевна помогла мне облачиться и протянула бланки с результатами. Быстро просмотрев цифры, убедившись, что сюрпризов со стороны крови не предвидится, я кивнул старшей и понесся в операционный зал.

Аппендэктомия прошла четко и спокойно. Как будто первая операция после нескольких дней отпуска. Видимо, организм успел немного отдохнуть – руки держали скальпель уверенно, зрение не туманилось от усталости, как иногда бывает за полночь. Перитонита я не нашел. Но зато обнаружил карциноид, который, судя по всему, и стал причиной аппендицита. Отметив, что надо будет направить пациента к онкологу, я зашил разрез аккуратными стежками – перфекционизм, неуместный, но злорадно-приятный. В стиле: «Врешь, не возьмешь!»

Только привели в норму операционную, как следом без передышки закатили еще одного больного. Сложный перелом большой берцовой кости. Я даже прифигел от такого подарка – не мой пациент, совсем не мой. Странно, что не отправили к хирургу-травматологу. У меня нужных инструментов-то в полном объеме нет. Но уж если загнали в оперзал общей хирургии, значит, травматологи сами по уши в работе. Четыре-пять утра. Адский час для всех. Не самое лучшее время, чтобы вспоминать травма-хирургию, но не бросать же бледного, как привидение, мужичка. Инструменты притащили быстро, дополнительно стерилизовали – и в бой. Пока я собирал осколки кости и сшивал порванную артерию, пролетели еще часа полтора.

Следом пошел молодой парнишка с сильным ушибом живота и с подозрением на разрыв селезенки. Без каких-либо намеков на сон или усталость я орудовал инструментами. Руки жили своей, особой жизнью, практически на автомате совершая заученные движения. Разум холодно констатировал повреждения и методики их устранения.

У кого-то зазвенел будильник на сотовом. Я даже не возмутился – в последние дни на запреты всем стало положить, большой и толстый. Сама идея принести сюда телефон бессмысленна – не возьмешь в руки, не ответишь, только расстерилизуешься. Но страх за родных у людей дошел до той точки, когда логика пасовала перед эмоциями.

Медсестра хихикнула:

– Коллеги! Пора вставать и собираться на работу.

По оперзалу разнеслись тихие смешки.

И никто и слова не сказал, что телефону в операционной не место. Даже я.

Организм же без споров согласился с будильником. Новый день настал, а значит, спать еще рано. Может, через пару дней.

Через десять минут я закончил оперировать парня – и его увезли в отделение на стабилизацию, слишком много крови потерял.

Медсестра только собралась меня перехватить для нового пациента с колотым ранением живота. Но из соседнего оперзала появилась Диана, махнула рукой – мол, отдыхай, и забрала страдальца себе.

Я деревянной походкой потопал в сторону аппарата с кофе. Спать уже совсем не хотелось – операции продлились, как я отметил по выходу из оперзала, почти четыре часа. Достаточно долго, чтобы любой сон прошел. Правду говорил отец, после операции адреналина еще на две хватит. И так по кругу. Хоть сутками работай, пока в обморок не хлопнешься. На войне так и было у военных хирургов. Может, и сейчас война уже началась. Вон потерь сколько...

Кофейный автомат сглотнул бумажку и недовольно заурчал. За спиной раздались шаги, и рядом появился наш психиатр. Пока я ждал освобождения чашки из недр жадного автомата, Вадим Деменко задумчиво жевал сигарету.

– Подкурить забыл? – поинтересовался я.

– Не, бросаю. Занятный фрукт твой Тимошенко.

– Занятный. Что скажешь?

– Что-что… Я вчера с ним говорил. Нормальный он. Если не считать рассказов про избранность. Но по убеждениям к нам в больницу не забирают – времена не те. Мне старожилы рассказывали, что раньше за чтение Александра Черного иль Иосифа Бродского привозили толпами. А твоего живчика лечить не от чего, кроме как от

слишком яркого воображения. Что с ним случилось-то, мне говорили – клиническая смерть?

– А и сам не знаю что. Он, понимаешь ли, воскрес.

Вадим приподнял бровь. У него удивление всегда получалось очень колоритным. Лысая голова, большие, но плотно прижатые к черепу уши, постоянно прищуренные глаза, массивный хищный нос. Он казался бы некрасивым, если б не строго очерченная линия бровей и обаятельная улыбка-усмешка. А так по совокупности морфологических признаков Деменко смотрелся внушительно. Еще и с фамилией повезло. Как Вадим рассказывал, для него не было сомнений, чем заниматься в жизни. Dementia с латыни «безумие». И как тут пойдешь в нефрологи или инфекционисты? Только в психиатрию. И коллеги оценят, и пациенты знающие проникнутся.

– Коллега, – осторожно вопросил Деменко, – а может, моя консультация вам нужна?

– Жжете, коллега, – я рассмеялся. – Нет, я в норме. А вот моя старшая уверена, что Тимошенко именно воскрес, так как она с Лукановым вместе его реанимировала. Я же думаю, что просто в суматохе слишком быстро записали его в жмуры.

– Луканов – педант. Странно, что ошибся. Но ладно, бывает. С таким ужасом, что творился в тот день, и зануда мог лажануться.

– Мог. Вот и я думаю, что ошибка. А Тимошенко…

– Перебесится. Я и не таких убежденных видел. Успокоится и будет жить дальше, а не успокоится, так снова попадет ко мне.

– Как там твой контингент? – поинтересовался я, прихлебывая моккачино. Основная работа Деменко – в городском психоневрологическом диспансере, у нас он числится на полставки да иногда забирает особо интересные случаи к себе в зоопарк.

Вадим неопределенно пожал плечами.

– Как, как… Реактивных психозов масса. Еще и старые проблемы обостряются. Вон вчера пятеро поступило с диссоциативным расстройством идентичности. Классические случаи – хоть студентам показывай. И позавчера семеро.

– Богатый улов.

– Слишком богатый, – он недобро усмехнулся. – В самые урожайные годы максимум по трое в две недели привозили, а сейчас

двенадцать человек за два дня. И еще куча новых пациентов по домам сидят на гидазепамовой и сульперидной диете.

– Немудрено. Нечасто каждый пятый умирает – морги переполнены, на кладбищах очереди, как на концерт. Вот народ с катушек и слетает потихоньку.

Деменко мрачно хохотнул:

– Это да. У меня за последние дни такие экземпляры попадались, что истории болезни хоть в рамочку вставляй на память. Один красавец вчера сидит напротив и мне проникновенно сообщает, что он Петр Первый. Я ему говорю успокаивающе, мол, все нормально, есть у нас и императоры, и адмиралы, и даже короли. По-настоящему есть. В диспансере в седьмой палате даже король Людовик-Солнце проживает – если его назвать не по титулу, буйствует.

– И что твой пациент?

– А он мне спокойно сообщает, что он не царь Петр Первый. А теплоход «Петр Первый».

Я рассмеялся и хлопнул Вадима по плечу:

– Выдумал небось?

– Обижаешь. У меня такая работа, что и выдумывать ничего не нужно.

Он помолчал минуту, а потом тихо сказал:

– Сегодня Лену хоронят. Поедешь?

– Да, – коротко кивнул я.

Деменко знал про мои непростые отношения с женой. И с Леной. Потому его вопрос был неоднозначным, а взгляд – пристальным

– Да в норме я, в норме, – отмахнулся я. – Совсем деформировался. Вадим, честно, вообще ничего не чувствую. То ли работой все из себя выбил. То ли мерзавец я первостатейнейший.

– То ли не любил просто…

– То ли, – повторил я. – Поедем на твоей или на моей?

– На твоей, но я поведу. – Деменко наконец отвел глаза. – Я свою в сервис на днях отдал. А тебе после… сколько уже дней ты торчишь на работе?.. только за руль садиться.

– Хорошо. – Спорить не хотелось, да и смысл? – А то попадем к Машке в контору из-за моей невнимательности. Вот жена удивится.

– Как она?

– Кали. Богиня смерти. По телефону – сурова и неумолима. А так я ее не видел уже несколько дней. Сегодня она тоже на похоронах – ребенок у подруги умер.

– Умер… – отозвался эхом Деменко. – У меня в подъезде воспитательница детского сада с балкона бросилась. Вся младшая группа… У нее на глазах.

– Твою мать, – меня передернуло. – Умеешь ты вовремя новость сообщить.

– А говоришь, профессионально деформировался, – грустно улыбнулся Вадим и хлопнул меня по плечу. – Пойдем позавтракаем для начала. На голодный желудок трудно провожать в Аид, говорили древние греки.

– Выдумал?

– Обижаешь…

И я продолжил вместо него:

– У меня такая работа, что выдумывать ничего не нужно.

Деменко изобразил демонический смех, и мы направились в кафе при больнице в надежде, что в такую рань там обслужат изголодавшихся служителей Асклепия.

Около кладбища мы припарковались почти в одиннадцать. До похорон Лены оставалось полчаса.

Всю дорогу сюда я внимательно разглядывал проносящийся в боковом стекле город.

Он изменился.

Постарел.

Умер.

На улицах не видно детей. Весной скверы и дворы всегда полнились ребятней и молодыми мамашами. Теперь же мамы лежат в больницах под действием мощных транквилизаторов или рыдают в квартирах. По слухам, в городе не осталось ни одного выжившего младенца. Тех, кто постарше, кто пережил тот день, родители держат взаперти – боятся второй волны эпидемии. Только что ж это за болезнь, если до сих пор не выявили в крови ни вирусов, ни бактерий, ни грибков? Блоги пестрели однотипными сообщениями – смерть, смерть, смерть. А в новостях успокаивают, что так, дескать, далеко не везде и вообще не так. Кто прав? Обычная истерия социальных сетей или жесткая новостная цензура?

Мусор за эти дни никто не убирал. Кое-где баки едва виднелись из-под завалов или просто лежали на боку. Запах пробивался даже через закрытые стекла машины.

Да и кому какое дело до мусора, когда город вот уже несколько дней хоронит жителей – и днем, и ночью. Маша сказала, что морг переполнен, она не успевает готовить документы. Вчера звонил друг детства Олег из ментовки – появились первые случаи нелегального захоронения. Люди не хотят ждать, пока будут готовы бумажки. Люди хотят проститься с умершими и хоть как-то жить дальше.

На улицах то и дело глаз цеплялся за повязки на лицах. Я привык к такому в отделении. Но видеть весной, в ясный теплый день прохожих в марлевых и одноразовых намордниках…

Город боялся. И не знал – будет еще один удар или все уже позади.

У меня зрело ощущение, что это даже не удар. А так, легкий шлепок ладонью по щеке. И от этого шлепка все вдруг начало разваливаться. Но кто или что за этим стоит? Просто так люди не умирают – без симптомов и в одно мгновение. Это иррационально, не поддается сухой медицинской логике. Нет таких болезней, которые бы срабатывали как по будильнику у миллионов людей. И нет такого военного токсина, который бы столь избирательно выкашивал население.

Древние китайцы проклинали врагов чудным пожеланием – «Чтобы тебе жить в эпоху перемен». Я предчувствовал, что эта эпоха близится, если уже не наступила.

Мы с Вадимом немного прогулялись по кладбищу – и не по своей воле. Мы просто заблудились. Такого столпотворения погост наверняка еще не видел. Людей собралось столько, что, казалось, будто сама земля прогибается и стонет под их весом. Оградки сломаны во многих местах, кое-где сбита плитка дорожек. Травяной ковер изорван тысячами ног, прошедшими по нему сегодня, вчера, позавчера. То тут, то там среди грязи и редких островков яркой весенней травы виднелись тусклые белые цветы, собранные в крупные соцветия на толстых стеблях. На ходу я оборвал один такой и размял в руке, пока мы с Вадимом прорывались через похоронные процессии. Бархатистые лепестки были разделены посередине тонкими розовыми полосками – красивый цветок, но совсем незнакомый. Или просто раньше не замечал?

Многоголосый гомон постепенно слился в однообразный шум, который изредка разрывали звонкие женские причитания. За решеткой забора стояли сотни машин – все ближайшие окрестности запрудили черные автомобили и пузатые автобусы. Цветные легковушки терялись в черном цвете – он преобладал, подавлял.

Я уже не понимал, куда идти. Мобильный телефон оказался бесполезным – везде, где мы проходили, женский голос холодно сообщал, что сеть перегружена. Деменко, казалось, тоже растерялся – метался из стороны в сторону, хотя именно он договаривался о захоронении Лены и должен был знать, где находится могила. По его сбивчивым словам вперемешку с ругательствами, выбить место нынче – задачка еще та. Кладбища оказались не готовы к такому нашествию, а для расширения их границ необходимо столько разрешений от властей, что проще дать на лапу непосредственно работникам и рыть могилы на проходах.

Тут и там сновали шустрые бабки, замотанные в ветхие, давно потерявшие цвет шали и платки. Старухи, как призраки, просачивались через толпу любой плотности, проникали сквозь, казалось бы, монолитные стены кустарника. Одинаковый взгляд, похожие движения, даже сами лица и фигуры как будто повторялись. Атака бабок-клонов. Они споро, как на конвейере, раздавали разноцветные проспекты и брошюрки. А заодно вполголоса переругивались между собой.

Не успел я опомниться, как у меня в руке уже оказалась глянцевая бумажка с суровой надписью: «Ты погибнешь! Чтобы спастись, уверуй в истинного Господа». Ниже значился спонсор листка – «Адвентисты седьмого дня». Вадима перехватила другая шустрая бабка и одарила его проспектом с не менее оптимистичным заявлением: «Ты уже мертв!» О его душе и бренном теле побеспокоились «Свидетели Иеговы».

– Сектанты уродские, – выругался Деменко, вырывая мою синюю бумажку и присоединяя к ней свою зеленую, чтобы запихнуть их поглубже в мусорку. – И в такой день не могут успокоиться.

– А когда им еще вербовать? – резонно заметил я. – Лучшее время. Смерть и отчаяние.

Лишь через пятнадцать минут мы чудом вышли к могиле Лены. И то у нас были все шансы пройти мимо, если бы Вадима не заметил и

не окликнул наш общий знакомый. Все же рост и лысина Деменко – отличный опознавательный знак в толпе. Батюшка уже заканчивал речь – и мы услышали только завершение о том, что Лена обретет покой и радость на небе, что боль и отчаяние остались в этом мире, а в другом ее ждет спасение.

Я прошептал вместе со всеми:

– Спаси и сохрани, Господи. Аминь…

Быстро перекрестился. Рука почти забыла это движение – и у меня получилось как-то неловко и скомкано. Господи, пусть Лене будет хорошо там.

Я слабо верю, я плохо умею верить, но ради Лены пусть за гранью что-то будет. Лучшее, чем здесь.

Люди начали потихоньку расходиться, черпая перед этим из холмика горсти земли и бросая их в темную яму могилы. Мама Лены тихо зарыдала и подалась было вперед, но ее перехватили мужчины рядом. Не удержали – она рухнула на колени в тягучую весеннюю грязь. Отец Лены подхватил жену под руки и почти что потащил прочь. И только тогда она закричала в полную силу. Как будто эхом с другого конца кладбища донесся еще один отчаянный, полный боли крик.

Я протолкался к краю и, когда начали закапывать могилу, попросил лопату у незнакомого мне паренька – то ли родственника, то ли коллеги Лены. Земля липла к черенку, оставляла жирные разводы на блестящем лезвии. И с каждым брошенным комком ко мне возвращалась боль. Как будто выдавливалась из ямы каждой новой порцией черной земли. Как там, в школьном курсе физики? При погружении в жидкость тело вытесняет объем жидкости, равный собственному? Так и здесь. Чем больше земли оказывается внизу, тем больнее становится оставшимся наверху.

Рядом со мной встал Вадим и, перехватив у кого-то хозяйственный инструмент, начал помогать. Все отошли в сторону, мы с Деменко мерно и молча засыпали могилу. Отдавали нашу подругу и любимую земле. Да, любимую – я понял это, когда боль подступила к сердцу и под веками резанул колкий песок.

– Иван? – Вадим приостановился и глянул на меня исподлобья.

– Любил… – пробормотал я, снова набирая полный ковш, – любил… Без всяких «не».

Вадим кивнул.

Всего через десять минут темный холмик высился над землей. Мы подровняли края, чуть утрамбовали рыхлый жирный чернозем. Сверху вместе с отцом Лены поставили тяжелый деревянный крест. Женщины украсили могилу бумажными цветами и венками. Потом будет все – и хороший памятник, и клумба. А пока так. Временно. Словно оставляя шанс на то, что смерть передумает и отпустит девушку.

Гости почти все разошлись. Только священник стоял невдалеке и что-то шептал Лениной маме. Молился? Успокаивал? Уговаривал?

Вадим дернул меня за руку:

– Пойдем, познакомлю с другом. Это он помог с местом.

Священник обнял на прощание женщину и благословил. Повернулся к нам, кивнул Вадиму и протянул мне широкую, мощную ладонь.

– Иерей Иоанн Ресин.

– Иван Корнилов.

– Тезка, значит. Рад знакомству.

– Спасибо вам, отче, за помощь. Без вас бы не справились.

– Да ладно вам, – неожиданно смутился иерей.

Вадим кивнул:

– Иоанн, мы бы не смогли организовать все так быстро. Удивительно, но сейчас самое дорогое – это могилы. Дефицит.

Я глянул в сторону – в отдалении две группы людей спорили за место. Раньше и представить такое было сложно – остервенело бранятся за могилу, того и гляди в драку полезут. Стало совсем тошно. Определенно, мир сошел с ума.

– Самое дорогое – люди. А перекупщики этим пользуются. Время бедствий, – спокойно проговорил Иоанн, внимательно изучая меня пронизывающим, цепким взглядом. – Година печалей. Нужно верить.

Я поморщился. Вот только проповедей мне сейчас не хватало.

– Верить? В кого? На все воля Господа, святой отец? Это его воля? – я широко повел рукой. Непонятно откуда у меня взялся этот сарказм. Вроде не такой уж я атеист, как Машка. А ведь вырвалось.

Священник еле заметно поморщился. Движение губ скрыла небольшая бородка. А вот яркие серые глаза на мгновение сузились – то ли в гневе, то ли в усталом отрицании.

– Не вам судить. И даже не мне… И я не святой. Если не знаете, как называть, можете отец Иоанн.

– Иоанн, прости, – вмешался Вадим. – Ивану плохо. Он с Леной был близок. – И уже мне: – Извини, Иван, что рассказываю о твоей личной жизни, но отец Иоанн не виноват в несчастьях нашего мира и в твоих тоже. Он помог нам.

Я до боли сжал кулаки – неприятно признаваться в глупости, даже если осознаёшь ее. И мрачно кивнул:

– Простите, отец Иоанн. Я и вправду повел себя грубо. Время такое. Некуда девать злость и усталость. И боль.

Священник кивнул:

– Да, сложно сейчас. Люди ищут ответы, люди ищут виноватых. И удобнее всего винить того, в кого веришь.

– Если веришь…

– Если, – согласился отец Иоанн, с прищуром всматриваясь в меня. – Вы – коллега Вадима?

– Да, точнее, почти. Я хирург.

– Хорошая специализация. Вадим оперирует душу, вы – тело. И вам, и ему будет много работы в ближайшее дни.

И совсем неожиданно Иоанн благословил меня:

– Пусть Господь помогает тебе в славном труде твоем, Иван.

– Спасибо, – оторопело ответил я. Такое отношение человека, которому я только что нагрубил, осознанно и глупо, поразило до глубины души. Он не только простил меня, что еще логично ожидать от священника, но и благословил искренне. Порой люди удивляют. Хорошо хоть иногда – приятно.

Мы, не сговариваясь, не спеша направились к выходу с кладбища. Перед отцом Иоанном люди расступались, потому мы могли идти рядом, бок о бок и спокойно говорить.

– У вас асфодель на рукаве, – улыбнулся священник, указывая на мою рубашку. Опустив взгляд, я увидел несколько белых пятнышек – еле заметные ворсинки на лепестках уцепились за плотную ткань.

– Простите, как вы сказали? – Название показалось мне смутно знакомым и в то же время чуждым.

– Asphodelus,– повторил он. – Особый цветок. Древние греки высаживали его на могилах, чтобы мертвым было чем питаться. В клубнях растения много крахмала и сахара.

– Не знал, что такие цветы у нас растут, – удивился я. Даже Вадим заинтересовался и сорвал шишковидное соцветие.

– Не растут.

– Тогда откуда вы знаете, что это за цветок?

– В бытность мою военным человеком по делам миротворческим занесло меня в Южную Европу. Там этот цветок не редкость… – Священник помолчал и задумчиво продолжил: – Когда асфодели зацветают на лугах, кажется, будто все покрыто снегом. Только снежинки с крохотными пурпурными полосками.

– То-то я думаю, что название знакомо. Наверное, с биологии помню.

– Или с мифологии. – Священник взял у Вадима соцветие, размял, как я полчаса назад, и понюхал смятые лепестки. – Эллины верили, что эти цветы растут только в Аиде, царстве мертвых, а семена к нам попадают с посланцами смерти. Потому так часто асфодели зацветают на кладбищах.

– Вы же говорили – на лугах?

– То, что сейчас луг, вполне возможно, когда-то было местом упокоения.

Я осмотрелся окрест – везде, куда ни кинь взгляд, белели колоски асфоделей. И ни тысячи ног, ни грязь – ничто не могло нанести им вред. Казалось, что цветы нематериальны, неподвластны грубому миру живых.

– Странно. Откуда они здесь? Где мы, а где Греция?

– Сейчас много странного, Иван. И асфодель не так меня пугает, как повсеместное торжество смерти.

Вадим мрачно хмыкнул, но смолчал.

Разговору не суждено было продолжиться. Мы находились почти у выхода с кладбища – до кованой решетки ворот и редких перекрытий забора оставалось всего чуть-чуть, – когда невдалеке разыгралась безобразная сцена. Несколько вездесущих бабок-клонов ожесточенно дрались между собой – шипели, яростно ругались и вырывали друг у друга цветные листки-агитки. Прямо на наших глазах к ним подключилось пятеро молодых людей в одинаковых темных костюмах и белых рубашках. Все в округе остолбенели от удивления и шока. Все-таки в наше время такие склоки – редкость, а уж когда молодежь вперемешку со стариками – и подавно.

Во все стороны летели синие и зеленые листки. Похоже, адепты «Свидетелей» и «Адвентистов» не поделили территорию. Еще никогда я не видел, чтобы пастыри сражались за души настолько открыто и буквально.

Первым опомнился отец Иоанн – бросился в кучу-малу, выдернул оттуда одну бабку, вторую, выпихнул парня в костюме. Следом включились мы с Вадимом, потом и мужики из толпы очнулись от ступора. За пару минут мы разняли дерущихся, оттащили и придержали самых активных. Постепенно накал страстей стал спадать. Казалось – все, угомонили.

Но когда отец Иоанн отпустил самую шуструю и громогласную старуху, та обернулась и вдруг как ошпаренная отскочила шага на два, взвизгнув:

– Руки убери, нехристь поганый!

И плюнула под ноги священнику.

Отец Иоанн остолбенел. А через секунду рядом расхохотался Вадим. Следом за ним не выдержал я, а там грянули и прочие свидетели невиданного побоища. Смех странно звучал на пороге кладбища – слишком гулко, слишком звонко. И неуместно. Казалось, что от нашего островка расползалась тишина – замолкал плач и разговоры, стихали шаги и шорохи одежды. Смех был лишним здесь. Но никто из нас не мог остановиться. Даже у отца Иоанна появились морщинки в уголках глаз, а бородка дернулась из-за с трудом скрываемой улыбки.

Религиозные старухи, поддерживаемые под руки молодыми коллегами в строгих костюмчиках, озлобленно смотрели на хохочущую толпу, а потом, словно по команде, рванули в разные стороны, как стая ворон зимним утром от метлы дворника. Неожиданно вспомнились слова Умберто Эко, что зло боится смеха и улыбки. Вскоре площадка перед воротами опустела, еще подхихикивающий народ расползся по дорожкам, только наша троица осталась.

И я увидел на выходе Бычару и Лысого – в тех же самых костюмах, в которых они заявились тогда в отделение больницы. Они смотрели на меня и только на меня. Я понял, что их хозяин тоже где-то рядом и желает поговорить с врачом, не осилившим спасение дочери.

– День перестает быть томным, – промолвил я, оборачиваясь к Вадиму и отцу Иоанну.

– В смысле? – не понял Деменко.

– Мне нужно поговорить с новыми знакомыми.

– Приятными знакомыми или не совсем? – прозорливо поинтересовался священник, разглядывая двух верзил.

– Скорее, второе. Но разговора не избежать – лучше сейчас, чем потом.

Вадим встревоженно спросил:

– Это то, о чем ты говорил? Из-за дочери Коломийского?

– Да.

Иоанн пожевал губами.

– Мы можем зайти в церковь при кладбище. Оттуда вы позвоните в полицию или друзьям.

– Не надо. Надеюсь, что до полиции не дойдет. Вадим, подожди меня около машины, хорошо? До свидания, отче. И спасибо.

– Иван, – священник внимательно посмотрел мне в глаза, – я буду в церкви, если что, заходите. Они не посмеют.

– Спасибо, – повторил я.

Кивнув Вадиму и новому знакомому, я не спеша направился к боевикам. В том, что у них именно такая профессия, сомневаться не приходилось. Да и чем еще они могли пригодиться Коломийскому? Не интегральные же уравнения решать или составлять бюджет для организованной преступности города на следующий год. Не то соотношение IQ и мышечной массы.

– Доброго дня, господа, – почти весело поприветствовал я их. – Не меня ищете?

– Какой же это день добрый? – проворчал Лысый, кивая на толпы людей за воротами кладбища. – Ну и юмор у вас, доктор.

– Уж какой есть, медицинский. Что привело?

– Наш шеф желает сейчас поговорить с вами.

– Я не желаю. Уже все сказал. Операция прошла, причина смерти пациентки в ее пристрастиях к наркотикам. Дело закрыто. Что еще?

– Еще вам надо пройти туда, – Бычара указал на стоянку.

– Нет. Если вашему шефу так хочется пообщаться, пусть приходит ко мне в отделение. Сейчас разговаривать не желаю – я только что близкого человека похоронил.

– А тебя и не спрашивают, мужик. – Бычара плавно скользнул поближе и перехватил цепко мою левую руку.

– Убери грабли, – ласково попросил я его.

– Еще и борзеет, – делано удивился Бычара, зажимая локоть в крайне болезненный захват. – Топай ножками, доктор, пока кость не треснула случайно.

Я чуть поддался ему, сделал шаг вперед. «Цива» легко выскользнула из кармана, раскрылась с негромким щелчком, подчиняясь резкому повороту кисти. А там уже дело за малым. Как производитель писал – «Вы наносите удар, Spyderco Civilian делает все остальное». Острый клюв керамбита вспорол ткань костюма, прорезая с одинаковой легкостью что шерсть, что синтетику рубашки, что кожу и плоть руки. Серрейторное лезвие многочисленными зубцами глубоко грызануло боевика. Инстинктивно он дернулся и выпустил мою руку, что и требовалось. Следом я ударил вверх и наискось, прочерчивая по щеке Бычары яркую полосу. Плавно и быстро повел ножом обратно, чтобы еще разок резануть урода по морде лица…

…И еще прежде, чем почувствовал холод металла, услышал у виска тонкий, почти музыкальный щелчок предохранителя. Памятный со времен армии – такой же родной и успокаивающий, как звуки при сборке «Винтореза», когда одна за другой детали встраиваются на положенные места, превращаясь в совершенный инструмент.

– Доктор, – угрожающе прошипел Лысый, – нож бросьте. Хорошо?

– А если нет? – я еще пытался бравировать.

– Тогда, сука, я сам тебя пристрелю, – проревел Бычара, зажимая рану на руке.

Чуть скосив глаза, я увидел черный ствол родного отечественного ПМ, а в нескольких метрах за спиной Лысого – спокойно идущую от входа Машу. Она безразлично мазнула взглядом по нашей небольшой пантомиме, а пока я соображал, что же делать, протопала мимо, даже не окликнув, и скрылась в дверях церквушки.

Оно и к лучшему.

Еще не хватало ее защищать – тут самому непонятно, как выкручиваться. Где та косичка, за которую можно выдернуть себя из болота?

Но обидно, что даже не испугалась и не забеспокоилась. Ну, сам виноват – чего ей переживать за почти чужого человека, разве что живущего на одной жилплощади.

– Доктор? – с нажимом повторил Лысый. – Вас ждут. Не заставляйте меня стрелять.

Я бросил ему под ноги нож и, уже не оборачиваясь, направился за Бычарой к стоянке. Лысый следовал позади, чтобы пресекать возможные выбрыки. Подошли мы к не самому дорогому «Лексусу», если вообще применимо понятие «недорогой» для этой марки машин. Черный цвет немного бликовал на солнце, и казалось, что есть в нем некая красноватая глубина. Как будто машина на самом деле темно-темно-багровая. Когда открылась задняя дверь и меня впихнули в салон, стало понятно, что я не ошибся. Все внутри было в багровых тонах: панели красного дерева, кожаная обивка сидений, даже тонированные стекла пропускали только приглушенно-красную часть спектра.

На заднем сиденье сидел крупный мужчина и спокойно меня разглядывал. В полутьме я не разобрал цвет глаз, но показалось, что они светлые. Черты лица скрадывались красноватым свечением, выделялся тяжелый волевой подбородок без всяких там гламурных ямочек. Короткая стрижка почти не прикрывала торчащие большие уши. Вот только улыбки они не вызывали. Этот мужчина вообще был защищен от шуточек в свой адрес особой угрожающей аурой, таящейся даже в простой неподвижности.

Коломийский подождал, пока я усядусь, затем холодно произнес:

– Здравствуйте, Иван Игоревич. Я давно хотел вас увидеть.

– Не так уж давно, Игорь Валентинович, – в том же тоне ответил я. – Всего лишь несколько дней.

– За это время случилось столько, что «давно» подходит лучше всего. Я, например, потерял дочь и отца.

– Соболезную.

– А вы, Иван Игоревич?

– Нет, Бог миловал.

– Бог да, он такой. Милостивый. Люди намного меньше. Зря вы поспорили с моими подчиненными. Лучше решать вопросы… более благоразумно.

Прозвучало это совсем не угрожающе, но я все же разозлился.

– Ваши люди сами полезли.

– Они всего лишь пригласили.

– Всего лишь?! Дулом к виску?

– Если бы вы упорствовали дальше, – ответил олигарх, разом растеряв деланое безразличие, – у них было право прострелить вам ногу и притащить ко мне за шиворот. Это ясно?

– Только лишь для того, чтобы вы просто меня увидели? Или какие вопросы есть?

– Не надо торопиться, доктор. Я еще не принял решения относительно вас. И спешка может обернуться совсем не в вашу пользу.

– Да кто вы такой, чтобы решать? – психанул я.

– Отец девушки, умершей в вашем, дорогой доктор, операционном зале.

– И сколько вам нужно времени, чтобы решить? – Меня уже несло, и останавливаться я не собирался. Никогда не любил, когда на меня давят, особенно как сейчас – спокойно, одной позой и обстановкой.

– Иногда хватает и одной секунды.

Я скорее угадал, нежели увидел, что Коломийский улыбнулся. Неожиданно пришла мысль – все это не более чем проверка. Но зачем и для чего?

– Что вы хотите узнать? – продолжил я резко. – Были ли шансы у вашей дочери? Да, были. Если бы она не накачивалась наркотой по самые брови. Но даже если б она выжила на операции, более чем вероятно, ее бы добили осложнения. Тем более в случае многочисленных внутренних повреждений.

– Это я знаю. Меня больше интересует, сделали вы все для нее или нет. Только это и важно.

– Я сделал все, что зависело от меня. А почему вы не сделали все, что зависело от вас, чтобы дочь не подсела на дрянь? С вашими-то возможностями?

Коломийский повернулся ко мне всем корпусом. Хмыкнул.

– Не ожидал, Иван Игоревич, что вы умеете так кусаться. Даже в заведомо проигрышном положении.

– Не знаю, в каком я положении, – угрюмо ответил я, – но молчать не собираюсь.

– И не надо. Я поискал информацию о вас, Иван Игоревич…

– И?

– Некто Кинни говорил – чтобы распознать стоящего врача, выбирайте того, у которого еще сохранились миндалины и аппендикс. У вас они есть, Иван Игоревич?

– Присутствуют. И крайнюю плоть мне тоже не обрезали.

Местный феодал фыркнул, то ли иронично, то ли одобрительно.

– Мои информаторы сказали, что вы хороший специалист. Ранее у вас ошибок не было… – и после паузы добавил: – Почти.

Я напрягся.

– Если вы о том парне…

– О нем, о нем, Иван Игоревич. Но я поговорил с врачами, они считают, что вины вашей нет. Каждый в той ситуации мог ошибиться. Да и редки инфаркты у семнадцатилетних. Но это неважно, дела давно минувших дней. Я поговорил и о моей дочери. В общем, некоторые специалисты считают, что спасти было можно.

Коломийский сделал паузу. Я тоже молчал. Что тут скажешь. Все возможно в этом мире, но не все случается.

– Но большинство все же сделали неблагоприятный прогноз, Иван Игоревич. Так что я, пожалуй, вам поверю. Да и… скажу честно… я давно уже смирился с тем, что дочь долго не проживет.

– А помочь ей не могли?

– Мог. Пробовал. Помогал. Но она упорно шла к смерти. А я, поверьте, Иван Игоревич, за свою жизнь повидал достаточно наркоманов, чтобы знать, чем это заканчивается. Всегда.

– Тогда зачем?

– Хотел с вами познакомиться, – на этот раз чуть напряженную улыбку олигарха я рассмотрел точно. – И убедиться лично в очередной раз, что я умею разбираться в людях – работа обязывает.

Я осторожно потер подбородок:

– Тогда больше претензий ко мне нет?

– Нет, претензий нет. А вот интерес есть.

– Какой же?

– Мир изменился, Иван Игоревич. Многие еще не хотят этого признавать. Но… считайте, что у меня есть нюх на такие вещи. Может, благодаря ему я и выплыл в девяностые. И думаю… хм… даже знаю,

что скоро понадобятся самые разные люди. Например, хороший хирург. Чтобы выжить. И мне. И вам.

– Э-э-э… спасибо.

– Еще не за что, – усмехнулся Игорь Валентинович и неожиданно протянул мне руку.

Я, чуть помедлив, пожал ее.

– Спасибо, что сделали для Даши все, что смогли.

– Это моя работа.

– Да… это ваша работа. Иван Игоревич, не буду вас дольше задерживать. Ребята отдадут нож. Вот, возьмите мою визитку. Если что, звоните.

– Извините, у меня с собой нет своей…

– Не надо, – прервал Коломийский. – Ваш телефон, Иван Игоревич, у меня есть. До свидания. Рад знакомству.

– Я тоже, – неуверенно ответил я и, мягко щелкнув ручкой двери, вышел из машины.

Вдалеке увидел Машу – рядом с ней стоял Вадим и, вот уж неожиданность, друг детства Олег, капитанствующий в полиции. Позади виднелся отец Иоанн. Вся честная компания бросилась ко мне, едва машина Коломийского отъехала с эскортом из еще одного черного «Лексуса».

– Ну как? – спокойно поинтересовалась Маша.

– Выяснили? – жестко спросил Олег.

– Мир или война? – взволнованно прогудел отец Иоанн.

Только Вадим смолчал, впрочем, его выразительно вскинутые брови говорили сами за себя.

– По очереди, – я облегченно рассмеялся. И с удивлением глянул на Машу – когда это она успела Олега позвать. Больше некому – Вадим с ним незнаком, а в случайную встречу не верится. Молодец у меня жена, повелительница хладных трупов, спортсменка, комсомолка и просто красавица.

– Не поверите, но, кажется, у меня появился покровитель в преступном мире.

Олег расхохотался:

– Ох, Ванька! С твоим обаянием ты и в морге друзей найдешь.

– И жену, – добавил Деменко.

Ответом ему стал новый взрыв хохота.

В свое жилище мы с Машкой добрались только через три с половиной часа. Вначале завезли Олега на работу, потом Вадима домой – и все это через город, забитый пробками. Как Олег сумел столь быстро приехать – загадка. Особая магия полиции.

Солнце уже клонилось к закату, когда я припарковал машину около родного дома.

Перед самым подъездом я остановил Машу и тихо сказал:

– Спасибо.

Она удивленно вскинула брови:

– За что?

– За то, что не бросила. За то, что позвала Олега. За то, что была рядом.

Жена задумчиво хмыкнула и неопределенно повела плечами:

– Думала, что и спасибо не скажешь. Да пожалуйста. Для чего еще нужна жена?

И пошла впереди меня к дверям. Даже не оглянулась – иду ли следом.

Еще один день в неведомом новом мире закончился. Что он новый, заметили, наверное, даже самые закоренелые скептики. Испортилось что-то в часовом механизме мироздания – непредусмотренная высшим планом песчинка сломала зубец передаточного колеса, хитрая машинерия разладилась, и реальность стала распадаться на куски.

Я устало плелся по лестнице, придерживая Машу за руку. Как ни странно, но после такого богатого на события дня, когда сил – и душевных, и физических – просто не осталось, захотелось доказать себе, что я еще что-то могу, на что-то способен. Что я еще жив. И Маша, кажется, тоже была не против, во всяком случае, и слова не сказала, когда я на первом этаже прошел мимо лифта.

Хотелось забраться на Эльбрус, прошагать весь Тибет насквозь, залезть без страховки на Эйфелеву башню или просто наколоть дров. Ну, или подняться по лестнице на восьмой этаж. Раньше, лет пятнадцать назад, я на этот самый этаж взлетал. Прочитал на каком-то дурацком сайте, что так можно проверить, насколько ты будешь выносливым в сексе. Мол, если хватило тебя три раза сгонять до третьего этажа и обратно, значит, в постели будешь ого-го – дыхалка и сердце как у супермена. Трижды три – на героя посмотри. Но бегать

туда-сюда без всякой видимой цели – как-то странно со стороны выглядит. Еще соседи по подъезду санитаров вызовут или полицию. Вот я тогда и решил, что родной восьмой этаж – это самое то. Если что – домой тороплюсь.

Сейчас ни о каком сексе я и не думал. Женщина, которая меня привлекала, лежит под двумя метрами чернозема. А та, что идет рядом, давно уже вызывает чувства сродни скорее заботе, нежели желанию. Странно, что все так получилось. Мы ведь были когда-то чудесной парой – так говорили все знакомые, да и мне так казалось.

Пятый этаж я одолел уже с трудом. В груди с натугой работали кузнечные мехи, разжигая рядом с сердцем нешуточный пожар. Даже в горле запершило. Вот тебе и приехали – тридцать пять лет, а дыхалка уже никуда не годится. Жена следовала за мной легко и спокойно, даже дыхание у нее не сбилось. Собрав все силы и волю, я чуть ускорил шаг, перепрыгивая через ступеньку и оставив-таки Машу позади. Хрипло дыша, преодолел последний лестничный пролет.

Ощущение дежавю ударило наотмашь, как снежок, прилетевший в голову неожиданно и непонятно откуда. Больно, звонко, холодно.

Все было как пять дней назад. Запах лекарств на площадке, врач, мрачно курящий рядом с квартирой соседки, дверь Галины Федоровны, распахнутая настежь.

– Что… случилось? – с трудом переводя дыхание, спросил я.

Врач глянул на меня с интересом. Да уж, картинка маслом – пыхтящий мужик, весь мокрый, с дикими глазами. Маньячина, только сбежавший из ПНД. Врач повернулся к Машке – его взгляд разом потеплел. А что, Маша – девушка симпатичная. Даже простая одежда этого не скрывает. А после такого альпинистского подъема жена и подавно смотрелась чертовски соблазнительно – грудь под футболкой тяжело вздымается, губы чуть приоткрыты, румянец на щеках. Я прямо сам залюбовался.

– Соседи? – поинтересовался врач.

– Аг-га, соседи. Что… случилось-то?

– У вашей соседки сердечный приступ. Умер у нее кто-то?

Маша тихо ответила:

– Муж. Пять дней назад. В тот день. Только сын да сестра остались.

– Гадство, – врач сплюнул. – И самое паршивое, сейчас везде так.

Я боком протиснулся в дверь соседки. Аккуратно снял ботинки – Галина Федоровна всегда держала квартиру в чистоте. Мне совсем не хотелось добавлять к грязным следам врачей еще и свои. Нет, коллег я прекрасно понимал. И квартиры бывают разные, и должностная инструкция для работников «скорой помощи» категорически запрещает разуваться на вызове, а бахил на скромную зарплату врача не напасешься.

С удивлением для себя самого помог Маше снять кроссовки. Поймал ее изумленный взгляд и кивнул в сторону залы.

В квартире запах лекарств усилился. Словно я попал в помещение советской аптеки. В современных фармацевтических заведениях такие ароматы встречаются редко. М-да, стерильная память прошлого.

Громко играла музыка.

Восемнадцать лет – это не много,

Когда бродишь по Тверской да без денег,

И немало, когда сердце встало,

А от страны тебе пластмассовый веник.

Шевчук – неожиданно. Нет, такая музыка когда-то частенько доносилась из квартиры Галины Федоровны – пока ее сын Боря не попал в армию. Раньше-то порой даже соседи снизу прибегали, умоляли прекратить рок-концерт в одиннадцать вечера. Боря никогда на децибелы не скупился – старался включить так громко, чтобы все стали счастливы и никто не ушел обиженный. Жаль, не всегда соседи понимают души прекрасные порывы. И потому Шевчук сегодня меня удивил. Вроде ж Борька сейчас на Кавказе…

Гнусное предчувствие сдавило горло. Я ускорил шаг и почти забежал в гостиную. Рядом с соседкой – белой, как привидение, и как будто полупрозрачной – сидела медсестра и держала ее за руку. Галина Федоровна тяжело дышала, кривя рот, словно ей больно проталкивать воздух в легкие.

– Что случилось?

– Боря умер, – горько ответила она. И зарыдала звериным, черным плачем.

Я не выдержал – этот тоскливый бабий вой заставил сердце дернуться в болезненной судороге, – сбежал на площадку, оставив Машу с соседкой. Врач смолил очередную сигарету. Глянул на меня понимающе, протянул пачку.

– Спасибо, – хрипло пробормотал я.

Пять затяжек в полной тишине.

Неожиданно врач сказал:

– Уволюсь я, пожалуй. Сил нет.

Я выдохнул слова вместе с дымом:

– Что, херово?

– Ага. Каждый второй вызов. Смерть, смерть, смерть… И не прекращается.

– А я останусь. Иначе вообще некому…

– Наш? – Врач глянул с интересом.

– Хирург.

Устало облокотившись на стену, он неожиданно протянул мне маленькую серебристую фляжку.

– Будешь?

– Нет, – мотнул я головой. – И хотел бы, в больнице тоже задница полная. Но мне еще с женой нужно поговорить. А это лучше на трезвую голову.

– Это да… – согласился мужик и сделал долгий глоток. Запахло хорошим коньяком. – Как знаешь.

От соседки вышла медсестра. Провожающая ее Маша замешкалась в коридоре с кроссовками. В спину им ударили начальные аккорды той же песни ДДТ. Шевчук хрипло запел по второму кругу:

Умирали пацаны страшно,

Умирали пацаны просто,

И не каждый был снаружи прекрасным,

И не все были высокого роста.

Врач обернулся к моей жене:

– Присмотрите за ней. Инфаркт я не подтверждаю, похоже, приступ стенокардии. Все, что нужно, мы дали – думаю, через полчаса полегчает. Говорите, у нее муж умер в тот день?

– Да, – кивнула Маша. – Галина еще в себя не пришла, а тут этот звонок.

– Бедная женщина, – вздохнула медсестра.

– Присмотрите за ней, – повторил врач и, сгорбившись, направился по лестнице вниз, даже не глянув в сторону лифта. И через несколько секунд мы с Машей остались на площадке одни.

Жена по-детски обхватила себя за плечи и, наклонив голову, беспомощно сказала:

– Представляешь, Ив, там почти все в части умерли. Не один Боря. Как у нас… Получается, и вправду так везде? Что происходит?

– Не знаю, Маруська, – растерянно ответил я. От ее неожиданной слабости стало неловко – надо было защитить, утешить. Но что-то мешало.

– Обними меня, Ив, пожалуйста, – вдруг попросила Маша.

Я не мог отказаться. Да и если честно, не хотел. Мы стояли на грязной полутемной площадке, но на сердце вдруг стало очень светло – словно вернулось нечто давно забытое, чему даже названия не осталось.

А из полуоткрытой двери доносилось почти что пророческое:

Чем ближе к смерти, тем чище люди.

Чем дальше в тыл, тем жирней генералы…

Здесь я видел, что, может быть, будет

С Москвой, Украиной, Уралом…

Глава 5

Никто и никогда, ни в одной книге не упоминал, что совсем не важен калибр пистолета – дуло все равно будет размером с солнце. Если оно направлено прямо на тебя. Черное-черное солнце.

– Уверена? – с внезапно пересохшим горлом спросил я у Маши.

– Как никогда ранее, – пропела Маша, прищурив один глаз и выцеливая мне то ли легкое, то ли сразу сердце. Она стояла против света. И если силуэт жены скрадывался мягким закатом, то чернота дула, казалось, игнорировала все законы физики, выделяясь четко и ясно, как смертный приговор. Которым, по сути, и являлась.

– А говорят, что в человека трудно не то что выстрелить, но даже целиться…

– Врут, дорогой, – спокойно ответила жена, твердо удерживая в правой руке маленький дамский револьвер. – Тем более, этих «человеков» столько через меня прошло, что я, пожалуй, уже путаюсь – объект еще не или уже да. Профессиональная деформация, Ив, как она есть.

Весь мрачный юмор ситуации в том, что именно я этот пистолет достал и вложил в ее руки тоже я. А теперь мне очень неуютно. Да и кому было бы комфортно, если б жена целилась в него из револьвера?

Лучше уж чужой человек. Как-то естественнее.

Наши ощущения строятся на привычках.

Но подспудно я прекрасно понимал, что причин спустить курок у Маши море и небольшой лиман рядышком. Сам виноват. Что там старина Данте оставил для прелюбодеев? Истязание ураганным ветром, вечные, постоянные удары о раскаленные камни преисподней – и не за что зацепиться, и никто не удержит. Вполне вероятно, что финальный пинок в этом направлении даст именно жена, если я не приведу в норму семейные отношения, или какие еще там отношения между нами остались.

А ведь день начался спокойно.

Правда, спокойствие продлилось недолго.

***

Утро я уверенно предназначил для сна. Машка рванула на любимую работу еще в семь. Я же позвонил в отделение и сообщил, что дорогой и незаменимый заведующий будет отсыпаться до тех пор, пока руки сами не попросят скальпель. Все равно день сегодня не операционный, а истории написать и интерны в состоянии. Волна смертей и травм потихоньку схлынула. Надеюсь, что второй не будет. Все неудачники переместились в морги или на кладбища. Все везунчики спокойно живут дальше. А прочие категории граждан, которым везения и невезения Мойры отсыпали поровну, уже побывали в операционном зале или у меня, или у моих коллег и теперь отлеживаются в палатах, томительно ожидая выписки.

И потому, сообщив о своем волевом решении, я поставил таймер мобильника на плюс два часа, перевернулся на другой бок и… громко выругался.

Потому что телефон бодро отыграл звонок и высветил на экране фотографию и заодно имя Олега.

– Угу, – вежливо поздоровался я.

– На работе уже?

– Не-а.

– Спишь, что ли? – удивился друг детства.

– Угу, – повторил я начало разговора. И только собрался вкрадчиво попросить, чтобы он позвонил через отмеренные мною для сна два часа, как Олег вывалил все и сразу:

– У нас тут резня. Мне нужен твой совет.

– У вас что, экспертов нет?

– Эксперт, с которым я обычно работал, умер в тот день. А к левым людям не хочу обращаться, пока сам не разберусь. Если информация выползет наружу…

– Что, настолько херово?

– Да. Иванище, мне нужен твой профессиональный совет.

– Именно мой? Давай я Машку попрошу, она у нас эксперт по резне и прочим кровавым извращениям.

– Пока твой. А там как решишь.

– Ну-у, ладно… – Сна все равно уже не осталось. Я потянулся и почти бодро спросил: – Ехать к тебе на работу?

– Нет. Я тебя разбудил, мне и в гости напрашиваться. Просыпайся пока, готовь завтрак. И мне чего-нибудь придумай, если не сложно. Я

со вчерашнего обеда не жравши – всю ночь на месте преступления. Буду минут через двадцать.

– Принято. Давай, – согласился я и нажал «отбой».

Двадцати минут как раз хватило, чтобы принять душ, побриться и вскипятить чайник. Мудрить с едой не хотелось совершенно. Порезал хлеб, засунул ломтики в тостер. Пока тосты распространяли по дому аппетитный запах, открыл банки с паштетом и креветочной «замазкой», порезал помидоры и огурцы. Как раз на суровый мужской завтрак сгодится. Порылся в холодильнике, выудил сыр и печально-короткий остаток сухой колбасы. Разложил снедь на тарелке. Только успел заварить свежий чай, как прозвенел дверной звонок. Олег прибыл четко через двадцать минут плюс вежливые пять.

Выглядел он уставшим. Под глазами залегли круги, что только подчеркивало, оттеняя, темно-серую «стальную» радужку. Русые волосы свалялись и кое-где торчали неопрятными вихрами. На одной щеке красовалась длинная поджившая царапина, а через другую протянулась еле заметная маслянистая полоска. Мне почему-то почудился запах ружейной смазки. И по цвету похоже – смазка, приправленная пороховой гарью, приобретает особый оттенок. Даже две узкие морщины на лбу, казалось, стали глубже.

– Н-да. Чегой-то укатали тебя, Сивка-Бурка.

– Видно? – усмехнулся Олег, сбрасывая легкую форменную куртку и снимая основательно запачканные липкой глиняной грязью кроссовки.

Не отвечая на риторический вопрос, я приглашающее махнул рукой в сторону кухни.

Рассевшись за столом, Олег деловито начал набрасывать на тосты съестное. Вскоре на тарелке громоздилось несколько пизанских башен.

– Ну что? – Он на миг прервался и глянул на меня исподлобья. – Дела вперед или трапеза?

– Трапеза, – решил я. – А то после твоих дел даже у Машки аппетит пропадает.

– Мудрое решение, достойное мудрого мужчины, – уже с набитым ртом пробубнил Олег.

Я налил ему и себе чай – сегодня душа к кофе совсем не лежала. Мой организм на него странно реагирует – только выпью, сразу же внутри все как будто ощетинивается, и невидимый реактор начинает

выдавать сто двадцать процентов мощности настолько бодро, что даже немного потряхивает. Признак перевозбужденной нервной системы. Хоть бензодиазепины глотай.

Сам я закинул в себя лишь парочку бутербродов, пока Олег методично и торопливо уничтожал остальную еду. Похоже, он все же остался чуточку голоден, но вежливость ему не позволила это показать.

Глотнув обжигающий чай и даже не поморщившись, Олег хмуро сказал:

– А теперь точно дела.

– Давай, – вздохнул я, чувствуя, что спокойно начавшееся утро, как обычно в последнее время, перерастает в сумасшедший день.

– Смотри, – Олег бросил на стол пухлый конверт.

Внутри оказалась пачка фотографий. Чувствовалось, что они совсем свежие – глянец еще не приобрел обязательных царапин, острые углы не хранили жирные отпечатки пальцев.

Просмотрев первые несколько снимков, я понял, почему Олег предпочел вначале позавтракать, точнее, позволил позавтракать мне, а потом уже перешел к делам.

Кровь.

Кровь.

Кровь.

На полу и стенах, на портьерах яркой золотистой раскраски и на стульях «под старину», на стекле сервиза и белой двери холодильника, на ламинате и кафеле пола, даже крупная клякса на потолке. И среди пятен и багровых полос на стенах проступали слова на английском, такие же красные, как кляксы на полу, написанные тем же составом. Шестьдесят процентов плазмы, сорок процентов эритроцитов, тромбоцитов и лейкоцитов – кровь.

Но все это не более чем антураж.

Взгляд сразу же цеплялся за тела. Их кто-то так изуродовал, что я, просмотрев всю пачку фотографий, даже не смог четко сказать, сколько там трупов. Семь, восемь, десять?

– Сколько? – хрипло поинтересовался я.

– Тринадцать. – Олег не спеша попивал чай, искоса посматривая на меня.

– И зачем тебе я?

– Чем, по-твоему, это сделано?

Я повернулся к Олегу:

– Дружище, не юли. Зачем я тебе? Ответ на этот вопрос даст тебе любой судмедэксперт.

– Я же сказал…

– Сказал, – прервал я его. – Олег, ты боишься огласки, но дело у тебя в любом случае заберут прокурорские. Если еще не забрали. Информация все равно расползется. Ты должен только радоваться, что это не придется расхлебывать самому.

– Экий ты недоверчивый.

– Так что выкладывай, зачем тебе я.

– Хорошо. – Олег сжал губы в тонкую линию. – Я тебе отвечу. Но вначале ответь ты.

Я еще раз рассмотрел тела на снимках – практически у всех ровные, даже слишком ровные порезы поперек горла, вспорота брюшина, похоже, что вскрыты бедренные артерии. Особенно долго изучал фотографии, где раны сфотографированы крупным планом.

– Что-то очень острое. Не кухонная утварь, не китайские поделки. Я бы даже сделал ставку на ножи неклассической формы. Например, керамбиты, ими проще наносить такие порезы, чем прямыми ножами. Может, Spyderco, может, Emersson.

– Керамбит – это такой, как у тебя?

– Такой, да не такой. У моей Цивы лезвие серрейторное – зубчики не дадут столь ровных краев раны. Лезвия тех ножей, которыми все это наделали, плейновые, без зазубрин. Олег, зачем ты спрашиваешь мое мнение? Опытный судмедэксперт скажет намного больше и намного точнее.

– Затем. Милый мой друг, я думал, ты сразу догадаешься…

– Продолжай, – нахмурился я.

– Скальпель. Все это сделано скальпелями.

– Чушь. Невозможно. Точнее, неудобно. Глупо. Все равно что маникюрными ножничками рыбу чистить. Получится, но долго, муторно и грязно.

– Но все именно так, как я сказал. В раковине на кухне лежали два десятка скальпелей в крови.

– Ты поэтому не хочешь огласки?

– Да. Тринадцать трупов, куча скальпелей, ровные разрезы. И я тебе еще не показал второй конверт. Что имеем?

– Спятившего медика?

– Спятившего хирурга. Лови второй конверт.

Пачка снимков оказалась поменьше, чем первая. Но намного интереснее, на мой профессиональный взгляд. На праздничном столе, на когда-то белой скатерти, среди хрустальных бокалов и белых широких тарелок аккуратно расположились несколько сердец, куски печени, с десяток почек, одиноко лежащая селезенка, две матки рядышком и по соседству с ними три вырезанных под корень члена. Еще несколько органов лежали в куче – я не стал их идентифицировать. Мое внимание привлекли макрофотографии – такое ощущение, что некто сделал удаление почек на операционном столе по всем правилам, аккуратно и спокойно.

Я отбросил фотографии и с минуту молча пил уже остывший чай.

– Ты прав, Олег. Этот человек, хотя я бы эту тварь уже не считал человеком, когда-то учился на хирурга. И хорошо учился.

– А работал?

– Не знаю, – покачал головой я. – Я скажу тебе про почки. Отделены аккуратно и правильно. Такое сделает и очень хороший интерн. И хороший патологоанатом. Только патан бы не стал возиться со скальпелями. У них свои инструменты.

Олег замолчал, о чем-то напряженно думая. Я не стал ему мешать, поставил на огонь чайник. В горле пересохло после просмотра фотографий.

Я нарушил молчание:

– Боишься, что все подумают на медиков?

– Да, – отстраненно ответил Олег. – Сообрази сам, Иван. Скальпели, тринадцать трупов, расчлененка. То ли месть, то ли заказ. Плюс тот день, когда столько умерло, а врачи помочь не смогли. Плюс страх, что все повторится.

– Ты думаешь, что жители будут искать виноватых и ими окажутся врачи?

– Я бы не исключал такую возможность. Потому не хочу дразнить зверя и слишком рано допускать утечку информации. И еще причина есть… Информацию все равно сольют, но хотя бы время выиграем, чтобы поймать этого ублюдка.

– Уверен, что сольют?

Олег невесело рассмеялся:

– Иванище, у меня в отделе умерло пять человек в тот день. Самые верные, самые честные. Которым я бы спину доверил, не задумываясь. А остались скользкие выживанцы, которые сольют инфу, как только им предложат даже не тридцать, а хотя бы десять сребреников. Прокурорские, кстати, тоже сольют. Но позже. И у меня будет время.

– Что-то ты сгущаешь краски.

– Иван, когда работаешь с людьми в нашей организации бок о бок на протяжении нескольких лет, прекрасно знаешь и про их левые доходы, и про их базовые принципы. Те ребята, что остались, давно прикормлены Коломийским.

– Опа. И тут он.

– И тут. Везде он в этом городе. Ты просто не сталкивался.

– Уже столкнулся.

– Да… – задумчиво отозвался Олег. – И я этому не рад. У него есть особое проклятие – все, чего он касается, начинает гнить изнутри.

– Буду надеяться, что меня эта участь обойдет, – я попытался изобразить веселый смех.

– Я тоже буду. Подольешь чайку, дружище?

– Может, чего покрепче?

– Хм… – Олег крепко задумался. – Пожалуй… нет. Нам еще к твоей жене ехать. Если ты не против.

– К Машке? – удивился я. – А она-то тебе зачем?

– Я услышал мнение хирурга, теперь хочу показать фотографии судмедэксперту. Ты же сам заметил, что он скажет больше.

– Ну, логично. Только… Олег, давай начистоту.

– Ну, давай, – он невесело усмехнулся.

– Зачем ты цепляешься за дело, которое в любом случае у тебя заберут? Почему тебе так важно узнать все раньше, чем информация пройдет по официальным каналам? Извини, прежде чем впутывать Машу, я должен знать.

– Логично. – Друг хрустнул пальцами, сделал долгий глоток из чашки. – Ты, кстати, так и не спросил, кто все эти погибшие.

– И кто они?

– Мирославские. Вся семья, – коротко ответил Олег.

– Мирославские?! – У меня заледенели руки, когда я снова потянулся к фотографиям.

– Ты ведь всех их знал.

– Почти всех, – хрипло ответил я. – Олег Викторович преподавал в академии хирургию. Его жена Людмила Георгиевна – однокурсница и друг моего отца. Их младшая дочка Наташа выбрала путь актрисы, а не врача, но я и ее знаю. Да и многие знают, кто в театры хоть иногда ходит. Старшая Нона работает… – я сглотнул, – работала у нас в терапии.

– Я в курсе, Иван. Забыл? Ты же нас когда-то и познакомил.

– Серьезно? Не помню.

– В отделении. Уже четыре года прошло.

После его слов я и вправду вспомнил, что когда-то Олег заходил ко мне по делам, а я схватил его в охапку и потащил на день рождения Ноны в ее отделение. Что-то мне тогда грустно было, душа жаждала выпить в компании друга, а тут такой повод.

– Ты говоришь… все?

– Вся семья, – повторил Олег. – Отец, мать, сын, три дочери, их мужья, дети. Все.

– Все равно не понимаю, зачем тебе это. Ты всяко видел по работе что-то подобное. Чем этот случай для тебя так важен? – Я прямо посмотрел ему в глаза.

И Олег не стал отводить взгляд.

– Нона.

– Ты и?.. – удивился я.

– Да. Я и Нона. Все эти четыре года.

– Но она же замужем.

– А ты женат. И что? – резко и неожиданно жестко ответил Олег.

Я криво усмехнулся:

– Да уж, чья бы корова мычала. Ты… меня удивил. Я думал, что у Ноны все нормально с мужем.

– Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

– По-своему, – эхом отозвался я.

Пальцы судорожно стиснули конверт. Я нашел в себе силы вытащить фотографии и еще раз всмотреться в изуродованные трупы, пытаясь узнать тех людей, с которыми когда-то общался, учился,

работал. Окровавленные куски плоти ничем не напоминали Олега Викторовича с гордой аристократичной осанкой прямо-таки дореволюционного врача и ухоженной гривой седых волос или Людмилу Георгиевну, которую я многажды видел с дочкой Ноной в гостях у отца. Я так и не смог опознать саму Нону, хотя частенько видел в больнице ее пышную, но очень женственную фигуру. Чтобы отвлечься от искалеченных тел, я стал рассматривать надписи кровью на стенах. Сатанинская неграмотная банальщина. «Hell came here», «Kill`em all», «God forgot you all»…

Но тут одна фраза вызвала ощущение дежавю. Я застрял на ней, пытаясь вспомнить, откуда я знаю это словосочетание. Что-то в этих словах было неправильным. Казалось, что в написание закралась ошибка. И она совсем не случайна.

«Healter Skelter».

Неожиданно в памяти словосочетание озвучилось знакомым голосом. Сэр Пол Маккартни пропел:

When I get to the bottom I go back to the top of the slide
Where I stop and I turn and I go for a ride
Till I get to the bottom and I see you again.
Do you, don't you want me to love you
I'm coming down fast but I'm miles above you
Tell me tell me tell me come on tell me the answer
You may be a lover but you ain't no dancer.
Helter skelter,
Helter skelter,
Helter skelter.

– Твою мать, – зашипел я и выдал еще с десяток самых забористых матов.

– Ты чего? – ошалел Олег.

– Сиди, я сейчас.

Почти бегом добрался до комнаты, где стоял музыкальный центр. Рядом угнездились высокие стопки компакт-дисков. Я пробежался пальцами по корешкам – ABBA, Aerosmith, Aina, Avantasia, Axel Rudi Pell, Ayreon, Blind Guardian… – и выудил два диска Битлов, известнейший «Белый альбом». Перевернул и прочитал на обратной стороне второй коробки – «Helter Skelter».

– Сука.

– Кто сука, который тут? – спросил из-за плеча Олег, который проигнорировал приказ и примчался вслед за мной.

– Фотографии с тобой?

– Ну…

– Сравнивай, – я сунул ему диск и ногтем подчеркнул название песни. Потом выбрал из стопки фотографий ту самую с надписью, что меня зацепила, и положил сверху диска.

Олег удивленно хмыкнул:

– Это что? Наш убийца – битломан?

– Хуже. В надписи ошибка...

– Так еще и неграмотный битломан? Ужас, ужас…

– Эта ошибка означает одно. У нас в городе серийный убийца. И он будет убивать… еще, еще и еще.

– Бля… Уверен?

– Бестолочь и двоечник, – охарактеризовал я друга. – Поехали к Машке. По дороге расскажу то, что ты должен знать и сам, доблестный защитник граждан.

Мы выехали на машине Олега. Могли бы в принципе каждый в своей. Но нам еще нужно было поговорить в дороге. Так что я оставил железного коня возле подъезда.

Город опять казался другим. Я уже не удивлялся переменам, воспринимая их как должное. Если случается невообразимое, как в тот день, то после него будут расходиться волны по привычной реальности, словно после брошенного в воду камня.

И только мы выбрались на проспект из узких улочек между домами, как влетели в пробку. Дорогу нам и десятку других машин преградили не аварии, не поваленные деревья или столбы, не еще какие-то урбанистические ужасы.

Люди.

Десятки, если не сотни.

По проспекту бежали молодые девушки, средних лет мужчины, совсем юные парни, даже старики кое-где виднелись в толпе. Не наблюдалось толчеи и беспорядка. Люди бежали спокойно и уверенно, не оглядываясь по сторонам. Спортивные костюмы, джинсы с обычными рубашками, кое-где даже мелькали деловые «пары» и «тройки». Асфальт безразлично шуршал под сотнями подошв. Кеды и офисные туфли, кроссовки и босоножки, тенниски и сандалии

подымали легкие облачка пыли. Олег заглушил двигатель и откинулся на спинку сиденья, заложив руки за голову.

– Подождем.

Когда утихло бензиновое сердце машины, звуки улицы заполнили салон. Слаженное дыхание толпы звучало как симфония, странная, мощная, атональная. Привычные звуки города отступили перед таким напором бегущих.

Я ошеломленно таращился на этот странный марафон. А Олег тихо посмеивался, посматривая на меня:

– Что, Иван, совсем ты закопался в отделении?

– Что это?

– «Гампы» бегут, дружище. – Олег иронично подмигнул. – Присоединиться не хочешь?

– Какие еще «гампы»?

– Участники Общества психологической поддержки имени Форреста Гампа. В народе их «гампами» прозвали.

– Бред… бред какой-то, – пробормотал я, наблюдая за нескончаемым людским потоком.

– Почему бред? Люди справляются с горем и ужасом от потери близких.

– Но почему бегут?

– Так им легче. Просто бежать, не думая, не страдая, не вспоминая.

Я тряхнул головой:

– Да, Олег, видимо, я многое пропустил за последние дни. Много их?

– По последним данным, порядка нескольких тысяч. Открытое общество, вся информация в свободном доступе на сайте. Записаться может каждый. Забеги – каждое утро и вечер из разных районов города.

– Да… неожиданно.

– Многие не ожидали. Но проблем от «гампов» нет – и пусть бегают. Разве что дорогу перекрывают. Но это меньшее из зол.

– А кто вообще все это придумал?

– Да президент их, некий Тимошенко.

– Тимошенко? – Я резко повернулся к Олегу. – А по имени как его?

– Имени не помню. Неприметный такой мужичок, серый. А что, знакомая фамилия?

– Есть немного, – пробормотал я, отворачиваясь к боковому окну и высматривая конец потока. Вроде бы уже последние ряды пробегали мимо нас. Скоро можно будет ехать. «Гампы», блин. Придумали же название.

– Фамилия в наших краях распространенная, – философски подытожил Олег, трогаясь с места.

Марафонцы освободили проспект. Но побежали они как раз в ту сторону, куда нужно было ехать нам. Так что Олегу пришлось снова углубиться в боковые проулки, зигзагами пробираясь к работе Маши.

На одной из улиц я обратил внимание на покосившуюся вывеску «Сафари» и осколки, щедро усыпавшие тротуар. Окна скалились голыми решетками, одна дверная створка валялась у стены, второй не было совсем.

– А это что? – поинтересовался я.

– Это? Вчера вечером особо умные попробовали ограбить «Сафари» и «Охотника».

Я крепко задумался, сколько оружия, возможно, оказалось непонятно у кого:

– И?

Олег усмехнулся:

– И ничего.

– В смысле?

– Вообще там ничего не оказалось. Пустые полки. Только пневматические пукалки в витринах да катаны из дешевой китайской стали. Хитрец, Коломийский, ой, хитрец…

– А он тут при чем?

– Все ормаги в городе под ним. Крепко я его не люблю. Есть за что. Но признаю, что не зря он наверх выбился, всю шушеру мелкую передушил. Умеет вперед просчитывать – сразу сообразил, куда контуженые выживанцы первым делом побегут.

Прибыли мы к Машке только через полчаса. По дороге встретили еще одну колонну «гампов». Я уже начал верить словам друга, что этих новоявленных спортсменов пара тысяч. Скажу честно, такая слаженность и целенаправленность внушали оторопь. В современном мире люди вообще постепенно становятся индивидуалистами. И

потому странно увидеть сотни людей, действующих, думающих и дышащих как единый организм. Это сила. Еще дремлющая, но уже собранная в кулак.

Перед самым моргом я спросил Олега:

– Не боишься, что они окажутся в результате не такими уж безобидными?

– Почему?

– Людьми, которые потеряли ориентиры в мире, легче всего манипулировать.

– Да нет, – отмахнулся Олег. – У меня парочка знакомых там бегает. Мозги им не промывают. Только физическую форму улучшают, и все. Знаешь, жене моего друга помогло – она ребенка потеряла в тот день, уже думали в психоневрологический положить. А она вышла на пробежки с «гампами» – и сейчас почти в себя пришла. Друг с ней стал бегать – ему нравится. И зарядка хорошая, и люди там интересные.

– Ну, дай-то бог…

Подъехать к самому моргу мы так и не смогли. Еще в дороге я набрал Машу и предупредил, что скоро будем. Жена ответила, чтобы сразу проходили внутрь, встретить она не сможет. Теперь я понял почему.

Всю улицу перед зданием занимала кипящая злобой и раздражением толпа. Над головами торчали сделанные на скорую руку плакаты: «Отдайте наших мертвых», «Судить черных трансплантологов», «Отпустите наших родных». И еще что-то не менее дикое. По толпе пробегали волны, казалось, что это не сборище людей, а стоглавый и сторукий зверь. Мифическое чудовище гекатонхейр.

– Опа, а я и не знал, что здесь так весело, – удивился Олег.

– Я и сам не знал, – мрачно ответил я, выбираясь из автомобиля. – Топай один. Я машину посторожу. А то фиг его знает, что этим дуракам в голову стукнет.

Толпа мне не понравилась. И лозунги не понравились. А Маша мне вообще ничего не рассказала. Нефиг ей на работе делать по соседству с такой пороховой бочкой. Не хватает только искры, а что случится дальше – ни один пророк, ни одна гадалка не предскажет.

Толпа – это статистически непрогнозируемая величина. В броуновском движении и то больше порядка.

Я не раз и не два ловил на себе враждебные взгляды. Им нужен виноватый. Всему городу нужен виноватый. Власть носа на улицу не кажет. Царь-батюшка президент далеко. А мы, врачи, близко. И патологоанатомы близко. И милиция.

Что-то назревает. И от этого «чего-то» мороз по коже и кошки по сердцу. Надо бы с Машкой поговорить вечером – пусть дома пока посидит, хотя бы недельку. Никуда мертвые от нее не денутся – в отличие от живых, они быстро передвигаться не умеют. Да и проблем от них значительно меньше.

Меняю толпу демонстрантов на эквивалентную кучу спокойных трупов.

Хоть объявление вешай.

Минут через пятнадцать вернулся Олег. Мрачно распихивая народ, он, словно ледокол, проломился напрямик, даже не оборачиваясь на оскорбления и угрозы, звучащие ему в спину. Явно толпа уже почти достигла градуса кипения – разве что пузырьков на поверхности еще не видно.

– Сказал Маше, чтобы она сразу вызывала наряд, если эти бузить начнут, – с ходу сообщил Олег. Облокотившись о капот машины, он небрежно щелкнул «зиппой» и прикурил. – У твоей жены там прямо склад мясокомбината. Бедняги, вообще зашиваются. Я думал, что нам плохо, а патанам, получается, вообще жопа.

– Машка помогла тебе?

– Помогла, – кивнул Олег и глубоко затянулся. – В целом подтвердила твои слова. И кое-что еще важное добавила,. – Он помолчал, а затем неожиданно продолжил: – Она у тебя молодец. Сокровище. Тебе очень повезло.

– Спасибо, – неловко ответил я. Даже стыдно стало. Посторонний человек хвалит, а я по любовницам бегаю. Может, и вправду я совсем дурак, счастья своего не замечающий?

– Ты мне обещал кое-что рассказать. Про ту надпись на стене. Маша, кстати, тоже сразу вспомнила, но на тебя стрелки перевела – у нее совсем времени нет. Вы мне прям комплекс неполноценности развиваете.

– Просто у меня и Машки интересы схожие. Были. Вот и помним этот случай. Странно, что так быстро забываются имена маньяков. Хотя, может, и к лучшему – не место этим нелюдям в истории.

– Маньяков? – прищурился Олег. Щелчком отправив сигарету на обочину, он сел за руль. – Тебя куда забросить, на работу?

– Нет, я передумал. Домой. Возьму машину, надо кое-куда съездить.

Мы вырулили на проспект. Без толпы «гампов» до моего дома можно добраться минут за пятнадцать. А с учетом той скорости, что сразу развил Олег, больше десяти в дороге точно не проведем.

– Ты продолжай, продолжай… – не отрывая взгляд от асфальтового полотна, сказал Олег.

– Ну, тогда слушай мрачную старую сказку с очень печальным концом.

Я оживил в памяти все, что знал о той странной истории. Кто интересовался битлами, рано или поздно натыкался на трагические события, связанные со вполне безобидной песней. Битлы, по сути, совсем ни при чем – не по их вине, не по их задумке.

Трудно сказать, с чего именно все началось. Может, с рождения Чарльза Мэнсона, может, вообще с появления ливерпульской четверки. Или с написания битлами самой хулиганской вещи в их творчестве. Ливерпульцы любили повыделываться – а тут пришла в голову Пола Маккартни, тогда еще никакого не «сэра», мысль выдать самый жесткий, самый грязный и бескомпромиссный рок-н-рольный звук. Чтобы критики удавились от возмущения, а коллеги от зависти. И у битлов это отлично получилось – как, впрочем, все и всегда. После двух десятков дублей за один день они записали эту необычную композицию. Что творилось тогда в знаменитой студии – уже практически легенда. Пол Маккартни визжал, прыгал и чуть ли не плевался у микрофона, Джордж Харрисон бегал по студии с горящей пепельницей над головой. Забавно, но в завершении последнего дубля даже Ринго Старр не выдержал и заорал, что у него уже волдыри на пальцах. Этот дубль и вошел в историю музыки – и по окончании «Helter Skelter» можно услышать возглас Стара: «I've got blisters on my fingers!» Такое вот маленькое пасхальное яйцо от музыкантов.

Но как будто есть где-то огромные весы, беспристрастно отмеряющие смешное и трагическое в нашей жизни, сводящие все к

равновесию. И песня, которая родилась как хулиганская выходка, стала символом одного из самых кровавых убийств шестидесятых.

Чарльз Мэнсон к тому времени уже успел получить несколько условных сроков и определенную известность. Несравнимую с «The Beatles», но тем не менее. Он уверенно заявлял, что станет популярнее ливерпульцев, и даже планировал издать свой собственный рок-альбом. Но прославился Мэнсон не как музыкант.

На момент написания Битлами «Helter Skelter» он организовал небольшую религиозную коммуну под названием «Семья». Жизнь у них была простая и незамысловатая – наркотики, групповой секс, угон машин, убийства время от времени. Но то ли так распорядилась судьба, то ли у Мэнсона с удачей отношения строились по-особому, полиция «Семью» никак не могла прижать – то ордер неправильно выписан, то свидетель неожиданно исчезает.

Чарльз придерживался довольно примитивных религиозных взглядов – скоро конец света, и его ознаменует мировая война между белыми и черными. К тому времени количество членов «Семьи», по ожиданиям пророка, должно достигнуть новозаветного числа сто сорок четыре тысячи – и вся коммуна в виде сплоченного сборища праведников будет спасена. Мэнсон нисколько не сомневался, что слова Апостола Иоанна: «Я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых» относятся к нему и «Семье». А все остальные обречены по определению. И потому церемониться с уже приговоренными тушками Чарльз Мэнсон не собирался.

Композиция Битлов «Helter Skelter» не просто пришлась по душе лидеру коммуны. Он увидел в ней знак. Даже не так – Знак с большой буквы. И само название песни – это символ и лозунг будущей войны белой расы с чернокожими, после которой остатками человечества будет править мэнсоновская «Семья». Битлов он уверенно именовал четырьмя всадниками Апокалипсиса, которые пришли в этот мир только лишь для того, чтобы дать лично ему, Чарльзу Миллзу Мэнсону, сигнал и дальнейшие инструкции.

Услышано – сделано. И восьмого августа тысяча девятьсот шестьдесят девятого года пророк взял с собой близкого товарища по коммуне, а заодно трех девушек и решил показать им, как нужно убивать. Они поехали в дом к бывшему знакомому Терри Мэлчеру с

намерением прикончить всех, кого увидят. Их бывшему знакомому повезло – он там не жил уже больше месяца. А не повезло совсем другим людям. Восемнадцатилетнему подростку, двум взрослым мужчинам и двум женщинам, одна из которых была на девятом месяце беременности. Мужчин и женщин «семьянины» связали, а потом зарезали, как свиней на скотобойне. Беременная женщина оказалась женой режиссера Романа Полански – ее звали Шерон Тейт. Чтобы отвести от себя подозрение, Мэнсон и товарищи написали на стенах кровью множество расистских и сатанинских лозунгов, а сам Чарльз не удержался и добавил название любимой песни, которая его и подтолкнула к убийству. Вот только откуда-то в первом слове взялась лишняя буква – «Healter Skelter». Считают, что он не просто так ошибся. Что эта ошибка имеет значение. Но сам Мэнсон до сих пор по этому поводу молчит.

– Вот то, как я помню эту историю, – подытожил я уже у дома. Рассказ занял всю дорогу. Да я и сам в воспоминаниях не заметил, как пролетело время. Мы выбрались из машины – Олег быстро и нервно затягивался сигаретой.

– П…ц! – емко охарактеризовал Олег и мой ликбез, и текущую ситуацию в целом.

– Согласен. Но сам понимаешь, могу и ошибаться. Даже очень на это надеюсь. Хоть наш убийца и в курсе истории Мэнсона, но…

– Знаешь, Иван, на своей работе я понял одно из основных правил мироздания: события всегда происходят по самому дерьмовому сценарию. Так что уж лучше я настроюсь на маньяка, который еще будет убивать.

Олег зло сплюнул:

– Поеду, сообщу коллегам. Ох уж они обрадуются.

– Представляю. – Мне подумалось, что вдобавок ко всем этим необъяснимым смертям не хватало только маньяка-вивисектора, чтобы город окончательно сошел с ума. – Олег, я уверен, ты его найдешь.

– Обязательно найду. – Он невидяще уставился куда-то в сторону. – Мне почему-то совсем не больно. А ведь вроде любил ее…

– Олежка…

– Неважно. Бывай, друг. – Олег стиснул мою ладонь, резко сел в машину и стартанул с места, подняв тучу пыли.

Я же не спешил. Проводил взглядом удаляющиеся габаритные огни и только затем направился к своему автомобилю. Уселся в удобное кожаное кресло «первого пилота», провел ладонью по рулю.

Сомнения, сомнения… Вечно вы все портите. Если бы я умел принимать решения, не задумываясь о последствиях, сделал бы в жизни намного больше. Вот только не факт, что это «больше» смогло бы в итоге ужиться с совестью. Не покидало чувство, что я сейчас подписываю сделку, если и не с дьяволом, то уж точно с одним из его ближайших подчиненных.

Визитка, извлеченная из бардачка машины, порадовала. Люблю красивые вещи. Да и неудивительно – у такого человека визитки иными и быть не могут: дорогая бумага, дорогое тиснение, дорогие ощущения.

Два длинных гудка. Две возможности отказаться, сбросить звонок, выключить телефон.

– Доброго дня, Иван Игоревич, – отозвался Коломийский. – У меня с утра было предчувствие, что вы мне позвоните.

– Доброго дня. Вы говорили, что я могу к вам обратиться, если мне понадобится помощь. Это еще в силе?

– Конечно, Иван Игоревич. Приезжайте, побеседуем.

– Когда вам будет удобно?

– Да хоть сейчас.

– Тогда диктуйте адрес.

Оказалось, что Коломийский живет не так уж и далеко от меня. Мне раньше представлялось, что такие люди обитают только за городом. Им все равно нет надобности каждое утро ездить на работу. А чтобы куда-то изредка выбраться – комфортабельный дорогой автомобиль всегда под рукой в полной боевой готовности.

Дорога до Коломийского заняла минут десять. В стороне от шумных улиц, в глубине частного сектора расположился небольшой трехэтажный дом красного кирпича – с широкой стеклянной стеной, начинающейся со второго этажа и уходящей под черепичную крышу. Участок огораживал здоровый – под два с половиной метра – кирпичный забор с узорчатыми стальными шипами поверху. Ворота представляли собой монолитный лист стали на рельсах. Из-за забора виднелась высокая и тонкая башня из грубого необработанного камня

или искусной имитации оного. Она стояла чуть в стороне от дома и возвышалась над ним на целый этаж.

Как только я подъехал к воротам, они плавно сместились в сторону – ровно настолько, чтобы автомобиль еле-еле протиснулся. Судя по всему, охрана объекта велась строго – без вольностей и русской безалаберности. Встретил меня Лысый, чуть в отдалении маячили Бычара и еще парочка охранников. Видимо, после недавнего инцидента и во избежание новых Бычаре запретили подходить ко мне близко. На щеке охранника ярко выделялась рана в тонких стежках швов – порезы от керамбита, особенно с серрейторным лезвием, очень плохо заживают. Что меня всегда радовало. А сейчас особенно.

– Иван Игоревич, шеф вас ждет, – вежливо, но довольно-таки холодно сказал Лысый, показывая рукой на башенку.

Пока мы не спеша шли по двору, я с интересом изучал быт местного олигарха – но ничего особенного в поле зрения не попадалось. Наверное, золотые унитазы, дверные ручки с рубинами и алмазами, трупы замученных жертв и стеллажи долларов находятся в доме. Потому меня и пригласили в башенку. Чтобы не украл самый любимый труп.

– Как там Вадим? Я не ошибся с именем? – не удержался я от вопроса. Мне показалось, что в глазах охранника мелькнула ироничная искорка.

– Не ошиблись. Рука заживает, щека не особо. И он немного сердится.

– Думаю, это пройдет.

– Я тоже так думаю, – кивнул Лысый. – Если хозяин иного не прикажет.

– Кстати, мы с вами уже в который раз встречаемся, но я так и не знаю, как вас зовут.

– Зовите меня Катя.

Я аж споткнулся:

– Э… Неожиданное имя.

– Катя я для друзей. Для деловых партнеров Катафалк.

Я глянул на Лысого – он едва ли не ржал.

– Шутить изволите… Катя?

– Вы бы себя видели. Хорошая старая шутка. Не вы первый попались. А вообще меня зовут Дэн.

Я протянул ему руку.

– Что ж, вот и познакомились, Катя, – не удержался я, чтобы не съязвить. – То есть Дэн.

Лысый кивнул и распахнул передо мной дверь башни. Уже заходя внутрь, я понял, что дверка-то непростая. Если бы Дэн не открыл ее сам, я бы помучился с непривычки – в толщину она достигала сантиметров десяти и была полностью металлической. Некоторые сейфы при виде этого монстра покраснели бы от зависти.

– По лестнице вверх. Босс ждет вас на втором этаже.

Изнутри все было отделано таким же камнем, как и снаружи, но у меня возникло ощущение, что это не более чем обманка – стены башни слишком толстые для обычных каменных блоков. Ступеньки оказались крутоватыми, так что быстро забежать по лестнице, как я привык, не получилось. Подъем резво поворачивал вокруг центрального ствола по часовой стрелке. Я вспомнил, что в Средние века так строили специально, чтобы хозяевам башни было удобнее защищаться, чем врагам атаковать – нападающим правшам труднее размахнуться для мощного удара. Но тут явно руководствовались иными соображениями. В современном мире тот же «Макаров» даст сто очков форы любому клинку, а АКМ поставит шах и мат в скоротечной партии.

– Поднимайтесь быстрее, Иван Игоревич, – донесся голос Коломийского. – Чай остывает.

Олигарх ибн Бандитович развалился в глубоком черном кожаном кресле. Меня ждало кресло напротив – белое.

– Белые начинают и выигрывают, – пробормотал я.

– Присаживайтесь, доктор. Добро пожаловать в мой скромный замок. Спрашиваете себя, почему именно здесь, а не в доме?

– Чужой монастырь… – я пожал плечами.

– Логично, устав тут мой. Но я все же отвечу на незаданный вопрос. На меня сегодня совершили покушение. Второе за неделю. Хочу немного передохнуть. В башне мне спокойнее.

– Для неудавшейся жертвы выглядите вполне нормально.

– Ребята опытные, вот и прикрыли. Но нервы у меня все равно не железные. Знаете ли, Иван Игоревич, я немного отвык от таких сильных ощущений. Наивно думал, что девяностые уже не вернутся.

Я взял со стола чашку с ароматным зеленым чаем, бросил в нее две ложечки сахара из тонкой хрустальной сахарницы. Рядом стоял стеклянный чайничек, заполненный еще наполовину. Глоток горячего напитка неожиданно наполнил тихим, простым блаженством. Только сейчас я понял, насколько же хотелось пить. А нервы с утра на таком взводе, что горло пересохло, словно я протопал с десяток миль по пустынным дюнам.

– Надеюсь, никто не пострадал? – Я постарался вложить в голос максимум вежливости, чтобы это не выглядело издевкой.

– Еще нет, – улыбнулся мне Коломийский. Но в улыбке я увидел скрытую угрозу.

– Будете искать заказчика?

– А зачем? Я и так знаю.

– Ясно, – кивнул я, отпивая еще глоток. Вяжущая терпкость переплеталась с привкусами жасмина и какой-то ягоды. Вкусный напиток. Хоть я и люблю чай, и пациенты, бывает, приносят в качестве подарка дорогие сорта, но такого я не пробовал.

Мы немного помолчали, наслаждаясь чаем и тишиной. Казалось, башня отсекает все звуки извне. Я в который раз задумался о реальной толщине стен.

– Я слушаю вас, Иван Игоревич.

– Мне неудобно просить…

– Прекратите, – поморщился хозяин. – Давайте без расшаркиваний. Если вы еще не заметили сами и не обратили внимания на мои подсказки, мир изменился. Навсегда. И не в лучшую сторону. Так что сегодня я помогу вам, завтра, вполне возможно, поможете вы мне.

– Считаете, что мир изменился?

– Да. – И после небольшой паузы продолжил: – То, что на меня дважды напали, – уже знак. В этом городе не было беспредела много лет. Никто даже не пытался дергаться. А теперь за пять дней два раза – и к тому же разные люди, которых я считал пусть и подловатыми трусами, но неспособными ни на что серьезное. Для меня это звоночек. И еще столица…

– А там что?

– Много всего. Кратко – все идет к государственному перевороту.

– Не верится. Оппозиция уже сколько лет бесится креативно, да без толку, устраивают марши, оккупируют то памятники, то вокзальные сортиры. Да и не встречал я в Сети упоминаний…

Коломийский рассмеялся:

– Да откуда блогерам и площадной массовке об этом знать? Не их короткого ума дело. Демонстрации – лишь накипь на самом верху бульона. Все решается в глубине. И поверьте, меня уже спросили, на чьей стороне я буду.

– И на чьей же?

– На правильной, – криво улыбнулся Коломийский. – Так что в скором времени будет очень неспокойно. И в столице… и, возможно, у нас.

– Очередная «народная демократическая» революция, что ли? – пробурчал я.

– Она самая. Но свара в верхах – не наша проблема. Пусть в Москве друг другу глотки перегрызают. Сюда я их не пущу.

– А сможете?

– Смогу. Этот город мой. И тут не будет ни заокеанских советников, ни представителей нынешнего правительства, ни трижды двинутой оппозиции. Они все друг друга стоят.

– Прям благородный разбойник, – иронично проронил я.

– Есть немного. Насчет благородного можно поспорить, но я люблю этот город, а не только пользую, как администрация.

– Спасибо, что хоть не только, – уколол я собеседника.

– Ну надо же как-то жить. Вернемся к вам. Что привело вас, Иван Игоревич?

– Без расшаркиваний?

– Без.

– Мне нужно оружие. Для себя и жены.

Хозяин башни кивнул и откинулся глубоко в кресло.

– Сами сообразили или наш разговор сейчас подкинул идею?

– Сам. В городе становится опасно. И если я еще смогу постоять за себя, то жене оружие нужно точно.

– Вы правы, доктор, ой, как вы правы. – Коломийский, как радушный хозяин, подлил чай в мою чашку, потом добавил и себе ароматного напитка на пару глотков.

– Около морга торчит злая толпа, магазины грабят…

Олигарх еле заметно улыбнулся.

– …по проспектам бегают какие-то странные личности, называемые «гампами», в Сети мелькают версии одна безумнее другой, то администрацию во всем обвиняют, то врачей, то нечистую силу…

Коломийский слушал меня внимательно, время от времени кивая.

– …мой друг из милиции сказал, что ночью… – тут я прервался, поняв, что сболтнул лишнего.

– Вы про это дикое убийство Мирославских?

– Откуда вы... Ну ясно, уже доложили.

– Да, доложили. Этот город мой – и я должен знать, что в нем происходит. Ваш друг Олег Васильевич зря шарахается при одном только упоминании моего имени.

– Не думаю, что он переменит мнение.

– Я тоже не думаю, – улыбнулся Коломийский.

– Продолжим… Плюс еще ваши слова, что возвращаются девяностые, а скоро можно ожидать госпереворот с митингами и геройствующими студентами. Я хочу защитить семью, – твердо закончил я.

– Хорошо, – просто ответил олигарх. – Пойдемте.

Он плавно встал из кресла и, не оглядываясь, направился к лестнице на третий этаж. Я, немного недоумевая, двинулся следом и ошарашенно остановился на последней ступени. Вот уж не ожидал, что всего лишь несколькими метрами выше чайной комнатки расположился целый арсенал.

– Это вы из магазинов повывезли? – попробовал пошутить я. Пошутить – потому что ни в одном отечественном магазине я никогда не видел такой коллекции. И даже не предполагал увидеть.

– Уже знаете? Нет, тот ширпотреб в подвале сложили. А это мое.

Все стены – от пола и до потолка – увешены разнообразным оружием. Прерывалось это смертоносное великолепие только несколькими высокими закрытыми шкафчиками. Больше на третьем этаже башни ничего не было. Голый деревянный пол, каменные стены, шкафчики…. И десятки экземпляров оружия – автоматические винтовки, пистолеты, пистолеты-пулеметы, парочка дробовиков, снайперские комплексы с массивными тубами прицелов и тонкими сошками, убранными к стволу.

– Вы просто любите оружие или для пользы держите?

– И то, и другое. – Коломийский неотрывно смотрел на меня, видимо, забавляясь моей реакцией. – Как можно не любить, если используешь?

– Хм… Честно? Я потерялся. Не специалист по огнестрельному. Немного разбираюсь в ножах. Но ваша коллекция… просто подавляет.

Тут я вспомнил:

– Кстати! А почему ваши люди не забрали мой нож на входе? Что же они так непрофессионально?

Коломийский хмыкнул:

– Считайте это маленьким знаком доверия. Да и я никогда пустым не хожу.

– Ну спасибо, – пробормотал я, разглядывая стены, точнее, оружие на них. – Посоветуете?

– Легко, – в его голосе проскользнуло ехидство. – Вот, например, FN FAL Para, отличная штурмовая винтовка, проверенная временем и несколькими войнами. Емкость магазина – двадцать патронов, можно установить коллиматорный прицел. Или эта…

Ехидство в голосе Коломийского сменилось нежностью:

– …FN HAMR. Почти что ручной пулемет, а удобство как у штурмовой винтовки. Даже не приходится беспокоиться о перегреве – эта малышка сама за собой следит. Или Steyr-Mannlicher HS.50. Хоть она и однозарядная, но поверьте, вашему противнику больше и не понадобится. И бронежилет не спасет. Правда, тяжелая – килограммов двенадцать.

Он погладил стройный силуэт снайперской винтовки.

– Издеваетесь? – мрачно поинтересовался я. – Я город захватывать не собираюсь.

– Ну почему так сразу издеваюсь? Немного пошутил. И похвастался любимыми экземплярами. Все равно бы я их вам не отдал – привык, знаете ли.

Коломийский подошел к участку стены, увешанному пистолетами.

– Но буду серьезным. Если вы не разбираетесь в теме, то возьму тяжесть решения на себя. Вот эта штучка для вашей жены.

Я взял небольшой револьвер. Деревянные накладки на рукоять казались теплыми, как будто пистолет живой. Серебристый силуэт

выглядел даже немного женственным. И еще меня удивила странная легкость оружия. В армии я привык, что короткоствол тянет руку.

– Он… очень легкий, – я прицелился в стену.

– Да. Всего девять с половиной унций. Пять зарядов.

– Хм… милая штуковина, но мне неудобно его держать.

– Он не для мужчин, – улыбнулся хозяин арсенала, забирая револьвер и укладывая его в небольшой полотняный мешочек, который успел достать из внутренностей одного из шкафчиков. Следом нырнула увесистая коробка с патронами. – Сделан специально для женщин. Легкий, простой, удобный, маленький. Именуется это изящное произведение искусства Smith Wesson Ladysmith.

– Спасибо. Теперь очередь за мной.

Коломийский задумчиво прошелся вдоль стены, высматривая только ему одному понятные особенности оружия.

– Ну, например… Как вам этот? – Он протянул руку к высоко расположенному массивному револьверу. Длинный ствол мне подсказал, что точность и убойная сила у этого экземпляра довольно внушительные.

– М-м-м, не мое. Извините.

– Принято, – согласился хозяин. – Если оружие с первого взгляда не цепляет, то лучше не продолжать. А вот…

Я его прервал:

– Можно подержать в руках этот?

Я указал на матово-серебристый пистолет с массивной рукоятью, которую прикрывали деревянные узорчатые накладки с небольшим рельефом. Спусковой крючок облегчали три круглых отверстия. Скос на нижней части рукояти придавал оружию особо хищный, стремительный вид.

– Прошу. – Олигарх с некоторым удивлением и, как мне показалось, уважением наблюдал за мной.

Как только я взял пистолет, отщелкнул и вставил обратно магазин, то понял – это он.

– Я бы хотел эту модель.

– А говорили, что не разбираетесь, – проворчал Коломийский. – Выбрали-то просто конфетку. Кольт 1911, кастом от Эда Брауна. Непросты вы, Иван Игоревич.

– Я возжелал слишком дорогую игрушку? – в лоб спросил я. – Сколько стоит? Я заплачу.

– Не в деньгах счастье, – отмахнулся хозяин оружейной. – Оба пистолета в подарок. Просто не ожидал, что вы выцепите сразу такой… м-м-м… уникальный инструмент. Но уважаю выбор. Сам люблю тысяча девятьсот одиннадцатые. А модели Брауна еще и одни из самых точных. – Он забрал у меня пистолет, положил его в мешок, добавил туда еще две коробки с патронами и порывисто протянул мне. – Владейте. Надеюсь, что мой подарок спасет жизнь вам и вашей жене.

– Предпочел бы, чтобы он не пригодился.

Долго я у Коломийского задерживаться не стал. Мы спустились к неведомо кем наполненному и подогретому стеклянному чайничку, выпили еще по полчашки. Тут хозяину башни один за другим посыпались звонки, словно ждали конца нашего разговора, и я понял, что аудиенция заканчивается. У местного барона куча дел – пора феод в норму приводить да слишком буйных вассалов угоманивать. Прощаясь, Коломийский стребовал с меня обещание, что я обязательно к нему приду с женой в гости, мол, надо дружить семьями. Я так и не понял – пошутил он или сказал вполне серьезно.

Я успел еще заглянуть в больницу и пару часов поразбираться с документами, как подошло время ехать за Машей. Удивительно, всего-то полдня на работе не был, а бумажек скопилась целая гора с пригорком. И без моей подписи большая часть дальше не пойдет. Чертова бюрократия. Эх, устроить бы ей эктомию[17], а лучше экстирпацию[18] – я бы старательно подобрал самый острый скальпель.

Жена, может, и удивилась, что я за ней заехал так рано и выдернул из конторы, но хранила ледяное молчание всю дорогу. То ли устала от работы, то ли от меня. Только когда мы свернули с трассы за городом на грунтовку и Маша узнала места, куда мы часто выезжали еще студентами, она поинтересовалась:

– Муж, а муж, ты меня что, убить и закопать решил? Зачем в такую глушь привез?

– У меня для тебя подарок. – Чуть снизив скорость, я достал с заднего сиденья полотняный мешок и протянул его Маше. – Чур, большой мне.

– Ив, ты чего? – она ошарашенно разглядывала смертоносные инструменты. – Рехнулся совсем? Где ты взял оружие?

– Коломийский подарил.

– Timeo Danaos et dona ferentes[19], – пробормотала Маша, выщелкивая барабан револьвера и заглядывая в ствол. – Милая штуковина. Как я понимаю, это мне?

– Ага.

С тех пор как мы были здесь в последний раз, дорога практически исчезла, и я еле-еле угадывал тропку между зарослями кустов и выбоинами. Послышался плеск реки – значит, наше место совсем рядом.

– Твой тоже неплох, – деловито сообщила жена. – Я такой в фильмах видела. Пострелять дашь?

– А зачем мы сюда приехали?

– У-у-у, – протянула Машка. – А я-то думала: свидание, романтика. Муж вспомнил, где мы студентами впервые любовью занимались. А мы, оказывается, пострелять приехали.

– Жена, не отвлекай. А то во что-нибудь въедем.

– Молчу, молчу, – отозвалась она и занялась револьвером.

Солнце стояло еще высоко – как раз хватит времени и на лекцию, и на практику. А там еще пару раз выберемся, и Маша освоится достаточно, чтобы не сплоховать в критической ситуации.

Я провел жене базовый инструктаж, во всяком случае то, что помнил сам с армии, и через час она уже спокойно и довольно быстро перезаряжала револьвер. Оставалось только поправить ей стойку и правильный хват показать. Хотя, с другой стороны, когда прижмет, никто, кроме настоящих спецов, особо о стойке и не думает – жми на курок, пока враг двигается, и стреляй точно в цель. Лишь опытные военные да ребята из МКПС знают, как все сделать так, чтобы влепить не просто в мишень, а в нужное место мишени.

– Машка, теперь попробуй прицелиться в меня.

– Зачем? Ты же мне только что талдычил, что нельзя целиться в человека, если не уверен, что будешь стрелять? И вообще не направлять туда, куда я стрелять не хочу?

– Говорил. Но тебе еще нужно привыкнуть к тому, что на мушке у тебя живой человек, а линия, по которой пойдет пуля, заканчивается в его туловище или голове.

– Это и так понятно, – пожала плечами Машка.

– Понятно твоей рацио. А вот твои эмоции могут не согласиться, и в критической ситуации ты потеряешь парочку важных мгновений.

– Не хочу в тебя целиться.

– Надо. Вспомни про меня что-нибудь плохое, – тут я проклял свой длинный язык, но все равно продолжил: – Представь, что перед тобой враг. И цельсь. На поражение.

– Плохое? Это можно, – мрачно протянула жена, наводя на меня незаряженный револьвер.

– Помнишь, куда стрелять?

– Да, – ответила она, выцеливая наиболее опасные зоны.

– Ты должна быть готова в любой момент спустить курок, если кто-то станет тебе угрожать.

– Так и будет, Ив.

– Уверена?

– Как никогда ранее, – пропела Маша, прищурившись и аккуратно прицеливаясь мне то ли в легкое, то ли сразу в сердце. Жена немного прикрывала от меня низкое вечернее солнце, и женский силуэт как будто обволакивало теплое приглушенное сияние. Занятно, но вот чернота дула все равно выделялась резко и четко – как холодная мрачная прорубь во льду.

– Запомни это чувство – готовность в любой момент спустить курок. Говорят, что в человека трудно не то что выстрелить, но даже целиться.

– Врут, дорогой, – ответила она, уверенно удерживая в правой руке револьвер и закрывая хват сильной руки пальцами левой – вполне правильный «замок». – Тем более, этих «человеков» столько через меня прошло, что я, пожалуй, уже путаюсь – объект еще не или уже да. Профессиональная деформация, Ив, как она есть.

– А теперь давай постреляем. Только не друг в друга, договорились, Маруська?

– Как скажешь, милый, как скажешь, – промурлыкала жена.

Глава 6

– Лови!

Пацаненок лет пяти запустил в мою сторону разноцветный надувной мяч. Я поймала его, смеясь, и опустилась на расстеленное на песке покрывало. Солнце плескалось в легкой ряби пруда, за полосой песка мягко шумели сосны, уходящие макушками в небо – густое, того темно-василькового цветка, который бывает лишь в сильную жару.

Малец плюхнулся рядом, бесцеремонно сунулся в пакет, выуживая запотевшую пластиковую бутыль. Я восприняла это как должное. Словно этот пацанчик имел право копаться в моих – или наших? – вещах, пить воду и жевать бананы.

Рядом под огромным пляжным зонтиком устроилась Аня, баюкая Кирюшу. Ива нигде не было видно. Купаться ушел, что ли?

– Пошли в воду! – предложила я.

Аня покачала головой.

– Ты искупайся, если хочешь. А я посижу, видишь, засыпает.

– А ты, воробышек?

Сорвавшееся с языка прозвище удивительно ему подходило – взъерошенному, черноглазому, вертевшему головенкой туда-сюда.

– Пошли, – согласился мальчишка.

Вода, холодная после перегретого песка, скользнула по ногам. Повизгивая и поеживаясь, мы забрели на глубину, где мальчугану было по пояс.

– Больше не надо, наверное. Ты ведь плавать не умеешь?

– Нет.

– А как тебя зовут, воробышек?

– Какая разница? – Он поднял на серьезный взгляд. – Зови, как хочешь.

Пацаненок плеснул водой в мою сторону, я взвизгнула, уворачиваясь от брызг, и проснулась. Почему-то в преотвратнейшем настроении. Мотнула головой, отгоняя остатки утренней ленивой дурноты, и поплелась в душ.

Позавтракав традиционно порознь, мы с мужем разбежались по работам. Порой я ощущала себя не женой, а кем-то вроде верного

вассала. Хорошо хоть, не боевой кобылицей. Взаимные обязательства, взаимное уважение, все остальное – лишнее. И все же я была благодарна Иву за то, что остался ночевать дома. Засыпать, чувствуя рядом живое тепло, – бесценная роскошь в нынешние смутные дни.

Накануне я несколько раз звонила Ане. Хорошо поставленный женский голос неизменно сообщал, что абонент недоступен. Это можно было понять – на месте подруги я бы тоже отключила к чертовой матери все средства связи, чтобы остаться наедине со своим горем. Тот, кто сказал, что разделенная беда – полбеды, жил в другое время. Сейчас люди не умеют просто молча быть рядом – или бросаются утешать, или высказывают неловкие слова соболезнования, затертые и оттого фальшивые. Так что беспокоиться о подруге повода, наверное, не было: не возьмет трубку до вечера, приеду домой, проведать.

То, что звонить не придется, я поняла, едва оказавшись на работе. Аня лежала у входа в зал, на самом верху сложенного из тел стеллажа – не помещались иначе трупы в не такой уж большой морг, – уже раздетая, с биркой на ноге, как и полагается. Сплющенная грудная клетка, оторванные большие пальцы на руках, выраженно цианотичное лицо... автодорожка, компрессионная асфиксия? Господи, вот это и называется профессиональная деформация.

– Марья?

– Когда?

Вадим проследил за моим взглядом, обнял за плечи.

– Ну-ка, пойдем... Михалыч, переложи куда-нибудь, чтобы не перед глазами.

Вадим вывел меня на улицу, вручил сигарету.

– Знакомая?

– Это для ее сына мы могилу копали.

– Понятно. Сейчас сопроводительные документы подниму. Вернусь, расскажу.

Я кивнула.

– Еще одну сигарету оставишь? Пока ходить будешь…

Вадим бросил мне на колени пачку и исчез.

– Ты глянь, курят еще, – донеслось откуда-то сбоку. – Вместо того чтобы работать, штаны на ступеньках просиживают.

Я подняла голову. Пикетчики. Прибавилось по сравнению со вчерашним – всю ограду облепили. Пусть. Если народу нечем заняться – их дело, как потратить личное время. Больше того, что мы уже делаем, никто сделать не в силах. Как быстро нынче люди теряют терпение: раньше, бывало, ждали больше недели явно криминальные трупы, которые нельзя хоронить без разрешения прокуратуры. И не возмущались же. Понятно, что это ненормально и неправильно, но ведь и мы не для собственного удовольствия покойников у себя держим. Сейчас же... Такое чувство, будто агрессия копится в воздухе, словно ток в пластинах конденсатора, чтобы потом бабахнуть с оглушительным треском.

– В общем, так. – Вадим вернулся на крыльцо. – Привезли под утро, как неопознанную – похоже, сумочку с документами кто-то прихватил, пока «скорую» дожидались. Опознаешь потом по всем правилам?

– Да.

– Хорошо, я передам. Само ДТП еще вчера случилось. Въехала в столб. Просто с управлением не справилась, или кто под колеса прыгнул – не знаю, описание места происшествия у ментов. Могу следователю позвонить, но, скорее всего, пошлет. У них там работы как у нас, а людей...

Я снова кивнула.

– Да какая теперь, на хрен, разница?

Будто знание о том, что именно случилось, Аню воскресит.

– Чтобы достать, машину разрезали. Ну а остальное ты видела.

– Видела. – Я отбросила в сторону окурок и тут же достала еще одну сигарету. – Вадим, ты верующий?

– Нет.

– Жаль... Хотела попросить помолиться за упокой... Аня верующая была. Ну, не то чтобы совсем… как все сейчас.

Купить, что ли, сигарет, чтобы не стрелять у сослуживцев? Пригодятся еще, похоже. Потрясающе удобная штука: можно медленно вдыхать-выдыхать дым и молчать. Вроде как занят, а на самом деле ничего не делаешь и ни о чем не думаешь. Вдох… медленный выдох… стряхнуть пепел с кончика. Не думать. Потому что если я начну думать, то сойду с ума. И не чувствовать.

– Слушай, а ведь она, похоже, с кладбища ехала. И я должна была рядышком сидеть.

Выходит, неприятное знакомство мужа спасло мне жизнь. Неожиданно.

– Вот как... Повезло тебе.

– А может, так бы и лучше было? Никаких тебе больше авралов, никаких проблем. Лежала бы сейчас холодная и спокойная.

– Ты в своем уме? – встревожился Вадим.

– Шучу, – я вздохнула. – Устала просто, вот и несу невесть что. Пошли работать, а то эти сейчас кипятком ссать начнут. Ох, черт, ее ведь как-то хоронить еще...

– Да уж... Марья, а пойдем-ка в кабинет, коньяку плесну, проревешься.

– Не стоит. Спасибо, правда. Разучилась я реветь за последние дни. Пойдем работать.

Трупы везли. В холодильники мы уже давно не заглядывали, утрамбовав туда столько тел, сколько влезало без деформации, и наплевав на санитарные нормы. Остальных аккуратно раскладывали вдоль стеночек, ровненько друг на друга, иначе пришлось бы учиться летать, чтобы не наступить на трупы. Об очередности уже давно никто не вспоминал – брали тех, что на грани, чтобы не отдавать родственникам совсем уж гниющие тела. Конвейер. Времени думать нет, времени переживать тоже. Работать надо. Хорошо еще, что шеф успел нового санитара оформить.

Новенький оказался четверокурсником меда, и кличка Студент приклеилась к нему в первые же полчаса, так что имя Саша забыли, не успев запомнить. То, что приходится работать днем вместо ночных, как предварительно договаривались, смен, Студента не смутило – все равно, по его словам, учиться невозможно. Кто-то из преподавателей умер, кто-то хоронил своих, расписание полетело к чертовой матери. Пятый и шестой курсы сняли в поликлиники и на «скорую», с первого по третий занимались в основном теорией, а до четвертого, как оказалось, никому не было дела. Тем более что преподаватели клинических дисциплин перебрались с кафедр в ординаторские, заменив погибших коллег и помогая выжившим разобраться с авралом. Словом, парень оказался предоставлен сам себе и уже

подумывал о том, чтобы взять академ и уехать к родителям в райцентр, когда позвонил шеф.

Руки у Студента росли откуда нужно, наловчился он быстро, хотя и дергал порой Михалыча, спрашивая совета. Работал парень качественно и для новичка споро, без него было бы совсем невмоготу. Но все же ощущение полной бессмысленности происходящего меня не оставляло: профанация, а не исследование, подписывать стыдно.

Апофеозом безумия стал ворвавшийся в зал директор ритуального агентства. Такое чувство, что за последние дни он разучился ходить и разговаривать, а мог только бегать, хлопать дверями и кричать. Впрочем, услышав, что закончились гробы, я его поняла. Как отдавать покойников, как их хоронить – непонятно. Все эти дни мастера сколачивали домовины, не покладая рук, но запас досок оказался не бесконечным, как и запас сырья на пилораме, и когда подвезут новые – неизвестно. Каким образом в происходящем оказались виноваты мы, я так и не поняла – но директор призывал на нашу голову кары небесные и требовал, чтобы экспертизы пока не проводили. Мы слушали – молча. Хотя по лицу Вадима было заметно, что вот-вот взорвется – выдержкой и долготерпением шефа он не обладал. Но тут подал голос Студент.

– Из ДСП колотите, – каким-то чудом сумел он вклиниться меж горестных воплей. – Этого добра в любом магазине стройматериалов полно. Там же ножовку прикупите и по трафарету. Медленно, но...

– Меня родственники линчуют, – выдохнул директор. – Из ДСП, где это видано.

– Они вас линчуют, если вы им тело без гроба отдадите. А может, с мебельщиками-ипэшниками договоритесь, тогда и вручную пилить не придется.

Директор убежал. Мы переглянулись, кто-то бросил крепкое словцо, и все вернулось на круги своя. Ненадолго: выдав очередное тело, объявился Студент и с убитым видом сказал, что родственник покойного хочет видеть эксперта, который вскрывал труп.

– Что случилось? – поинтересовалась я. Идти беседовать с родственниками совершенно не хотелось. И вообще мы же в самый первый день ему объяснили: эксперты из зала не выходят. Нет возможности тратить время на бессмысленные разговоры.

– Он говорит, что у покойника золотые коронки сняли. И хочет видеть эксперта. Обсудить ситуацию, как он выражается.

Я присвистнула. Буйная фантазия у товарища. И все же, чем черт не шутит, ведь мог парень не устоять? Так кроме него там и Михалыч, и еще два санитара постоянно отираются, не успел бы, даже если б захотел.

– Он говорит, – Студент судорожно вздохнул, словно собирался заплакать, – что пока полицию вызывать не будет, хочет миром договориться. Но если что...

– Понятно. Ну что ж, пойдем, побеседуем с безутешным родственничком.

Родственником оказался мужичок раза в два старше меня.

– Не ожидал встретить здесь такую очаровательную барышню, – пропел старикан.

Я внутренне поморщилась. Потрепанный петух, уверенный, что он до сих пор павлин и само его внимание должно безмерно льстить любой женщине от семи до семидесяти.

– Дело в том, барышня… – он склонился к уху, изображая заговорщицкий шепот, и попытался взять меня под локоть, – что у моего брата были три золотые коронки…

Я повела плечом, сбрасывая руку

– Говорите громче, пожалуйста,

– Ну что вы, такое деликатное дело, было бы бестактно кричать на весь зал…

– Тем не менее обвинить меня либо моего коллегу в воровстве у вас такта хватило, – хмыкнула я.

Сашка молча переминался с ноги на ногу. Правильно молчит, попробует оправдываться – ничего, кроме новых обвинений, не услышит.

Мужичок замахал руками:

– Ну что вы, вас лично никто не обвиняет, такая милая барышня, как можно…

– Ага, коронки сами испарились, – я заглянула в рот покойному. Действительно, трех зубов не хватает, слизистая лунок гладкая – видно, что удалены давно, и лунка успела зарасти. Повнимательней присмотрелась к соседним зубам. Интересно…

– Вот, сами видите, – он снова попытался взять меня за локоть, – были, а теперь нету.

– И?

– Десять тысяч, и я не вызываю полицию. Вы уж там между собой как-нибудь договоритесь, сумма-то небольшая… Разберетесь, кто поддался соблазну, да сами и накажете, чего сор из избы выносить.

Ясно. Врезать бы тебе по лоснящейся харе. Конечно, мы тут деньги лопатой гребем, и у всех на шее по цепи в палец толщиной из коронок, у покойников снятых.

– Подождите минутку, пожалуйста. Александр, пойдемте со мной.

Я вернулась в секционный зал.

– Мария Викторовна! Я не брал, я...

– Вадим, вызови, пожалуйста, полицию. И скажи, чтобы прихватили с собой стоматолога. – Я хлопнула Сашку по плечу: – Не дрейфь, Студент, прорвемся.

– Марья, ты уверена?

– Врет мужик. Вызывай ментов.

– Ну что, барышня, договорились? – Новоявленный Паниковский встретил меня ласковой улыбкой. Я улыбнулась еще шире.

– Как вы справедливо заметили, нечистоплотность должна быть наказана. Поэтому мы посовещались и решили вызвать полицию.

– Ну что вы, барышня, зачем полицию? К чему такие сложности? Давайте уладим дело без шума и пыли. Вам лишние проблемы ни к чему, мне некогда бумажки писать. Ладно бы о больших деньгах речь шла, что для вас те десять тысяч – тьфу…

– К сожалению, отменить вызов не получится. Присядьте, пожалуйста, – я придвинула стул, – полиция уже едет. Я уверена, ситуация благополучно разрешится.

Полиция приехала спустя пять вскрытий, группа со старшим лейтенантом во главе, все парни незнакомые. Впрочем, понятно, на убийства выезжают другим составом, а кроме как на трупах мне с ментами дела иметь не приходилось. Стоматолога привезли, как и просили. Я вкратце объяснила ситуацию и провела их в зал, где находился покойный вместе с ожидавшим родственничком, почему-то не слишком обрадовавшимся явлению стражей порядка. Стоматолог осмотрел труп.

– Зубы под коронки не обточены. Не было никаких коронок.

– Ясно, – сказал старший лейтенант. – Забирайте тело и валите отсюда.

– Постойте. Кажется, это называется «вымогательство». И «клевета». А еще «мошенничество». Я хочу написать заявление.

Мент вздохнул.

– Женщина, оно вам надо? Ну подадите в суд, за моральный ущерб у нас больших денег не выплачивают, а другого ущерба и не было.

Да уж, если тебе еще тридцати нет, а уже обзывают женщиной, значит, пора в паранджу заматываться. Впрочем, еще пара недель в том же духе, и будут называть бабушкой. На миг мне стало жалко этого вымотанного парня – тоже ведь пашут как проклятые, дух некогда перевести. И у меня работа стоит...

– Я все понимаю, ребята. Простите. Но таких надо учить. Давайте писать заявление. – Я обернулась к молча торжествующему Сашке. – Студент, сгоняй – там, на кафедре чай есть и печенье. Организуй.

– А можно кофе? – спросил старший лейтенант.

– Саш, глянь, вроде тот, что вчера купили, еще не весь выпили. Давай, займись.

Следующие сутки прошли на дежурстве. На легкую смену я и не настраивалась: в последние дни криминальных трупов было столько, что раньше хватило бы на добрый месяц. В прежние времена я чаще всего спокойно отсыпалась в комнатушке дежурного, а нынче даже удивилась, обнаружив, что время подходит к полуночи, а из полиции до сих пор никого. И, ясное дело, тут же зазвонил телефон. Началось.

– Привет! – сказала я, устраиваясь на переднем сиденье ментовского «уазика». – Что там?

– Привет, Маша, – улыбнулся сидевший за рулем оперативник.

– Здравствуйте, – раздалось с заднего сиденья. – Городской парк, труп с топором в черепе.

Следователь прокуратуры? С этим я еще не работала… Новенький? Если попытается, как некоторые, вальяжно развалившись, потребовать «доктор, диктуйте!», – огребет. Я и обычно-то не слишком дружелюбна, а сейчас готова плеваться ядом по любому поводу. А почему он один сзади сидит?

– Костя, а криминалиста своего вы где потеряли? – почти коллега как-никак.

Костя, оперативник, дернул щекой:

– Умер он… в тот день.

– Прости.

– Проехали.

– Хорошо. Готова поспорить, позвонивший смылся. Понятых вы прихватили или будем в ночном парке искать влюбленные парочки?

– Взяли, – отмахнулся Костик, – вон, сзади сидят, голубчики. Так что сразу на место.

«На месте» было темно – хоть глаз выколи. Нет бы тому Раскольникову выбрать аллейку, где освещение нормальное, майся теперь с фонариком. Я присела рядом с раскроенным надвое затылком, из которого торчал топор.

– Костик, свети лучше, ни черта же не видно.

Натянув перчатки, коснулась проекции сонной артерии, теплый еще…

– Вызывай «скорую»!

– Не до шуточек, – буркнул следователь прокуратуры.

– Какие уж тут шуточки? Живой он. – Я выпрямилась. – Можете сами проверить.

– Вы доктор, вам виднее.

В принципе подобное не редкость. Мало у кого хватает духа, наткнувшись на окровавленное тело, убедиться, что помощь действительно не нужна. Но с такой раной и спустя столько времени – живой? Бывает же…

Пока Константин разговаривал со «скорой», следователь принес аптечку. Толку с нее, правду говоря, чуть, да и от меня в такой ситуации – тоже. Разве что топор вынуть, да повязку наложить. Не лить же на мозг йод, право слово.

– Сейчас будут. – Костик выключил телефон. – Давайте пока работать, что ли…

«Скорая» приехала быстро по нынешним временам – всего-то два часа прошло. Как ни странно, неудавшийся труп все еще был жив, когда его грузили в машину.

– Маш, мы закончили, – сказал Константин. – По твоей части – все?

Я кивнула.

– Тогда поехали к следующему. Упал на нож этак раз десять. Участковый говорит, жену мужик поколачивал. Два убийства, и ночь еще не кончилась, что ты будешь делать… – он выругался.

– Время такое нынче, – сказала я, устраиваясь на сиденье.

– Время… как с цепи все сорвались. – Костик сплюнул за окно. – Маш, вот ты как врач можешь мне сказать: что это было? В тот день?

Я вздохнула:

– Спроси что полегче, а? Например, сколько ангелов поместится на острие иглы.

– Эх вы, эскулапы… Гонора много, а как до дела дошло – так и ничего не знаете.

Я пожала плечами:

– Если ты знаешь хоть одну материальную причину смерти, не способную оставить материальных следов, – поделись.

– Слушай, а может, это гены?

– А точнее?

– Ну знаешь, все говорят про генетический мусор… типа, вы, врачи, делаете так, что те, кто раньше бы умер, не оставив потомства, сейчас размножаются. И вот это все копится, копится…

– Генетический груз?

– Ну да. Накопилась критическая масса и потом разом – бах!

– От наследственных заболеваний в один миг не умирают.

– Ну вот смотри… На концах хромосом есть эти, как их… изомеры…

– Теломеры.

– Ну да. И при каждом делении часть их отстригается… а старость наступает, когда эти самые… теломеры становятся слишком короткие и клетки перестают делиться…

– Теорий старения не меньше полудюжины. Как говорил наш препод по общей биологии: если теорий много, значит, никто на самом деле не понимает, что к чему. Теломеры – только одна версия.

– Погоди, не умничай. Может быть что-то такое же, а? Какая-то штука в хромосомах, которая фиксирует количество дефектных генов, и когда накапливается критическая масса – хоп, и все?

Я честно поразмышляла несколько минут.

– Не пойдет. Черт с ними, с теломерами: как ты представляешь себе механизм, который синхронизирует все эти смерти?

Одномоментно по всему земному шару.

– А чего бы нет? Я где-то читал, генетически все человечество сводится к четырем линиям – значит, и количество дефектов у всех примерно одинаково.

– Костя, это же не выключатель…

– Ну, биополе какое-нибудь?

– Ты еще торсионные поля вспомни. Заканчивай читать научпоп… – Я помолчала, размышляя. Все равно другие идеи иссякли. – Хорошо, твою генетическую теорию проверить довольно просто: смотрим конкордантность[20] у моно- и дизиготных близнецов…

– Маша, не матерись в приличном обществе. Я тоже могу вспомнить какую-нибудь адъюдикацию[21] и удивиться, что ты простых вещей не знаешь.

Уел, зараза.

– Сравниваем, сколько умерших среди однояйцевых и двуяйцевых близнецов. Если проблема в генах – однояйцевые помрут оба, процентах этак в девяноста девяти. Хочешь – подниму документы, посмотрю.

– Ладно, я позвоню, как время будет… Приехали.

На трупе оказалось тридцать пять ножевых ран. Жена покойного, маленькая женщина, тихонько сидела на табуретке в углу. Да, двадцать лет вместе прожили. Да, бил… Любила очень. А в этот раз схватил за волосы и потащил к газовой плите… лицом в огонь. Увидела кухонный нож… дальше ничего не помнит.

– Психиатрическую вызывать? – вполголоса поинтересовался следователь.

Я кивнула. Врет, что не помнит, или в самом деле аффект – пусть профи разбираются. Нам и без того дел хватит.

Когда я наконец добралась до бюро, ложиться спать не было смысла – в который уже раз. Интересно, сколько еще удастся держаться исключительно на силе воли, прежде чем физиология все же даст о себе знать. И как именно взбунтуется тушка? Ладно, если просто свалится с температурой или выдаст несколько суток мигрени, а ведь могут быть варианты и похлеще… Хорошо, завтра посплю. Хотя бы три часа. А сегодня и правда ложиться незачем – пойду проверю теорию Кости, что ли. Благо, фамилия-имя-отчество и даты рождения покойных забиваются в компьютер еще при регистрации привезенного

трупа. Так что тут несложно: задать фильтр, вычленяющий покойных с одинаковой фамилией-отчеством-датой рождения, и посмотреть, что получится. Правда, там монозигот от дизигот не отличишь, но пока работаем с грубыми прикидками: если среди «скоропостижных» близнецов больше, чем в целом в популяции, тогда придется думать, как выделить монозигот.

Компьютер мерно пережевывал информацию. Медленный, зараза: шеф обещал заменить, да не успел: сперва начался бардак, и стало не до компьютера, а потом и сам шеф умер. Как же его не хватает! Вадим, может, и станет со временем хорошим руководителем, но пока не то, совсем не то.

– Марья, рабочий день начался.

Легок на помине. Сейчас. Ну давай, тупица, рожай уже!

– Марья!

– Все! – Я саданула кулаком по столу. С одной стороны – оно и к лучшему: от веры в «генетическую бомбу», выкосившую пятую часть Земли, недалеко и до того, чтобы поверить в биополя и прочую кармическую чушь. С другой – даже самое идиотское объяснение – все же объяснение, а мне до смерти надоело изображать слепого щенка в поисках материнской сиськи.

Значит, гены тут ни при чем. Ну и черт с ними.

Потом пролетели несколько дней, совершенно неотличимых друг от друга. Разве что народа в пикете становилось все больше, появились палатки, а каждого входящего и выходящего сотрудника провожали бранью. Мы старались не ходить по одному, но утром не подгадаешь. Тем, кто приезжал на своих машинах, было попроще, а я каждый раз крепче сжимала сумочку, где лежал невесть какими путями добытый Ивом пистолет. Изящная дамская штучка помещалась на моей ладони, и само сознание того, что есть, чем защититься, успокаивало.

Труповозки по-прежнему подъезжали с завидной регулярностью, доставляя вперемешку и новых, и старых покойников. О том, каково людям почти неделю держать в квартире мертвеца, которого невозможно похоронить, я старалась не думать. Так же, как старалась не думать об Ане. Михалыч сказал, что тело в холодильнике. Ни телефонов, ни каких-то еще координат Аниных родственников или сослуживцев у меня не было, а заниматься погребением самостоятельно не хватало сил. Да и возможностей у Вадима имелось

куда меньше, чем у шефа, – не заматерел еще, связями не оброс и способностью правильно надавить на нужного человека пока не обзавелся. Научится со временем, но когда оно – то время – настанет? Хоть самой гроб сколачивай. Вообще ребята обещали помочь, но пока у них тоже не хватало ни сил, ни времени, потому что даже те, кто не оставался на ночь работать, уходили из бюро часов в десять и к восьми снова вставали к столу. Толку от этого, правда, было немного: тел становилось все больше и больше, а пикетчики – все агрессивнее. Лозунги звучали уже не только когда кто-то из сотрудников бюро появлялся в поле зрения, а весь день непрерывно. Почему-то козлами отпущения стали мы. Впрочем, коль несколько лет подряд в обществе намеренно культивируют отношение «врачи-убийцы», кто еще попадет под раздачу в экстраординарной ситуации?

Напряжение копилось в воздухе, и только чудо могло отменить взрыв. Но чуда не случилось.

Когда в окно прилетел камень, Вадим, как и просил когда-то Олег, вызвал полицию. Может быть, и не стоило этого делать: камень один, большого вреда не принес, не сумев пробить металлическую сетку снаружи окна. Может быть – задним умом мы все крепки. Как приехала полиция, мы не слышали – некогда сидеть караулить. Услышали только, как взревела толпа, выстрелы, а потом камни полетели градом. Михалыч высунулся было в форточку «разузнать, что там», слетел с подоконника и начал двигать к двери тяжеленный металлический стол.

– Чего стоите, помогайте! – перевел взгляд на меня. – Маша, вали отсюда на хрен! Только баб тут не хватало. А вы чего стоите, помогайте, так вас и разэтак!

За окном загремели, падая с петель, ворота.

Легко сказать «вали», куда, спрашивается? Бюро большое, но закутков в нем практически нет. А на улице толпа. Надо бы предупредить сотрудников ритуального агентства – если успею, туда через все здание бежать. И у них-то как раз двери не закрыты и… Черт!

Я заставила себя остановиться, прислонилась лбом к ледяному кафелю стены. Стоп. Нельзя метаться, точно курица с отрубленной головой. Место с тяжелой дверью, где можно закрыться на ключ. Касса в ритуалке? Далеко. И если толпа вломится оттуда...

Я рванула в раздевалку, вышвырнула на пол содержимое сумочки, подобрала пистолет. Так. Уже лучше. Дальше, в лаборантскую, там ключи от всех помещений. Связка. Второй этаж, металлическая лестница к чердачному люку. Амбарный замок. Люк... тяжелый, зараза. Там наверху еще списанных огнетушителей полно, ноги бы не переломать. Все – если что, влететь сюда можно на одном дыхании. Теперь вниз. Догадаются все двери забаррикадировать, и поможет ли – одному богу ведомо, но незачем уподобляться экипажу «Варяга». Собраться всем на чердаке и сидеть ждать, пока на помощь сметенным ментам не подъедет тяжелая артиллерия.

Еще на лестнице, ведущей на первый этаж, я поняла, что не успею – крики и ругань уже заполонили здание. Грохот железа о кафель, мат, невнятный рев. Надо разворачиваться и делать ноги, но я только сильней вцепилась в пистолет и пошла вперед Глупость несусветная, пять пуль толпу не остановят. Надо уматывать отсюда.

На том конце длиннющего белого коридора появился Сашка. Вылетел, поскользнулся на повороте, растянулся. Следом выскочил мужик, за ним кто-то еще, и я отчетливо поняла, что подняться Студент не успеет.

Показавшийся невесомым револьвер устроился в ладонях. Я прицелилась куда-то в область желудка и спустила курок. Грохнуло знатно, на миг заложив уши, отдача толкнула руки, отправив пулю чуть выше, чем я целилась, вышло самое то: мужик рухнул замертво. Это в компьютерной игре можно пижонски целиться в голову: в худшем случае придется перезагружаться. Я стреляла так, чтобы гарантированно попасть: не убью, так остановлю. Хорошо, что Ив принес именно револьвер. Когда адреналин зашкаливает, мелкая моторика летит к чертям – вспоминай тут, как правильно затвор передернуть.

Следующий споткнулся о рухнувшего мужика и с матом повалился. Сашка, молодец, сориентировался быстро: выпрямляться не стал, так и рванул вперед на четвереньках. На споткнувшегося мужика налетел еще один, следующего подстрелила я, и тот кулем придавил начавших было подниматься товарищей. Я выстрелила в кучу-малу, собравшуюся на кафеле: кого-нибудь обязательно задену, уложила поверх какую-то тетку. Последний выстрел. И вот теперь пора бежать со всех ног, благо, Студент совсем рядом. Сообразит не

отстать? Сообразил, молодец. Мы влетели на чердак, я захлопнула крышку люка, выдохнула:

– Там есть еще кто-то из наших?

– Не знаю.

Черт...

– Значит, нет. Давай сюда огнетушители, я пока на крышке постою, чтобы с разгона не вынесли.

Веса во мне немного, но вместе с люком получится прилично, просто так с лестницы не открыть. Сашка быстро прикатил пяток здоровенных болванок, оставшихся, кажется, еще с советских времен.

– Садись сверху, – скомандовала я.

– Мария Викторовна, я...

– Тихо, Саш. Теперь тихо. И за руки не хватай, порохом вымажешься, потом ничего не докажешь.

Я стянула перчатки за манжеты, так чтобы вывернулись. Удачно как вышло: пока бегала туда-сюда, снять перчатки, давно превратившиеся во вторую кожу, забыла. Зато теперь следы пороховых газов будут на них, а руки чистые. Хорошая у меня работа, ничего не скажешь. Так, халат не испачкала, фартук тоже... Пистолет надо спрятать, однозначно. Доказать самооборону не проблема, но нелегальный ствол – это срок, а садиться мне категорически не хотелось. Еще и мужа притянут, совсем нехорошо выйдет. Узнать меня не узнают: поди-ка опознай этакое чучело в хирургическом костюме, пластиковом фартуке, маске и колпаке. Одни глаза и видно. Удачно, что я вот уже неделю не успеваю накраситься – без макияжа да издалека и не скажешь, баба или мужик. Тем более что свидетели, как правило, фантазируют сверх меры, следователи порой такое рассказывают, ухохотаться можно. Вот и похохочем. Если выберемся.

– Так, Студент, – я расстелила на полу фартук, завернула в него пистолет, маску с колпаком и перчатки. Если весь этот комплектик найдут, мне кранты. – Слушай внимательно и запоминай. – Снизу послышался рев толпы, и я понизила голос до шепота: – Когда снесли забор, ты смекнул, что к чему, и решил спасать меня, всю такую нежную и беззащитную. Понял? Взял меня в охапку и приволок сюда, ключи прихватил в лаборантской... на, держи.

– Мария Викторовна...

– Саша, я не хочу в тюрьму. Ты понял? Всю заварушку мы просидели здесь, я то и дело собиралась упасть в обморок, а ты героически лупил меня по морде... – Я хмыкнула. – Впрочем, нет. Следаки ж на смех подымут: судебный медик в обмороке. В общем, мы сидели здесь и боялись... мультик про котенка Гава смотрел? Вот примерно так же, как они со щенком на чердаке.

– Мария Викторовна, вам что, совсем не страшно?

– Выберемся отсюда – упаду в обморок. Обещаю. И пусть следователи ржут, сколько хотят.

– Зачем вы надо мной смеетесь?

Опа... а парень-то сейчас закатит истерику. Черт.

– Саша… – Я присела напротив, глаза в глаза. – Мы живы. Мы даже невредимы, что вообще чудо. И я не собираюсь похерить это чудо, позволив этим, – я кивнула вниз, – нас обнаружить. Тебе плохо и страшно. Мне тоже. Но я хочу жить, а ты?

Он кивнул.

– Тогда сиди тихо, Студент.

– А вы?

– А я на крышу, посмотрю, что вокруг делается.

На самом деле нужно было припрятать пистолет. Так, чтобы потом забрать, и одновременно так, чтобы полиция не нашла. На крышу я выбралась почти по-пластунски, мало ли, заметят снизу всякие. Всего-то два этажа, все видно. На мое счастье, вокруг бюро росли сорокалетние тополя, шеф рассказывал: аккурат вокруг свежесданного здания высаживали. Густые ветки равно скрывали крышу от наблюдателя с земли и землю от любого, обосновавшегося наверху. И все же рисковать я не стала. Осмотревшись, на четвереньках подползла к водосточной трубе и аккуратно запихала между ней и стеной тугой сверток. Если специально искать не будут, не заметят. А я потом заберу. Жаль просто так пистолет выбрасывать.

Возвращаться обратно на чердак не хотелось: сидеть в темноте, прислушиваться к тому, что происходит внизу, наблюдать за готовым сорваться Студентом. Черт, в конце концов, это я женщина, и это мне полагается биться в истерике, а Сашке – с мужественной мордой меня утешать. Впрочем, так оно, наверное, и к лучшему. Окажись рядом не мальчишка, а сильный мужчина, я бы сейчас точно рыдала горючими слезами, обрадовавшись, что наконец-то можно расслабиться.

Адреналин, черт бы его побрал, до сих пор скручивал нутро узлом, а сердце по-прежнему колотилось где-то в горле. Так что хорошо, что рядом именно Сашка. Нельзя расслабляться, пока нельзя.

Внизу завыла сирена, потом послышался скрежет тормозов, крики усилились, и отчетливо запахло какой-то химической дрянью. Сквозь просветы в листве мелькнули темные фигуры в шлемах.

– Кажись, ОМОН приехал, – сказала я, вернувшись на чердак. – Вниз полезем или погодим?

– Погодим.

– Разумно, – я начала откатывать в сторону старые огнетушители. – Саш, ты все детали запомнил?

– Да.

– Вот и отлично.

В люк стукнуло.

– Есть кто живой? – раздалось снизу.

– А вы кто? – поинтересовалась я.

– ОМОН. Спускайтесь. Медленно.

– Мария Викторовна, я первый. Мало ли...

Ну, ступай, рыцарь без страха и упрека. Может, лет через пять и вырастет из тебя что-то путное. И не надо на меня так смотреть, только игр в верного пажа сейчас не хватало для полного счастья.

Я спрыгнула следом, опираясь на поданную руку. Внизу действительно были омоновцы. Ребята оказались жесткими, но не дураками: носом в пол никто укладывать не стал. Просто взяли под белы руки и повели к выходу, не позволяя задержаться, чтобы разглядеть выбитые двери, перевернутые столы, разлетевшиеся документы. Если так обошлись с вещами, то что сделали с людьми? Хорошо, что студенты сегодня не пришли, попали бы ни в чем не повинные дети под раздачу.

Сашка чуть замешкался, переступая через перегородившие коридор тела. Надо же, сам едва жив остался, а этих жалеет. И перешагивать прямо через труп не хочет, была бы возможность – обошел бы, опасливо глядя под ноги. Я шагнула следом, что-то ухватило меня за лодыжку. Подпрыгнула, матюкнувшись, – один из тех, в кого я всадила пулю, оказался жив и просил помощи.

– «Скорая» едет? – поинтересовалась я у омоновцев, выдирая ногу из чужих пальцев.

– Вызвали. А вы ничем не можете помочь?

Иезуитство какое-то: сперва стрелять, потом спасать.

– Я судебный медик. Вскрыть могу, но эта процедура, кажется, несколько преждевременна. Помочь... – я пожала плечами. – Где-то аптечка, кажется, была. Судя по локализации раны – гемопневмоторакс, с шансами гемоперикард. Если вы настаиваете...

Настаивать они не стали: ребята, видать, оказались тертые и знали, что, если не можешь ничего сделать – лучше не трогай и подожди тех, кто сможет.

– Мария Викторовна, а как же клятва Гиппократа? – прошептал Сашка.

– Какая? – поинтересовалась я. – «Клянусь Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигиеей и Панакеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели»? Там еще что-то про «не дам абортивного пессария» и «не буду заниматься сечением у страдающих каменной болезнью».

– Ну...

– Тогда не «гиппократа», а «клятва российского врача», – я усмехнулась. – Честно исполнять свой врачебный долг и действовать исключительно в интересах больного, невзирая на пол, расу, национальность... и прочая и прочая. Я и действую... исключительно в интересах больного. Об этом редко говорят, но современная деонтология полагает, что личная неприязнь может повлиять на качество проводимой терапии. А личную неприязнь, я, как понимаешь, испытываю. Аж кушать не могу.

Софистика, софистика, черт бы ее подрал. Эх, Студент… Врачи – не ангелы с нимбом, летящие на крыльях ночи спасать человечество, а присяга не превращает их в роботов. Чем быстрее ты это поймешь, тем лучше для тебя же. Глядишь, не сгоришь до времени, а сгорают все, рано или поздно. Когда-то Вишневский отдал под трибунал подчиненного, отказавшегося оперировать офицера СС. Наверное, я плохой врач, но, окажись на месте того подчиненного, предпочла бы трибунал.

– А... – Парень хотел сказать что-то еще, но тут мы вывернули к открытым дверям секционного зала. Сашка дернулся и резко отвернулся, часто-часто моргая. Я высвободилась из руки держащего меня омоновца и пошла внутрь. Кажется, меня окликнули – неважно.

Дверь баррикадировали зря – толпа вынесла окна вместе с сетками. Решеток не было – какой дурак будет грабить судебный морг?

Трупы. Тела, перевернутые столы, разбросанные инструменты. Сброшенный на пол вскрытый труп, органокомплекс валяется рядом. Михалыч с секционным ножом в руке, лица нет, разве что по залитым кровью сединам и узнать. Раскрытые двери хранилища, вытащенные из холодильника обнаженные тела... идиоты, они ж испортятся. Двое коллег, рядом с одним – табуретка с окровавленным углом. Судя по проломленной башке лежащего рядом типа в джинсовой куртке – своего Харона коллега прихватил за компанию. А может, не одного. Санитар. Сверху обнаженный труп – бросили, не глядя. Вадим.

Я опустилась на колени рядом.

– Женщина, не трогайте ничего!

– Глаза хоть закрыть дайте.

– Не трогайте! – мужчина подхватил меня под руку и рывком поднял.

– Пустите! Может, живой кто.

Он только крепче сжал мое предплечье, рядом материализовался второй добрый молодец, ухватив другую руку, так что брыкаться было совершенно бесполезно, и я покорно позволила вывести себя на улицу. Посреди двора валялись вытащенные из здания трупы. Кто-то, видать, забрать хотел, да не донес. И у ворот – свежие, одетые.

– Здесь ждите. Сейчас бригада приедет, разберемся, кого куда.

Из здания под руки выволокли какого-то мужчину, не слишком церемонясь, впихнули в стоящий рядом автобус. Интересно, как они отличают сотрудников от погромщиков? И откуда тела у ворот? Стреляли?

– Давка была, – стоящий рядом омоновец проследил за моим взглядом. – Сами друг друга...

Подъехали две машины «скорой», врачи исчезли в здании.

– Студент, ты курящий?

– Нет.

– И я нет, черт...

Подрулила еще одна легковушка с мигалками, оттуда выбрались трое в форме полиции.

– Маша! Что у вас тут за бардак?

– Привет, Костик, – откликнулась я. – Еврейский погром. Мы в роли евреев.

Врачи вынесли на носилках коллегу, загрузили в машину, «скорая» взвыла и рванула прочь. Живой. Хоть кто-то.

В другую машину определили подстреленного типчика, что ухватил меня за ноги. Водитель что-то объяснил своим по рации, машина уехала.

– Сейчас еще должны подогнать, – уже нормальным тоном сказал Костя. – Людей не хватает, что у нас, что у них.

Он огляделся.

– Больше никого не уцелело? Ни хрена себе... Пошли тогда, что ли, с тобой описывать?

– Костя, я не могу.

– Да брось, недавно ж вместе ездили.

– Костя, ёпрст, я вообще-то тут вроде как пострадавшая. Или свидетель, тебе виднее. Какое, к черту, «описывать»?

Оперативник выругался.

– Сумасшедший дом. Из ближайшей больницы, что ли, врача притащить? Так он нам тут понарисует...

– Повреждения нормально опишет. А вскрывать подтянете патанатома, в областной больнице свой морг, в первой городской тоже есть, в детской... найдешь, в общем. Вопрос в том, куда трупы везти – здесь нельзя оставлять, разгром полный.

– Да что ж это... – Костя разразился очередной матерной тирадой. Спохватился. – Прости, Маш. Сейчас с прокуратурой свяжусь, пусть решают.

Он вернулся к машине, долго разговаривал, потом пообщался с омоновцами. Мы ждали.

Подъехали еще две «скорые», как бы не те же самые: лица медработников показались знакомыми. Впрочем, могла и ошибиться.

– Маш, а что за разговоры об огнестреле? – вернулся Константин.

Я пожала плечами.

– Откуда мне знать? – я рассказала байку о том, как Сашка героически бросился меня спасать.

– Ясно, – буркнул Костя. – В общем, езжайте-ка вы в отделение. В изолятор засовывать не будем, свои люди вроде как, в коридоре посидите. Но показания дать придется по всей форме.

– Костик, я у тебя в подозреваемые переквалифицировалась?

– Маша, не морочь голову. На допросе разберемся.

– Весело. Слушай, а переодеться можно? Не в этом же, – я дернула за полу хирургического костюма, – потом от вас домой переться.

– Что за детский сад? Кто тебе даст в вещдоки переодеваться?

– Вот черт... Ты уверен, что пойдут как вещдоки?

Константин вздохнул:

– В этом вашем погроме как вещдок пойдет все. Поди тут с ходу разбери, где что и куда. Сколько времени описывать место происшествия будем – даже думать не хочу.

– Гадство... у меня там сумочка в раздевалке оставалась.

– Много денег было?

– Денег немного, саму сумочку жаль, и кошелек новый. – Я махнула рукой. – Черт с ним, сгорел сарай, гори и хата, но если найдешь – дашь знать, ладно?

– Дам знать. Идите, вас проводят. И мобильный парням отдай. Уходить из отделения будешь – вернут.

– Погоди, мужу можно позвонить?

– Валяй.

Ив трубку не взял. В операционной, как пить дать. Черт. Знать бы точно, в качестве кого меня забирают – свидетеля или подозреваемой? В тюрягу не хотелось однозначно. С другой стороны, пусть лучше трое судят, чем четверо несут.

– Да, Костя, по твоей идее…

– Не до того сейчас, – отмахнулся он. – Двигай уже.

В автобусе омоновцы поснимали маски, превратившись в усталых, плохо выбритых парней. Ехали молча всю дорогу. Дежурный выдал расписку на телефон, потом нас усадили в коридоре и оставили вроде как без присмотра, но какое «без присмотра» может быть среди снующих туда-сюда полицейских?

Я прислонилась затылком к стене, прикрыв глаза. Мозг, переполненный впечатлениями, отчаянно хотел отключиться – так вылетевшие от скачка напряжения пробки вырубают электричество во всем доме.

– Мария Викторовна, вы спите? – В голосе Сашки было столько неподдельного изумления, что я приоткрыла один глаз.

– Студент, ты патфизу на сколько сдал?

– На четыре...

– Значит, знаешь, что такое запредельное торможение.

И все-таки отключилась. До тех пор, пока кто-то осторожно не тряхнул за плечо.

– Так безмятежно дрыхнуть может только человек с чистой совестью.

– А с чего бы ей быть нечистой? – буркнула я, продирая глаза. – Олежка? Ты откуда здесь?

– Странный вопрос, – рассмеялся Олег. – Действительно, что капитану делать в РОВД?

– И в самом деле. Извини, спросонья не соображаю.

Я провела ладонями по лицу, сгоняя остатки сна. Где-то внутри снова заклокотал адреналин. Нервы ни к черту.

– Маш, а ты что тут делаешь?

– Видишь ведь: в милицию замели, дело шьют, – усмехнулась я.

– Что случилось? – разом посерьезнел Олег.

– Бюро разнесли. Толпа. Всех наших... не знаю, при мне одного «скорая» увезла, может, еще кто живой остался, мне проверить не дали.

Олег присвистнул.

– Это ЧП минимум районного масштаба. Шума будет... Сейчас, посиди, я поразузнаю.

– Куда я отсюда денусь?

– Действительно...

Олег исчез в одном из кабинетов. Я снова прислонилась затылком к стене.

Бардак. По-хорошему мы с Сашкой должны бы сейчас сидеть не здесь, а в изоляторе, каждый в своем. Потому что за то время, которое мы уже провели в коридоре, можно было бы обсудить не только коротенькую историю, но и детали второго пришествия. А можно было бы и вовсе встать и уйти. Теоретически.

– Машка, ты в курсе, что в рубашке родилась? – поинтересовался вернувшийся Олег.

– Догадываюсь.

– Точно не знаешь, кто стрелял?

Олег, конечно, друг Ива, и муж ему доверяет больше, чем кому-либо. Но он еще и мент. И хороший мент, судя по тому, что я о нем слышала. Рискнуть?

– Ну… ты еще спроси: Павел Андреевич, а вы шпион?

– Понял, – медленно произнес Олег. – Серьезно.

– Позвони Ивану, пожалуйста. У меня телефон отобрали.

– Не «отобрали», а «изъяли». Позвоню.

– Спасибо.

Он открыл было рот сказать что-то еще, как одна из дверей шарахнулась об стену, выпуская дородную даму в погонах. Вслед за ней вылетела еще одна и вцепилась первой в шевелюру. Из кабинета появилась третья женщина, принялась оттаскивать вторую. Олег, осекшись на полуслове, бросился разнимать дерущихся.

Из не слишком внятных воплей, перемежающихся отборным матом, можно было понять только, что одна из дам торчит на работе до трех ночи и потому дополнительная нагрузка ее не порадовала. Тем более что порученное дело вроде как находилось в компетенции второй, начальницы… и вообще у той звание выше и зарплата вдвое больше, вот пусть сама и разбирается.

Олег, крепко взял полковничиху за плечи, повел ее куда-то в глубь здания, рыдающую майоршу затащили внутрь кабинета.

– Ни фига себе... – протянул Сашка.

Я промолчала.

– Совсем народ психованный стал, – сказал вернувшийся Олег. – Маш, не бери в голову. Они вообще-то девчонки нормальные. Только когда на работе по пятнадцать часов торчишь каждый день… Ольга, которая майор, мужа и сына похоронить никак не может, тела у вас... были. Теперь вообще непонятно, похоронит ли.

– Дерьмовые времена, похоже, настали.

– Дерьмовые, – согласился Олег. – Пойду я, работы невпроворот. Ивану позвоню, не переживай.

– Спасибо. Удачи тебе.

– Тебе тоже. Понадобится.

Я проводила его взглядом. Интересно, сколько сейчас времени? Наручных часов я не носила, неудобно с моей работой, а мобильник отобрали. Впрочем, даже если бы и можно было посмотреть – что с того? Засечь, во сколько нас сюда привезли, я не догадалась. Так что

оставалось только сидеть, уставившись в стенку остекленевшим взглядом, и ждать непонятно чего.

Вернулся Константин, осунувшийся и злой, прошел мимо, словно не заметив. Спустя еще какое-то бесконечное время Сашку завели в кабинет. Я продолжала сидеть. В голове было пусто, и даже ворочавшийся внутри адреналиновый моторчик заглох. Может, оно и к лучшему, в таком состоянии, как сейчас, меня можно хоть на полиграфе допрашивать. Организм уже просто неспособен выдать хоть какую-то реакцию.

Наконец Сашка снова появился в коридоре.

– Меня отпустили. Вас подождать?

– Да нет, зачем? – удивилась я.

– Проводить, поздно уже.

О господи. Студент, неужели я похожа на нежную трепетную деву, которую нужно провожать домой? Да, есть риск нарваться и на насильника, и на грабителя, и на кого угодно, но все же... Отвыкла я от таких вещей.

– Не надо, Саш. Спасибо. Непонятно, сколько еще тут торчать придется. Олег обещал мужу позвонить, значит, сделает. Муж встретит.

Муж, скорее всего, не встретит, но Студенту об этом знать незачем, а то останется из принципа. Мало того что не люблю быть обязанной, так еще и мальчишку жалко. Тоже устал ведь, куда ему тащиться провожать.

– Тогда я пойду?

– Конечно. Спасибо тебе. Увидимся.

– Корнилова! – раздалось из кабинета, и я, махнув Сашке на прощанье, прошла внутрь.

– Садитесь. – Поднять голову от документов Костик не удосужился.

– Как прикажете, господин капитан.

– Издеваешься?

– А ты?

– Машка, твою мать, ну хоть ты нервы не мотай! Это вообще для прокурорских следователей работа, а я тут мудохаюсь. Потом эти придут на все готовое, и статистика у них будет тип-топ, и зарплата в

три раза выше, и... – Он осекся, взъерошил шевелюру. – Твою мать... В общем, я ничего не говорил, ты ничего не слышала.

– Как скажешь.

– Давай все сначала. И не выеживайся. Пожалуйста. Фамилия, имя, отчество.

Сколько я проторчала в Костином кабинете – представления не имею, часов на видном месте не нашлось. Когда я получила в руки мобильный, изъятый в самом начале, на циферблате было два часа пополуночи. Я мысленно матюкнулась. Ключи от дома сгинули вместе с остальным содержимым сумочки, в квартире запасной комплект есть, но как туда попасть? Где ночует Ив – неизвестно, куда мне податься – непонятно. Черт. Сейчас выйду на улицу, отдышусь и попробую все-таки дозвониться до мужа. В крайнем случае, на коврик в ординаторскую пустит, а там видно будет.

Дверь мягко закрылась за спиной, выпустив в теплую майскую ночь, пропахшую свежей, только-только распустившейся листвой. В такое время надо бродить вдвоем по городу, слушать соловьев, что еще не повывелись, и целоваться на набережной. Я мрачно хмыкнула. Нашла время и место для романтических воспоминаний. Нажала кнопку телефона, вызывая Ива, и подпрыгнула, услышав откуда-то из пространства перед собой «Полет валькирии». На той стороне дороги стоял темно-синий «Гольф», в свете фонарей казавшийся черным, а из окна доносился Вагнер. Неожиданно. Легонько кольнула совесть – надо будет на мужа звонок сменить... скажем, «Имперский марш» ему пойдет куда больше «Веселой покойницкой». Валькирия... надо же. Я бросила телефон в карман и слетела по ступенькам навстречу выбравшемуся из машины мужу. Обняла, зарылась лицом в рубашку, прижалась к такому живому, теплому... родному, несмотря ни на что.

– Маруська... – Ив провел ладонью по моим волосам. – Я беспокоился.

– Угу... Поехали домой.

Я заставила себя оторваться от мужа, села в машину.

– Черт... От меня воняет?

– Есть немного, – хмыкнул Ив, заводя мотор.

«Немного». Намертво въедающийся в кожу и одежду сладкий трупный запах плюс пороховой дым... Или дым менты бы почуяли? Я-то к себе уже принюхалась.

– Бог с ним, с запахом. Давай по делу, – сказал муж. – Пистолет найдут?

– Смотря как искать будут. Догадаются крышу обшарить – найдут. Хотя у них тоже людей не хватает.

– Будем надеяться, что не догадаются. Зря я, что ли, столько денег потратил? Все, что на отпуск копили, пришлось отдать. Отдых накрылся медным тазом.

– Ты еще надеялся на отпуск?

– Нет, а ты?

Я обхватила себя за плечи: знобило.

– Включи печку, пожалуйста.

Ив бросил на меня быстрый взгляд и послушно повернул рычаг обогревателя.

– В общем, вывели меня на одного человечка, тот – на прокурора… В подозреваемые тебя никто не запишет. Пройдешь как свидетель.

– Спасибо.

– Да пожалуйста, – усмехнулся он. – Для чего еще нужен муж?

– Злопамятный.

– Весьма. Рассказывай. Если сможешь – по порядку.

Я попробовала. И очень удивилась, почувствовав, что голос срывается, а из глаз льются слезы. Поймала еще один быстрый взгляд мужа, попыталась вытереть лицо.

– Сейчас... извини.

Он тормознул у вывески «Аптека, двадцать четыре часа», в два прыжка оказался у входа, выругался, толкнув закрытую дверь, вернулся в машину.

– Зачем? – поинтересовалась я.

– Затем. Что дальше было?

– Да так... ничего.

Слов отчаянно не хватало, не хватало воздуха, и, несмотря на включенную печку, колотил озноб. Это ж надо так расклеиться, позорище какое! Вот что бывает, если чересчур долго держишь в узде эмоции. Рано или поздно плотину прорывает, и тогда – хватай портки, ховайся в бульбу. Но собраться тоже не получалось, все, что я смогла, – подтянуть, насколько позволяли ремни безопасности, колени к груди, обхватить их руками и спрятать лицо.

– Рассказывай! Что было дальше? – неожиданно жестко сказал Ив.

– Я не могу!

– Можешь. Рассказывай. Сейчас не выговоришься, потом будет хуже.

Машина давно стояла у подъезда, а я все выдавливала из себя слова, пытаясь описать то, что никакому описанию не поддавалось. Бред. Сюр. Ничего этого не могло произойти. Или это просто кошмар и надо только проснуться?

Я замолкла, выложив наконец все. Слезы не останавливались. Вот гадство!

Ив помог выбраться из машины. Я уцепилась за него – живого и настоящего среди полного хаоса, в который превратился мир. Домой, в душ и спать. Что делать завтра – совершенно непонятно, но думать об этом не было сил. Утро вечера мудренее. Наверное.

Едва оказавшись дома, я нырнула в ванную: содрать пропитавшуюся смертью и страхом одежду и залезть под душ, который всегда успокаивал. В этот раз душ не помог: когда Ив выломал защелку на двери, я сидела, прислонившись спиной к стиральной машине, уже переодетая в домашнее, и рыдала в голос. Слишком много всего для одной женщины.

Муж приволок меня на кухню, вручил кружку с коньяком и исчез где-то в недрах квартиры. Я честно попробовала выпить: зубы противно лязгнули о стекло. Матюкнувшись, поставила кружку на стол. Я все сделала правильно, отчего ж так хреново?

– Алло, Вадим? – донеслось из комнаты.

Вадим? Вадим же мертвый. Ив что, на тот свет звонить научился?

– Я не могу ее успокоить. Да Машу, кого еще?

А, это Деменко. Допрыгалась: муж психиатру звонит. Интересно, спецбригада приедет? Я бы не отказалась, честно говоря: отдохнуть месяц-другой в отделении неврозов, забыв о сегодняшних событиях, как о страшном сне.

– Я тоже не думал, что такое может быть. Не меньше часа, не засекал. Не телефонный разговор.

Я все-таки совладала с трясущимися руками и влила в себя полкружки коньяка. Задохнулась, закашлялась. Черт, в доме даже хлеба нет, дожили. О, бомжпакет[22] завалялся, замечательно.

– Нет у нас ничего такого, незачем было.

И в самом деле, зачем успокоительное в доме, где один – хирург, вторая – судмедэксперт? Железные нервы. Были когда-то.

– Закрыты аптеки. Да, и круглосуточные.

Я допила остатки коньяка, плеснула еще. Хмель не брал, хоть тресни, разве что в желудке потеплело. Надо бы прекращать заливать стресс спиртным, с такой жизнью и спиться недолго. К тому же не помогает. Какой дурак придумал про «напиться и забыться»? Вранье, ничего не забывается. Кого мне придется оплакивать в следующий раз?

– Чего? Ты издеваешься?

В голосе мужа было столько неподдельного возмущения, что я волей-неволей прислушалась.

– Какое «трахни», у меня сейчас и на мисс Вселенную не встанет! Да иди ты... Сам ты импотент, посмотрю я на тебя в четвертом часу ночи и после такого денька!

Я поперхнулась коньяком. Приехали. А меня кто спросил? И вообще, тоже мне, «мисс вселенная». Я, между прочим, симпатичней. Когда высплюсь. Неважно, что понятия не имею, кто сейчас носит этот титул, – я симпатичней, и точка.

– Шуточки у тебя... Нет, не сержусь.

Я прислонилась плечом к косяку.

– Малыш, я же лучше собаки!

– Маш? – Ив обернулся. – Вадим, я перезвоню.

– Я лучше, чем мисс вселенная.

На самом деле прямо сейчас я не смогла бы конкурировать не только с гипотетической «миской», но и с не менее гипотетической Люськой из соседнего подъезда. Осунувшееся от недосыпания лицо, синяки под глазами, опухшие веки, покрасневший нос... слезы украшают женщину только в романтических фильмах.

– Ты в своем уме?

– Нет, блин, в чужом! Тебе не приходило в голову, что прежде, чем обсуждать с друзьями, трахнуть ли жену, стоит спросить у самой жены? Я тебе что, резиновая кукла?

Не надо было спускать на него всех собак, но остановиться уже не получалось.

– Да никто не собирается тебя трахать! Делать больше не хер! Иди спать, нечего тут пьяные истерики закатывать.

– Ты когда в очередной раз по бабам собираешься, тоже у друзей совета спрашиваешь?

– По каким бабам? Тебя что, сегодня по башке огреть успели?

– Знаешь что, разлюбезный муж мой... Я, наверное, не очень хорошая жена, раз тебя все время на сторону заносит. Неполноценная женщина, это тоже правда. Но не хрен думать, будто я полная идиотка!

Ив помолчал, разглядывая меня. Усмехнулся.

– Нет, ты не идиотка. Ты актриса. Умная расчетливая актриса. Разыграла любовь, отхватила мужика с перспективами. Браво. Только какого тебе еще надо? Квартира есть, деньги есть, муж, которого можно предъявить, – тоже есть. Чего еще? Чего тебе надо для того, чтобы больше не выеживаться посреди ночи? Я весь день проторчал на экстренных операциях, а теперь устал и хочу спать!

Ух ты, как интересно...

– Вань, по-моему, это тебя сегодня по головке шмякнули.

– Нет, надоело просто. В постели притворяешься... не помнил бы, как это по-настоящему, может быть, даже и поверил. Теперь вот оказывается, про любовниц тоже знала и тоже, получается, притворялась, что так и надо. Мне, в общем, нормально: сыт-одет, дома чисто, жена опять же под боком, если приспичит, да и привык я к тебе. Но врать не надо, ладно?

– Так... А на хрена ты меня сегодня из тюряги вытаскивал? Со взяткой подставлялся? Если надоело, как хорошо все решалось: я на зоне, развестись можно без суда, имущество опять же не делить, никаких проблем: кормить-обихаживать найдется кому, трахать кого – тоже, а поболтать и с друзьями можно.

– А с кем мне еще говорить, с тобой, что ли? Один раз поговорил... до сих пор помню. Пришел к любимой женщине, думал, кто еще поймет-поддержит? А услышал, что сам дурак.

– Ты о чем?

– Уже ни о чем. Парень тот, с инфарктом... – Ив присел на край стола, скрестив руки на груди. – «Как же ты так лажанулся, в любом учебнике дифдиагностика есть».

Пацана того я помнила, Ив рассказывал. Приехал в хирургию на «скорой»: боль в животе, симптомы раздражения брюшины, впрочем, не слишком выраженные. В крови признаки воспаления, ЭКГ на первый взгляд в норме. Ив, тогда еще молодой дежурный врач,

диагностировал воспаление атипично расположенного аппендикса и взял парня на операцию. Пациент умер на столе. Аппендикс оказался совершенно интактным, а на вскрытии обнаружился инфаркт задней стенки сердца. Абдоминальная форма, про которую написано во всех учебниках, – и все равно ошибки случаются слишком часто. Тем более что мало кто будет думать в сторону инфаркта у семнадцатилетнего парня.

– Я что, в самом деле так сказала?

– Ну да, где тебе упомнить такой пустяк?

И правда – не помню. Кажется, тогда Ив быстро свернул беседу, а еще через полчаса вспомнил про какие-то забытые дела в отделении и ушел на работу. Тогда я так ничего и не поняла.

Я шагнула ближе, попыталась обнять.

– Что, теперь всю оставшуюся жизнь поминать будешь?

– Не надо, Маш. – Ив перехватил мои руки. – Хватит. Мне с тобой... нормально, да и нет у меня никого, кроме тебя. Опять же в люди выйти не стыдно, друзья завидуют... Почему-то все уверены, что ты само совершенство. Уживемся, как добрые приятели. Но в любовь не играй, ладно? Не позорься.

Лучше бы он ударил. Тогда, несколько лет назад. Я бы просто ушла в один миг, и не было бы настолько... Да много чего бы не было – ни времени, когда я еще надеялась понять, что же со мной не так и можно ли что-то исправить, ни показного сочувствия заклятых подруг – твоего вчера видели с какой-то... Впрочем, это, наверное, к лучшему – в таких вещах и проверяешь, кто есть кто. И не было бы усталого смирения потом – так смиряются с тем, что невозможно изменить. Вроде земного притяжения: сиганув с крыши, не взлетишь, и едва ли есть смысл об этом сожалеть.

– Какой же ты...

– Сволочь? – поинтересовался он. – Так с кем поведешься...

И усмехнулся.

И я со всей дури залепила пощечину по этой ухмыляющейся морде, в которой не осталось ничего от бывшего еще четверть часа назад родным человека. Послав к чертовой матери все представления о приличном и не очень, о самоконтроле и прочей чуши. То, что копилось годами, наконец выплеснулось, и мне стало наплевать, что сцена выходит совершенно безобразной, что мой лексикон сделает

честь прожженному алкашу из подворотни, и даже то, что, когда рано или поздно это закончится, придется только собрать чемоданы и уйти. Если останусь жива, потому что Ив намного сильнее, а не ударить, когда разъяренная мегера метит когтями в глаза, сможет не каждый. Результаты подобных семейных разборок мне доводилось видеть слишком часто – но на это тоже было плевать. Цепная реакция – не остановить, даже зная, что после останется выжженная пустыня.

Муж опомнился, каким-то хитрым приемчиком вывернул руку так, что я взвыла, и поволок, матерясь и шипя, когда я умудрялась лягнуть и не промазать. Не слишком мягко сгрузил в ванну. Ледяные струи душа обрушились на голову, ослепляя, заглушая визг. Отчаянно отплевываясь, я какое-то время брыкалась, пыталась отмахиваться и, наконец, замерла, сжавшись в комок, мало-помалу осознавая происходящее.

– Все? Или добавить?

– Хватит. Холодно...

Поднять глаза было невозможно.

– Я... Я в гостиной переночую. А завтра уйду.

Квартиру мужу оставили родители, так что все честно.

– И далеко собралась?

– Не знаю.

И правда, не знаю. Какая теперь разница?

– Маруська, ну ты даешь!

Я все же заставила себя поднять взгляд. Промокший до нитки Ив прислонился к косяку, разглядывая меня с откровенным любопытством.

– Тебе что, в самом деле на меня не плевать?

– Дурак ты, – всхлипнула я, утыкаясь носом в колени.

– Погоди-ка... Не хочу с твоей макушкой разговаривать.

Ив одним движением вытащил меня из ванны, поставил на ноги. Шагнул назад, снова прислонившись к косяку. Повторил:

– Ну ты, блин, даешь.

Царапина на щеке, под глазом стремительно наливается синяк, порванная футболка. Это что, все я?

– Могла бы поаккуратней, мне ж теперь перед больными таким фонарем светить.

– Я нечаянно...

Прозвучало невероятно глупо. Отодвинуться бы, но куда отодвинешься в стандартной ванной, только и оставалось стоять, обхватив себя руками и стараясь случайно не коснуться.

– Да уж, я заметил. «Нечаянно». Сочувствую тому маньяку, который решит на тебя покуситься.

– Я... – Зубы неуместно клацнули: все же стоять в мокрой одежде не слишком тепло. По спине с волос текла ледяная струя, тело била крупная дрожь. Надо выйти, переодеться, но дорогу перегородил Ив, закрыв дверной проем. Выражения его лица я не видела, для этого нужно поднять глаза, и я уперлась взглядом в облепленный мокрой футболкой торс. Оставалось сказать только одно. Собраться с духом, сказать, выдержать презрение и насмешку – наверняка муж примет это за попытку помириться. Да, мы оба хороши, и за то, что он наговорил, расцарапанная морда – не слишком тяжкое наказание. И все же, если я не скажу это сейчас, то окончательно перестану себя уважать. Дело не в том, чтобы что-то вернуть, возвращать надо было много лет назад, пока мы не замкнулись каждый в своем коконе. Теперь уже поздно.

– Ив... – Как же трудно смотреть ему в глаза. – Я вела себя совершенно неподобающим образом. Я виновата. Прости меня, пожалуйста.

Ну вот и все. Теперь только дождаться, когда он закончит исходить желчью – почему люди так часто принимают извинение за слабость или попытку вымогательства? Покидать в рюкзак вещей, чтобы протянуть неделю-две, пока не найду жилье. И уйти. Жаль, что все кончилось так. Жаль. Господи, как глупо... Разбежаться – и то нормально не смогли.

Муж молчал, и выражение лица было... странным. Недоумение, растерянность и что-то еще, что-то знакомое, но давно забытое. Тишина затягивалась, развернуться бы и уйти, но Ив по-прежнему стоял на пути, и оставалось только не отводить взгляда от его глаз. Да уж, наворотили мы дел.

Но черт бы все это побрал – я не хочу уходить!

– Маруська, я дурак. Совсем-совсем дурак. Иди сюда.

Я всхлипнула и ткнулась лбом куда-то ему в ключицу. Ив обнял, баюкая, повторяя:

– Маруська... Замерзла же совсем! – спохватился он наконец.

– Уже нет.

– Да ну? – Он прижал мои ладони к щеке. – Как ледышки. Нет, я точно идиот. Вылитая царевна-лягушка: холодная и мокрая. Раздевайся, быстро.

– Иван-царевич нашелся, – фыркнула я, в очередной раз клацнув зубами

– Да раздевайся ты, потом болтать будешь!

Он, не слишком церемонясь, сорвал с меня мокрую футболку, стянул джинсы с прилипшим к ним бельем.

– Тьфу ты, сам такой же. – Ив разделся, подхватил меня на руки. Засунул под одеяло, нырнув следом. – Греться будем. Тебе что-нибудь горячительное принести?

– Не надо. Хватило сегодня... горячительного.

– Ну сейчас-то чего дрожишь? – обнял, привлекая к себе. – Тепло же?

– По инерции, – я шмыгнула носом, прижимаясь к нему всем телом.

– Ревешь тоже по инерции?

– Угу. Сейчас...

– Да ладно тебе. Реви, сколько влезет.

– Вот спасибо, разрешил, – хмыкнула я. И в самом деле, хватит, пожалуй. Тепло и спокойно – почему с ним не всегда так? Умеет же, когда хочет.

– Маша...

– А?

– Прости меня. Был неправ. Исправиться не обещаю, но попробую.

– Оба хороши.

– Это точно. Мир?

– Угу... Ив?

– М?

– Не отпускай меня.

– Не отпущу. Спи спокойно.

Солнце светило в лицо. Я сощурилась, ворча повернулась на бок. Солнце? Оно заглядывает в спальню только ближе к обеду и... Черт! Я рывком села. Проспала все на свете.

– Далеко собралась? – поинтересовался муж, приоткрыв глаз.

– На работу. А ты чего дома?

– Отгул взял. Маша...

– Блин, как же я так будильник не услышала! – Я снова чертыхнулась и полезла через мужа, выбираясь из кровати. – Не хочу никуда...

– Маша.

– Подвинься.

– Маша, в конце концов! – Ив опрокинул меня обратно на кровать, навалившись сверху. – Послушай меня.

– Я опаздываю.

– Ты уже опоздала, к тому же торопиться некуда, сегодня работать ты точно не сможешь.

Черт... И в самом деле некуда. Значит, можно в кои-то веки нормально проснуться и нормально позавтракать? Или... как это некуда – надо хотя бы разобраться, есть ли у меня еще работа, или разнесенный морг закрыли к чертовой матери.

– Машка, остановись и послушай, иначе я сейчас привяжу тебя к койке, чтобы не рыпалась.

Муж, ты всерьез не понимаешь, что я не желаю сейчас спорить о работе. Или делаешь вид, что не понимаешь? Да, я никуда не хочу и готова уцепиться за малейший повод остаться дома. Поэтому не действуй на нервы. Пожалуйста. Иначе я просто плюну на все.

– Ты похож на бандита с большой дороги.

Синяк расцвел роскошной синевой, царапины подсохли, но все равно выглядели довольно живописно, щетина и взъерошенные со сна волосы. Хоть прямо сейчас в боевик про благородного разбойника. Ох… до чего же хорош, зараза!

– Так, значит, придется привязывать, – нарочито сосредоточенно произнес Ив, оглядываясь по сторонам.

– Если за этим последует продолжение банкета, то я не против.

– Машка, не отвлекай. Я с тобой разговариваю, между прочим.

– Я тоже. Ты сейчас начнешь рассказывать, что на работе делать нечего, а я не хочу это слышать.

– Вот же вредная баба... Машка, я не могу говорить и целоваться одновременно!

– Я тебя слушаю. Очень внимательно.

– Врешь ты все. Так и скажи, что все уже решила, а я теперь могу хоть до морковкиного заговенья соловьем заливаться, уговаривая на

работу не ходить.

– Хорошо. Так и скажу. Еще не решила, но раз ты настаиваешь... Черт, муж, я не хочу сейчас ни разговаривать, ни думать о работе! Давай хотя бы до завтрака эту тему отложим. Сейчас я хочу тебя.

И судя по тому, что довольно-таки отчетливо упирается в мое бедро, Ив тоже думает отнюдь не о работе.

– Все зло от женщин, – Ив склонился к шее.

– Разумеется.

Поймать его губы своими, запустить пальцы в волосы. Прижаться, хотя ближе уже невозможно. Почувствовать, как он целует все ниже, вцепиться в простыню, выгибаясь навстречу. Ощутить свой вкус на его губах, пройти по телу – вниз, еще дальше...

– Погоди, успеешь... Сядешь?

Осторожно опуститься, качнуться несколько раз, примериваясь, почувствовать, как ладони ложатся на грудь, подсказывая ритм, как сбивается дыхание, срываясь на крик, и остается только обессиленно рухнуть, упираясь лбом в плечо.

– Не останавливайся…

– Хватит... Дашь его мне?

Взгляд из-под полуприкрытых век, ухмылка.

– Я весь твой.

Его пальцы отводят волосы, закрывающие мое лицо, – чтобы видеть все, до малейшей детали, дыхание все чаще, пока не сбивается на миг, а напрягшиеся было бедра не обмякают под моими ладонями. Провести еще несколько раз языком – уже просто поддразнивая. Вытянуться рядом, обнявшись, и замереть, пока мир снова не станет реальным.

Глава 7

Не читайте по утрам советских газет. Даже когда сам эпитет «советский» кажется глубоким прошлым, а газеты переселились в Интернет.

Чудесное настроение улетучилось мигом, стоило высунуть нос во Всемирную паутину. Когда-то новости и блоги были для меня приправой к утреннему кофе. Сейчас через пять минут беглого просмотра заголовков захотелось выключить компьютер к чертовой матери.

Один виртуальный знакомый, ведущий колонку новостей на серьезном научном портале, ежегодно первого апреля развлекался, публикуя откровенный бред и подсчитывая, сколько раз его перлы скопировали на другие сайты. Людей не смущали ни алюминиевые шапочки для защиты от излучения бытовых электроприборов, ни несуществующий институт имени Николя Фламеля. В советских газетах сотрудники хотя бы тратили время на то, чтобы проверить информацию. В сегодняшнем Интернете такими мелочами никто не озадачивается. И, пролистывая заголовки, я не могла отделаться от ощущения бесконечного первоапрельского розыгрыша, задуманного человеком с дурным вкусом. Новости, одна нелепей другой, опровержения новостей, опровержения опровержений… и так ad infinitum[23]. Казалось, никто по-прежнему не понимает, что происходит, но все боятся – и чтобы хоть как-то оправдать собственный страх, верят любой нелепице. Чем страшнее, тем лучше.

Но, как ни крути, придется читать. Вчера я слишком ясно увидела, что, если мнить себя свободным от общества, оно не преминет ввалиться в твой дом с дубьем наперевес. Значит – разбираться, отделяя зерна от плевел, и как-то адаптироваться к свихнувшемуся миру. Так… очередную миротворческую операцию натовских сил пока можно проигнорировать – нашли время, честное слово. Что там еще… Космическая станция падает?

– Об этой сплетне я уже слышал. – Ив обнял за плечи, чмокнул в макушку. – Корми меня, я голодный.

– Пойдем, голодный, – хмыкнула я, потрепав влажные после душа волосы. – Покормлю. А взамен расскажешь, о чем еще ты знаешь, – чтобы время сэкономить.

– Ну так вот, – начал муж, устроившись за кухонным столом. – Из-за этой якобы падающей МКС у меня пятеро больных потребовали досрочной выписки и еще столько же просто сбежали, уроды. Один даже швов не снял после аппендэктомии.

– Захочет – сам снимет, дело нехитрое. – Я поставила на стол тарелки.

– Может, еще и историю болезни сам напишет так, чтобы страховая не прицепилась? Угадай с трех раз, кого отымеют без вазелина, после того как истории этих сбежавших больнице не оплатят?

– А что ты мог сделать? К кроватям всех больных привязать, чтобы, не ровен час, не удрали?

– Маш, а кого и когда это интересовало? – вздохнул муж. – Ну их, прорвемся, впервой, что ли. Рассказывай, что еще вычитала.

Легко сказать, «рассказывай». Как отделить порождения радиостанции «одна-баба-сказала-FM» от более или менее достоверной информации? Полагаться на здравый смысл не слишком надежно: здравый смысл когда-то утверждал, что автомобили не заменят лошадей, атомная бомба невозможна, а рынок компьютеров никогда не перевалит за сотню экземпляров. Теоретически можно отследить цепочку перепостов до источника и сделать выводы, но времени на это у меня не было. Так что я просто решила рассказать обо всем, что успела прочесть, – глядишь, вдвоем легче будет разобраться.

Официальные лица по-прежнему настаивали на том, что причина повального мора – вариант вируса гриппа. По соседству со статьями о том, что на МКС погибли все космонавты, выглядела эта версия невероятно глупо. Но какая-то извращенная логика в подобном упрямстве была. До сих пор никто не мог сказать, повторятся ли странные смерти, а вирусная теория позволяла докладывать о том, что не исключена вторая волна, о важности профилактики и борьбы с распространением, принятых мерах и прочая, и прочая, и прочая – канцелярско-иссушенные бессмысленные фразы, предназначенные прикрывать высокопоставленные зады, заменяя собой реальные дела.

А заодно и продвигать очередной фуфломицин, призванный предупредить распространение инфекции. Цены на новый противовирусный препарат «Лодибра» уже взлетели до небес, в аптеках выстроились очереди, особо ушлые начали продавать лекарство мимо кассы вдвое дороже ценника, а официальные лица бодро рапортовали о том, что потребность больниц в новом средстве обеспечена полностью и идет работа над улучшением снабжения аптечных сетей.

Неофициальные лица тем временем утверждали, что власти скрывают эпидемию легочной чумы (впрочем, тут согласия не было – некоторые настаивали на вирусе Эбола или и вовсе инопланетной инфекции). Если верить местным сплетням, весь персонал судебного морга вчера погиб именно от второй волны хвори и вскоре та же судьба ждет город. На этом месте Ив поперхнулся супом, а я невесело рассмеялась. Слухи о моей смерти, разумеется, несколько преувеличены, но радоваться этому почему-то не выходило.

Якобы падающая МКС не заинтересовала ни меня, ни мужа. Если эта дура в полторы сотни тонн действительно решит приземлиться именно на наш город, он испарится в мгновение ока, а поскольку все мы смертны, не из чего делать проблему. Гораздо хуже выглядели полыхающие тут и там пожары, с которыми не успевали справляться. Когда разом из списков живых и дееспособных вычеркивается минимум пятая часть людей, которых некем заменить, начинаются авралы – от банальности этой истины легче не становилось. Оставалось только верить в то, что горящий молокозавод успеют потушить до того, как начнутся настоящие проблемы. А еще в то, что завтра не случится какое-нибудь ЧП на водозаборе, или хладокомбинате, или на металлургическом производстве…

– Кажется, город становится опасным местечком.

Я устроилась на подоконнике за спиной мужа, обнимая ладонями кружку с кофе. Ив прихлебывал забеленный молоком чай. Вроде бы каждый сам по себе, но для того, чтобы прикоснуться, достаточно протянуть руку. Настроение, правда, у обоих ни к черту.

– Если хочешь – бери машину и уезжай к родителям. В морге твоем все равно делать нечего…

– Уверен?

– В чем именно?

– В том, что хочешь меня отослать?

Ив развернулся в мою сторону.

– Там безопасней. Наверняка в вашей деревне не громят морги и не бродит маньяк со скальпелем. Завод меня не волнует, наверняка потушат, а вот псих, убивающий врачей...

– Черт с ним, с психом. Ты не ответил. Я слышу о маньяке, о безопасности – но сам-то ты что думаешь?

– Сейчас ты скажешь: «А меня кто спросил?»

Я улыбнулась.

– Хорошо, – сказал муж. – Спрашиваю. Большая девочка – наверное, сама знаешь, как поступить.

– В том и дело, что не знаю. – Я спрыгнула с подоконника. Зажужжала кофеварка: без еще одной порции кофе явно не обойтись. – Тебе чая долить?

– Да, пожалуйста.

Чашка негромко стукнула о стол, я вернулась на подоконник. Ив снова сел спиной, давая время подумать. Сквозь толстые стенки кружки кофе не обжигал, а грел ладони, можно просидеть так до скончания века, покачивая ногой, щурясь разомлевшей на солнце кошкой и вдыхая теплый аромат. Просто быть – и ничего не делать. Непозволительная роскошь по нынешним временам. Особенно после того, как минимум неделю подряд ощущаешь себя щенком, которого жестокие дети бросили в горный ручей: отчаянно молотишь лапами, чтобы удержать мордочку надо водой, и нет времени даже скулить от страха, только барахтаться и хоть как-то дышать. Мне не справиться с течением. Но...

– Ив, я еду на работу.

– Сбрендила, – констатировал муж. – Вчера острых ощущений не хватило?

– Каждый раз, когда наше любимое Минздравсоцразвития издает новый гениальный приказ, я слышу о том, что ты хочешь послать все к ядреной матери и забыть медицину как страшный сон.

– При чем тут?.. – Ив повернулся ко мне, плеснув чаем на пол. Настороженный, точно вот-вот начнется перепалка. Даже обидно, просто же разговариваем.

– Так что ты делаешь до сих пор в своей больнице? Острых ощущений не хватает?

– Я уйду – кто останется?

– Вот тебе и ответ.

– У меня больные. У тебя – трупы.

– Да к твоим больным я на пушечный выстрел не подойду – они шевелятся, – усмехнулась я. Встретилась взглядом с мужем. – Трупы. Несколько сотен. Летом. Продолжать?

– Не пугай, не маленький. Провоняют весь район, а потом придут мыши-крысы-тараканы и утилизуют. Еще бродячие собаки – тем тоже все равно, что жрать. Машка, ты не Матросов – грудью на амбразуру.

– Естественно. Матросов погиб, а я планирую еще пожить. Долго и счастливо – если получится.

– Пусть в Минздраве разбираются.

Да уж, эти разберутся. По большому счету я сама еще не знала, что буду делать, оказавшись в морге, – если мы не могли справиться с работой, когда бюро было еще в полном составе, то много ли смогу я одна?

– Минздрав... Смешно. Санэпиднадзор, может, и зачешется, когда полетят тучи мух. Еще стаи крыс, собаки. Бешенство, чума, тиф...

– Спасибо, – перебил Ив. – Я помню курс инфекционных болезней. Не пущу.

И что на это ответить? Только и остается, что, подняв бровь, уставиться на мужа, всем видом изображая веселое любопытство. Пять минут назад сам говорил – взрослая девочка; и нате вам. Нашел время изображать деспота.

Спорить бесполезно – чем сильнее я буду давить, тем сильнее Ив упрется. Лучше дать возможность отступить с достоинством. Мы же оба знаем – в конце концов, я сделаю то, что сочту нужным. Точно так же как и он за себя всегда решал сам.

Муж заерзал под моим взглядом.

– Вот ведь упрямая баба... Маруська, ты понимаешь, что можешь снова нарваться на погром?

– Это мои проблемы.

– Хоронить по нынешним временам – тот еще геморрой. Так что это будут мои проблемы.

– Что бы ты делал на моем месте?

– Сидел бы на попе ровно и ждал решения Минздрава.

Я от души рассмеялась: врет и не краснеет. Кто не так давно сутками из операционной не вылезал?

– Машка, не пущу... – Он снова поерзал. – Ты меня в гроб вгонишь когда-нибудь.

Я молчала.

– Одну – не пущу. Вместе поедем, хоть будет кому, если запахнет жареным, ухватить тебя за шкирку и утащить оттуда. Собирайся.

– Есть, сэр! – отсалютовала я, спрыгивая с подоконника. Кружка с остатками кофе, сбитая неловким движением, кувыркнулась на пол.

– Раззява, – хмыкнул Ив, глядя на коричневые кляксы, украсившие пол. – Чашку в руках удержать не можешь, а туда же – на амбразуру, мир спасать...

Я запустила в него кухонным полотенцем, тут же получила этим полотенцем по заднице и поспешно ретировалась с кухни. Перед тем как спасать мир, придется помыть пол.

Пока я возилась с ведром, Ив устроился за компьютером. Вскоре из гостиной донеслась отборная брань.

– Машка, иди сюда!

Я оперлась подбородком о его плечо, глядя в монитор. Тряпка, чавкнув, шлепнулась на пол. Похоже, родственники умерших в тот день нашли крайних не только у нас. Два морга Москвы, Новосибирск, Находка, еще несколько городов, названия которых ничего мне не говорили.

– Прочитала? – поинтересовался муж. – А теперь глянь сюда.

– Суки! – Я выпрямилась, с трудом переводя дыхание. Сволочи, какие же сволочи, шеф с первого дня докладные писал, и не он один, по всей стране... Я подхватила со стола коробку с диском, со всей дури запустила в стену. Хрястнула пластмасса.

– Маруська?

Я сухо всхлипнула – отчаянно не хватало воздуха. Ив развернулся вместе с креслом, усадил меня на колени, не обращая внимания на заскрипевший пластик подлокотников.

– Все, Маш, все... Ничего уже не изменишь.

– Сволочи... – Я уткнулась в его ключицу. – Ив, они же могли этот приказ – что скоропостижно скончавшихся не исследовать – в самые первые дни выпустить. И все были бы живы. Не только наши, эти... – я

мотнула головой в сторону монитора. – Все, понимаешь? А они тянули, пока по всей стране не полыхнуло.

– Маш... я не уверен, что сам на их месте бы не тянул. Даже если наплевать на закон – нужно же понять, в чем причина стольких смертей.

– Да нечего там понимать! Ни на макро-, ни на микроуровне ничего!

Никакого разумного объяснения, логичные версии давно закончились, разве что удариться в эзотерику, которая всегда была последним прибежищем некомпетентности. Готова поспорить на что угодно – меньше всего чинуши думали о поисках причин. А вот о том, чтобы прикрыть себе задницу...

– Днем раньше! Хотя бы днем раньше – и все наши остались бы живы!

Муж молчал, тихонько баюкая меня на руках.

– Ив, а может, попы правы? Может, ад есть? И на самом деле – это мы умерли, а преисподняя – это не геенна огненная, а то, что вокруг?

– У тебя слишком буйное воображение.

– Тогда почему этот кошмар не заканчивается? Я больше не могу. Просто не могу, и все.

– Можешь, Маш. Ты можешь. И я могу.

– Я задолбалась быть сильной!

Он тихонько хмыкнул.

– Хорошо. Давай я притащу с кухни оставшуюся посуду, а ты ее всю расколотишь. Я помогу – тоже все задолбало. Вдруг полегчает? А нет – потом ляжем рядышком на пол и будем дуэтом рыдать, пока не сдохнем. Такая перспектива тебе больше нравится?

– Вредина ты... – Я снова уткнулась ему в плечо, переводя дыхание. Потом заставила себя выпрямиться. – Все. Попустило.

– Вот и хорошо. Ехать на работу передумала?

– Не дождешься. – Я слезла с колен мужа, разглядывая осколки пластика на полу. – Да уж, наворотила... Александр Македонский, конечно, герой, но зачем же стулья ломать?

– Да ну его, вкладыш сохранился, а коробку найти да диск переписать – пара пустяков, – отозвался Ив. – И пока не начали собираться... Маш, насчет вчерашнего.

Я развернулась, встретила его взгляд.

– Не советую повторять. У меня тоже не железные нервы. Либо мы разговариваем как люди, либо мы – два сорвавшихся с цепи животных... и на этом поле я сильнее. Просто потому, что мышц больше. Так что не надо.

– Поняла, – медленно произнесла я.

– Вот и отлично. – Ив выбрался из кресла. – Если не передумала ехать – одевайся. Время идет.

«Гольф» послушно заурчал, двинулся по пустым улицам. Странно, разгар рабочего дня, даже за вычетом умерших в городе все равно осталось полно людей – машин на дорогах должно быть больше. Так свободно бывает разве что по выходным в разгар дачного сезона. К тому, что на улицах почти нет детей, я привыкла, хотя каждый раз стоит только об этом задуматься – по спине пробегает холодок. Мельтешащая, вечно орущая мелюзга раньше безумно раздражала, а когда исчезла, оказалось, что именно она давала иллюзию бессмертия.

Впрочем, пусто было недолго: на перекрестке дорогу преградили мерно бегущие люди. Десятки, может, сотни людей пробегали мимо, полностью перекрыв движение.

– Это что за явление?

– «Гампы», – сказал муж. – Ты не знала?

– Когда бы мне про них узнать?.. – Я присмотрелась к бегущим. У каждого на боку – сумка защитного цвета, напоминающая о временах «военки»

– А противогазы им на кой ляд?

Муж пожал плечами. В самом деле, ему-то откуда знать… И где их столько раздобыли? А главное – зачем? Истерика в ожидании предстоящего Большого Полярного Лиса? Тогда – чем бы дитя ни тешилось… Пусть лучше вспоминают, как обращаться с противогазом, чем сбиваются в напуганные стаи, готовые громить всех и вся в попытке заглушить собственный страх. Правду говоря, мне и самой страшно. И не только из-за того, что творится прямо сейчас.

– Ив, как думаешь, что будет с экономикой лет этак через пятнадцать? Когда войдут в трудоспособный возраст... вошли бы – те дети, что умерли?

– Я думаю, что экономике придет конец куда раньше. Если уже не пришел.

Да уж. Похоже, нас ждут веселые деньки, по сравнению с которыми последняя неделя – просто цветочки.

– Надо что-то делать!

– Что именно? Единственный вариант, который я вижу, – когда совсем припрет, уехать к твоим и жить натуральным хозяйством. Как в девяностые за счет огородов выживали – помнишь?

– Еще бы не помнить. – Меня передернуло. – Только сейчас все как-то неправильно. Бандиты тогда были, но я не помню погромов, – я мотнула головой в сторону аптеки с вынесенными стеклами, мимо которой мы как раз проехали. – Следующими окажетесь вы, практикующие врачи. За то, что не смогли в те дни никого спасти.

– Не каркай.

Машина вывернула на улицу, что вела к площади у мэрии, неожиданно людной. Толпа заняла все пространство, и мужу пришлось сбавить скорость, чтобы пробраться среди стоящих прямо на проезжей части людей. Я снова вспомнила девяностые, когда едва ли не каждый день здесь собирались митинги – то в поддержку, то в знак протеста. Только в те времена толпа была единой, а сейчас с разных углов площади летели разные лозунги, мегафоны надрывались, перекрикивая друг друга. Я прислушалась: если глас народа – глас божий, то грех ему не внимать.

Одни требовали «правды». О чем, в какой форме и как определить, что это именно она, – оставалось за кадром. Правды – и точка. Я подозревала, что правда о том, что Земля имеет форму геоида, а Джона Леннона убил Марк Чепмэн, не сделает собравшихся здесь сограждан счастливее, но авторы лозунгов, как правило, не заботятся о корректности формулировок.

С другой стороны клеймили врачей-убийц, Минздрав и жадных торговцев лекарствами. Оказывается, именно они виноваты в том, что в аптеках нет жизненно важного лекарства «Лодибра» – того самого фуфломицина, что в новостях советовали в качестве профилактического средства от второй волны смертей. Они же, без сомнения, виновны и в том, что случилась первая волна – ведь если бы вовремя сказали правду и дали людям возможность купить чудо-лекарство или надеть маски, никто бы не умер. Не выдержав, я вслух полюбопытствовала, не врачи ли убийцы развалили часовню двенадцатого века. Ответом был сдержанный мат Ива, который юмор

не оценил. Когда все мысли только о том, чтобы не посадить на капот очередного борца с режимом, не до шуток.

На этом фоне лозунги третьей группы казались до умиления знакомыми. Призывы покаяться, потому что все ныне происходящее – кара Господня за то, что не прислушались к словам пророков. Пророки же однозначно осудили переливание крови во всех формах, равно как производные компонентов крови. Разумеется, врачи, которые вмешиваются в промысел Божий, и те, кто уже запятнал себя работой с препаратами крови, навсегда лишили себя спасения, но у остального человечества шанс есть... Помнится, Ив рассказывал, как собственноручно спустил с лестницы одного из подобных проповедников – это ж надо было притащить в хирургической отделение брошюрки о том, что Бог якобы запретил переливание крови. Окажись я тогда рядом – помогла бы придать святоше дополнительное ускорение. Но чтобы «Свидетели Иеговы» собрались на демонстрацию? Или это новая секта – в последнее время они плодятся, что плесень? С теми же верованиями, что у «Свидетелей», но предпочитающая выйти с транспарантами вместо того, чтобы хватать людей за рукава на улице, рассказывая о Боге? Все может быть...

Машина наконец выбралась из толпы, муж прибавил скорость.

– Налюбовалась? Все еще жаждешь пообщаться с добропорядочными горожанами?

– Слушай, достал. Измором, что ли, пытаешься взять?

– Вроде того. Очень хочется развернуть машину и запереть тебя дома.

– Попробуй, – хмыкнула я.

– Думаешь, не справлюсь?

– Думаю, справишься. А дальше?

– Поймешь, что я был прав.

– Сам в это веришь?

Ив не ответил. Правильно сделал: салон движущегося автомобиля не лучшее место для выяснения отношений. Не то чтобы я всерьез поверила угрозе – чего-чего, а до попыток утвердить свое мнение с помощью грубой силы муж не опускался никогда. Хуже всего – Ив был прав… Да и мои остатки здравого смысла кричали в голос о том, что я совершаю вопиющую, опасную глупость, что в грамотно

организованном бою нет нужды закрывать вражескую амбразуру собственным телом, что надо развернуть машину. И вообще запереться дома и ждать, чем дело кончится, лучше всего – в компании небольшого арсенала. Беда в том, что сидеть, как выражается Ив, на попе ровно я не умела.

Машина остановилась там, где от дороги ответвлялся проулочек, ведущий к бюро. Отсюда можно, не слишком привлекая внимания, увидеть, что происходит за решетчатой оградой морга. Я на миг пожалела, что толпы, как в прошлые дни, сегодня нет. Окажись здесь агрессивная орда с лозунгами, я бы имела право попросить Ива вернуться домой. Но орды не было – была очередь, уставшая, безразличная, чем-то смахивавшая на те бесконечные советские очереди, в которых мне довелось постоять еще ребенком. Интересно, номерки на ладонях уже пишут?

– Ну что? – спросил Ив.

Я прислонилась лбом к бардачку. Страшно.

– Маш?

Щелкнул расстегнутый ремень безопасности.

– Погоди, – сказал муж. Достал из барсетки пистолет, сунул за пояс, демонстративно расстегнул джинсовую куртку. Потер подбородок:

– Зря брился. Со щетиной было бы колоритнее и убедительней.

– Сдурел? Зачем?

– Потому что ты – моя жена, – он ухмыльнулся. – Не дрейфь, Маруська. Прорвемся.

Мы выбрались из машины. Ив пристроился за правым плечом, отступив на полшага. Ангел-хранитель с фингалом и пистолетом.

Ветер проволок по асфальту плакат «Судить черных трансплантологов!».

Очередь выстроилась к двери ритуального агентства, откуда обычно и выдавали покойников, но хвост ее, обогнув здание, доходил почти до служебного входа. Заметив, как мы поднимаемся по ступенькам, народ зашевелился, подтягиваясь ближе. Я достала ключи, но тут же поняла, что необходимости в них нет – уехав, полиция не только не опечатала, но и даже не закрыла как следует двери, просто притворив. Я оглянулась на стягивающееся кольцо людей. Повернулась лицом к толпе, чувствуя, как сами собой разворачиваются

плечи и поднимается вверх подбородок. Как бы страшно мне ни было, никто этого не увидит.

– Господа. Товарищи! Как вам, возможно, известно, вчера здесь произошло чрезвычайное происшествие.

Вот когда пригодились школьные выступления со стихами. Тогда, выходя на сцену, я тоже мандражила – ровно до тех пор, пока с губ не срывалась первая фраза, а дальше голос послушно летел над залом, и завуч тихонько утирала слезы. Сейчас я чувствовала себя так же – разве что цена неверной интонации была куда выше.

– Но из всего персонала бюро на сегодня выполнять свои должностные обязанности могут только два человека. Я, эксперт, и санитар, который приедет позже. Остальные – в больнице либо в морге. Всем вам хочется наконец похоронить своих родственников. Мне тоже. Там, – жест большим пальцем за плечо, – лежит моя подруга, и я не могу предать ее земле. Но одна я не справлюсь. Вам придется мне помочь. Те, кто не хочет пачкать руки, могут уходить сразу.

Народ зашевелился, заворчал, надо было быстро дать им нечто, которое они могли бы расценить как уступку.

– Те из вас, чьи родственники скоропостижно скончались в тот день, – теперь он навсегда стал «тем», и ни дата, ни день недели уже никого не интересовали, – могут забрать тела без вскрытия. Но обмывать и одевать придется вам самим. Вода у нас есть, одежда, полагаю, есть у вас.

Перевела дух:

– Тем, чьих родственников привезла полиция, лучше не тратить время на ожидание. Составьте очередь, пока я могу обещать не более двух тел в день. Одну копию списка отдадите мне, чтобы я знала, с кем работать. Как вы распределите очередь между собой – ваше дело. Полагаю, что после того, как будут отданы тела, не требующие вскрытия, очередь начнет двигаться быстрее.

Я обвела взглядом людей, чувствуя себя Лениным на броневике. Только бы не сфальшивить, в таких делах важно не что сказано, а как.

– Мне нужен час на то, чтобы навести порядок в помещении. За этот час вы должны составить списки из двух очередей – скоропостижных и криминальных случаев. Копию каждого списка – мне, в криминальном укажите контактные телефоны, я позвоню, когда

можно будет забирать. Лукавить не стоит, из сопроводительных документов все будет ясно, пойманный на вранье автоматически откатится в конец очереди. Также это время предлагаю употребить на поиски транспорта тем, кто приехал сюда не на своем автомобиле, еще вам понадобятся гробы или мешки для того, чтобы завернуть тело. Парниковая пленка тоже подойдет – это на ваше усмотрение.

Может быть, в ритуальном агентстве и остались гробы, но это не наша епархия. Надо попробовать вызвонить их директора, если тот жив, конечно; где-то в кабинете шефа был записан номер. Но незачем даже заикаться о том, чего не сможешь сделать гарантированно.

– Тем, у кого слабые нервы, советую не тратить время – возиться с упавшими в обморок и успокаивать истерящих просто некому. Итак, всем все ясно? Работаем.

Наверняка далеко не всем все понятно, наверняка кто-то возмущен тем, что придется пачкать ручки, но если начать объяснять и спрашивать, устраивает ли их такое положение вещей, дальше пустых препирательств не уйдем. Демократия хороша, когда все спокойно и есть время чесать языком. Если же самолет уходит в штопор, решение принимает тот, у кого штурвал, а всестороннее обсуждение с участием всех заинтересованных сторон гарантированно угробит и пилота, и пассажиров. Поэтому я развернулась и закрыла за собой дверь. Учитывая выбитые окна секционного зала – жест чисто символический. Ив молча шел следом. Я щелкнула выключателем, под люминесцентными лампами коридор выглядел как обычно. Толкнула дверь в секционный зал.

– Ни хера себе... – протянул Ив.

Осколки стекла, разбросанные по кафелю, пятна крови, перевернутый стол, документы на полу, шевелящиеся от сквозняка из разбитого окна. И трупы. Все тот же органокомплекс, выпавший из вскрытого тела, обнаженные покойники… Хорошо хоть погибших вчера коллег полиция увезла.

– Fallout...[24] – выдохнула я.

Разве что приколоченных к стенам разлагающихся тел не хватает да торчащей арматуры. И кафель не серый.

Ладони Ива мягко легли на плечи. Я на миг прислонилась затылком к его груди, отстранилась.

– Спасибо. Но еще немного – и я зареву, а сейчас не время. Так что не трогай меня, пожалуйста. И не говори ничего.

Хотел ли он ответить, я так и не поняла, потому что за неплотно прикрытой дверью трупохранилища кто-то застонал, и муж, подскочив, грязно выругался. Я коротко матюкнулась – вовсе незачем прыгать и пытаться отпихнуть меня за спину. Трупы не стонут, зомби не бывает, призраков не существует, а живым в трупохранилище делать нечего. Так что я обошла Ива, толкнула дверь – и едва удержала завтрак в желудке, увидев, как с тела поднимается мужик, пытаясь заправить в ширинку торчащие причиндалы. Дальше мы с мужем отреагировали синхронно, похоже, даже не сумев до конца понять, что именно делаем. Ухватили урода за шкирку с двух сторон и, как был, со спущенными штанами, выволокли наружу, кажется, снеся кого-то из очереди. Хлопнула дверь. На улице взвыло. Я сползла спиной по стене, зажимая уши – слишком уж эти звуки оказались похожими на вчерашние. Ив выглянул в окно.

– Ишь ты, шустрый. Предлагаю делать ставки – успеет или нет?

– Заткнись!

– Не успел… Туда и дорога сучонку.

Я рухнула на четвереньки, выворачивая на пол содержимое желудка.

– Машка, ты чего?

– Мертвым же похрен...

– Живым – нет, – отрезал Ив. – Если бы я узнал, что над телом моей матери... Туда и дорога.

От очередного приступа рвоты меня спасло только то, что внутри уже ничего не осталось.

– Маш?

Я сглотнула горький ком, заставила себя подняться и распрямить плечи.

– Все. Время идет. Работаем. Будь добр, помоги мне поставить стол.

Прежде чем переодеться и натянуть перчатки, я позвонила Студенту. Голос с той стороны был невнятен – похоже, парень решил снять стресс алкоголем и изрядно преуспел в этом деле. Ну что ж, придется ему вспоминать методы экстренного протрезвления.

– Так, Студент, – отчеканила я в трубку. – У тебя полчаса на то, чтобы проблеваться, столько же на душ и горячий сладкий чай. Или рассол – чем там ты обычно электролитный баланс с бодуна восстанавливаешь. И еще час на то, чтобы привести себя в порядок и явиться на работу.

– Мария Викторовна, но ведь...

– Через полтора часа на работе. Время пошло, Студент. Вперед.

В дверь постучали. Ив открыл, забрал две тонкие тетради – и где успели найти? Почерк внутри оказался одинаковым – похоже, кто-то в очереди взял на себя обязанности писаря. Самоорганизация, конечно, дело хорошее, но если я выпущу из рук штурвал – пиши пропало. Ох ты, черт, умею же я находить приключения себе на задницу!

Отмыть пол несложно, когда он кафельный, а к каждому секционному столу подведен кран со шлангом. Гораздо больше времени понадобилось на то, чтобы разыскать и привести в порядок документы. «Без бумажки ты букашка» – и никакие экстремальные условия никого волновать не будут. К счастью, если можно называть происшедшее этим словом, ярость толпы была направлена на людей, а не на документы. Повезло еще и в том, что вчерашнее вывело из игры самых агрессивных, готовых не просто к ворчанию, а к активным действиям. Иначе сегодня пришлось бы куда сложнее – если вообще бы удалось заставить их помогать.

За пять минут до назначенного времени в зале было чисто, органокомлекс лежал в брюшной полости хозяина, труп аккуратно, насколько позволяло время, зашит. А я уже знала, где находятся тела из первого по списку десятка, и даже успела несколько раз набрать номер директора ритуального агентства. Абонент оказался недоступен – впрочем, ничего другого я и не ожидала.

– Ив, тебе приходилось свидетельства о смерти оформлять? Поможешь, чтобы мне только расписаться?

– Конечно. Иначе я тут со скуки сдохну просто стоять и смотреть.

– Лично я сдохла б от скуки, если бы пришлось только писать.

– А я привычный, – хмыкнул он. Посмотрел на настенные часы. – Время.

Разумеется, известие о том, что придется разбираться не только со своим покойным родичем, но и помочь соседям по очереди, а потом показать следующим, как и что делать, людей не обрадовало. Я пожала

плечами и предложила попробовать уложить труп на стол в одиночку, а потом в одиночку же его, обмытого, одеть. Очень хотелось заявить что-то вроде «не устраивает – выметайся», но пока я подбирала формулировки повежливее, время ушло. Чего после драки кулаками махать?

– А санитары на что? – спросил один из первых трех, кого я пустила в зал.

– Где вы видите санитара?

– А он? – мужчина ткнул пальцем в Ива. Я посмотрела на ошарашенную физиономию мужа и закашлялась в кулак. – Что он тут делает? – продолжал мужик. – Бумажки заполняет?

– Без этих, как вы изволили выразиться, бумажек вы не сможете получить место на кладбище и похоронить вашу жену. Будем препираться дальше или займемся делом?

Он пробухтел что-то себе под нос, но предложенные перчатки – хорошо, что запас в бюро приличный, как раз партию на месяц завезли – взял. Остальные молча последовали примеру.

Наши современники почти не видят смерти. Следующее поколение, как правило, живет отдельно от предыдущих, особенно в городах. И если те, кто родился и вырос как встарь – в большой избе с дедушками и прабабушками, – с детства знают, что смерть существует, то сейчас полиция взламывает квартиры одиноких стариков, о которых родные вспоминали слишком редко. А еще есть больницы, куда попадают «тяжелые», хосписы – не для всех, конечно, но есть. И так получается, что чаще всего люди уходят на руках у чужих, а потом чужие же готовят тело к погребению, оставляя на долю родни лишь последнее прощание. К добру оно или к худу – не мне судить. Но удержать саркастическую усмешку, глядя, как добровольные помощники кривятся, прикасаясь к покойникам, я не могла. Хорошо, что все они были больше заняты своим страхом и отвращением, нежели мной. Нормальная, наверное, реакция, особенно если вспомнить, с какими лицами свежеиспеченные студенты-медики впервые притрагиваются к наформалиненному макропрепарату. И все же…

Освоились они, впрочем, довольно быстро, так что на мою долю оставалось только показать, где взять тело, выдать мыло и ветошь и объяснить, что нужно сделать. Дальше можно было искать трупы для

новой партии и подписывать свидетельства о смерти. Конвейер запустился, предыдущие объясняли необходимое следующим и удалялись вместе с телами, шелестели шины по асфальту. Пару раз подняв взгляд в открытое окно, я видела, как выходили со двора не слишком хорошо одетые мужчины за пятьдесят с замотанным в полиэтилен трупом через плечо. Еще были матери, уносящие на руках детей, – на этих я старалась лишний раз не смотреть.

Студент опоздал на четверть часа. Я притворилась, что не заметила ни задержки, ни щетины и налитых кровью глаз, ни мутного запаха спиртного. Выглядел парень именно так, как досужая молва любит изображать сотрудников морга, разве что помятого бычка в зубах не хватало, – и попытки новоприбывших обозвать Ива санитаром и заставить «работать» прекратились мигом. Не знаю, что бы я делала без мужа, который взял на себя самую муторную часть, – мне оставалось только подписывать и ставить печати на свидетельства, в которых раз за разом повторялась одна и та же причина смерти: острая коронарная недостаточность.

Мужчины друг другу определенно не понравились: после того как я их представила, Студент тут же попытался воззвать к закону, по которому посторонние в секционный зал не допускаются. Ив в ответ поинтересовался у меня, всегда ли мои коллеги являются на работу в виде, приличествующем разве что грузчику. Я цыкнула на обоих и отправила Студента помогать очередной партии посетителей.

– Давно этот пацан за тобой ухлестывает? – полушепотом спросил муж, когда Сашка исчез за дверями трупохранилища.

– О чем ты?

– Машка, я не слепой. Пацанчик откровенно взревновал, едва узнал, кто я.

– Совсем сдурел. Я детьми не интересуюсь.

– Да кто тебя знает…

– Стукну, – пообещала я, приподнимая увесистую амбарную книгу, в которой регистрировались документы.

– Молчу-молчу… – Кажется, он хотел добавить что-то еще, но в зале снова появился Студент, и Ив на самом деле заткнулся.

Какое-то время все шло без происшествий. Ворчащего Студента, которого, кажется, догнало похмелье, можно было пережить, родственников покойных тоже – несколько попыток качать права не в

счет. И я даже начала надеяться, что неприятности закончились. Ровно до тех пор, пока в зал, дыша духами и туманами, не вплыла барышня примерно моего возраста. Мамзель двумя пальцами приняла перчатки, огляделась по сторонам, томно пошатнувшись, отстранила бросившегося к ней Студента. Ив откровенно ухмылялся, наблюдая, как дамочка неровным шагом пересекает зал, трепетной ручкой опирается о письменный стол и рушится прямо в его мужские руки. Я встретилась взглядом с мужем и отвернулась, делая вид, будто поправляю маску. Только бы не расхохотаться в голос. Ив с невозмутимым видом опустил барышню на холодный кафельный пол и поинтересовался, есть ли у нас нашатырка.

– Есть! – вскинулся Студент.

– Откуда? – флегматично вопросила я. – Трупам она без надобности.

Остановила за рукав рванувшегося помогать санитара:

– Александр, у вас есть работа.

– Но…

– Я готова закрыть глаза на ваше опоздание и неподобающий вид, но извольте выполнять свои должностные обязанности. Займитесь делом.

– Но я…

– Может, из шланга полить? – спросил муж. – Надо же как-то в чувство привести…

На самом деле нашатырка, конечно, была – для посетителей. Но я не собиралась играть по чужим правилам. Тем более что и муж откровенно развлекался, глядя на представление.

– Валяй, – разрешила я. – Хотя в руководствах по экстренной помощи пишут, что в подобных случаях надо для начала освободить пострадавшего от стесняющих дыхание предметов одежды… Насколько мне известно, лифчиков за свою жизнь ты расстегнул немало, так что целиком доверяюсь твоему опыту.

Барышня зашипела помоечной кошкой и вылетела из зала.

– Машка, ты зараза! – рассмеялся Ив.

Я махнула рукой:

– А то ты настоящих обмороков не видел и не понял, что к чему? Или жалеешь, что не пришлось «освобождать от предметов одежды»? Мамзель очень даже ничего…

– Мария Викторовна… – Студент сдернул маску, словно ему не хватало воздуха. – Как так можно? А если бы обморок был настоящий?

– Если бы у бабушки был... – Я осеклась, посторонние, пожалуй, и без того видели и слышали достаточно лишнего. – В общем, у меня нет ни времени, ни желания возиться с истеричками, о чем я предупредила всех несколько часов назад. Не умеет держать себя в руках – пусть ищет кого-то, кто сделает грязную работу за нее. Скакать вокруг некому.

– Она же женщина!

– Я тоже. И что?

– Вы не женщина, вы андроид!

– Александр, вы медик или институтка? Ваш, безусловно, богатый внутренний мир сейчас совершенно не к месту. Поэтому будьте любезны, засуньте его... словом, поглубже и возвращайтесь к работе.

– Да пошла она к …, эта ваша работа, и вы вместе с ней! – Студент швырнул на пол перчатки и вылетел вслед за барышней.

– У вас всегда такая дисциплина на рабочем месте? – поинтересовался кто-то из присутствующих.

– Прошу прощения за этот досадный инцидент, господа. К сожалению, и у моих коллег нервы не выдерживают. Давайте продолжим.

Свет из окна сменился на закатный, когда я отправила восвояси последнего на сегодня родственника скоропостижно скончавшихся, освободив зал, и занялась криминальными трупами. Обещала двоих – значит, двое и будут. Студент, конечно, знатную свинью подложил: пилить черепную кость тупой ножовкой – занятие не для женских мышц, но куда деваться. Ощущая себя доморощенным агентом Скалли, я добросовестно озвучивала все, что видела, а Ив столь же добросовестно заменял диктофон, заполняя протокол исследования. Так выходило быстрее. Два банальнейших бытовых убийства, отягченные изрядными дозами алкоголя, – повезло в каком-то смысле. Когда-то такие случаи казались мне скучными, куда интересней было поломать голову над чем-то необычным. Но за последнее время загадки изрядно осточертели.

– Ну и работенка у тебя, Машка, – сказал Ив, стаскивая перчатки и доставая невесть где добытую сигарету. – Ни за что бы не поменялся.

– Ты же не куришь?

– Не курю, – согласился он, выпуская дым и протягивая мне пачку: – Будешь?

Я кивнула, села рядом.

– Все на сегодня? – спросил муж.

– Как скажешь.

– А я сегодня что-то решаю? Маруська, к чему ты клонишь?

– Раз уж ты здесь... Я хотела бы похоронить Аню. Но кроме тебя помочь некому. Поэтому – как скажешь. Нет – значит, нет, поедем домой, а я буду думать, как справиться самой.

Он усмехнулся, сделал несколько затяжек. Я ждала.

– Маш, а просто попросить – никак? Вот без этого сеанса церебрального секса: «как скажешь», «тебе решать» и прочего. Просто – попросить?

– А я что делаю?

– Выкручиваешь мне руки. Вся такая беспомощная ты и такой сильный я, которому дают шанс проявить благородство. Машка, какого хера?

– У тебя паранойя.

– Ну да. Только сегодня я видел достаточно для того, чтобы понять: если я сейчас откажусь – ты на собственном горбу уволочешь труп сперва в машину, а там и до могилы, сама закопаешь, не пикнув. А потом, возможно, свалишься – но это будет потом. Так?

– Когда я могу справиться одна – я справляюсь одна.

– Да, я заметил. Ты и сегодня собиралась справиться одна.

– Ив, – я вышвырнула сигарету в окно, – к чему ты клонишь?

– Наверное, к тому, что, оказывается, пять лет живу с женщиной, про которую ни хера не знаю. Не слишком приятное открытие. Но, Маш, раз уж последние сутки – время сплошных открытий... в следующий раз, когда тебе покажется, что нужна моя помощь, – просто попроси. Не настолько ж я сволочь, чтобы сразу мне руки выкручивать.

Вторая сигарета улетела вслед за моей.

– Пойдем, помогу притащить, – поднялся муж. – Одевать во что будешь?

– Черт... – Об этом я и не подумала. – Слушай, может, съездишь домой, привезешь что из моего старья?

– А ты?

– А я пока поработаю. Там дорожно-транспортное, просто так не похоронишь, нужен акт исследования.

– Машка, она твоя подруга.

– Была. Теперь это труп.

– Давай я вскрою, а ты съездишь, – предложил он. – Чему-то меня на судебке учили.

– Муж, ты бы пустил меня оперировать... да хотя бы банальный аппендицит? Чему-то меня на оперативке учили.

– Нет.

Я кивнула: обсуждать дальше не было смысла. Ив помог затащить тело на стол.

– Держи пистолет, – сказал он. – Вернусь – достанем твой, а пока – мало ли... Или побыть с тобой?

– Не надо. Справлюсь.

– Не сомневаюсь.

Я подождала, пока утихнет шум мотора, – просто для того, чтобы оттянуть неизбежное. Как там говорил Вадим... просто биологический объект. Не человек, пусть даже бывший. Биологический объект. Я несколько раз, не зная зачем, перебрала инструменты: все на месте.

Биологический объект.

Поехали.

Ив вернулся довольно быстро – похоже, улицы по-прежнему пустовали. Положил на стул пакет, мельком глянул на меня.

– Помощь нужна?

– Нет, спасибо, сама закончу.

– Тогда скажи точно, где пистолет. Залезу пока, заберу.

Выслушал объяснения и пропал. Я уже начала всерьез беспокоиться – мало ли, кого занесло в пустой морг; если залез некрофил, что мешает попасть в здание кому-нибудь более опасному, – когда муж вернулся.

– Пистолет нашел, сейчас заряжу и отдам. Хотел еще гроб принести, но не вышло. Все растащили.

– Черт с ним, с гробом, все равно в багажник не влезет. А...

– …мертвым все равно, – закончил за меня Ив. – А тебе?

– Мне – нет. Но все, что могу я для нее... точнее, уже не для нее, а ради ее памяти, сделаю. И не буду корить себя за то, что не всесильна.

– Завидую, – помедлив, отозвался Ив. – У меня так не получилось.

Мы завернули одетое тело в мешок для трупов и загрузили в багажник. Ив сказал, что дозвонился кладбищенскому священнику, тот обещал отпеть по всем правилам. С отдельным местом договориться не вышло – придется положить в одну могилу с Кирюшей. Что ж, хоть так.

Отец Иоанн встретил нас у входа на кладбище, предусмотрительно устроившись под единственным фонарем над воротами.

– В такое время и заблудиться недолго, – сказал он вместо приветствия. – Пойдемте, провожу.

На самом деле сейчас здесь было куда легче ориентироваться – не сбивали с толку толпы народа, как днем. Но говорить об этом, пожалуй, не стоило, по крайней мере при священнике. Объявит еще, чего доброго, какой нечистью. Отец Иоанн, конечно, не слишком походил на невменяемого фанатика, но проверять, где кончается человек и начинается служитель культа, не хотелось. И без того всю дорогу до церкви пришлось слушать молитву.

Мы внесли тело, уложив на специальную подставку.

– Смутные времена настали... – пробурчал Иоанн себе под нос.

Я напряглась. Если спросит про гроб – пошлю все к чертовой матери, заберу Аню и зарою сама. Я просто не смогу слушать упреки и увещевания. Да, не по-людски, да, память подруги заслуживает, чтобы все было сделано так, как полагается по ее вере и как она хотела бы сама. Но... господи, я не супермен. Я сделаю все, что в моих силах, и, может, чуть-чуть больше, но я не умею творить чудеса.

Священник тем временем вынес откуда-то два свертка ткани, крест, бумажную книжечку-молитву.

– Крест нательный на ней? – спросил он.

– Нет.

Иоанн вздохнул, я снова ощетинилась, готовая защищаться, но священник и тут ничего не сказал, лишь вышел и вернулся с нательным крестиком на веревочке. Надел его Ане на шею, покрыл голову платком, вложил в руки крест. Дал в руки Иву зажженную свечу, вторую протянул мне.

– Отче... я атеистка.

Он кивнул, пристроил свечку к какой-то иконе.

– Есть кто-то, кто будет молиться за ее душу?

– Не знаю.

– Печально... Значит, этим кем-то буду я. Начнем, пожалуй.

Какое-то бесконечное время я слушала, не вслушиваясь, только краем сознания отмечая просьбы упокоить душу в раю со святыми, презрев совершенные при земной жизни прегрешения. Зачем все это? Для кого? Ане все равно, она мертва, Ив ее почти не знал, я... Я знаю, что за гранью ничего нет. Мы живы, лишь пока на земле есть кто-то, кто о нас помнит, и мне не нужны молитвы, чтобы не забывать. Так что я тут делаю?

Последнее прощание. Тихонько коснуться губами холодного лба того, что уже не было Аней.

– Воистину, суета и тление вся житейская, виды, и безславная; вси бо исчезаем, вси умрем: царие же и князи, судии и насильницы, богатии и убозии, и все естество человеческое. Ныне бо, иже иногда в житии, во гробы вергаются, их же да упокоит Господь, помолимся.

Больше ничего в этом мире не осталось, лишь суета и тление. Но пока мы живы – будем жить, а там разберемся.

– Отец Иоанн, сколько я должен? – спросил Ив.

– Оставь, – махнул рукой тот. – Впрочем... Один разговор. Бессонница у меня, а и поговорить не с кем, так что сделай одолжение. После того как похороним, вернемся в церковь, побеседуем. Да, я с вами. Когда тело опускают в могилу, должно пропеть «Трисвятое». Вы же этого не сделаете.

– Спасибо, – сказала я. Не знаю, зачем мне это было нужно, но зачем-то, видимо, нужно.

Когда мы добрались до могилы – мужчины несли тело, я шла впереди с лопатами и фонариком, – я протянула Иву перчатки, оказавшиеся в кармане ветровки.

– А тебе? – спросил он.

– Перебьюсь.

– Это я перебьюсь, мужчина как-никак.

О господи... Дай мне мудрости понимать мужа, любви прощать его и терпения к перепадам его эмоций. Сил же не прошу, ибо тогда прибью его к чертовой матери.

– Ты хирург прежде всего. Какого рожна я должна прописные истины напоминать?

Муж ругнулся в пространство. Говорят, в старые времена хирурги появлялись в миру не иначе как в тонких перчатках, опасаясь испортить руки. Может, правда, может, врут, но в любом случае с сорванными мозолями в операционной делать нечего, да и в джентльмена играть не время. Тем более что моим рукам после двух выкопанных – кажется, целую вечность назад – могил терять было нечего.

Конечно же, мы забыли про веревки, и мужу пришлось спрыгивать в яму, чтобы опустить тело, а нам с отцом Иоанном – вытаскивать Ива наверх. Наконец все было сделано, и мы пошли обратно.

– О чем вы хотели поговорить? – спросил муж.

– Не здесь, – ответил священник. – В храме.

Остаток пути мы прошли молча.

– Ив, я вас здесь подожду. Хочу одна посидеть, подумать.

– Все в порядке?

– Нет, и ты это знаешь. Поэтому и хочу побыть одна.

– Держись, – он легонько приобнял за плечи. – И если что – кричи, мы рядом.

– Кого тут бояться? Вампиров и зомби?

– Мародеров.

– Если что – я буду стрелять. Эффективней.

– Оказывается, я женат на терминатрикс. – Муж взъерошил мне волосы. – Хорошо, я скоро.

– Можешь не торопиться. Посижу, подумаю.

Закрылась дверь, отгораживая меня от света из церкви. Я опустилась на ступеньки, глядя на Млечный Путь, нечасто его увидишь за городскими фонарями. Где-то поблизости пахла сирень: так одуряюще, что захотелось пойти на запах, точно собаке, и зарыться лицом в пушистые грозди. Я сказала Иву «подумаю» – но думать на самом деле было не о чем. Жизнь – это очень забавный предмет: вот она есть – и ее сразу нет. О чем тут вообще думать? Для мертвой я сделала все, что смогла, а живых вокруг осталось не так много. Зря я, наверное, на Студента наорала: пацан совсем, а я с него спрашиваю как со взрослого. С другой стороны, а когда взрослеть, если не сейчас? Что ж, завтра будет понятно – если парень хоть чего-то стоит, на работе он появится, а сегодняшнее – обычный срыв, со всеми бывает.

Не появится – вызванивать не буду, мне требуется эффективная помощь, а не дитятко, которому приходится сопельки вытирать. Так и порешим.

Я потянулась, поднявшись со ступенек: глаза слипались, и больше всего хотелось свернуться калачиком прямо на земле и уснуть. Пойду попробую найти эту чертову сирень, иначе отрублюсь прямо здесь.

Стукнула дверь.

– Маша? – окликнул Ив. – Машка!

– Не кричи, тут я, – я выступила из тени кустов. – Поговорили?

– Пошли отсюда!

Муж ухватил за запястье и двинулся к машине так резво, что мне пришлось бежать следом вприпрыжку.

– Куда летишь как угорелый?

– Домой! – все же шаг он сбавил.

– Что случилось?

– Я не подписывался беседовать с умалишенным, это привилегия Деменко.

– Все так плохо? – Я уселась на пассажирское сиденье и пристегнулась. – Он не похож на больного.

– А как, по-твоему, должен выглядеть сумасшедший? Красноглазый и с топором наперевес?

– Муж, или перестань психовать, или останови машину, иначе угробишь нас обоих.

Он вдарил по тормозам так, что я едва не влетела лбом в стекло, несмотря на ремень.

– Отец Иоанн двинулся на религиозной почве, что в его случае естественно. В чем конкретно это выражается, а также его сверхценные идеи я обсуждать не намерен, во всяком случае, сейчас, ни с тобой, ни с кем-то еще.

– А с Деменко?

– И с Деменко. Маш, хватит, закрыли тему. – Он побарабанил пальцами по рулевому колесу и снова завел мотор. – Включи лучше радио.

Закрыли так закрыли. Интересно, чего такого мог сказать батюшка, чтобы Ив так завелся? Хоть возвращайся на кладбище и спрашивай сама.

– Сделай погромче! – сказал Ив, и я послушно повернула рукоятку магнитолы.

– ...аварии, – продолжала диктор. – Напомним, сегодня вечером автомобиль протаранил остановку общественного транспорта. Несколько человек, включая двух подростков, погибли на месте, остальные пострадавшие доставлены в городские больницы…

– Твою мать... – прошипел Ив. – Сегодня наши на экстренных дежурят. Веселый завтра, чувствую, денек будет.

– Да уж, – посочувствовала я. – Странно, что тебя сегодня не вызвонили.

– Была б совсем задница – вызвонили бы. Но завтра я в твой морг не поеду, уж извини.

– Ясное дело. Ты и без того меня сегодня просто спас.

– Не преувеличивай.

– Нет, правда. Ив... спасибо.

Глава 8

Я мрачно рассматривал недра сейфа. Рядом всхлипывала старшая медсестра – тушь оставляла извилистые черные дорожки на щеках. Прямо персонаж из старого фильма «Ворон» с Брендоном Ли. Останавливаться Валентина Матвеевна явно не собиралась. Я нутром ощущал, как она постепенно подбирается к полномасштабной истерике, но не мог найти слова, чтобы успокоить.

В принципе проблема с лекарствами решаема. Теоретически. А вот сколько сил и нервов уйдет, чтобы оправдаться перед Госнарконтролем, – вопрос отдельный. По профессиональным меркам – это даже не ЧП, совсем уже не. Все равно что сравнивать полыхнувшую канистру бензина и взрыв бензоколонки.

Единственное, чего я не мог понять, какая сволочь это устроила. Ключ оставался только у старшей. По ее словам, за последние пару дней больше ни у кого побывать не успел. А самой старшей вообще за такое браться глупо – в первую очередь на нее и подумают. Повяжут и запрут.

Но тем не менее результат налицо.

Сейф. По двадцать миллиметров стали. Монолитные металлические стенки. Да еще и надежно упакован в бетон стены – это защищает с пяти сторон из шести. Неповрежденный замок. А сквозь дверцу можно пробиться только отбойным молотком и перфоратором.

И ни одной ампулы наркотических препаратов на полке.

Кто-то вымел все подчистую.

– Меня-а-а же поса-а-адят, Ива-ан Игоревич! – начала завывать старшая медсестра. В кабинет заглянула Диана – я махнул рукой, мол, позже, не мешай.

– Валентина Матвеевна, полицию вызывать не станем. Успокойтесь. Вначале разберемся внутри отделения, потом уже будем думать, что нам делать.

– Ключ же только у меня-а-а-а…

– Дайте-ка его сюда.

Медсестра, судорожно вздохнув, протянула мне фигурную металлическую полоску. Я провел пальцем по боковинкам – темная

сталь, вся в зазубринах. Видно, что им пользовались уже много лет. Привычный, знакомый ключ от сейфа – не подменили.

Медсестра открыла им с утра хранилище, а как открыла, так и побежала ко мне в слезах – трудно не заметить, что полка с наркотиками враз опустела. Но я не мог понять, кому это могло понадобиться. Лекарства специфические. Даже самые прожженные наркоманы не стали бы просто так ими ширяться, предпочитая пусть и более «грязные» коктейли, зато с дозировкой, что передается из поколения в поколение. Классические морфинисты остались в двадцатых годах прошлого века, да еще в сетевых сказках про врачей-наркодилеров. Специализированные препараты «торчкам» редко в руки попадают, что бы ни говорили журналисты о продажных анестезиологах и хирургах. Да и не так уж много кайфа хранится в железном ящике. Не стоит овчинка выделки – риска много.

Так что все эти байки, будто каждая больница снабжает кайфом всех наркоманов в округе, не более чем параноидальная дурь людей, которые ни разу сильнодействующее в глаза не видели. Разве что только ягодичной мышцей ощущали. А сочинять в уютных бложиках можно все что угодно – и что у мертвых в морге органы для пересадки воруют, и что при аппендэктомии почки выпиливают, и что все заведующие зарабатывают нереальные деньги на рецептурных веществах. Стократ легче самому на кухне в пробирке диэтиламид d-лизергиновой кислоты синтезировать, чем мучиться с бумажками на списание препаратов группы «А».

– У кого последнего он был? – Я внимательно разглядывал бородку ключа: не нравилась мне грязь во впадинках, какая-то уж слишком маслянистая. Я подцепил ногтем крошечный комочек, растер на пальце.

– У Дианы Викторовны, – всхлипывая, ответила старшая. – Дня четыре назад...

А говорила – «только у меня». Но не стала бы Диана пачкаться – у нее муж зарабатывает столько, что с темными делами связываться не резон.

Грязь по ощущениям чем-то напоминала пластилин или замазку. Неужели какая сволочь слепок сняла? Дел-то – прижать ключ к кирпичику пластилина, а тот сразу забросить в холодную воду. Все прочее мастера оформят в лучшем виде. Олег когда-то устроил ликбез

– рассказал, что использовать можно и глину, и гипс, но чаще всего берут именно пластилин.

Уайт-спирита бы капнуть, посмотреть, как прореагирует эта грязь. Да смысла заморачиваться особо и нет. Факт свершился – кто-то подделал ключ и умыкнул запас препаратов. Чем создал проблемы всему отделению, мне лично, а заодно и шефу.

– А еще раньше? – спросил я, уже прекрасно зная ответ.

– Луканову ключ давала. Да и вы просили – помните?

– Помню, помню, – проворчал я. – Получается, любой мог. Валентина Матвеевна, идите, работайте – я поговорю с главным, что-нибудь да придумаем. Лично я звонить в полицию не собираюсь – и так проблем куча, чтобы тут еще и дознаватели бегали. Как придумаем приличную версию для Госнаркоконтроля, тогда уж и вызовем.

– Спасибо, Иван Игоревич, – всплакнула старшая. – Вы прям как ваш отец, царствие ему небесное, всегда защитите, поможете…

– Ладно уж. Все будет хорошо, и не из такого выбирались.

Поспешно отвернувшись, я направился в ординаторскую, чтобы разгрести наконец бумажные завалы. В последнее время никак не удавалось спокойно посидеть над документами, а помочь некому – коллеги и так бегают с операции на операцию. Затишье после всплеска пострадавших в тот чертов день завершилось нежданно-негаданно, и теперь больница оказалась доверху забита новыми пациентами. В терапии койки уже в коридоре выставляли. Среди врачей шептались, дескать, люди специально стремятся лечь в стационар, чтобы, когда придет вторая волна эпидемии, им перепало чудодейственное лекарство «Лодибра». А что вторая волна будет, никто в народе не сомневался. Еще и журналисты подогревали истерию. Паника и страх – это их хлеб. Хорошие новости никому не интересны.

Подумалось, что начнется, если журналюги пронюхают про кражу наркотиков в моем отделении. Аж передернуло.

Я распахнул дверь ординаторской и замер – мое место оказалось занято. Причем у меня никогда не получалось расположиться именно так, по-барски – конструкция офисного кресла не особо позволяет. Но у Луканова эта поза вышла на все пять из четырех. В нем погиб отличный гимнаст.

– Сергей Васильевич, вам не кажется, что вы сели за мой стол? – мягко поинтересовался я.

– Не кажется.

Он сделал странное движение ногой. Потом поерзал, рукой подхватил себя под колено, опять попробовал приподнять конечность повыше. Только с третьей попытки Луканова я понял, что он пытался забросить ногу на угол стола. Я хмыкнул. Сергей Васильевич бросил свирепый взгляд и прекратил насиловать мебель.

– Вы не ответили на вопрос. Что вы делаете за моим столом и в моем кресле? Я в принципе не против, если вам вдруг приспичило отдохнуть именно здесь, но сейчас мне работать надо.

– ЭТО – мое место, – окрысился он. – Оно должно было быть моим. Если бы не твой папашка-жополиз…

Я плавно приблизился к нему и совсем уж невежливо взял за воротник.

– О мертвых так не говорят, Сергей Васильевич. Будем считать, я не слышал того, что вы сказали о моем отце, – и немного тряхнул. Поразмыслил и тряхнул для верности еще разок. Но, видимо, перестарался – голова Луканова ощутимо врезалась в жесткий подголовник, обтянутый кожзаменителем.

– Руки убери, – пронзительно взвизгнул коллега и проворно отскочил, одним движением выкрутившись и из моей руки, и из объятий кресла. Халат не выдержал рывка и затрещал. – Ты мне еще заплатишь, щенок, – прошипел Луканов, обходя стол с другой стороны. Свет из окна скрадывал черты его лица – только глаза сверкали неожиданной глубинной злобой. Мне даже интересно стало, сколько же он обиды на весь мир подсобрал за пятьдесят лет жизни.

– За халат? – поинтересовался я, занимая свое место.

– За всё.

– Сергей Васильевич, успокойтесь. Нам еще работать вместе.

– Мне уже предложили более достойное занятие.

– И кто же?

– Тимошенко! – с вызовом бросил он.

– Наш бывший пациент? Михаилу понадобился личный хирург?

– Я буду его полномочным свидетелем.

– Свидетелем? Он собирается жениться? – Я приподнял бровь.

– Идиот! Я свидетель его воскрешения!

Я невежливо фыркнул:

– Сергей Васильевич предлагаю вам консультацию Деменко. Ничем, кроме временного помешательства, я не могу объяснить такое заявление хирурга, получившего классическое образование и столько проработавшего в медицине.

– Пошел ты, – выплюнул Луканов. – Сам загибайся вместе с этой гребаной больницей, с этим долбанутым городом. Скоро вам всем конец. Я увольняюсь. Сегодня же.

– Не могу сказать, что меня это сильно опечалит, – я пожал плечами. – Заявление на стол – и можете быть свободны.

– Уже, – процедил он, указывая пальцем на столешницу.

Я не обратил внимания, когда садился, на большой белый конверт поверх моих бумаг с крупной надписью черным маркером.

«Сыну стукача и жополиза Ивану Игоревичу Корнилову».

Коротко и емко.

Даже слишком.

– Ясно, – тихо ответил я и пружиной вылетел из кресла.

Луканов издал звук, средний между тихим визгом и всхрапыванием, и со всех ног бросился к двери, которая по вселенским законам справедливости открылась прямо ему в лоб. Сергей Васильевич автоматически отпрыгнул назад, развернулся, вскидывая руки, но мой кулак благополучно миновал хлипкую защиту и четко впечатался в переносицу, отбросив скандалиста обратно. В проеме ошарашенно замер реаниматолог Павел. Он как раз набрал воздуха в легкие, чтобы поздороваться, но так и не решил, что именно нужно сказать в такой пикантной ситуации. Павел принял летящего Луканова в объятия и, видимо, рефлекторно оттолкнул его ко мне.

– Спасибо, – кивнул я. И смачно заехал склочному старикашке по ребрам правой, левой вскользь добавил по уху. Испытал я при этом ни с чем не сравнимое удовольствие – все же давно стоило осуществить операцию по принуждению к миру, как говорят натовские «войнотворцы».

И тогда Луканов заверещал во все горло:

– Помогите! Бьют! Помогите! Вызовите охрану!

– Ну что ты орешь? – весело сказал я ему на ухо, выкручивая руку и подталкивая к двери. – Что орешь-то?

– Э-э-э… – задумчиво протянул Павел, когда я провел скорчившегося Луканова мимо.

Склонившись к скандалисту, я проникновенно добавил:

– Дальше, Шура, ваши рыжие кудри примелькаются, и вас просто начнут бить.

Дембельским аккордом с ноги запустил Луканова по коридору. Крикнул вослед:

– Заявление принято.

Выдохнул.

И сразу полегчало.

Издалека за мной опасливо наблюдали Валентина Матвеевна и сестричка из манипульки. Я помахал им рукой и развернулся к Паше.

– Достал Сергеич? – сочувственно поинтересовался реаниматолог.

– Уволился. И громко хлопнул дверью. Заходи. Какими судьбами?

– Медицинскими.

Паша всмотрелся в мое лицо:

– Опа! А когда это он тебя?

Я пощупал вчерашний фингал и пробурчал:

– Это не он. Много чести. Жена постаралась.

– О, сочувствую. У меня тоже второй день скандалы – все на взводе. Особенно после вчерашнего.

– А… та авария?

– Угу. Еле отпрыска удержал, чтоб остался дома и не пошел на митинг. Даже жена порывалась – уж насколько она у меня тяжела на подъем, а все равно захотела поиграть в общественного деятеля.

– После аварии к тебе многих привезли?

– Да семеро лежат. Состояние стабильно тяжелое. Думаю, троих не вытянем. Попал бы тот мажористый урод ко мне, я бы сам ему все провода из аппаратуры повыдергивал. Твои молодцы – одного вчера хорошо прооперировали. Да и травматологи постарались – но с таким повреждениями… Эх, – Пашка махнул рукой. – Глянуть на своего хочешь?

Я задумчиво посмотрел на стол. После корриды с Лукановым адреналин бурлил в крови и совсем не хотелось заниматься нудной бумажной работой.

– Ну пошли, – вздохнул я. – Посмотрю, как мои потрудились. Кто оперировал, Диана?

– Она, – блаженно зажмурился реаниматолог. – Чудо, а не хирург. И как женщина просто конфетка!

– Не облизывайся, котяра, это мой прайд.

Павел хмыкнул. И пошел чуть впереди, на ходу рассказывая, в каком состоянии вчера привезли пострадавших.

Всего автомобиль перемолол под три десятка человек. Раньше такая толпа ни за что бы не скопилась, но теперь транспорт еле ходит, на остановках очереди. Бо́льшая часть людей попала в больницы в крайне тяжелом состоянии – их развезли по стационарам, где имелись более или менее оборудованные реанимации. У нас пока все живы, в других больницах дела похуже, есть уже первые умершие. На самой остановке, по слухам, остались пятеро. Кто бы мог подумать, что один дорогой автомобиль с бестолковым мажором за рулем может принести в мир столько горя.

Я прислушивался лишь краем уха. Перепалка с Лукановым всколыхнула воспоминания. Подумалось, что отец создал в больнице особую атмосферу, в которой только и могли вырасти хорошие специалисты. Даже вон Паша – пришел разгильдяй разгильдяем, которому лениво было не то что прочитать статью из медицинского журнала, но даже нормально заполнить историю болезни. А сейчас такого реаниматолога с радостью взяли бы и в столицу.

Со специалистами этого профиля вообще сложно. По ним да анестезиологам модернизация и реформы министра-экономиста проехались круче всего. Крепко взялся бухгалтер-недоучка за то, в чем вообще не разбирался. Обычному реаниматологу приходится работать практически со всем спектром критических состояний – к нему в руки попадают и после автомобильных аварий, и вследствие выпитой бутылки метилового спирта, и в результате хитро сделанного нелегального аборта, и после сложной операции. Если у врача много-много совести, то он будет всю жизнь пытаться объять необъятное – и учиться, учиться, учиться. Закапываться в толстенные медицинские книги и журналы, кататься по конференциям, чтобы если не узнавать последнее, то хотя бы частично догонять вчерашний день.

Но таких врачей очень мало. Больнице повезло – я покосился на бодро вышагивающего Пашку.

Я неожиданно даже для самого себя спросил:

– Паш, как у тебя в отделении народ? Держится?

Реаниматолог коротко глянул на меня, пожевал губами и раздраженно бросил:

– По-разному. Списываю все на шок от смертей в тот день. Но все равно жучу по-страшному за проколы. Что-то многовато их в последнее время. Представляешь, санитарка Марина Львовна двенадцать лет проработала в реанимации… – Тут Паша подошел ближе и шепотом продолжил: – И позавчера эта дура убирала в палате, шваброй махала. Выбила сетевой шнур ИВЛ из розетки и мало того, что сама не воткнула обратно, так еще и не сказала никому. Vacca stulta[25].

– И? – я ошарашенно уставился на реаниматолога.

– Еле вытянули больного. Я сам случайно заглянул в палату – а у пациента полный finem[26]. Марина чуть ли не на коленях вчера ползала, просила не увольнять.

– А сигналка что, не сработала?

– Э-э-э, – мрачно ухмыльнулся Павел, спускаясь по последнему лестничному пролету перед входом в родные пенаты. – Это самое интересное. Я на прошлой неделе уже одну сестру-идиотку уволил за вредительство. Так никого это ничему не научило. Опять рационализируют, мать их по самые tonsillae[27]. Представляешь, до чего додумались… Ну, ты и сам знаешь, как заморская техника у нас работает – наши суровые электрические сети выбивают предохранители в первые две недели, не напасешься под замену. Мы давно на жучки в аппаратуре перешли, чтобы время не терять – пациенты, знаешь ли, не любят ждать, пока мы предохранитель поменяем. Так порой из-за перепадов напряжения сигналка и включается.

– Знакомо, – кивнул я, открывая дверь в реанимацию и пропуская вперед Пашу. Поприветствовал на ходу сестричек.

– Да все уже привыкли. Порой сеть так лихорадит, что по несколько раз за смену системы срабатывают. И не проигнорируешь – фиг его знает, напряжение чуть скакнуло или давление с пульсом улетели в anus. Но прикинь, недавно ночные сестры придумали отличную штуку – нажимают до упора кнопку отключения тревоги и заклеивают ее скотчем. После этого спокойно дремлют до очередного дежурного обхода. В отделении покой и тишина. А по койкам смирно лежат потенциальные жмуры.

– Совсем, что ли, обалдели? Это же подсудное дело. Посадят и тебя, и их!

– А им пофиг, – развел руками врач. – Говорят, все равно скоро помрем. Вот придет вторая волна эпидемии – и помрем. А так хоть выспимся.

– Без разговоров на выход, – отчеканил я.

– Так и сделал – одну отправил. Второй последнее китайское предупреждение вынес – и так работать некому. Но, как видишь, кто-то все равно отключил сигналку, когда Марина Львовна шваброй орудовала. Буду теперь разбираться. Поймаю – cerebrum[28] вынесу и на препараты студентам порублю.

Мы вышли в реанимационный зал. Паша провел к секции, где находился прооперированный вчера пациент. Внутри держался особый, тяжелый запах – крови и пота. Несмотря на хорошую вентиляцию, все равно помещение рано или поздно пропитывается им.

В секции расположились две койки. На одной лежал подросток с желтого цвета лицом и с еще большим числом дренажей, торчащих из брюшной полости. На второй – мужчина бледный до синевы. Многочисленные марлевые нашлепки на мелких травмах и так называемых асфальтовых ранах, серьезнее досталось области живота – оттуда выходило с пяток трубок.

Не нравилось мне это, ой, не нравилось.

– Паш, у этого что, хаэсэн[29] декомпенсированная, кроме всего?

– Да нет, это твой, – ответил Павел, переводя взгляд с пациента на мониторы. – Stercus accidit[30]!

Разлитой цианоз[31] никак не сочетался с показаниями приборов. На мониторах все отлично и стабильно – ну, для реанимационного больного отлично.

Не слишком церемонясь, я сдернул с Пашиной шеи фонендоскоп и нагнулся к больному.

– Дыхания нет!

– Что ж за херня? Мониторы сдохли? Эй, все сюда, быстро! Полундра, вашу мать!!!

Реанимационная команда примчалась чуть ли не мгновенно. Уверен, что им прыти придало и то, что сам заведующий орет. Быстро подсоединили к пациенту мешок Амбу и усиленно начали раздыхивать.

– ИВЛ свободный есть? – спросил Павел.

Сестра отрицательно мотнула головой, не отрываясь от больного. Кто-то наложил дефибриллятор, дал разряд.

А мониторы показывали норму – даже сейчас.

Я обошел койку и внимательно присмотрелся к переплетению проводов. Ухватил один и повел по нему ладонью. Через пару секунд я громко выматерился.

– Паш, иди сюда!

– Что там? – нетерпеливо спросил врач, не отрывая взгляд от действий подопечных.

– Увидишь. Иди. Тебе понравится.

Когда Паша подошел, я повторил все манипуляции с проводами. И показал ему, куда они ведут. Логично, что все мониторы показывали примерную норму. Все датчики висели на втором больном!

– Canis matrem tuam subagiget[32], – Паша побелел от злости.

– Хм, второму-то хорошо, – ухмыльнулся я. – Аж целых два комплекса за ним следят.

– Поймаю того, кто это сделал, – убью, – тихо, но очень-очень четко сказал реаниматолог.

– Что с ним, кстати?

Павел поморщился:

– Глупая драка пьяной компании – упал назад и наделся на ржавый штырь арматуры.

– Прогноз?

– Выживет. Но на одну почку у него меньше.

– Павел Сергеевич, – обратилась к врачу медсестра.

– Perite![33] – рявкнул тот.

Женщина, к ее счастью, видимо, латынь не знала и потому не сбежала, а робко продолжила:

– Павел Сергеевич, посмотрите.

– Похоже, стабилизировали, – пробурчал Паша минуту спустя. – А теперь установите нормально датчики, – и показал бригаде, куда именно ведут все провода.

Я внимательно наблюдал за выражениями лиц, но так и не вычислил того, кто так оригинально пошутил. Или просто той медсестры здесь не было. Может, вообще уже со смены домой ушла.

Сестры быстро увешали пациента фишками датчиков, установили пульсоксиметр[34] и подвесили на капельницу дополнительные

лекарства. Теперь показания приборов уже не выглядели так обнадеживающе, как раньше, но хотя бы соответствовали реальности.

– Вот уж действительно, лучше горькая правда, чем сладкая ложь, – пробормотал я.

Павел мрачно хохотнул и добавил:

– Гоните, Иван Игоревич. Думал, что это у меня юмор черный.

– У тебя черный. А у хирургов острый. Как скальпель.

– Но продолжим, – осклабился реаниматолог, разворачиваясь к медсестрам. – Милые мои… Сообщите остальным, что я хочу лицезреть всех через двадцать минут в ординаторской. Кто не придет, тот окажется a tergo[35]. Избавлены от счастья получить люлей только дежурные – я с ними потом тет-а-тет побеседую.

– Через час, – поправил его я. – Павел Сергеевич, приглашаю ко мне выпить кофе и немного успокоиться. А не то ты поубиваешь всех – и работать будет некому.

– Резонно. Веди. – Он глянул на подчиненных. – И передайте всем – как только кто услышит грозную поступь заведующего, чтобы сразу летел на звук шагов. Иначе в пациенты переквалифицирую.

Паша зашел по пути к себе в ординаторскую и прихватил маленькую бутылочку Hennessy X.O. Поймал мой взгляд:

– В кофеек добавить. Напиваться не будем – работы непочатый край.

Я кивнул:

– Тогда согласен. А то я решил, что и ты уже на все махнул рукой.

– Пока еще нет. Но знаешь, мысли мелькают. Сам видишь, что творится. Ты извини, что попса, – он приподнял бутылочку, – но пациенты чаще его несут. Как будто нет нормальных коньяков в Европе. Дети рекламы и глянцевых журналов.

– Зажрались вы, Павел Сергеевич. Мне вон три недели назад початую бутылку бразильского виски одна мадам презентовала. За то, что я ее мамашу прооперировал. Операция-то плевая была – но сам подход.

– И как вискарь?

– По виду – желтая ослиная моча. По запаху тоже. На вкус, извини, не рискнул – да и уже на треть отпитую как-то…

Павел хохотнул:

– А мне однажды вообще чудо-пациент попался. Когда я его с того света вытащил и домой отпустил, он мне в благодарность с женой знаешь что прислал? Ручную дрель то ли начала, то ли середины века.

– Раритет, – уважительно кивнул я. – Может, тебе ее в антикварную лавку сдать?

– Или еще, – продолжил Паша, – одна деятельница мне поставила пакет, мол, спасибо, доктор. Я только к концу дня в него заглянул, а там в трехлитровой банке свинка морская сидит, задумчиво на меня смотрит и сено пережевывает.

– О как тебя пациенты любят, а мне лишь выпивку и кофе таскают. Один раз только по-настоящему хорошую штуковину подарили – зажигалку. Потом покажу. А насчет экзотики… – я задумался, – была пара случаев. Однажды, не помню уже пациентку, она меня отблагодарила немаленьким таким мешочком сушеных апельсиновых корок. Сказала, что от всех хворей помогают. А еще когда сотруднице санэпидемки я аппендицит резал, так она мне по выписке принесла банку крысиного яда. Я так и не понял – понравилось ей лечение или нет.

Паша заржал:

– Типа, доктор, «выпей йаду»?

– Угу. Хорошо хоть коньяк с этим самым крысиным ядом не подарила.

Реаниматолог задумчиво покосился на бутылку, что держал в руке, и протянул:

– Н-да, напомнил. Этот коньяк достался от родни пациента, которого я так и не смог вытянуть.

– Что было?

Павел поморщился:

– Гадкий случай. Пятнадцать лет, паркурщик. Перелом основания черепа. Ликворея[36] такая наблюдалась, что я сразу сказал, мол, шансов почти нет. Но все равно поборолись – держали его месяц. Вроде бы и стабилизировался, а потом резко щелк – и ушел. Его мать меня все равно благодарила, хоть я и отказывался. Так что давай не будем о благодарностях пациентов.

– Ага. Не будем. Но лучше уж благодарности, чем… Помнишь, как кардиологов менты трепали год назад?

– М-м-м. Не особо. Что-то смутно вспоминается…

– Ну давай, вспоминай. Тогда в кардиологию привезли тетку лет под пятьдесят. Вырубилась прямо около кассы в супермаркете. Рядом чудом оказались два интерна, так они до приезда «скорой» двадцать минут держали ее на непрямом массаже. Вытащили, можно сказать, на такой-то матери и молодом упрямстве. Одного потом врачи из «скорой» откачивали – перенервничал пацан, сердце у самого прихватило. Тетку выписали через месяц – жива-здорова, поскакала, как мустанг, домой. А благодарные медицине родственники накатали заявление в прокуратуру и потребовали найти тех двоих интернов. Потому что в ходе реанимационных мероприятий ребята устроили бабе трещину в ребре. И в связи с этим родственничкам, морально изуродованным еще при рождении, захотелось стрясти денег. А то, что любой опытный медик в такой ситуации пару ребер бы точно сломал, не восприняли ни родные пациентки, ни прокуратура. Во всей больнице тогда никто не стал содействовать следствию, менты в ответ еще и нас попытались приплести как соучастников. Вот это стресс! А ты своими переживаниями кичишься.

– Кто говорит о стрессах? – донесся с верхней площадки лестницы голос, искаженный эхом. – Кого излечить?

– Вадим, ты, что ли?

– Муа-га-га, – с раскатами мрачного хохота появился Деменко. – Я тебя ищу уже минут двадцать, нужен совет.

Реаниматолог поднял руку:

– Привет, предводитель невротиков!

– Привет, Паша. Твой совет тоже лишним не будет. О! Коньяк! Годно – сейчас как раз настроение такое.

– Под кофе, – пресек я попытку. – Еще работать и работать.

– Ну, под кофе так под кофе, – пожал плечами Вадим. – Мне как раз сегодня коробку хороших конфет принесли. Через минуту буду.

И умчался потрошить личный продуктовый склад. Такая заначка формируется практически у каждого доктора, который хоть немного специалист в своем деле. И ничего в этом постыдного и преступного нет, как бы ни повизгивали журналисты и сетевые герои клавиатуры. Сами бы попробовали пожить на зарплату врача полгодика – потом взмолились бы, мол, заберите нас обратно в уютненькие офисы, складывать никому не нужные цифры в экселе и марать чистые листы ворда нетленными отчетами. Хорошо хоть встречаются иногда

пациенты, которые понимают, что без медиков жить будет совсем не так весело. Можно всех журналистов переквалифицировать в трактористы и плотники, блогеров загнать в агрономы, офисный планктон отправить дороги мостить. Что-то изменится глобально в стране? Не-а. Если и изменится, то только к лучшему – здоровая рабочая сила всегда нужна. А вот убери врачей – и в большинстве случаев легко оперируемый аппендицит станет приговором, пневмония с вероятностью процентов сорок закончится летальным исходом, камни в почках и желчном пузыре будут убивать каждого десятого в возрасте после пятидесяти. Но кто это поймет и оценит, пока в сознании людей прочно торчит, как топор в сучковатом полене, мысль, что «врач должен» вне зависимости от времени суток, финансирования государства и собственной усталости?

Минут через пять Вадим притащил увесистую коробку «Mozart Mirabell», выполненную в виде темно-красной скрипки, заодно прихватил пакет простого шоколадного печенья местной кондитерской фабрики.

– Такие конфеты даже кушать боязно, – пробормотал Паша, наливая по чуть-чуть коньяка в большие керамические чашки.

– А коньяк Hennessy Extra Old разливать не боязно? – поинтересовался Деменко.

– Был бы Remy Martin «Людовик Тринадцатый» – тогда было бы боязно. А так нет, – парировал Паша. – Обычный Hennessy – это развод для колхозных олигархов. Разве что Hennessy Ellipse неплох. Правда, пробовал я его один раз, но вкус запоминающийся.

– Вот прям ты все эти коньяки каждый день пьешь, что от «экстра олд» нос воротишь.

– Не каждый день и не каждый год. Но это не мешает понимать, какой коньяк хороший, а какой так себе.

– Зажрался ты, Пашка.

– Нет, всего лишь дистанцируюсь от грубой и обыденной реальности.

– Главное, слишком далеко не дистанцируйся – а то ко мне попадешь.

– У меня на такие конфеты денег не хватит.

– Ничего, расплатишься коньяками, что тебе пациенты таскают.

Я дипломатично прервал дружескую перепалку:

– За это и выпьем. За коллегиальную поддержку и взаимные обследования.

Вадим развернулся ко мне:

– Мы же кофе пьем. Может, еще чашками чокнемся?

– Ну, там же коньяк есть, значит, тост уместен. А в присутствии психиатра я чокаться не рискну, даже чашками.

– Оп-па, – изумленно протянул Деменко, невежливо указывая пальцем. – А я и не заметил. Кто это так тебя?

– Сам, о тумбочку, – проворчал я.

– Да серьезно, кто? Когда успел?

– Машка вчера буянила. Кстати, друже, спасибо тебе большое за совет. С него все и началось.

– Ясно. Жена не оценила? Тогда дополним тост пожеланием взаимопонимания в семье.

– Ага, – я не удержался. – Энциклопедия семейной жизни. Раздел «Влияние прикроватного светильника на либидо человека».

– А? Не читал.

– Пей кофе, темный ты человек, – отмахнулся я.

На минуту разговоры смолкли. Коллеги наслаждались кофе и вкуснейшими шоколадными конфетами. Я же просто сидел, согревая ладони чашкой, даже позабыв про то, что напиток остывает. А я ненавижу холодный кофе. В мыслях здравый смысл на пару с медицинским скептицизмом воевали с тем, что мне вчера рассказал отец Иоанн. Страшная сказка, в которую современный человек не поверит, пока не пощупает, не измерит, не проанализирует. А как это сделать – вот в чем вопрос. Все недавние события трудно объяснить даже по отдельности. Но если принять, что это части целого, то версия священника становится пугающе достоверной.

Меня больше озадачила собственная реакция, а не сам рассказ – я почти согласился с доводами Иоанна. Странно для врача, который хоть и верующий, но постольку поскольку – я никогда не постился и не придерживался строгих церковных правил.

Почему поверил, пусть и почти? Да потому что иной более-менее правдоподобной версии я пока не придумал. Как снизойдет светлая мысль, объясняющая и смерти, и странное поведение людей, и еще с десяток мелочей до кучи, так можно будет поспорить с Иоанном.

А пока придется учитывать его версию…

– Что задумался, Иван? – прервал мои размышления Вадим. – Кофе пей, остыл совсем.

– Если кто-то уже остыл, то к Паше, – парировал я, отвлекаясь от нерадостных мыслей.

– Не, мои еще тепленькими должны быть. Если остыл, то к твоей жене.

Вадим подхватил:

– Звонишь и говоришь… Маша, у меня кофе остыл. Проведешь вскрытие для выявления причины такого нежелательного исхода?

Я вяло улыбнулся:

– Пошлет далеко и быстро. У нее там полный бардак – а работать некому, поубивали всех.

– Да, слышал, – посерьезнел Паша. – Совсем люди с ума посходили. Недавно ко мне толпой замелись родственники одного страдальца, прокуратурой пугали.

– Отмучился совсем? – поинтересовался Вадим. – Или ты его вытащил?

– Совсем. Не поверите, запущенный шистосомоз. Узнали только на вскрытии – смазанная картина, вообще неспецифическое течение.

– Ого! – я прифигел. – Откуда такая экзотика?

– Судя по всему, катался по Африке туристом. Помочил ноги в водоеме – и вот результат.

– Н-да, – протянул Вадим. – Не ходите, дети, в Африку гулять… А что инфекционисты, как проморгали?

– Ну, я их тоже понимаю. – Паша пожал плечами, встал с дивана и подошел к электрочайнику на тумбочке. – Кто-нибудь кофе еще будет?

– Я, пожалуй, – Вадим протянул чашку.

– Пас, – качнул я головой.

– Так вот, – продолжил Паша, включая чайник. – Сколько вообще нозологий? Ну, примерно?

– Тысяч десять, кажется, – задумчиво ответил я. – И это не считая масок и нетипичного течения болезней.

– Со сколькими мы можем столкнуться в работе?

– Максимум сотня?

– Я бы поставил на две, – отозвался Вадим.

– Ну, примерно так. Где-то сто пятьдесят, может, сто семьдесят. А лечим регулярно, ну, от силы тридцать. Из которых штук десять будем

знать назубок и выявлять при любых масках и осложнениях.

– Идею твою понял, – кивнул я. – Жаль пациенты не поймут.

– Не поймут. Доктор же должен быть непогрешимым и всезнающим. С викодином в зубах и тростью в руке. Сериалов пересмотрели. Даже если я буду корпеть над учебниками и журналами по тридцать часов в сутки, мне все равно не хватит практики, чтобы распознать нечто редкое в наших краях, да еще и смазанное хроническими болячками, любовью к алкоголю и индивидуальными особенностями европейского организма. Так что не могу я винить инфекционистов. Предупредили бы родственники, что он катался в Африку, может, и догадался бы кто. А знаете, что они заявили в ответ на мой упрек?

– Ну? – заинтересовался Вадим.

– Только дурак сознается врачу, что у него есть деньги. Потому что медики сразу же будут взятки вытягивать. Нужно, мол, наоборот, косить под бедного всеми способами.

– Докосились. Как раз полянку под могилу и выкосили, – я криво улыбнулся. – Сказали бы, что он по миру колесит, искали бы экзотику.

– Вот и я о том же. Everybody lies[37].

Чайник раздраженно заворчал, и реаниматолог приготовил еще по чашке кофе себе и Вадиму. Я же решил составить им компанию чаем – заварил себе смесь черного и зеленого со вкусом чабреца. Остывший кофе выплеснул в раковину – и так нервы взвинчены.

Я поднял бутылку коньяка:

– Вадим, тебе плеснуть?

– Нет, хватит, пожалуй.

– Паша?

– Я тоже пас. Спасибо.

Реаниматолог поерзал на диване, устраиваясь поудобнее, и продолжил:

– Я-то их сразу срезал, что ко мне претензий быть не может. Мол, больной ко мне уже в коме попал. Попытался объяснить, что инфекционисты тоже не особо виноваты. Вероятность того, что наш местный специалист узнает шистосомоз в любой клинической форме, да при любом сочетании медико-биологических факторов… ну, не равна нулю, но болтается где-то около. Врач тоже человек – и голова у

него не резиновая, чтобы помнить признаки сотен болезней, а заодно еще и догадываться, где пациент мог накосячить.

– От тебя отстали?

– Относительно. Чтобы не терять лица, пообещали, что прокуратура со всеми нами разберется. Сестра покойного до самых дверей отделения кричала, что мы все крохоборы, взяточники и убийцы.

– Ну вот, получается, и на хрена? – вклинился Вадим.

– Что на хрена?

– Зачем вообще становиться сейчас медиком? Если учесть особое отношение к нам современных обывателей, нормальный врач легко может отсидеть срок или влететь на миллионные выплаты за моральный и физический ущерб. А то и вообще голову проломят в темном переулке. И ведь обыватели эти себя правыми считать будут – борцами со злом в белых халатах. Да еще и зарплата наша нищенская. Тьфу…

– А ты чего не бросишь все? – задал я провокационный вопрос.

– Потому что такой же дурак, как и вы, – буркнул психиатр и уткнулся в чашку с кофе.

– Может, на дураках все и держится? – спросил я, вспомнив вчерашние слова отца Иоанна. – Не станет дураков, умные такое натворят, что им самим станет жить неуютно. Эгоистичный рационализм годится только до первой катастрофы, пока еще каждый сам по себе. А потом нет уже никакого рационализма, так как все эгоисты медленно перерабатываются на перегной.

– Может, – тихо ответил Вадим.

Паша добавил:

– В последнее время мне кажется, что этих самых дураков осталось совсем-совсем мало. Потому что те, кто выжил после того проклятого дня, вообще как с цепи сорвались. Вся дрянь, что сидела внутри, как по команде наружу полезла. Я за своими медсестрами уследить не успеваю – Иван подтвердит. А что творится в других отделениях…

Паша махнул рукой и отвернулся, разглядывая что-то за окном.

– Угу, у меня тоже, – проворчал я.

– Что у тебя? – поинтересовался Вадим.

– Сперли все наркотики из сейфа.

Он присвистнул:

– Ничего себе. Много хранилось?

– У нас было два пакетика травы, семьдесят пять ампул мескалина, пять пакетиков диэтиламинлизергиновой кислоты, или ЛСД, солонка, наполовину наполненная кокаином, целое море разноцветных амфетаминов, барбитуратов и транквилизаторов.

– А? – ошарашенно переспросил Деменко.

Пашка заржал – узнал цитату.

– Ладно, забей, – я махнул рукой. – Не знаешь ты классики, потребитель российских сериалов.

– Главному сказал?

– Не успел еще. С Лукановым разбирался.

– А что эта жертва синдрома Туретта на этот раз сделала?

Я с наслаждением отхлебнул из чашки и ответил:

– Уволился, получил от меня по морде и пинок ниже спины. Примерно в такой последовательности.

– Молодец! – Вадим показал мне большой палец. Подумал секунду и показал еще один.

– Даже я немного поучаствовал, – отметился Паша. – Могу добавить, что Сергей Васильевич летел по коридору быстро и громко.

– Ну хоть какая-то приятная новость. – Деменко хохотнул. – А за что ты его так?

– Смотри сам, – я подошел к столу, взял в руки конверт с заявлением Луканова и бросил Вадиму.

Психиатру хватило одного взгляда, чтобы понять.

– Любопытно, и на что он рассчитывал? – пробормотал психиатр.

– Просто склочная натура, – пожал плечами Паша.

– Иван, – окликнул меня Вадим, – ты конверт вскрывал?

– Нет. Мне сейчас не до эпистолярных изысков. Потом, как настроение будет.

– Просто там что-то есть…

– В смысле? – Я взял конверт, прощупал. Какой-то твердый предмет находился между половинками плотной бумаги заявления. – И вправду… Любопытно. – Я оторвал край. С легким шелестом в руку скользнул серебристый новенький ключ. Я приподнял его на свет, чтобы получше рассмотреть.

– Ключ? – удивился Паша. – От чего?

– Сука, – прошипел я. – Ну какая же он сука…

– Ты чего, Иван? – встревожился Вадим.

Мне не нужно было даже сверять ключ от сейфа и этот новенький подарочек от Сергея Васильевича, чтобы понять, как меня красиво провели. Мелькнула мысль позвонить Олегу, даже рука дернулась за мобильным телефоном. Но потом я почувствовал тонкий запах нашатыря – еле-еле заметный. Присмотрелся к металлической поверхности – идеально чисто, до скрипа. И четко выделяются мои отпечатки пальцев.

– С-с-сука… Мудак старый. – Я размахнулся и швырнул ключ в мусорную корзину. Впечатляющий бросок через полкомнаты.

– Э-э-э, зачем? – вскинулся Паша.

– Поясни, – попросил Вадим.

– Да что пояснять-то? – Я раздраженно повел плечами, заглянул в чашку и, увидев, что она пуста, добрел до электрочайника. – Это копия ключа от сейфа. Вот и ответ, кто сильнодействующие выгреб. Только на фига ему?

– Напакостил тебе напоследок, – предположил Вадим. – Госнаркоконтроль из тебя душу вынет. А ключ ты зачем выбросил?

– Он нашатырем пахнет.

– И?

– Нашатырный спирт отлично убирает все биологические загрязнения. И теперь на ключе отпечатки того человека, который вскрыл конверт и достал ключ.

– То есть твои. Красиво, – уважительно кивнул Павел. – Не ожидал я такого от Луканова.

– Угу, – согласился Деменко. – Мало того что нагадил перед уходом, так еще и плюнул метко в харю. Опытный интриган. Шефу когда скажешь?

– Сегодня, завтра, – я скривился. – Да и что мы сможем? Ну, заявим в полицию. А что им покажем? Заявление об уходе и копию ключа с моими отпечатками пальцев?

Я добрался до родного кресла и рухнул в него:

– Уел он меня, други. Так что совесть меня за выписанный подсрач точно мучить не будет. Заслужил. Теперь надо идти к главному, объяснять Содом и Гоморру в моем отделении.

– Сочувствую, – Паша поерзал на диване. – Я сегодня уже был у шефа. Не в духе он, ой не в духе. Минздрав коней мочит, да и администрация города давит. Еще авария вчерашняя, блин.

– А она-то каким к нему боком?

– Ну… – протянул Деменко.

– То есть? – вкрадчиво спросил я.

И в этот момент в ординаторскую влетела Диана:

– Мальчики, включайте «тиви»!

– Что там, конец света? – буркнул Паша.

Я вздрогнул от его шутки.

– Нет. Ну, почти. Включайте быстрее. – Диана не стала дожидаться, пока ленивые мужики оторвут от дивана полушария, и сама подбежала к небольшому телевизору в углу. Пощелкала по каналам и выбрала местный.

На экране бесновалась толпа. Человеческая лава кипела и булькала. Не требовалось никаких комментариев, чтобы понять – процесс уже неуправляем, как атомный реактор после ксенонового отравления. Вдали просматривался комплекс административных зданий. Людей от городской администрации отделяли два ряда омоновцев, за которыми стояли несколько спецмашин с решетками на стеклах.

На фоне митингующих журналистка пыталась перекричать рев толпы. Ее голос то пропадал, то снова появлялся – оператор никак не мог настроить аппаратуру. Но вот внешние шумы немного снизились, и слова прорвались через гомон взбешенных людей.

– …вчерашняя авария унесла жизни пятнадцати человек. Еще двенадцать жителей нашего города находятся в реанимационных отделениях трех городских больниц. Несмотря на заявления мэра, что его сын не причастен к аварии, есть множество свидетельств, что именно внедорожник его сына – эксклюзивный «Порш Кайен» с карбоновым корпусом – вылетел на автобусную остановку. Так как в последнее время движение транспорта затруднено, на остановке к тому времени скопилось больше трех десятков человек. Среди них были и взрослые, и подростки…

– Жопа, – выдохнул Паша. Вадим с каменным лицом смотрел репортаж. Диана присела рядом со мной на стул и тоже не отрывалась от телевизора.

– …причинам автомобиль на полной скорости вылетел на остановку. Как ни жутко это звучит, но он сбросил скорость только за счет тел погибших. На месте были убиты три женщины и двое мужчин, из них один подросток в возрасте двенадцати лет. Прохожие попытались вытащить водителя внедорожника из машины, но мужчина на пассажирском месте открыл стрельбу из травматического пистолета. Затем сам сел за руль – и автомобиль-убийца скрылся. Свидетели утверждают, что машина была с яркими оранжевыми вставками на крыльях и особым корпусом. Эксперт по тюнингу, к которому мы обратились, заявил, что это карбон. Единственная такая машина в городе принадлежит сыну мэра…

– Господи, – ахнула Диана. – Из-за этого урода… Вчера оперировала парня – у самой сердце разрывалось. Представила, что мой Сашка мог так вот мимо проходить и ни за что ни про что попасть под колеса.

– …как только стало известно, что мэр прячет обоих сыновей в здании администрации, в окрестностях начали собираться люди, чтобы воспрепятствовать бегству виновника аварии. По свидетельствам выживших, за рулем находился младший брат, а старший стрелял в прохожих из травматического оружия. Представитель прокуратуры заявил, что еще два дня назад было подано заявление об угоне машины и что за рулем не мог находиться родственник мэра. Но люди все равно не торопятся расходиться. Они требуют выдать им водителя внедорожника. К зданию спешно переброшен ОМОН…

У Вадима громко заиграл телефон. Он подошел к телевизору и выключил его:

– И так все ясно.

Принял звонок:

– Деменко, слушаю… Да, узнал… Да, знаю – смотрели репортаж. Что произошло?

Он внимательно слушал с минуту, чернея лицом. Внезапно рявкнул:

– Он идиот? Что значит «надоели побочки, и бросил»?

Еще с минуту вслушивался в голос невидимого собеседника.

– Нет, не приеду. И не просите. Вы хотели, чтобы у него права были, вы получили. Я предупреж… Что?!! Да это вам сейчас бояться надо, а не мне!

Вадим с яростным взглядом отбился и принялся с силой запихивать телефон в карман. Но тут снова заиграла мелодия.

– Нет. Я же сказал. Вы создали такую ситуацию, вы и разгребайте. Олегу Даниловичу? Да хоть президенту звоните.

Он сделал паузу, вслушиваясь в слова собеседника, а потом четко, раздельно произнес:

– Пошел. В жопу.

И выключил телефон.

Вадим широкими шагами пересек комнату, достал из шкафа рюмку, критически глянул на свет, чистая ли она, и ухватил за горло бутылку Hennessy. Затем недрогнувшей рукой нацедил коньяк по самые края и быстро опрокинул в себя.

– Кто это был? – поинтересовался я, с любопытством наблюдая за его реакцией на разговор.

– Мэр, – буркнул Деменко.

– Та-ак. А ты там каким боком?

– Прямым.

Диана тихо спросила:

– Что ему нужно?

– Дианочка, милая… – Вадим подошел к шкафу и вернулся уже с четырьмя рюмками. Аккуратно расставил их на моем столе и наполнил янтарной жидкостью из все той же бутылки. – Давайте выпьем за то, чтобы все было хорошо.

Раздал рюмки и, не дожидаясь нас, выпил сам.

Паша осторожно спросил:

– Вадим, что случилось?

Деменко задумчиво глянул на бутылку, но не стал ее тревожить. Уселся на диван и объяснил:

– Что должно было, то и случилось. Где-то год назад прислал ко мне Олег Данилович мэрского сынка за свидетельством, что тот вправе водить машину. Подвоха я сразу и не понял. Пока историю болезни не открыл.

– И что там? – спросила Диана.

– Эпилептик.

– Так ты подписал, – скривился Паша.

– А что было делать? – рявкнул Вадим. – Когда меня просит ваш главврач Олег Данилович, давит главврач диспансера Самойлов, а

заодно и сам мэр звонит и говорит, что очень надо. Я хоть лечить этого малолетнего идиота взялся, чтобы он не разбился при первом же мигании поворотника от впереди идущей машины. И все бы нормально, если б этот дурак не бросил принимать лекарства, видите ли, побочки ему не нравятся, силы мужской нет, как раньше.

Вадим перевел дух. И Паша, и Диана, и я сидели молча, слушали и даже не знали, что сказать.

– Как я понял, он по Театральному проспекту ехал. А там, как раз с той стороны, где остановка, тополя плотно по обочине высажены. И ни одного здания. Ясно?

– Нет, – мотнул головой Павел.

– Тополя, равномерно, в ряд, солнце за ними, высокая скорость машины.

– Бл…во, – выругался я. – Стробоскоп.

– Точно, – ткнул в меня пальцем Деменко. – Он, видимо, уставился на обочину – кто его знает почему, – мелькающий свет его и накрыл, прямо за рулем, неведомо на какой скорости. Все остальное и так известно.

– А что они от тебя хотят? – повторила Диана.

– Да чтобы я приехал и утихомирил толпу. Мэр думает, если врач публично подтвердит эпилепсию, это чуть снизит накал.

– Сомневаюсь, – заметил я. – Скорее отвернут голову врачу за то, что подписал справку. А потом и за мэром пойдут.

– Второе – пусть. А первое меня не устраивает. Тем более я предупреждал их, что этим рано или поздно закончится. Но дите захотело крутую машинку и права – а как мэр может отказать родному сыну? Опасность-то не дитятке будет грозить, а тем, кто по тротуарам ходит, – внедорожник хорошо защищен. Вот и получили вполне предсказуемый результат.

– А если бы ты уперся? – спросила Диана, пряча глаза.

– Пытался. Сказали, что работу найти в этом городе мне будет трудно.

– Понимаю, – прошептала Диана. – Но, получается, и твоя вина… Что собираешься делать?

– Работать, – буркнул Вадим и резко поднялся с дивана. – Спасибо за кофе и коньяк. Пойду прогуляюсь, пациентов гляну.

Не оборачиваясь, Вадим выскочил из ординаторской. Чуть помявшись, вслед за ним ушел и Паша, сославшись на то, что пора работничкам запланированный втык устраивать.

Диана грустно посмотрела на меня:

– Я не хотела Вадима обижать…

– Он не обиделся, – успокоил я ее. – Просто хочет побыть немного тет-а-тет с самим собой. Любой бы на его месте так отреагировал. Все будет хорошо.

Хотя я сам в последнем совсем не уверен. Но не напрягать же еще и Диану моими сомнениями. И так вчера, кажется, Машку перепугал психозом после разговора с Иоанном. Самому бы еще понять, как относиться к прогнозам священника.

Я задумчиво осмотрел стол, где живописно расположились документы, истории болезни и прочая повседневная макулатура.

– Пойду я, – устало сказала Диана. – Будешь разгребать бумажные завалы?

– А что еще остается?

– Помочь тебе?

– Иди домой – видно же, на ногах еле держишься. Выспись хоть немного – кто его знает, сколько нам работы подкинет человеческая глупость в ближайшие дни.

Диана подозрительно посмотрела на меня:

– Ты как-то странно это сказал. Что-то знаешь?

Я в который раз поразился особому женскому чутью – подсознание у прекрасной половины вида хомо сапиенс умеет обрабатывать информацию прямо на ходу. Впору уже бояться так называемой интуиции.

– Нет, Диана, просто ты устала, – ласково ответил я, провожая коллегу до двери ординаторской. – Мне самому после дежурства разное чудится, тревожность взвинчивается до предела.

– Наверное, – вздохнула Диана и помотала головой. – Знаешь, Иван, мне в последнее время кажется, что будет только хуже. Не знаю почему и как, но мне страшно. Я истеричка, да?

– Нет, Ди, – я дружески коснулся ее руки и повторил: – Ты просто устала. Иди домой, выспись – и все будет хорошо.

Диана слабо улыбнулась и вышла в коридор. Я посмотрел ей вслед и заметил, что рукав белой кофточки на локте испачкан

чернилами. Странно такое увидеть на аккуратистке и моднице Диане. Тревога ломает даже быстрее, чем усталость. Сдает коллега – вымоталась и, самое главное, боится. Сама не зная чего.

А вот я, кажется, знал.

В конце концов, такая версия ничем не хуже и не лучше прочих. Хотя бы объясняет все.

Жаль, надежды не дает.

Вздохнув, я уселся за стол. И не поднимал головы часа два. По себе знаю, нельзя отвлекаться, когда занимаешься однообразной бумажной работой. А иначе хитрое подсознание мигом напридумывает поводов, чтобы увильнуть от неприятного. И начнутся пробежки до автомата с кофе каждые полчаса, перекуры через десять-пятнадцать минут. А рутина, которую можно спихнуть за два-три часа, растянется на весь день.

Я как раз дописывал последнюю историю болезни, когда во врачебные чертоги вторглась орда варваров. В авангарде уверенно двигалась увесистая мадам предбальзаковского возраста. Яркий макияж в стиле малолетки-пэтэушницы выглядел по-настоящему боевой раскраской. И судя по сжатым в тонкую линию губам, мадам к бою была готова. За руку она тащила тщедушного мужичка в джинсовом костюме и нелепой камуфляжной бейсболке – бегающие глаза кавалера выдавали его горячее «желание» возглавлять атакующий клин.

Остальная орда набивалась в ординаторскую постепенно – с пыхтением и легким матерком из задних рядов. По прикидкам, комнатушку заполонили чуть больше двух десятков туземцев. Даже в самые развеселые дни рождения здесь не собиралось столько народа. Стены кабинета поднатужились, заскрипели, но выдержали стихийный митинг. Как только за атакующими колоннами захлопнулась дверь, помещение затопил неповторимый запах автобусов и маршруток – капелька дешевого дезодоранта, пара флаконов не менее дешевой туалетной воды и несколько литров крепкого пролетарского пота. Свободными остались только метра полтора перед моим столом – эдакая демаркационная линия.

Я задумчиво осматривал посетителей. То, что они завалились не для благодарности, и так понятно – люди в толпу сбиваются, когда

необходимо разделить вину или ответственность. Когда в одиночку боязно, тогда включаются стадные инстинкты.

– Слушаю вас, – прервал я затянувшееся молчание.

Суровая мадам дернула рукой – и вперед вылетел ее кавалер. От неожиданности он несколько раз открыл и закрыл рот, просипел что-то и попробовал слинять вбок. Но командорша не позволила – толкнула в спину и громким шепотом приказала:

– Говори!

– А чего я-то, сама-то… – пробормотал мужичок, снимая бейсболку за козырек и оглаживая редкую поросль на голове.

– Говори, я сказала!

Толпа забурлила. Уверенно отпихивая плечом преграды, на свет выбрался мрачный полноватый мужик с крепкими узловатыми руками. Его серая рубашка явно находилась в сложных отношениях с утюгом, потому демонстрировала участки различной степени помятости. Брюки примерно так же дружили со стиральной машиной. Зато на ногах красовались ослепительно белые кроссовки. Протянув руку в мою сторону, мужик выставил вперед указательный палец с грязным, обкусанным ногтем и хрипло спросил:

– Ты, б…, тут командуешь?

– Вам главврач нужен или заведующий отделением? – уточнил я.

– Ну, б…, я это и сказал, – мужик нетерпеливо резанул воздух ребром ладони.

– Так кто именно?

– А ты, б…, кто?

– Я заведующий отделением хирургии Иван Игоревич Корнилов.

– Сойдешь, – заявил мужик. Глянул на мадам и ее кавалера, которые пытались возглавить атаку. – Пока, б…, вас дождешься… Интеллигенты еб…ные.

Подтянул к себе стул и уселся в метре от моего стола. Положив ногу на ногу, довольно оглядел белоснежные кроссовки и, одобрительно крякнув, приступил:

– Меня зовут Петро. Короче. Мужик, наши родные умерли. В твоем отделении. Нехорошо, б….

– Согласен. Нехорошо, – кивнул я. – Смерть – это вообще плохо.

– А могли бы быть живы!

– Да? Эвона как, – я удивленно поднял брови. Куда они клонят, в принципе уже понятно, но спектакль придется отыграть до конца. – Не знал, не знал.

– Ты, б…, не выдрючивайся, – грохотнул Петро. Видимо, он некими структурами мозга уловил, что моя вежливость рождена совсем не уважением. – Деньги, б…, давай.

– Какие деньги? – спросил я, приоткрывая ящик стола. Меня даже немного рассмешило их желание. Какие сейчас деньги, когда биржевые индексы посыпались еще два дня назад, половина Европы объявила технический дефолт, курс прыгает на валютных биржах взад-вперед с размахом в десятки процентов. И это только то, что я заметил, пробежавшись по новостным лентам. Уверен, все еще хуже. Экономика рушится. Деньги скоро станут дешевле бумаги, на которой их напечатали. А эти страусы забивают головы все глубже и глубже в пепел былого мира.

– А за моральный ущерб! – взвизгнула раскрашенная авангардная матрона. Я даже на мгновение задумался, что в таком определении есть некий китч. Авангардная женщина.

– Во! Слышишь, б…, что народ говорит! А народ всегда прав, – Петро-парламентарий солидно поднял вверх палец.

– Ну-ну, – пробормотал я. – Vox populi, vox dei[38].

– Чегой? – насупился мой оппонент.

– Не вы первый, говорю. Еще древние римляне утверждали…

– Вот! – прервал меня мужик. – Даже римляне, б…, все понимали. Давай деньги! –повторил он и медленно поднялся со стула. Наверное, он думал, что это выглядит угрожающе. Но мной овладело совсем другое чувство – брезгливость.

– Дай миллион, ну дай миллион, ну чего тебе стоит… – пробормотал я под нос и уже чуть громче. – Ваша фамилия, случаем, не Паниковский?

– Нет, б…, – не ожидавший такого вопроса Петро даже отшатнулся. – А кто, б…, этот Паниковский?

– Да так, видный борец с олигархами, сын Петра Петровича Шмидта, революционер.

– Как Ленин? – брякнул кто-то из толпы.

– Круче, – ответил я и уставился на парламентера в белых кроссовках. – И?

– Деньги давай! – тупо повторил мужик.

– Так, я вижу переговоры зашли в тупик. За что и почему я должен кому-то платить деньги?

– Родные умерли. А могли бы жить. Если бы вы…

Я резко оборвал его:

– Что мы?

Уже другой голос из толпы выкрикнул:

– Что вы? Почему ты живой тут сидишь, а наши родные в земле? Все из-за вас, врачей… – голос набрал истеричные обертоны. – Вы эту заразу небось и притащили! А теперь из себя святых строите?

– А ну, цыц, б…!

– Сам заткнись! – Вперед выбралась строго одетая, худощавая женщина лет сорока с красноватыми от слез глазами. Она поправила воротничок темно-синего офисного пиджачка, нервно хрустнула пальцами. И, обвиняюще выставив на меня длинный акриловый ноготь, продолжила: – Вы должны были спасти наших родных. А вместо этого занимались черт-те чем.

– С чего вы взяли? – Ее напор оказался настолько неожиданным, что я против воли стал защищаться.

– С того, что вы живы! А мой муж нет. Вы даже не заболели. Значит, сбежали, когда запахло жареным. А должны были спасать людей.

– Кому я должен? Вам, что ли?

– Вашим пациентам. А если не хватило ума и желания их спасти, то должны родным выплатить деньги за моральный ущерб. Ни чести, ни совести у вас нет! Забыли, что клятву давали?

– Кому и какую? – Накатила усталость – все то же, все так же. Оценивать человеческую жизнь в размерах моральной компенсации – до такого ни на каком медицинском цинизме не докатишься.

– Клятву Гиппократа! – привела женщина самый главный довод.

Зря она так.

Не скажу за всех коллег, но меня можно мгновенно вывести из себя тремя вещами. Первое напополам со вторым – педофилы и так называемые духовные акушерки. Третье – упоминание по поводу и без повода клятвы Гиппократа. Бедный древнегреческий врач – где бы он ни был захоронен, наверное, уже котлован вырыл, вертясь от постоянных упоминаний. Самое смешное, что клятва написана не им,

а одним из учеников и последователей в память об учителе. Да и смысл ее совсем не годен для современного мира. Даже в Средние века актуальность клятвы многими ставилась под вопрос.

– Я клятву Гиппократа не давал… – потихоньку заводясь, начал я.

Но женщина не дала мне продолжить:

– Давали! Все врачи дают! Забыли уже небось – только клятвы своему кошельку и помните! Убийцы и воры вы все. Вы из клятвы Гиппократа и слова-то не помните. Только и умеете, что больных обдирать.

Толпа одобрительно зашумела. Выступление женщины получило больший успех, чем заевшая пластинка мужика в помятой рубахе.

– Отчего же, помню, – пожал плечами я.

Давным-давно, еще в студенческой жизни я ее выучил. Причин было несколько – и казалось занятным знать древний текст с первой буквы до последней, и девушек-медичек удивлять нравилось. Да и просто самого себя на слабо взял.

Чеканные латинские слова сухо падали в мгновенно притихшую аудиторию, как будто я заклинание читал:

– Per Apollinem medicum et Aesculapium, Hygiamque et Panaceam juro, deos deasque omnes testes citans, mepte viribus et judicio meo hos jusjurandum et hanc stipulationem plene praestaturum. Illum nempe parentum meorum loco habiturum spondeo, qui me artem istam docuit, eique alimenta impertirurum, et quibuscunque opus habuerit, suppeditaturum. Victus etiam rationem pro virili et ingenio meo aegris salutarem praescripturum a pemiciosa vero et improba eosdem prohibiturum…

Челюсти оппонентов потихоньку отвисали, а глаза стекленели. В сугубо психологической терминологии с подачи Леона Фестингера такое состояние называется когнитивный диссонанс. Это как если ты поймал ежа, а он тебе молвит человечьим голосом доказательство теоремы Ферма.

– …Nullius praeterea precibus adductus, mortiferum medicamentum cuique propinabo, neque huius rei consilium dabo. Caste et sancte colam et artem meam. Quaecumque vero in vita hominum sive medicinam factitans, sive non, vel videro, vel audivero, quae in vulgus efferre non decet, ea reticebo non secus atque arcana fidei meae commissa. Quod si igitur hocce jusjurandum fideliter servem, neque violem, contingat et prospero successu

tarn in vita, quam in arte mea fruar et gloriam immortalem gentium consequar. Sine autem id transgrediar et pejerem contraria hisce mihi eveniam[39].

Посмотрел на притихшую толпу:

– Латынь все знают?

Ответом – молчание.

– Нет? Удивительно. Тогда давайте разбираться, кому и что я должен. Первое, – я загнул палец. – Клятва говорит об обязательствах перед учителями, коллегами и учениками. Мне кажется, вы не относитесь ни к одной категории. Не так ли?

– Это не важно… – попробовала меня перебить женщина.

– Второе, – я демонстративно загнул еще один палец. – В клятве говорится, что я обязан лечить сообразно с моими силами и пониманием. Именно так все и было с вашими родными. Все силы и все знания мои коллеги приложили. Я тоже. Все без остатка.

Пресек попытку возразить взмахом руки:

– Третье. Клятва запрещает эвтаназию. Не наш случай, правда? Четвертое – отказ от абортивного пессария. Инструмент такой своеобразный – вы не видели, и ладушки. Пятое – клятва запрещает заводить романы с пациентами. Вроде замечен не был, не нарушал, не привлекался. Шестое, седьмое, восьмое: в клятве говорится о необходимости хранить врачебную тайну, жить без грехов, не заниматься лечением мочекаменной болезни. С последним не соглашусь – как раз дело хирурга.

Я подпер подбородок левой рукой, правой копаясь во внутренностях ящика стола.

– Но, самое главное, клятву Гиппократа я не давал. И никто из моих коллег. А вот клятву российского врача – да. И клятву эту я не нарушил ни разу. Так что мне не стыдно. Ни. За. Что, – четко выделяя слова, закончил я.

– Спасибо за лекцию, – недобро усмехнулась женщина. – Но нас это мало интересует. Вы не спасли наших родных. Вы обрекли на смерть наших кормильцев и детей. И потому вы должны нам денег.

Железная логика. Я наконец-то нащупал в ящике то, что искал.

– Доктор, не юли, – качнулся вперед Петро. – Давай полюбовно разойдемся. Твоя больница нам деньги. А мы тебя не тронем, даже в прокуратуру не обратимся. Лады?

– Нелады, – покачал я головой. – Никаких денег вы не получите. Ни от меня, ни от больницы, ни от одного медработника в этих стенах. Это мое последнее слово. Другого не будет.

– Ты чо, оборзел, сука? – Он потянулся, чтобы ухватить меня за халат, но уткнулся носом в то, что я вытащил из стола. Толпа синхронно качнулась назад – первые ряды разглядели, что у меня в руке. Серебристый пистолет смотрел прямо в лоб быдловатому мужичку. Я щелкнул предохранителем, затем плавно взвел курок.

Петро прохрипел:

– Эй, доктор, ты чего, б…?

– Что вы делаете? – завизжала женщина в офисном костюме. Около выхода тоже забубнили. Кто-то даже заблаговременно решил свалить.

– Что? – переспросил я, прицеливаясь пролетарию в переносицу. – Ко мне вваливается толпа незнакомых людей – шантажируют, угрожают. И я сейчас защищаю свою жизнь и честь врача заодно. Все просто.

– Тебя, б…, посадят, – неуверенно возразил Петро.

– Быть может. Но пока что выметайтесь, – я перевел прицел на грудную клетку. – Вон, я сказал!

– Он не посмеет! – пронзительно крикнула женщина. – Мужчины, что вы стоите?

– Вон!

– Зассышь, б…, – набычился Петро и сделал шаг ко мне.

– Зря, – и спустил курок.

Грохот упавшего тела удивил, наверное, коллег этажом ниже.

Мадам в офисном прикиде пронзительно завизжала. Авангардная дама повисла на своем кавалере, который еле держался на ногах под весом любимой туши. Остальные делегаты спешно выламывались через дверь.

Хоть бы не вынесли – мелькнула мысль. А то придется звать плотника.

Я любовно погладил пистолет. Достал из ящика пачку сигарет, вытянул одну и неспешно прикурил ее от длинного язычка пламени, вырвавшегося из дула. Курю редко, сейчас вообще никакого желания нет, но от небольшой театральщины отказаться не смог. Отличная штука – практически не отличимая от настоящего пистолета

зажигалка. Вроде бы игрушка – а вон какой эффект. Обещал же показать этот подарок пациента Паше, да забыл. Хорошо, что сам вспомнил в нужный момент. Не дело – боевым оружием размахивать, а то и вправду натравят ментов.

Визг стих. Женщина испуганно смотрела на меня – я задумчиво раскуривал сигарету.

– Заберите тело, – приказал я. – И выметайтесь.

– Вы… вы…

– Я заведующий отделением. Считайте, что капитан этого корабля. И буду делать все, что нужно, для защиты отделения и сотрудников.

– Мы будем жаловаться…

Я прервал ее:

– Кому угодно, куда угодно и как угодно.

Обвел взглядом растерянную толпу и резко закончил:

– Пошли вон! Пока я настоящее оружие не достал.

Удивительно, но поверили. Через минуту никого в ординаторской не осталось. Даже тело боевого мужика, так и не очнувшегося от обморока, унесли. Н-да, правду говорят, чем крупнее жаба, тем громче квакает – но вот жабой от этого быть не перестает.

Чтобы чуть отвлечься, я включил телевизор. И сразу же пожалел об этом. По местному каналу гнали горячие новости. Первое что я увидел, это пылающее здание мэрии, несколько тел на мостовой, осколки стекла на тротуаре и одиноко лежащую омоновскую каску.

– …штурм мэрии. Силы ОМОНа оказались не готовы к нападению толпы. Ситуация обострилась после выступления врача-психиатра. Специалист объяснил, что сын мэра попал в аварию из-за тяжелой болезни. Но это нисколько не успокоило митингующих. Тогда администрация города дала приказ ОМОНу вытеснить людей с площади. Практически сразу в строй ОМОНа полетели бутылки и камни, а следом толпа просто смела барьер… – Журналистка запнулась. Похоже, девушка была на грани нервного срыва. – Это ужасно. Из окон администрации выбрасывали тела, затем здание подожгли. Врача забили ногами прямо на лестнице перед входом…

Я выключил зомбоящик и ухватился за телефон. Надо звонить Вадиму – надеюсь, это не он оказался на ступенях мэрии. А то вдруг хватило дурости все же поехать в пекло.

Деменко отозвался довольно быстро:

– Да, Иван.

– Ты где?

– В больнице, в терапии.

– Телевизор включи. Там такое…

– Уже. Смотрим минут десять – город свихнулся. Уже громят аптеки и магазины. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Похоже, «Лодибра» ищут.

– Спасибо ублюдкам из Минздрава, – зло прокомментировал я.

– Угу. Слышишь, у тебя машина на ходу?

– Да. А с твоей что?

– Да я на всяк случай на сервис ее сдал – пусть подтянут да проверят. Мало ли, куда валить придется.

– Сейчас-то тебе куда приспичило?

– Давний пациент обострение словил – жена его позвонила, слезно просила приехать. Да и он мужик хороший – надо помочь.

– Уверен? Сейчас в городе жарко.

– Ничего, вдвоем не зажаримся.

– Ну ладно. Поехали. Только на обратном пути Машу заберем – нечего ей одной в морге сидеть.

Я быстро прошел на пост, раздал указания сестрам. Приказал закрыть двери в отделение – никого не выпускать и тем более никого не впускать. Больные сидели тихонько на диване, уставившись в большой телевизор. Судя по ошарашенным лицам, никто до сих пор не верил, что это происходит совсем рядом, в тихом родном городе.

Сбежав по лестнице, я наткнулся на Вадима, быстро тянущего сигарету.

– Рванули?

– Угу, – Вадим выбросил окурок и, промахнувшись мимо урны, чертыхнулся. – Не поверишь, руки дрожат.

– Верю, – кивнул я, разблокировал машину с пульта и запрыгнул за руль. – Как раз в это верю. Куда?

– На Вернадского. Там есть такая пятнадцатиэтажка…

– Знаю.

Далеко за домами лениво и мощно поднимался иссиня-черный столб дыма – молокозавод продолжал неспешно гореть. Или авария

слишком большая, или пожарным командам просто не до него. Думаю, у них сейчас в городе столько дел, что хоть разорвись.

Я стремительно вырулил с больничной стоянки, на несколько сантиметров разминувшись с бетонными столбиками ограждения.

– Опа, – удивился Деменко. – А ты чего такой?

– Приходили благодарные родственники пациентов. Требовали денег.

– Вон даже как? Ну, этого следовало ожидать. Как немного пришли в себя, вспомнили о выгоде.

– Шакалы, – процедил я, ныряя из одной узкой улочки в другую. На проспекты совсем не хотелось выезжать с учетом того, что творится около мэрии. Через пару перекрестков попалась полностью разгромленная аптека. Несколько человек задумчиво бродили за разбитыми витринами, ногами раскидывая коробки с лекарствами.

– Уродство-то какое, – пробормотал Вадим, оборачиваясь, чтобы полностью рассмотреть картину .

– Естественная сущность человека, – ответил я, раздумывая, как быстрее и незаметнее выехать к нужному дому. – Грабить и жечь готовы все – от мала до велика. Любимый аттракцион городского жителя – вспомни репортажи из Нового Орлеана.

Через пять минут я выскочил из переулка прямо к пятнадцатиэтажке. Напротив щерился выбитыми окнами небольшой продуктовый магазинчик – людей на улице вообще не было.

– Твой пациент хоть не сильно буйный? – поинтересовался я, когда Деменко жал на кнопки домофона.

Вадим мрачно хохотнул.

– И что это означает?

– А значит то, что лучше бы он сейчас не был буйным…

– Почему?

– Ты когда-нибудь угоманивал инструктора-рукопашника?

– Нет. И не горю желанием.

– Ну вот и я надеюсь, что не придется, – ухмыльнулся психиатр.

Глава 9

Пока ждали ответа у домофона, поднимались на второй этаж да названивали в дверной звонок, Вадим рассказал историю знакомства с пациентом:

– Повидал я разных типов. Но этот – просто драгоценность. Отличное «физио» встретилось с небольшим изъяном «психе». И сочетание вышло настолько ядреным коктейлем, что по сравнению с ним коктейль Молотова покажется гламурной клубной мешаниной вроде «Голубой лагуны».

Позади ухнула дверь подъезда, задребезжала стальная рама проема. И чуть ли не одновременно где-то далеко на улице что-то хлопнуло, как пробка, вылетевшая из бутылки шампанского.

– Ты слышал? – приостановился я.

– Что?

– На улице что-то случилось – то ли взорвалось, то ли…

– Забей, – отмахнулся Деменко.

– Ты что, совсем ничего не слышал?

– Блин, сейчас пациента успокаивать надо будет, а тут ты еще демонстрируешь манию преследования и паранойю.

– Но…

– Да мало ли что! У меня сосед старый американский мотоцикл восстанавливает – так тот даже с глушаком бахает порой, точно «бэтээр-три» из тридцатимиллиметровой над ухом.

– А тебе-то откуда знать, как БТР стреляет? – удивился я.

Вадим ответил через три ступеньки:

– Фильм видел.

Так мы и поднялись на первый этаж в молчании.

– В общем, разной веселости были у меня пациенты, – бодро, будто и не было странной паузы, продолжил Вадим. – Есть такой странный фокус нашей физиологии – в стрессовой ситуации организм может показывать просто олимпийские рекорды в ловкости, выносливости и силе. А психическое расстройство в активной фазе воспринимается бренным телом именно как стрессовая ситуация. Помнится, одна мадам запросто раскидала двух санитаров и отбила

моему коллеге мужские причиндалы – а всего-то в ней было росточка метр шестьдесят, да веса килограммов сорок пять. Она вдруг осознала, что осталась единственной женщиной на планете, а все остальные бабы – роботы резиновые. И все мужчины хотят ею обладать, дабы род свой продолжить. Хе-хе… И вот, когда заявилась бригада забирать единственную и неповторимую, мирный главный бухгалтер Евгения Петровна дала такого джазу – еле скрутили. И это обычная женщина, без подготовки.

– А тот пациент, к кому мы в гости идем?

– О-о-о! Верный вопрос, Корнилов. Но все по порядку.

Мы неспешно поднимались на второй этаж. Лестницы оказались очень длинными, да и высота этажей внушала – похоже, что по расстоянию от пола до потолка эти квартиры вполне могут посоревноваться с «екатерининками». Люблю, когда метра три с половиной до бетонной плиты – легче и свободнее чувствуешь себя в таких помещениях.

– Первыми оказались на месте менты. Наряд патрульно-постовой службы прибыл по вызову соседей. Жаловались, что мой пациент по стенам стучит, в окно орет «Вася прикрой! Обходят, суки», мебель опрокидывает с завидным постоянством. Да и жена его причитает в голос – хорошо хоть слышно ее, жива еще. Доблестная полиция проникла на поле боя и затерялась в апартаментах буяна минут на десять. К слову, сам хозяин и пустил, пригласил выпить да поговорить. Вначале все было тихо и благостно, но потом соседи услышали рев: «Что? Личное оружие? Ты, сука тыловая…» Следом донесся звук битого стекла – и через окно кухни с высоты второго этажа наряд по одному покинул негостеприимную квартиру. Физическое состояние полицейских ничуть не ухудшилось, а вот моральное… да, оно упало ниже плинтуса. И потому они вызвали на подмогу ОМОН – видать, осерчали от такого полета немного. Омоновцы не стали ждать приглашения, вышибли дверь и толпой завалились в квартиру. Есть подозрение, что они слишком уж разогнались, потому что практически без паузы посыпались в окно – как вбежали во входную дверь, так и вылетели в том же порядке. Вслед за ними высунулся по пояс хозяин квартиры и крикнул: «Кто ж вас драться учил, чмыри?» Видимо, омоновцы обиделись и, посовещавшись, попросили подкрепления в виде спецов, которые участвуют в захвате ну очень уж злобных

нарушителей. В лице четверых суровых мужиков спецбригада через полчаса проникла через выбитые в ходе предыдущего штурма двери.

Вадим остановился на площадке второго этажа, достал сигарету:

– Постоим, Ваня. Разговор сейчас тяжелый будет. Дай хоть покурю. Заодно расскажу сию забавную историю до конца.

– Давай, ты меня заинтриговал.

– Так вот… Спецбригада влетела в квартиру быстро. Но еще быстрее вылетела обратно.

– Тоже через окно? – усмехнулся я.

– Не поверишь, через дверь. Мужики с вытаращенными глазами сбежали по лестнице. Нашли того лейтенанта-омоновца, который их вызвал, и дали по зубам.

– О! Неожиданно!

– Ага. По рассказам соседей, глаза как плошки были и у ментов, и у омоновцев. А потом командир спецбригады что-то коротко объяснил, они откозыряли и быстро уехали, заодно утянули с собой летеху, пребывающего в легкой контузии и тяжелом офигении. Спецы вызвали нас. Вошли мы на поле битвы вместе с ними. И пока они отвлекали хозяина квартиры пинками и блоками, мы с санитарами успели навалиться на него и скрутить.

Деменко глубоко затянулся и добродушно заметил:

– Все вязки на него ушли. Супергерой. Еще и дергался так, что спецназовцы отлетали от него, как шарики надувные. Такого живчика и не кольнешь чем-нибудь успокаивающим, и не спеленаешь, как младенца. Тут я решил применить нестандартный подход…

Вадим замолчал. Докурил в два затяга сигарету и щелчком отправил ее на нижний лестничный пролет.

– И? Что за подход?

– Слово, друг. Человеческое слово. Нашлись у нас общие переживания, да и знакомые общие оказались. А там уже и навели мы мостик понимания.

– И все?

– И все, – кивнул он, нажимая звонок. – Ничего тайного и волшебного. Порой у Николая случаются обострения – тогда его жена звонит мне. Доброе слово лечит намного лучше нейролептиков… А заодно помогает убедить пациента снова начать прием лекарств.

– Ты не сказал, кто он.

– Разве? – рассеянно ответил Вадим, щелкая кнопкой звонка. – Я думал, ты догадался по действиям спецназовцев. Мой пациент – сейчас я с удовольствием вас познакомлю – работает ныне инструктором-рукопашником для сотрудников МВД. Широчайшей души и бесценного военного опыта человек.

За дверью послышались быстрые шаги.

– Вадим, а знакомые-то у вас общие откуда?

Деменко бросил косой взгляд:

– Думаешь, он один такой у меня? Война калечит в первую очередь душу. А тело – уж кому как повезет.

Дверь открыла миниатюрная светлая женщина с усталыми, но я бы не сказал, что такими уж испуганными глазами. Поправила прическу и нервно улыбнулась Вадиму.

– Привет, Мариш, – он поцеловал ее в щеку. – Знакомься, это мой друг Иван.

Женщина уставилась на мой яркий фингал. Я внутренне поморщился – блин, сейчас еще небось вопросы последуют. А Вадим ухмыльнулся:

– Не обращай внимания на его чуть потрепанный вид. Работаем вместе – пациенты порой удивляют. Как там Коля?

– Опять думает, что их окружили «духи» в Грозном на Минутке, – устало ответила Марина.

– Лекарства принимает?

– Да в том-то и дело, – женщина всплеснула руками. – Однополчанин умер, инфаркт. Поехал поминать с военными друзьями. А вернулся не совсем в себе. Думаю, бросил пить лекарства то ли с горя, то ли с глупости. Со мной почти не разговаривал два дня – я сегодня только поняла, что снова началось.

– Все будет хорошо, Маришка, – успокоил ее Вадим. – Угости пока Ивана чаем. Вань, обязательно попробуй кизиловое варенье – только Марина умеет так его готовить. Я пока с Колей поговорю.

– Тебе помощь точно не нужна? – поинтересовался я.

Деменко подмигнул мне:

– Помнишь, что я тебе рассказывал? С Коляном мы и вдесятером не справимся – да и, судя по всему, обострение еще не встало в полный рост, а то наш герой и соседям бы дал пороха нюхнуть. Просто подождите меня с полчасика.

Он уверенно направился в спальню, откуда доносился мат и что-то похожее на рычание разозленного медведя. Дверь хлопнула, отсекая от нас Вадима и пока еще незнакомого мне Николая.

Видимо, почувствовав мое беспокойство, Марина тихонько сказала:

– Иван, не беспокойтесь. Коля хороший, он Вадима ни за что не тронет. Просто… больно ему. Память хорошая – вспомнить есть что, забыть не получается.

Я выдавил профессиональную улыбку – плюс сорок к харизме, плюс двадцать к обаянию, плюс пятнадцать к лидерству – и так же тихо спросил:

– Марина, можно руки помою – я только с работы?

– Конечно, конечно. Ванная вон там, выключатель за дверью слева. Берите любое полотенце. А я пока чай поставлю.

– Спасибо, – кивнул я, включил свет и зашел в ванную. Уставился на отражение в зеркале – мрачная, уже чуть небритая морда. Сейчас надо подготовиться, найти в себе силы и пойти пить чай с этой уставшей, потерянной женщиной.

Сволочь ты, Деменко, мог бы сразу сказать, зачем меня берешь с собой. Нет, не помощник тебе нужен, чтобы буйного психа скрутить, а жилетка, в которую поплачет милая, молодая, но уже измочаленная жизнью Марина. А ведь знал, что я это не люблю. Мне легко копаться в окровавленных внутренностях, а вот в психике не получается.

Отвлекая от непрошеных мыслей, зажужжал виброй мобильник – эсэмэска пришла. Очередная реклама или еще одно надоедливое напоминание оператора. Доставать телефон не стал – не до того. Я поплескал воду в лицо, усиленно потер глаза – до красных кругов и вспышек.

Прошло уже минут пять, как я в ванной кручусь. Пора выходить – а то хозяйка вообще подумает, что я непонятно чем здесь занимаюсь.

– Все просто. Сомнения загоняешь поглубже между ушами – и делаешь дело, – сказал бы отец.

Врач я или нет?

Если Вадиму нужна помощь коллеги и друга – я помогу. И наплевать, что… На все наплевать. Даже если смысла ни в чем уже нет. Вот же сволочь отец Иоанн – умудрился так качественно посеять сомнения. Эх, священник, твое дело – успокаивать людей, а не

страшилками пугать, как высококлассные итальянские капеллини. И не проверишь никак. Мучайся один, чтобы других в психушку не отправить.

Опять раздался отдаленный хлопок. На этот раз настолько гулкий, что я его услышал даже в ванной. Я наскоро вытер руки и выбежал на кухню. Меня встретила встревоженная Марина:

– Вы слышали?

Я кивнул и подошел к окну – за стеклом тени от деревьев бледно чертили на асфальте сложный узор. Низкие облака серебристо-серым пологом простирались от края до края неба. Такая вот странная погода – то ли дождь начнется, то ли развеются тонкие тучи через час-полтора. Только в зените цвет облаков сменялся рыже-коричневыми отблесками. Наверное, пожар на молокозаводе разошелся не на шутку.

– Мне показалось, что я слышал еще один хлопок, когда мы входили в подъезд. Но Вадим, посмеялся, сказал, что мне уже чудится.

– Нет, – покачала головой Марина, раскладывая варенье по маленьким стеклянным блюдечкам и подливая мне в чашку заварку. – Я тоже слышала, но еле-еле. А потом минут через десять, когда дверь открывала, еще один. Решила, что это на молокозаводе что-то хлопнуло – там горит целые сутки. Я уже беспокоиться начинаю – мы совсем близко от комбината.

– А вот и мы, – донеслось из коридора. Вадим, поддерживая под руку мощного, коренастого мужчину, зашел на кухню. – Николай, знакомься, мой друг и коллега Иван. Иван – это Николай, я тебе рассказывал о его подвигах.

– Да ладно уж, – хозяин вяло отмахнулся.

Я присмотрелся – похоже, Деменко успел его кольнуть чем-то быстродействующим. Снял агрессию, но зато затормозил мужика знатно.

– Хорошая история, – улыбнулся я. – У Вадима редко когда такие яркие личности бывают. Обычно все банальнее.

Коля неопределенно хмыкнул. Похоже, его не интересовало, что думают окружающие о его странностях. Я с любопытством разглядывал хозяина квартиры, насколько позволяли приличия. Вадим прав, это не самый худший экземпляр хомо сапиенс. Смуглый, но при этом с удивительно светлыми серыми глазами. Высокий лоб, по которому уже пролегли глубокие морщины. Причем не те, что

появляются от характера ворчливого и хмурого. А скорее, такие, что возникают от ветра, бьющего в лицо, да от изучения не самых гостеприимных просторов через бинокль или прицел. Один мой знакомый говаривал, что по морщинам можно понять о человеке все. Темные волосы Николая – еще густые, даже без намеков на залысины – украсила серебристая патина седины на висках и затылке. Жесткие черты лица вызывали ассоциации скорее с римскими легионерами, чем с добродушными русскими Иванами. Даже под действием лекарства взгляд его оставался цепким и холодным. Видно было, что он не из самых нижних чинов. Но уточнять я не стал. Если человек участвовал в чеченской бойне, не стоит бередить ему раны. Ребята не виноваты в том, что кремлевские маразматики во главе с Ельциным бросили их на защиту личных нефтяных и наркоторговых интересов.

Николай грузно уселся за стол, подпер подбородок рукой и слабо улыбнулся жене:

– Все нормально, Маришка. Все будет хорошо, милая.

Неожиданно женщина расплакалась:

– Вадим, спасибо вам. Что бы мы без вас делали?

Я чуть ли не впервые увидел, как Деменко смутился:

– Да ладно вам… Ничего особенного я не сделал.

– Прекрати, брат. – Николай протянул руку и потрепал по плечу психиатра. – Иногда нужен человек, настоящий человек, который видел все это дерьмо. И который может просто выслушать. Так что не отбивайся, Вадим, без тебя и вправду дерьмово было бы.

Я удивленно глянул на Деменко. Каким это образом обычный психиатр мог видеть то же, что и кадровый военный?

Мои размышления прервал телефонный звонок.

– Ив, ты там живой еще? – срывающимся голосом спросила жена.

– Э-э-э, Маш, ты чего? С каких щей мне помирать? – обалдело спросил я.

– Ты что… телефон вообще не проверяешь? Эсэмэски мои не видел? На молокозаводе кирдык. Взорвались емкости с хлором. От пожара.

– Ты чего такая запыханная?

– Бегу, балда. Забыл, что такое хлор?

– Да утка, наверное, – возразил я. – Уже бы сирены вовсю вопили. При такой аварии должно быть оповещение по всему городу.

И тут взвыли сирены. Надрывно, пробирая до костей. Это было настолько непривычно, что на мгновение возникло ощущение дурацкого сна. Отвыкли мы от сирен – нашему поколению их редко доводилось слышать, и слава богу. Коротко зарявкали гудки с окраин города – в симфонию ЧП включились заводы с мощными системами оповещения.

– Маруська, – внезапно севшим голосом сказал я. – Похоже, не утка.

Мне не нужно было объяснять, что это значит. Если жахнули цистерны с хлором – это песец, седой и жирный. Пожарных, уверен, накрыло всех, как и эмчээсников. Вряд ли кто пикнуть успел. На таких предприятиях, как молокозавод, хлора очень много – выброс будет летальным для всех, кто попадет в зону первичного распространения.

– Бежишь к высоткам?

– Да… – Голос Маши прервался. – Морг накроет стопроцентно. Больницу твою тоже. Сматывайся! Ив, прости, если что…

– Молчи, дурочка, – хрипло ответил я, – я за тобой. Жди, – и сбросил звонок.

Николай с женой и Вадим уже убежали в соседнюю комнату и врубили телевизор. Сквозь вой сирен и гудки за окном донеслась скороговорка местного канала:

– Внимание! Говорит штаб гражданской обороны города. Граждане! Произошла авария на молокозаводе с выбросом хлора – сильнодействующего ядовитого вещества. Облако распространяется в северо-восточном направлении. В зону химического заражения попадают…

– Вадим, – крикнул я. – Поехали!

Деменко выскочил из комнаты с каменным лицом.

– Куда?

– За Машкой. Морг накрывает – там этажей мало, ей не спрятаться. И частный сектор вокруг.

Вадим кивнул и бросился открывать дверь – он был здесь не первый раз, знал, как справляться с замками.

Хозяева не успели выйти нас проводить – мы уже неслись по лестнице. На первом этаже из двух открытых дверей квартир доносились слова диктора:

– Населению из помещений не выходить. Закрыть окна, двери, произвести герметизацию квартир. В подвалах, первых этажах не укрываться – хлор затекает во все низменные места. Населению, проживающему в Ленинском районе, немедленно подняться на этажи не ниже шестого. Обязательно наденьте ватно-марлевые повязки, предварительно смочив их двухпроцентным раствором питьевой соды. Сообщите о выбросе соседям. Слушайте наши сообщения.

И после паузы:

– Внимание! Говорит штаб гражданской обороны города…

Когда мы выбежали из подъезда, на улице уже творилось черт знает что. Прямо перед нами дорогу перегородили две машины – от удара их развернуло к тротуару, на асфальте в свете тусклого, закрытого облачной пеленой солнца искрилось битое стекло фар. Мимо нескончаемым потоком бежали люди – кое-кто даже босиком, набросив на себя покрывало вместо одежды.

– В машину, – скомандовал я, прикидывая, как выезжать через толпу.

Только усевшись за руль, я понял, что телефон надрывается всю последнюю минуту.

– Да!

– Ив, ты чего звонок сбросил?

– Я за тобой еду. Мы с Вадимом уже в машине.

– Не вздумай. – Маша закашлялась

– Машка, что такое, уже надышалась?

– Не знаю, пока вроде нет. Просто бегу быстро.

– Жди. Скоро будем.

– Не смей, придурок! Народу куча, пробки. Застрянете.

– Плевать. Я тебя оттуда заберу.

– Муж, не майся дурью, – дышала жена быстро и громко. – Для того чтобы умереть в один день, нужно сперва пожить долго и счастливо. А с этим у нас как-то не сложилось.

– Нашла время юморить! Не брыкайся, мы выберемся.

Порой непробиваемое Машкино спокойствие бесит до крайности. Не зря Вадим тогда не поверил, что с ней может приключиться истерика. Я бы и сам не поверил… если бы не увидел.

– Маша, я все равно должен что-то сделать.

– Твою мать, Ив, я что, замужем за идиотом??! Все, что ты сможешь сделать, – это доблестно сдохнуть, когда облако накроет машину! Забирайтесь повыше и дышите пореже.

– А ты?

– А я сваливаю. Как на ГО учили – перпендикулярно направлению ветра. Может, успею. В общем, пока… если успею добраться до многоэтажки, отзвонюсь.

– Маш…

– Или не отзвонюсь. Муж, давай, не отвлекай меня… Чесать языком на бегу трудновато. Надеюсь, так просто ты от меня не избавишься. Все. Позвоню.

Короткие гудки зазвенели в трубке. Я с минуту тупил, уставившись в боковое зеркало и наблюдая перепуганную бегущую толпу, потом вытащил ключи из замка зажигания и сказал Вадиму:

– Деменко, возвращаемся. Сейчас каждый сам по себе.

Заблокировал двери машины и рысью припустил обратно к дому. Вадим поспешно следовал за мной. На звонок в домофон Марина откликнулась почти сразу – как будто ждала. Когда мы поднялись на второй этаж, Николай уже деловито стучал кулаком к соседям и с легкими матами объяснял, почему им надо открыть дверь, а заодно валить на верхние этажи.

– Сколько у нас времени? – Риторический вопрос. Откуда психиатру и рукопашнику знать? Тем неожиданнее оказался короткий ответ Николая:

– Десять минут!

Он еще чуть подумал и уточнил:

– Двенадцать-пятнадцать. Возможно.

– О как! – ошалело пробормотал я. – Что делать будем?

Николай основательно лягнул дверь соседей:

– Вылезайте, идиоты! Сдохнете у себя в квартире!

Из-за двери что-то неразборчиво ответили.

– Блин, Вадим, ну хоть ты им скажи. Они меня боятся.

– Я бы тебя тоже боялся, – пробурчал Деменко, подходя к бастиону соседей. – Не мешай, дай профессиональному переговорщику поработать. Иди, помоги Марише. Что брать, сам знаешь. Сода есть?

– Найду, – коротко ответил Коля и спокойно, но при этом быстро скрылся в квартире.

Я не стал дожидаться Вадимовых успехов по убеждению и набрал больницу. Гудки, гудки, гудки. Трубку никто так и не поднял. Скорее всего, там сейчас такая неразбериха, что совсем не до трезвонящего телефона. Остается надеяться, что отделение вовремя оповестили. Больница находится слишком близко к центру аварии, у персонала нет возможности медлить. Но как они решат проблему с реанимацией и травматологией? Некоторых пациентов без сопутствующих приборов транспортировать не получится.

Попробовал набрать Машку – после второго гудка сбросила.

Хорошо. Значит, занята. Но жива.

Вызвал шефа, но на десятом гудке меня грубо стукнул по руке Вадим:

– Иван, ты что, рехнулся? Приходи в себя. Потом по телефону потреплешься!

– Я шефу звонил.

Вадим мрачно на меня глянул:

– А ты сам прикинь. Он живет в квартале от молокозавода. Забыл, что ли?

– Бл…! – только и смог сказать я.

– Да. Если успел забраться высоко, то…

– Вадим, у него квартира в пятиэтажке.

– Значит, шансов нет. Их накрыло в первые пять минут. Пошли помогать Марине с Колей. Забудь про всех – время думать только о себе.

В воздухе уже еле-еле ощутимо пахло хлоркой.

– Вадим, ты чувствуешь? – я повел рукой.

– Уже с полминуты, идиот, – зло ответил Деменко. – Пока ты, как блондинка-истеричка, на телефоне висел. Насколько я помню, концентрация, при которой чувствуешь запах, всего лишь в два раза ниже порога, когда хлор начинает воздействовать на слизистую. У нас минут пять, не более.

На площадку вышли Николай с Мариной. Выглядел инструктор живописно – через плечо сумка с ноутом, в руках небольшой рюкзак и гитара. У Марины за спиной тоже висел маленький оранжевый рюкзачок.

– Гитара-то тебе зачем? – оторопел Вадим.

– Она со мной везде прошла. Не брошу же я ее сейчас. Тем более хлор злобно обходится с музыкальными инструментами.

– С людьми еще хуже, – мрачно пошутил Вадим. – Все взяли? Рыжего?

Марина вместо ответа встряхнула свой рюкзачок, откуда донеслось возмущенное мявканье.

– Хорошо, – кивнул психиатр и первым рванул по лестнице, уже через плечо спросив: – Знакомые есть на верхних этажах?

– Даже лучше, – ответила Марина. – У меня сестра живет с мужем на пятнадцатом.

– Отлично. Тогда идем в гости.

Толкотня началась только на пятом. Шумно ухал лифт, хлопая дверями где-то на пару этажей выше. Какие-то идиоты решили устроить себе личную газовую камеру в шахте. Помню, Машка много рассказывала про любителей кататься при пожаре в инженерном детище Отиса. Привычки городских жителей настолько шаблонны, что пожарным частенько приходится вытаскивать свежезапеченные тушки из кабины. Всегда находятся несколько уникумов, которые считают, что с помощью лифта спасаться комфортнее. Неожиданное отключение электроэнергии или возгорание на техническом этаже обычно отрезвляют их быстро. Жаль, ненадолго.

Как мне показалось, запах еще немного усилился. Хотя, возможно, всего лишь воображение заиграло.

На седьмом этаже образовалась пробка. Грузная тетка уселась посреди пролета и страдальчески хваталась за левую сторону груди, не забывая тихонько подвывать. Перед ней возник вполне приличный затор из пары десятков людей – сама тетка и ее вместительная поклажа создали непреодолимую баррикаду. Когда какой-то мужик попытался пролезть мимо по перилам, она с неожиданной ловкостью ударила его сумкой по ногам, а потом цепко ухватила за штанину. Рядом со страдалицей торчала худощавая подруга с лошадиной физиономией и длинными осветленными патлами. Приятельница пронзительно верещала:

– Вы звери, а не люди. Гиены! Человеку плохо, а вы даже помочь не хотите!

– Сейчас, – буркнул Николай и бочком протиснулся к тетке. Ухватил самый большой мешок с добром и закинул на плечо.

– Стой, – притормозил его Вадим. – Иван, глянь-ка!

– Угу. – Мне тоже показалось кое-что странным. В первую очередь вполне здоровый цвет лица этой мадам. Сердечники выглядят похуже, особенно во время приступа. То, как она резво сцапала мужика, заставляло задуматься. Приступ стенокардии или начало инфаркта миокарда не дают возможности пациентам хватать что-то хоть левой рукой, хоть правой, да притом еще и в полную силу.

Я попробовал поймать левую руку страдалицы. Но она ее шустро убрала и завыла еще сильнее. Тогда я ухватил в болезненный зажим правую руку, которую она и прижимала к груди. От боли и такой наглости женщина даже перестала стонать. Умолкла секунд на десять-пятнадцать. Как раз достаточно, чтобы я сделал выводы.

– Николай, – я повернулся к инструктору, – освободите пролет. Эта женщина – симулянт.

– А заодно истеричка, – добавил Вадим, споро расчищая лестницу.

Первые две сумки полетели назад почти синхронно. Николай мощным броском отправил мешок на нижний пролет и ухватил Баррикадину Истериковну за руки. Громко выдохнув, он резко потянул ее на себя. Женщина не ожидала, что с ней никто не будет миндальничать, и заорала уже совсем другим голосом. Чуть не потеряв равновесие, она все же удержалась на ногах и на полной скорости влетела в толпу на площадке.

Люди, шумно переговариваясь, бросились вверх. Кто-то даже показал Николаю большой палец.

Псевдобольная уже не стонала. Она с ненавистью смотрела на Марину. Странно, ей бы на меня психовать или на Николая. Но, видимо, и другие причины были, бабские, чтобы одаривать флюидами именно жену инструктора.

До пятнадцатого этажа мы добрались уже без приключений. С каждым пролетом народу прибавлялось. Поклажи, на удивление, несли немного – хомячеством, кроме той тетки, никто не страдал. Лифт тяжело вздохнул и остался наверху – больше желающих покататься на нем не было. Мне даже стало легче на душе. Если бы кто-то там

застрял, пришлось бы извлекать – а в условиях быстро приближающегося хлорного облака это еще тот героический идиотизм.

Люди уже начали покашливать. Кое-кого вели под руку, так как от сухого раздирающего кашля сворачивало в три погибели. Одному астматику стало плохо – его понесли двое мужчин.

Когда поднимались с четырнадцатого этажа, какой-то камикадзе бодро прошуршал мимо нас на лифте навстречу облаку.

– Бывают же идиоты, – пропыхтел Вадим.

Я согласно кивнул, не отвечая. Разговаривать не хотелось – и так при глубоком вдохе начинало неприятно щекотать трахею.

Двери квартир на пятнадцатом этаже были открыты. Хозяева впускали всех, распределяя прибывших и помогая им с вещами. Я даже удивился – не ожидал от рядовых обывателей таких организаторских способностей. Наша компания остановилась на площадке, пропуская других беженцев. Мимо угрюмо протопала баба с мнимым сердечным приступом. На буксире она волокла всю поклажу, а заодно кашляющую лошадинолицую подружку. Колоритная парочка протиснулась в дверь рядом с лифтом.

– Твою ж мать, – процедила Марина. – Придется с этими курвами сидеть.

– Это квартира твоей сестры? – поинтересовался Вадим.

– Ага. Надеялась, что будут мирные семейные посиделки… с хлорным облаком под боком.

– Ладно уж… – пробурчал Николай. – Пошли.

Мы зашли одни из последних. В комнатах негромко переговаривались жители подъезда, рассевшись на полу. Мебели на всех не хватило. Да и самого пространства не особо хватало – все же двухкомнатная квартира не рассчитана на такую толпу.

Навстречу выбежала хозяйка – в отличие от жены Николая волосы у нее были выкрашены в ярко-рыжий цвет, да косметики на лице побольше. А так очень похожа.

– Маринка, как хорошо, что вы пришли. А то я уже волновалась. Все нормально? От кашля что-то нужно?

– Ариша, не мельтеши, – осадила ее Марина. – Говори, где нам разместиться и чем тебе помочь.

Вадим иронично мне подмигнул. Я кивнул, тоже оценив фантазию родителей девушек. Арина-Марина. Надо же было так пошутить.

– Ой, да ничем. Простыни уже все изорвала – вот, держите повязки. Смочила в содовом растворе, как сказали.

Она сунула Николаю в руку комок влажных белых тряпок, порывисто обняла сестру, чмокнула в щеку:

– Я вся на нервах, боялась за вас. Где Игорь, на площадке болтается?

– Стоп… – Марина нахмурилась. – Откуда нам знать, где Игорь?

– Как… – Арина мигом сбавила обороты и как-то обмякла. – Он же за вами только что побежал. Вы не шли… долго… И вот.

Арина резко изменилась в лице. Ухватилась рукой за гардеробный шкаф.

Вадим взял ее за плечи, тряхнул:

– А ну, приди в себя, женщина! Когда он за нами пошел? Сколько минут назад?

– Да вот… только… минуты три или меньше…

– Это он на лифте поехал?

– Да-а-а, – у Арины из уголков глаз потоком рванули слезы.

Вадим развернулся к испуганной Маринке:

– Займись сестрой!

– Я его сейчас притащу, – Николай сделал шаг к двери.

– Стой, дурак, – Вадим ухватил его за руку. – После того, что я вколол, герой из тебя херовый выйдет. Функции дыхательной системы угнетены – тебе только хлором сейчас дышать, – и глянул на меня. – Ив?

– Подожди. Повязок мало! – Я задумался. – Арина, у вас есть что-нибудь глаза прикрыть? Лыжные маски хотя бы?

– Есть для ныряния, – непонимающие ответила хозяйка квартиры, уставившись на нас с Вадимом огромными испуганными глазищами. Красивая девушка, намного красивее сестры.

– Несите!

– Ага, молодец, – одобрил Деменко.

Через минуту маски уже были на наших лицах. Резиновая окантовка плотно прилегала к коже – можно надеяться, что не пообжигаем слизистую глаз.

– Пойдем, – я взял две влажные повязки и приложил обе к лицу.

– Мужики, – глухо сказал Николай. – Спасибо.

В молчании мы с Вадимом вышли на площадку. За нами хлопнула дверь – остальные двери на этаже давно уже закрыли. Народ вполне разумно максимально герметизировал помещения – фиг его знает, насколько сильна концентрация облака и как высоко оно поднимется на самом пике прохождения волны.

– Герои? – невнятно спросил Вадим через повязку.

– Идиоты, – буркнул я.

– Идиоты, – согласился психиатр.

И мы потрусили вниз по ступенькам.

На одном из лестничных переходов, этаже на десятом-одиннадцатом, я выглянул на улицу. По тротуару все еще продолжали бежать люди, много людей. Между ними неторопливо и величественно ползли блеклые плети тумана. Прямо на моих глазах упала девушка в светлой короткой юбке и задергалась на асфальте, хватаясь то за грудь, то за шершавый камень мостовой.

Не выдержав этого зрелища, я отпрянул от оконного проема. И молча зашагал вниз. Глаза слегка пощипывало – успели словить чуть-чуть хлора, пока поднимались. Но, похоже, маски все же защищали.

– Что там? – спросил Вадим, на мгновение отняв повязку от лица.

– Люди. И туман. Желто-зеленый.

– Дерьмо!

Даже моих скудных познаний хватало, чтобы понять, зеленоватый туман – это предвестник основной массы облака, размеры которого до сих пор оставались неизвестной величиной.

На шестом этаже нас ждал сюрприз. Трое личностей невнятной национальности в крупных респираторах с шишками фильтров деловито выносили на площадку электронику из квартир. Заметив нас, они организованно преградили путь. Молчание затянулось секунд на двадцать. Я с удивлением опознал на боку у мародеров защитного цвета сумки, что мы с Машей видели у «гампов».

– Мужики, возвращайтесь обратно, – прохрипел через респиратор низенький черноволосый крепыш, сощурив и без того узкие глазки за стеклами защитных очков.

Вадим мрачно поинтересовался:

– Что это вы тут делаете?

Тот же коренастый мужичок неприятно хохотнул и пробубнил:

– Мы к соседям в гости зашли. Вели они себя нагло – вот пусть и поделятся имуществом, как говорится, компенсируют моральный ущерб.

Я дернул Деменко за руку – не наше это дело, мародеров разгонять – и спустился на три ступеньки ниже лестничной площадки:

– Нам все равно, чем вы тут заняты, нам пройти надо.

– Ты чо, совсем тупой, гяур? – высунулся вперед худощавый смуглый парень. На лбу у него ярко выделялся рваный шрам, а в ухе посверкивала тяжелая серьга желтого металла.

– Я же сказал, – повысил я голос. – Нам пройти нужно. Там внизу человек может умереть.

– А нам пох, – ответил все тот же худощавый. – Вали, откуда пришел, хак.

В руках у него звонко щелкнул длинный складник.

– Вон оно как? – глухо протянул Вадим, затем убрал повязку и очень четко с каким-то горловым акцентом произнес: – Ха д'ъе т'ен.

– Сука, кончу, – прохрипел худощавый и бросился вперед.

Время потекло медленно-медленно. Вот Вадим проскальзывает мимо меня навстречу парню с ножом. Тот замахивается – широко и не очень умело. Нога Вадима впечатывается точно ему в респиратор – даже сквозь ткань и пластик слышно, как хрустнули хрящи носа. Мародер забулькал и улетел в объятия коллег.

– Молитесь, – сказал молчавший до этого светловолосый парень с очень короткой стрижкой. В руках у него заиграла бабочка-балисонг. Судя по движениям, этот как раз умел работать с холодным оружием в отличие от поверженного орла. Достал длинный нож и темноволосый коротышка.

И вот тогда я вытащил козырь.

Судя по презрительному взгляду светловолосого, он принял пистолет за травматический. Зря. Парень даже выпятил грудь, мол, стреляй-стреляй, все равно фиг что сделаешь. Был бы у меня травмат, снаряженный «сертификатом», и вправду получился бы максимум небольшой синяк.

Я спокойно прицелился в туловище, чтобы уж точно не промахнуться, и нажал на спусковой крючок – с террористами и мародерами в принципе разговаривать нечего. К человеческой расе они не относятся. Кровь хлестанула на стену за спиной бандита. Навылет.

Светловолосый от неожиданности попытался опереться на стену, забулькал горлом и рухнул.

Подельники оторопело уставились на товарища, лежащего без движения, – из-под него лениво растекалась темная лужа.

– Правильно, – отметил Вадим. – А теперь пойдем проводим их, как радушные хозяева.

– Куда? – не понял я.

– На улицу. Мародеры большего не заслуживают.

– Но…

– Не тупи, Корнилов. Сказал «а», говори «б». Если б не твоя бабахалка, они бы выпустили нам кишки и продолжили обчищать квартиры.

– Стоять! – рявкнул я и выстрелил над головой очухавшегося парня со шрамом. Тот попробовал удрать в открытую дверь квартиры. Неожиданно у меня сильно запершило в горле…

Успел без маски хапнуть воздуха с хлором. Хорошо, что хоть этаж шестой, да и основное облако еще не явилось к нам во всей красе. Мародеры с надеждой уставились на меня, думая, что приступ кашля заставит меня или отвернуться, или просто отвести от них ствол. Но я, прекрасно это понимая, выдержал. Зажал нижнюю часть лица влажной тряпкой, чуть продышался. И сквозь повязку сказал:

– Ты прав, Вадим. Командуй!

– Ну, любители овец, на выход, – с каким-то странным, нездоровым весельем Деменко помахал ладонью мародерам. – Руки за спину. За спину, я сказал, урки! Кто рыпнется, получит свинцовую пилюлю в голову.

Я, чтобы поддержать слова Вадима, пальнул под ноги ворам. Пуля звонко отрикошетила в стену. Дурное дело – стрелять в замкнутом помещении, но нужный эффект получился. Бандиты, зло оглядывая нас, сцепили руки. Деменко по пути снял респиратор и защитные очки с мертвого преступника. Предложил мне – я отмахнулся, не отрывая взгляд от мародеров. Вадим пожал плечами и напялил респиратор на себя.

Такой вот занятной колонной мы спускались по лестнице. С каждым пролетом все труднее и труднее дышалось, даже через ткань. Мародеры чувствовали себя не в пример лучше, и потому я даже начал

беспокоиться, как бы не поплатиться за самонадеянность. Но вот уже и первый этаж.

– Остановка! – весело сообщил Вадим. – А теперь, парни, сообщаю план действий. Вы снимаете маски, отдаете нам, задерживаете дыхание и выметаетесь вон. У вас будет пять минут, чтобы добежать до следующего подъезда и забраться повыше. Все ясно?

– Ты что, гад, кончить нас решил? – хрипло спросил коренастый.

– Нет, отпустить на все четыре стороны. Останетесь тут, получите пулю. Хватит трепаться, – скомандовал Вадим. – Кругом.

Мародеры нехотя подчинились.

– Маски снять!

– С-с-сука.

– Маски. Или пуля. Выбирайте.

Главный первым швырнул маску на пол, зло вцепившись взглядом в Деменко. Я плавно навел пистолет на бандита. Следом за главарем респиратор бросил парень со шрамом на лбу. Просипел:

– Мы вас найдем потом, суки, – и зашелся в сильном приступе кашля.

– Вперед, – тихо, но очень внятно сказал Вадим. Я взвел курок. Холодный металлический щелчок поставил точку в споре.

Главарь не стал тратить воздух и побежал к входной двери. Пикнула кнопка замка. Мародер с разбитым лицом бросился следом.

Вадим протянул мне респиратор главаря. Я быстро надел защитный намордник и попробовал продышаться. Видимо, хлора уже многовато в воздухе, раз так горлу неприятно. Затем засунул пистолет за пояс, отбросил плавательную маску и аккуратно натянул защитные очки, доставшиеся в наследство от мародеров.

Мы с Вадимом изо всех сил рванули вверх по лестнице. Даже в более надежных, чем обычные тряпки, респираторах дышалось не так уж и легко. Я не удержался и на одном лестничном пролете выглянул во двор через окно.

Туман стелился по улице. На асфальте лежали тела – то ли без сознания, то ли мертвы. Отек легких при поражении хлором наступает очень быстро – без реанимации не спастись. Никто уже не бежал по тротуарам. В округе как будто пропали все звуки. Только где-то вдалеке взвывали системы оповещения заводов.

– Так лучше, – глухо сказал Деменко и, поймав мой взгляд, объяснил: – Я про этих уродов.

Я недоверчиво его разглядывал, не ожидал от коллеги такой рациональной жестокости:

– У них есть шанс?

– Нет. И поделом. Пошли искать Игоря.

Мы продолжили бег по ступенькам, споро осматривая лестничные пролеты. Подергали дверь квартиры Николая – хозяин надежно запер все замки. Как оказалось, вполне здраво. Кто ж мог подумать, что даже в такой беде найдутся те, кто в первую очередь будет думать о поживе, а не о спасении. Как поется в одной старой песне: «Oh, baby, it’s a wild world»[40]. Хорошо, хоть на трех падальщиков стало меньше. Мимоходом удивился, как легко я принял решение Вадима и как сам, не задумываясь, спустил курок. Определенно, мы меняемся в новых условиях. Причем так быстро, что даже не успеваем заметить изменения.

Игоря мы нашли в коридоре открытой квартиры на пятом этаже. Кто его знает, что он там искал? Нас, что ли? Или просто стало так плохо, что сознание помутилось? Мужчина лежал ничком, широко раскинув руки. Зря мы не заглядывали в открытые двери, когда спускались. Быстрее бы нашли. Хлор – штука коварная. Если человек потерял сознание – уже процентов шестьдесят, что минимальными проблемами со здоровьем не отделается. Я пощупал пульс – частил ударов под сто – сто десять. Значит, Игорь успел основательно надышаться. Мы с Вадимом подхватили его под руки, предварительно напялив защитный респиратор третьего мародера, и потащили наверх. Плохо, что защитная маска напиталась кровью из разбитой морды бандита. Но лучше дышать через слабо работающий респиратор, чем напрямую хлором. Надо быстрее добраться до аптечки – вряд ли там есть атропин и мочегонное в ампулах, но вдруг найдется преднизолон и кодеин.

Даже задумываться не хочется, сколько будет жертв. И среди тех, кого сразу настигло облако. И потом, через несколько часов, еще начнутся отеки легких. Хоть я и хирург, но отлично знал, чем опасен хлор. На военной кафедре токсикологию читали что надо.

Но как бы страстно я ни желал добраться до цели без приключений, безоблачного путешествия не получилось. На

двенадцатом этаже мы с Вадимом услышали женские и мужские крики. Причем крики не панические, а в основном конструктивные, если можно так выразиться. Мужчина орал, что женщина родилась проституткой, и бабушка у нее была такой же, да и мама недалеко ушла. Женщина в долгу не оставалась – перечисляла нравственные, физические и половые недостатки мужчины, упирая на то, что ни одна нормальная жить бы с ним не стала. Сгрузив бесчувственного Игоря на Вадима, я зашел в квартиру.

Судя по звукам скандала, веселая компания обосновалась в большой комнате, не обращая внимания на легкий, но вполне ощутимый запах хлора в воздухе. Я бы не смог так бодро орать – пусть концентрация на этом этаже и не сильно высокая, но все равно пользы мало.

Я кавалерийским наскоком ворвался в комнату и за секунду успел охватить взглядом живописную картину. Широкий диван, багровое постельное белье, темноволосая смуглая женщина, натянувшая на себя одеяло и вовсю матерящая мужчину в темно-синем костюме напротив. Рядом с женщиной, испуганно вжавшись спиной в стенку, расположился худощавый парень, моложе женщины минимум лет на десять. Классическая картина – муж внезапно вернулся из командировки. Точнее, внезапно вернулся с работы из-за хлорного выброса.

Женщина прервала тираду на полуслове, увидела меня – завизжала и швырнула ночник, стоявший рядом на тумбочке.

Увернуться я не успел.

– Ну что, сынок?

В комнате никого не было. Не считать же «кем-то» давно умершего отца. Обычно подсчет идет по живым душам.

Старший Корнилов уселся на краешек дивана, чуть примяв постельное белье цвета венозной крови. Такое ощущение, что краски в комнате сгустились, стали темнее, насыщеннее. Казалось, еще чуть-чуть, и ткань потечет густыми струйками, пятная пол жирными кровавыми кляксами.

– Сынок, что ж ты так, а? За два дня уже второй раз по морде от женщины получаешь. Не находишь ты с ними общего языка.

– Угу, – отозвался я, осматриваясь.

– Надумал что?

– О чем? – прохрипел я. Я четко осознавал, что нахожусь во сне, но горло драло, как в реальности.

– О Маше. Все прочее – мелочь. Поверь.

Я попробовал подняться. С лица посыпались пластиковые осколки защитных очков. Злополучный ночник валялся рядом. Отстегнул «намордник» – в воздухе не чувствовалось хлора, только чуть заметный запах нагретой сосны и сухих осыпавшихся иголок.

– А что это тебя заботит?

– А как иначе? – развел руками отец. – Если сынок сам разобраться не может в таких простых вещах.

– Ясно. Учить меня вздумал?

– Нет, – он улыбнулся. – Просто поговорить захотелось.

– Именно сейчас?

– Да. Держись Машки, Иван. Бабы, если любят, мужика хранят почище святой ладанки. Будешь с любящей женщиной рядом – не пропадешь.

– А если я не люблю?

– Ой ли? Что ж ты на нервах тогда весь?

– Ответственность.

– Ответственность, – эхом отозвался отец. – Мы отвечаем за тех, кто с нами. Ну, хоть этому ты научился, балбес. И то радует. Давай, просыпайся, сынок. Не время разлеживаться. Теперь это город мертвых. Не пополняй их число.

Фигура отца поблекла, сливаясь с тенями. Венозно-красное белье остро и противно завоняло кровью, растекаясь по дивану, по полу, подбираясь уродливой лужей к моим ногам.

– Отец! – крикнул я. – Подожди!

– Держись за Машку, сынок, – донесся голос отца. И затухающим шепотом, тише вздоха:

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Константин Симонов. Я хмыкнул: раньше за отцом подобной сентиментальности не водилось. Или я не замечал. Неожиданно пол, напитавшийся кровью, стал безумно скользким. Я взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но все равно нога поехала в сторону. Не устояв, я чувствительно приложился плечом о холодный бетон.

И очнулся.

Рядом со мной сидели Вадим и Николай – взмыленные, усталые, но довольные. За стеклянными дверями в комнате гомонили испуганные люди.

– Где мы?

– Наверху. У Арины, – пророкотал Николай. – Вадим мне уже рассказал о ваших подвигах. Молодцы. Везде приключения найдете.

– Рассказал? – я вопросительно глянул на Деменко.

– Про мародеров тоже, – кивнул Николай. – Одобряю. На войне мы их ставили к стенке на месте.

– Что с Игорем?

– Пришел в себя, – ответил Вадим. – Продышался. Говорить почти не может. Прогноз, как по мне, неблагоприятный, если в течение суток в больницу не доставим. Преднизолон в аптечке нашелся – в вену ввел, а больше ничего полезного нет.

– Ясно, – я обессиленно развалился на полу. – Как ты меня дотащил?

– Коля спустился за нами. Почувствовал, неладно что-то, слишком уж задержались. Тебе, кстати, повезло – пластик очков защитил глаза, хотя приложили ночником знатно. Что там случилось? Я вообще ничего не понял, когда из дверей вылетел весь этот цирк – полуголая баба, следом мужик в простыне, а за ними двоими гонится с галстуком набекрень какой-то чиновник. И все перепуганные до усрачки. Как меня увидели, баба чуть в обморок не упала. Если бы я их не остановил, они бы так табуном и рванули на улицу.

– Они… здесь? – раздельно спросил я.

– Нет, – мотнул головой психиатр. – Я этих шизоидов к соседям отправил. У меня тут своих психов хватает.

Николай хмыкнул.

Вадим махнул рукой:

– Да я не про тебя. Ты здесь один из самых нормальных. За последние десять минут, пока Иван валялся, уже две женские истерики.

Склонился надо мной:

– А теперь посмотрим, что с тобой, коллега. Голова не кружится, не тошнит, сухости во рту нет?

– Да в норме я, – отмахнулся я, потирая скулу.

– А ну-ка скажи гидразинокарбонилметилбромфенилдигидробенздиазепин?

– Иди в задницу. Гидазепам.

– Теперь вижу, что в норме, – тут Вадим замолчал, внимательно присмотрелся ко мне, а затем начал ржать.

– Ты чего? Закиси азота перенюхал?

– Ты… пойди… в зеркало на себя взгляни… – всхлипывая, ответил Деменко. И сполз по стене от хохота.

Тяжело встав на ноги – немного качало, то ли от внезапно прилетевшего ночника, то ли хлора успел вдохнуть, – я поплелся в ванную. И первое, что увидел в зеркале, – еще один наливающийся мощью и синью фингал, но уже под правым глазом. Н-да. Заведующий отделением. А вид как у привокзального бомжа после передела территории с соседями.

Второй «фонарь» за три дня – и тоже от женщины. Тут уж впору задуматься об особой иронии мироздания. Хорошо хоть третьего глаза нет, а то, блин, надоело получать по морде.

Включать воду не стал – фиг его знает, вдруг хлор уже попал в систему водоснабжения. Я не помнил с лекций ГО, может ли такое случиться, но рисковать не хотелось.

На автомате вытащил телефон и набрал Машу. Сразу же звонок сменился короткими гудками. Еще одна попытка – и женский голос сообщил, что сеть перегружена. Этого стоило ожидать – большая часть города, точнее, те, кто остался в живых и не лежит без сознания, пытаются дозвониться до знакомых, родных, коллег. Всем страшно – а когда человеку страшно, он в первую очередь хочется почувствовать, что не один.

Отбил непослушными пальцами эсэмэску: «Маруська, как ты там?» Сообщение ушло с третьей попытки.

Молчание.

Вадим заглянул ко мне и махнул рукой, мол, пойдем. Уже выходя из ванной, я услышал сигнал полученной СМС: «Жива. Еще. На улице туман».

На ходу я ответил: «Держись, милая».

Следом пришло почти без паузы: «Мне страшно, Ив. Поговори со мной. Пожалуйста».

Я выругался от бессилия: «Машка, не падай духом. Все будет хорошо. Я приеду».

Молчание на три минуты. Я завороженно смотрел на экран телефона, наблюдая, как цифры на часах сменяют друг друга. Нужно было сказать что-то важное. Поддержать. Но как трудно-то, блин, через столько лет. По одной букве, ощущая страшную душевную тяжесть, набрал: «Маша, я тебя люблю». В такой ситуации можно и чуть покривить душой. Сеть отбила эсэмэску – не уверен, не отправляй. Попробовал еще раз. Так же. Настойчиво отправил снова. Выскочило сообщение: «Отказ сети». И палочки сигнала на дисплее пропали.

Теперь связи не было вообще. И Маша осталась совсем одна.

– Твою ж мать! – прорычал я и изо всех сил саданул кулаком в стену.

Неслышно подошел Николай, тронул за плечо:

– Кто там у тебя?

– Жена.

– Херово. Пошли, перекусим.

Я удивленно на него оглянулся.

– А что? – пожал плечами спецназовец. – На войне никогда не знаешь, будет ли возможность перекусить в будущем. Да и будет ли будущее в принципе.

– Сейчас мир, – возразил я, подумав, что Деменко так мозги пациенту и не вправил.

– Уверен? – с еле заметной насмешкой глянул на меня Николай. – Вспомни последние пять дней.

Тут уже я не нашел, чем ему возразить. И послушно поплелся на кухню.

На столе красовался натюрморт в эдаком постмодернистском голландском стиле. Треть стола занимала гитара Николая. Рядом с ней притулилась высокая бутылка коньяка «Закарпатский», бросающая янтарные зайчики на порезанный хлеб, ломтики сала и колбасы. Почти на краешке расположилось продолговатое блюдо с нарезанным лимоном и, как ни странно, белым крепким луком. Солнце закатными лучами подсвечивало все это великолепие – тучи почти разошлись, темной полосой закрывая горизонт.

– Лук и лимон?

– А что так удивляешься? – усмехнулся Вадим. – Лук на войне называли офицерским лимоном – витамины-то нужны, а служба снабжения цитрусовые всегда себе тырила.

– Да, – подтвердил Николай. – До сих пор люблю луком похрустеть. Привычка.

– А где сестры?

– За Игорем присматривают, – нахмурился Деменко. – Плохо он дышит. Как бы отека легких не было.

– Ну, если дышит, значит, еще нет.

– Вот именно что еще… Эх… Коля, наливай.

Коньяк забулькал, наполняя крупные рюмки.

– За живых! – отозвался Николай.

Выпили.

Волшебный напиток теплой волной прокатился по пищеводу. Лимон ущипнул рецепторы нёба кислотой. И сразу же навалилась приятная слабость. Начало чуть отпускать – пофиг, что где-то там легкий ветерок катит смертоносные зеленоватые волны. Неважно, что за окном затих город мертвых. Не хотелось думать, сколько людей осталось на тротуарах, в офисах, на первых этажах жилых домов. Кому-то потом придется убирать трупы. Живым.

Но это потом.

Николай плеснул щедро по второму кругу.

На мгновение замерли.

Следующий тост вырвался у меня как будто без участия сознания, сам собой:

– За наших женщин!

– Да, – отозвался Коля, остро и понимающе глянув на меня. – Пусть они проживут счастливо… и долго.

На этот раз не стали торопиться и разливать по третьей. Вгрызлись в бутерброды. С удивлением я понял, что зверски голоден. Казалось бы, не в эту минуту думать о том, как набить желудок. Но организм хотел жить, требовал энергии и питательных веществ. И ему все равно, насколько близка смерть. Наверное, так и бывает – когда рядом старуха с косой, жизнь ощущается более ярко.

– Хорошо, – выдохнул Деменко, проведя ладонью по гладко выбритому затылку. – Давно так не сидели.

– Почти как на войне, – улыбнулся Николай. – Только дизель не урчит рядом, да вдалеке перестрелки не слышно.

– Скучаешь?

– Там все проще. – Инструктор потянулся к бутылке и налил рюмки до краев, точно и надежно – еще чуть-чуть, и желтоватые капли потекли бы на клеенку.

– Третья, – тихо сказал Николай.

Вадим встал. Удивленно поднялся и я – вроде ж за любовь третий тост пьют, вставать-то зачем.

– За тех, кто ушел, – так же тихо сказал Деменко.

Не чокаясь, они оба выпили. Их примеру последовал и я.

Минута тишины. Я не стал мешать разговорами – видимо, Николаю было кого вспомнить, помянуть. Да и Вадим сидел такой сосредоточенный, будто у него тоже свой мемориал.

Николай тяжело вздохнул и накапал еще по чуть-чуть в рюмки. Глянул исподлобья на меня, Вадима и неожиданно улыбнулся:

– Хорошо сидим!

Я отозвался с мрачной усмешкой:

– Пир во время чумы.

– И хорошо, – кивнул Вадим. – Если пируем, значит, еще подергаемся.

Инструктор ухватил гитару за гриф и протянул психиатру:

– Вад, сыграй что-нибудь, а? А то с этой тишиной, – он ткнул пальцем в сторону окна, – вообще тошно.

– Можно, – мягко и задумчиво пробормотал Деменко. – Даже есть под настроение…

И без паузы заиграл. Три стандартных дворовых аккорда неожиданно сменились септимой, затем повторились, но четвертым аккордом на репризе стал еще более вычурный. Странная мелодия,

собравшая в себя капельку востока, туманный жесткий ритм питерских дворов и что-то совсем незнакомое.

И Вадим негромко запел:

Доктор Ватсон вернулся с афганской войны,
У него два раненья пониже спины,
Гиппократова клятва, ланцет и пинцет,
Он певец просвещенной страны.
Нынче вечером в опере Патти поет,
Доктор Ватсон у стойки имбирную пьет,
Доктор Ватсон вернулся с афганской войны,
У него ни детей, ни жены.

Вот уж и вправду пир во время чумы. Только и остается песни петь. Я встал из-за стола и выглянул во двор. Ветер катил призрачные желто-зеленые волны. Асфальт угадывался еле-еле. Хлорное облако, похоже, достигло пика концентрации. Надеюсь, пронесет. Знать бы еще, как там Машка. Посмотрел на телефон – вместо палочек сигнала чернели буквы «нет сети».

Холмс уехал, и некому выйти на бой
Против древнего мрака с козлиной губой.
Доктор Ватсон вернулся с афганской войны –
Он эксперт по делам сатаны.
Тут портовые девки хохочут во мрак,
Пострашнее любых баскервильских собак,
Тут рассадник порока, обитель греха,
Человечья гнилая труха.

Неожиданно гитарный бой поменялся. В аккордах возникли атональные нотки. Да и голос Вадима стал злее. С чувством, особо четко печатая слова, Деменко допел последний куплет:

Для того ли в Афгане он кровь проливал
И ребятам глаза закрывал.
Сквозь туман пробивается утренний свет –
Миссис Хадсон вздыхает и чистит ланцет,
Нынче столько работы у этих врачей,
Даже вечером отдыха нет!

Так же резко, как начал, Вадим бросил петь и одним гибким движением встал из-за стола, одновременно протягивая гитару владельцу:

– Держи, зараза, инструмент. Разбередил душу. Давно не играл.

– Давно, – согласился Николай, с удовольствием поглядывая на Вадима. – Хорошая песня. Спасибо. Помнишь, как она мне нравилась?

– Помню, помню, – проворчал Вадим.

– А что за песня? – заинтересовал я. – Ни разу не слышал.

– Слова Марии Галиной, – коротко ответил психиатр.

– А музыка чья?

Вадим не ответил, ухватился за бутылку и разлил спиртное по рюмкам.

– Его музыка, – улыбнулся Коля. – Его. Хорошая песня, хоть и мрачная. Честная.

Мы замолчали, рассматривая искорки коньяка в рюмках. Я искоса поглядывал на Вадима. Тот задумчиво смотрел в окно. Николай водил пальцем по скатерти – то ли убирая крошки, то ли что-то рисуя.

Тишина действовала угнетающе. Возникло дурацкое желание уронить вилку, ложку, да хоть рюмку разбить – лишь бы изорвать беззвучие в клочья. Казалось, даже за стеной, в зале, где собрались беженцы, люди стали тише дышать и прекратили перешептываться. И только я собрался что-то сказать, чтоб прервать мучительно тягучую паузу, как с улицы донесся звук.

Странный.

Невозможный.

Противоестественный.

Стук, стук, звяк, стук, звяк…

Звонкий перестук каблучков по асфальту. Как будто сейчас там, в мутном зеленоватом тумане, девушка на шпильках с металлическими набойками спешит домой или на работу, а может, и на свидание.

За стеной кто-то из женщин взвизгнул.

Накатила волна безотчетного ужаса. Я почувствовал, как по спине пробежали мурашки, а следом за ними холодная капелька пота пересчитала большую часть позвонков.

– Что это? – недоуменно и немного испуганно спросил Вадим.

Я зябко пожал плечами.

– Сейчас там никого быть не может, – просипел психиатр.

Я попробовал ему ответить и понял, что у меня самого сдавило горло. Откашлявшись, я прошептал:

– Может, ветер какую-нибудь железку качает?

– Слишком слабый.

Замерли, вслушиваясь. Вот девушка чуть споткнулась, задев вскользь каблуком тротуар. Ритм шагов на мгновение изменился, а потом снова стал равномерным.

– Этого. Не может. Быть, – яростно прошептал психиатр. – Там сейчас без костюма химзащиты не пройти и десяти метров. Какие, на хер, туфли?!

– Тихо, – шикнул Николай. – Слушайте.

Звонкие шаги, похоже, приближались. Во всяком случае, звук постепенно становился четче и громче. За стеной, в зале снова завозились, кто-то испуганно застонал.

И неожиданно стук каблуков исчез.

Прошли десять секунд, двадцать, минута.

Во дворе тишина – даже шелеста листвы не слышно.

Минуты через две я и Николай осторожно выглянули в окно. За стеклом на уровне седьмого-восьмого этажа все так же катились призрачные, почти незаметные волны хлора. За ними в свете рано включившихся фонарей и закатного солнца угадывались ветви деревьев. Мостовая смутно виднелась сквозь дымку.

– Похоже, никого, – пробормотал инструктор. – Что ж за дрянь это была?

– Нет ее, и хорошо, – буркнул Вадим, втискиваясь между нами. – И ладненько. И если уже я перепугался до усрачки, представляю, каково другим.

Тут в зале зашевелились. Кто-то захрипел. Упал и покатился со стеклянным звоном то ли стакан, то ли чашка. Следом раздался полувскрик-полувсхлип:

– Выпустите меня! Тут душно! Не могу дышать!

– Стой, дура! – крикнула Марина. – Не смей!

– Откройте окно! Не могу дышать! Воздуха!

Николай бросился в комнату. Мы с Вадимом вылетели из кухни вслед за ним. Когда мы ворвались в зал, посередине красовалась скульптурная группа из трех женщин. Худая баба, которая еще на лестнице создавала нам проблемы с подружкой-симулянткой, судя по всему, словила классический приступ паники. Хватаясь за сердце и натужно завывая, что ей не хватает воздуха, она уверенно двигалась к окну – явно собираясь получше проветрить помещение. Пусть на

такой высоте концентрация хлора и не смертельная, как десятью этажами ниже, но тем, у кого слабое сердце и проблемы с бронхами, хватит вполне. Марина цепко держала истеричку за ногу. Но это не помогало – при паническом приступе у человека просыпаются титанические силы. Арина ухватила бабу за руку и тянула изо всех сил прочь от окна. Но сестры даже вдвоем не могли справиться. Вдруг женщина резко дернулась, рухнула набок, высвободилась из захвата Арины, пожертвовав рукавом кофты, а затем изо всех сил лягнула Марину. Девушки разлетелись в разные стороны. Припадочная истерически завизжала, прыгнула к подоконнику, ухватилась за оконную ручку…

И рухнула от мощного удара в затылок.

Николай приложил палец к шее, прислушался и удовлетворенно кивнул:

– Жить будет.

Ухватил истеричку за ногу, протащил в глубь комнаты, не особо заботясь о сохранности тела, и бросил под стенку. Стремительно подошел к жене:

– Ты как, Маришка?

– Все нормально, Коль. – Женщина устало оперлась на мужа. – Спасибо. Мы… сами не ожидали, когда…

– Такое бывает, – успокаивающе проговорил Деменко. – Панический приступ не угадаешь. Клаустрофобия часто таится до последнего. Чтобы неожиданно выскочить и создать окружающим кучу проблем.

– Не умничай, а? – буркнул я.

Мы предупредили сестер, чтобы они сразу же звали нас, если начнется очередной цирковой номер. Я мрачно глянул на прочих беженцев, которые жались по углам, и предупредил, что в дальнейшем желательно всем участвовать во вразумлении, а не сидеть, как скифские бабы. Иначе всем будет плохо – проветривание обеспечит хлором каждого по отдельности и всех вместе. Дождавшись кивков, я вернулся вслед за мужиками на кухню.

Попробовал дозвониться Машке – все с тем же результатом. Связи нет. Сеть отсутствует в принципе.

Где-то через полчаса неспешной беседы под коньяк я решился:

– Вадим, скажи… прости за дурной вопрос… есть у тебя какой-то грех? Ну из смертных…

– Нежданно, – жуя бутерброд, ответил он. – А зачем тебе?

– Так, интересно. У меня вот, предположим, есть.

– Ум? – промычал Вадим, проглатывая кусок.

– Машке изменял, – выбрал я наименее болезненное для совести воспоминание. – Блуд, как бы.

– Ну да. Вот только не блуд. Если не ошибаюсь, его еще веке в шестом отменили. Прелюбодеяние. Если так, то и я грешен не меньше. Как и любой мужик на Земле. А к чему вопрос?

– Да так. Рассказали мне одну теорию. Размышляю.

– А, – кивнул Деменко. – Теорий сейчас много. В смутные времена во что только не верят.

– У меня есть, – нарушил молчание Николай.

– Что есть? – вначале не понял я.

– Грех. Смертный, – объяснил он, налил себе рюмку до краев и жадно выпил.

– Глупости, – резко прервал его Деменко. – Коля, не гони. Нет там твоей вины.

– Есть! Послал бы в жопу мудаков московских, ребята бы живы остались.

– Не ты их убил.

– Я послушался приказа и не применил тяжелое вооружение. Сровняли б с землей тот лядский нефтеперегонный завод – ни один бы «дух» не ушел. А там бы и зачистили потихоньку. Вместо этого ребята полезли с автоматами на пулеметные гнезда, да еще и с запретом гранаты пользовать. Суки… какие же они все-таки суки… за свои кошельки толстые столичные уроды столько ребят в Грозном положили.

Николай уронил голову на руки и, всхлипнув, замолчал.

Деменко разлил остатки коньяка:

– Коль, давай еще по одной, и иди отдыхать. Мы с Иваном присмотрим за толпой. Хорошо?

– Договорились, – глухо ответил инструктор. – Вадим, ты ж меня понимаешь?

– Да, брат, понимаю, – сказал Деменко и посмотрел на меня. – Иван, у всех грехи есть. Страшные. Темные. И твоя беготня по бабам –

это мелочь. Не выпячивай ее, прошу. Херня все это.

– Не буду, – стушевался я. Внезапно остро почувствовал, насколько ничтожны мои переживания по сравнению с теми же мучениями Коли. Что испытал я в жизни – и через что прошел он. Можно ли сравнивать? И тут я лезу с вопросами и сомнениями. Да пошло оно все!

Николай скрылся в спальне. Мы молча просидели еще часа два. Говорить не хотелось. Иногда то я, то Вадим подходили к окну и выглядывали наружу. Где-то раз в полчаса я набирал Машу. Сеть то оживала на несколько секунд, то снова впадала в кому. Даже интересно стало, что происходит со связью – то ли накрылись несколько базовых станций, то ли просто тысячи звонков перегрузили каналы. Если что-то с серверами в самом дата-центре провайдера, то еще долго не будет возможности дозвониться. Пока специалисты не доберутся до спятившей электроники и не вернут все в нормальный режим. Если, конечно, кто-то еще остался в живых из обслуживающего персонала.

Небо постепенно очистилось – ни одной тучки в зените. И было немного странно наблюдать бледные звезды, а в противовес им полупрозрачную муть, плывущую на пару этажей ниже. Разве что плотность дымки стала поменьше – сквозь нее уже просвечивали силуэты тел, лежащих на асфальте в неестественных позах.

Почти в самом зените быстро летела очень яркая звездочка – намного быстрее, чем планеты, как самолет, только без красных искорок сигнальных маяков.

Вадим безмолвно стоял рядом со мной. Разговаривать желания по-прежнему не было. Не потому что не о чем. А просто не хотелось тревожить тишину и странное спокойствие, накатившее, видимо, не только на меня, но и на психиатра. То ли так на нас коньяк подействовал, то ли просто нервы сдали после столь веселого вечера.

Вадим первым нарушил молчание:

– Глянь-ка, – кивнул на яркую звезду. – А все боялись, что на нас упадет. Как обычно, информационная сеть «одна баба сказала» дала сбой.

– Что упадет? – не понял я.

– Международная станция. А что это, по-твоему, летит так весело и ярко?

– Думаешь, она?

– Уверен. Больше нечему – такому яркому, да с такой скоростью.

– Плохой знак.

– Ага, – Вадим провел пальцем по стеклу, дохнул и дочертил перпендикулярную полоску. – Вот такой вот крестик на привычном мире и получается. Все сыпется, все падает.

– Хм, – тут я заметил нечто странное почти на горизонте. – Глянька туда, видишь?

Далеко-далеко, чуть выше силуэтов домов, в небе величаво проплывали светящиеся зеленые и розовые ленты.

– Вижу, – недоуменно ответил Деменко. – Даже не знаю, что это. Но меня иллюминация не радует.

– Да меня тоже. В последнее время что ни случается, все предвещает задницу.

Стук, стук, звяк…

Вновь возник тот самый, пробирающий до мурашек звук каблучков на улице.

– Снова, блин, – прошептал Вадим.

Мы, не сговариваясь, осторожно встали на цыпочки и выглянули как можно дальше сквозь хрупкую защиту стекла. С пятнадцатого этажа в полутьме закоулков двора детали различались плохо. Но под фонарями уже почти развиднелось. Звук опять начал нарастать, вызывая инстинктивное желание забиться в угол, только чтобы неведомое не заметило, прошло мимо.

– Иван, глянь, – Деменко указал на зыбкое свечение, выбивающееся из кустов чуть в стороне от подъезда. У бордюра лежала женщина в светлом строгом костюме, одна нога все еще оставалась обутой, а вторая вывернулась босой пяткой наружу. Рядом валялась белая туфелька. Удивительно, но я с такой высоты увидел все четко-четко в ярком свете стоящего рядом уличного фонаря.

И оттуда, где пряталась кисть руки, из-под низких ветвей кустарника ритмично, в такт стуку каблучков вспыхивало голубоватое сияние.

– М-мать, – Вадим облегченно засмеялся. – Это же просто звонок мобильного. А я перепугался! Пойду женщин успокою.

Я остался на кухне один. Глянул с высоты на мерцающие отблески в кустах. И стал названивать Машке.

Молчание в телефоне.

Еще одна попытка.

Длинный гудок. Сорвалось.

И еще раз.

Короткие гудки.

Снова. Снова. Снова.

Если работает тот телефон, должен работать и мой. Или там симка другого оператора? В любом случае мне нужно знать, как там Машка, жива ли она. Сейчас это самое важное – все остальное мелочь. Прав отец. Как всегда, прав.

Не знаю, на какой попытке телефон отозвался длинными гудками.

Я замер.

Молясь, упрашивая, матерясь.

Надеясь, что гудки прервутся голосом, а не тишиной.

Глава 10

Пафосные аккорды Имперского марша отзывались головной болью. Лорд Вейдер нависал, глядя сверху вниз – впрочем, учитывая мой рост, по-другому бы и не вышло.

– To be, or not to be: that is the question, – заявил он, уставив на меня указательный палец.

Я пожала плечами:

– Whether 'tis nobler in the mind to suffer...

Сейчас уже и не вспомнить, зачем я в незапамятные времена выучила этот монолог – причем именно на английском. А зачем Ив когда-то вызубрил клятву Гиппократа на латыни? Производить впечатление недюжинной эрудицией, для чего же еще. Воистину тщеславие – любимейший из грехов.

– The slings and arrows of outrageous fortune.

С девушками у Ива срабатывало безотказно, но вряд ли Вейдер интересуется симпатичными судмедэкспертами.

– Or to take arms against a sea of troubles[41]… – я сбилась. Забыла, чтоб его. Что-то там было про «To die: to sleep…»[42] – но это дальше, а до того?

Вейдер чуть качнулся вперед, я запаниковала.

– And… well[43]...– а, черт с ним! – Сразить их противоборством. Умереть – уснуть и только, и…

– Незачет, – перебил темный лорд на чистейшем русском. Невидимые пальцы сомкнулись на горле, в глазах заплясали мушки, и я осела на пол, отчаянно пытаясь протащить воздух в легкие. Какой идиот первым придумал, что смерть от удушья легка и приятна? Сколько там времени проходит от начала до потери сознания – несколько минут? Вечность? Потом и этой мысли не осталось – только всепоглощающий страх.

– And by opposing end them, – сказал Вейдер, отпуская захват.

Я закашлялась, попыталась что-то каркнуть...

– To die: to sleep; No more[44], – отчеканил он.

Горло снова сдавило, я бессмысленно рванула ворот...

…и пришла в себя. Рядом истерически заливался мобильник. Сменила мелодию, на свою голову, это ж надо такой красивый кошмар получить! Ив.

– Да.

Голоса не было. Сипение, которому бы позавидовал Вейдер, голосом назвать трудно.

– Маша? Кто это?

Говорить больно, дышать... Воздух словно превратился в наждак. Я зашлась в кашле – теперь уже в реальности.

– Кто это? – муж почти кричал. – Машка, ты?

– Я.

– Что с голосом?

Угадай с трех раз, блин. Что будет с голосом при остром токсическом ларинготрахеите?

– Все, Маш, понял. Ты жива – с остальным разберемся. Давай по СМС.

Я кивнула, как будто муж мог меня видеть, отключила связь.

«Где ты?» – пиликнул телефон.

«Всё там же».

«У нас облако, кажется, сдуло. У тебя?»

А черт его знает. Запаха я не чувствовала – но это не говорило ровно ни о чем. Я могла просто «принюхаться» – или рецепторы сдохли вместе со слизистой.

«Не знаю, погоди, с крыши посмотрю».

Кашляя и чертыхаясь на чем свет стоит, я выбралась через слуховое окно, глянула поверх крыш. Смотреть вниз не хотелось совершенно. Солнце еще не слишком высоко, и в глубине двора полумрак – но все равно приятного мало.

«Облака не видно, какая концентрация – хз».

Снимать намордник и проверять, сразу окочурюсь или сперва подрыгаюсь, желания не возникало. Я плеснула на повязку остатки жидкости из бутылки. Когда по радио сказали об аварии, под рукой из всех возможных антидотов оказалась только кальцинированная сода из арсенала уборщицы. Слабый ожог лица гарантирован – но это лучше, чем навсегда распрощаться с легкими. Впрочем, одно другому не помешает...

«Что-то изменится – дай знать. Я тоже отпишусь, если что».

«ОК».

Я растянулась на крыше, уставившись в небо. Пыльные стены чердака успели осточертеть – неудивительно за прошедшие почти сутки. Голода я не ощущала, а вот пить хотелось безумно. Когда радио вдруг разразилось сигналом тревоги, времени на то, чтобы запастись водой и продуктами, не было. Хорошо хоть посетителей в морге оказалось немного. Кто-то из тех, кто должен был бы забирать родственников, похоже, решил, что мертвые подождут, а вот живым необходимо высказать свое, разумеется, ценное мнение на стихийном митинге. Другие, судя по всему, подумали, что, когда город бурлит, лучше всего запереться дома и не высовывать нос на улицу до тех пор, пока та снова не станет безопасной. Будь я поумнее, поступила бы так же. И когда бабахнула емкость с хлором, или что там случилось на самом деле, – закрыла бы дома пластиковые окна и двойные двери, заткнула вентиляцию и в ус не дула. Судя по тому, что я помнила с «военки», наш дом в зону заражения попадал, но далеко от эпицентра, да и восьмой этаж есть восьмой этаж. А так...

Успела дать столпившимся во дворе людям ветошь, приказала быстро намочить – благо, воды в секционном зале хоть залейся, – закрыть рот и нос и двигаться перпендикулярно направлению ветра. Повторять несколько раз и следить, насколько точно выполнили указания, не стала. Не до того, да и не нанималась я в пастыри. Успела прихватить из каморки уборщицы пластиковую полторашку с пригоршней кальцинированной соды, заполнив ее водой, сунуть в сумку уличную одежду – на то, чтобы переодеться, времени уже не оставалось, – положить туда же пистолет из ящика стола, взять защитные очки. Не герметичные, но все лучше, чем ничего. То, что покидать зону заражения надо спокойным шагом, а не улепетывать, точно зайцу, я вспомнила, только когда перестало хватать воздуха. Мокрая ткань едва-едва позволяла дышать, а уж на бегу... Пришлось остановиться. Вокруг мельтешили люди, запах сквозь маску не ощущался, дымки не было, и я рискнула сдернуть намордник, чтобы отдышаться. Расплата оказалась мгновенной – острая, удушающая вонь хлора, выкрутивший легкие кашель. Я прижала тряпку к лицу, кое-как отдышалась – кашель вроде бы отступил, и пошла прочь так быстро, насколько позволяло дыхание.

Вокруг по-прежнему бестолково метались люди, дорогу заполнила бесконечная пробка – и откуда только в этом районе взялось столько машин в разгар рабочего дня. Какой-то умник на полной скорости вырулил на тротуар, и я едва успела выскочить из-под колес. Кто-то, похоже, оказался не таким шустрым, но никто даже не оглянулся. Я тоже не стала. Мерзко. Стыдно. Но не смогла себя заставить. Кто-то уже сползал на асфальт, всеобщая паника сводила с ума. И на то, чтобы не завизжать и не броситься прочь, не разбирая дороги, уходили все силы.

Наконец деревянные дома вокруг закончились, выросли пятиэтажки. По земле тянулся желтоватый дымок, глаза пощипывало, и было уже очевидно – выбраться за пределы облака я не успею, для этого нужен час хорошего бега или два часа идти в приличном темпе. Оставалось только забраться повыше и надеяться, что пронесет.

Найти подъезд без домофона оказалось той еще задачкой. Но нашла. Внутри он выглядел как любой подъезд без домофона – исписанные стены, выбитые стекла, пятна от мочи на полу – но сейчас мне было не до брезгливости. Вверх... еще выше. Говорят, когда строились хрущобы, экономили на всем – а уж лифты и вовсе посчитали ненужным излишеством. Врачи постановили, что пять этажей – это максимум, который человек может регулярно преодолевать без вреда для здоровья. А жаль, могли бы повыше дома сделать. Честное слово, сейчас я готова была залезть на своих двоих хоть на вершину Эмпайр-стейт-билдинг, если бы таковой оказался поблизости.

На площадке последнего этажа обнаружилась лестница на чердак, крышку люка удерживал амбарный замок. Я взобралась на пару ступенек и примерилась к проушине. Будь в подъезде какая-никакая герметичность, я бы предпочла отсидеться здесь, но свист ветра в разбитых стеклах вариантов не оставлял. Чем выше, тем лучше. Я вытряхнула патроны из барабана револьвера и со всей дури саданула рукояткой по петлям замка. Грохот, срезонировав от стен, пошел гулять по подъезду. Ну и черт с ним, главное, что замок, кажется, поддается. Еще раз...

– Ты что это, сука, делаешь? – из открывшейся двери на меня смотрела небритая морда. Перегар чувствовался даже сквозь маску.

– Дверь закрой, – ответила я. – Окна тоже. Проемы завешиваешь мокрыми простынями, под дверь – таз с водой. Все понял?

– Я те, ..., щас, ..., навешаю... – Мужик шагнул из квартиры. Замер, уставившись на пистолет.

– Дверь закрой, – повторила я. – Если жить хочешь.

Это я знаю, что патронов в барабане нет. А ему знать не обязательно. Попробует не поверить – двину тем же пистолетом промеж глаз, шестьсот граммов железа по переносице утихомирят кого угодно.

Отогнала паскудную мыслишку: в квартире с водой и какой-никакой жратвой было бы всяко удобней, а без этого небритого типа мир определенно станет лучше. Хлопнула дверь. Еще пара ударов рукояткой добили замок, и я забралась наверх. Что-то частенько в последнее время приходится лазить по чердакам и бояться. Хорошо хоть, в этот раз Студента рядом нет. Парень так и не позвонил – оно и к лучшему. Возись тут с ним, дитятком неразумным. Одной хотя бы не приходится тратить силы на показное спокойствие. Да, страшно. Практически до мокрых штанов. И что?

Пара эсэмэсок мужу, потом газ добрался и до чердака, так что пришлось закрыть глаза и ждать, когда все это кончится. Или кончусь я. Потом я все же уснула – и проснулась уже от звонка.

Вопрос на миллион баксов: тот кошмар – это сон или галлюцинации? Разница принципиальна. Если я просто отключилась – а попробуй не отключиться, лежа с закрытыми глазами, бесконечно ожидая незнамо чего, – одно дело. Совсем другое – если я хватанула слишком много хлора. В том, что я его таки хватанула, сомневаться не приходится. Тогда удушье случилось на самом деле, следом – кратковременная потеря сознания. Может, и с галлюцинациями, отчего нет? Потом восстановление дыхания, как сейчас, светлый промежуток до суток – и отек легких. Прогноз неблагоприятный даже в условиях ИВЛ. Веселенькая перспектива, ничего не скажешь. Воистину многие знания – много печали. Не изучи я в свое время военную токсикологию, сидела бы сейчас и радовалась тому, что жива. Впрочем, не изучай я в свое время токсикологию... Ив как-то рассказывал: понял, что не зря потратил две недели на «военку», после того как пришлось вытаскивать бомжа едва ли не с того света. Бедолага решил вывести вшей, облившись дихлофосом. Результат

оказался закономерен – а «скорую» вызвали товарищи по теплотрассе. Я, правда, от всей души надеялась, что никогда в жизни не доведется вспоминать первую помощь при отравлении боевыми ОВ[45]. Зря. Не Vi-газы, прославленные Голливудом, конечно, но тоже ничего хорошего. Кстати, сколько мне еще тут торчать? Еды нет, воды тоже – не считать же водой раствор кальцинированной соды, – скоро станет совсем невесело и без размышлений о возможной скорой кончине.

Откуда-то сверху спланировал голубь, уселся на ограждении крыши. Я с любопытством уставилась на него – вот и лабораторная крыска пожаловала. Говорят, когда-то в шахтах держали клетки с канарейками – маленькие птички реагировали на снижение количества кислорода куда раньше, чем люди начинали чувствовать недомогание. За неимением канарейки сойдет и голубь. Ну?

Голубь, нахохлившись, таращился в пространство и подавать какие-либо очевидные признаки нормального (или ненормального) самочувствия не собирался. Навскидку увидеть, насколько ровное дыхание у такого тельца, – задачка для экстрасенса, от идеи поймать и прощупать пульс я отказалась после полутора секунд размышлений. Еще не хватало сверзиться с крыши – у меня-то крыльев нет.

Голубь сидел. Молча и неподвижно. Я сидела не менее неподвижно и смотрела на него. Как себя ведут птицы при недомогании – падают? Дурдом, честное слово. Готова поспорить, не было бы у меня высшего медицинского образования – не придумывала бы сейчас идиотские вопросы. Раз не падает – значит, живой, и незачем создавать проблемы на ровном месте.

Я поерзала затекшей задницей по крыше, плюнув, выпрямилась. Голубь сорвался с насеста и спланировал вниз. Так, значит, здесь дышать можно, а дальше? Я осторожно подобралась к краю, вцепилась в ограждение. Кашель одолел, как всегда, совсем не вовремя, птица исчезла из поля зрения. Наконец, отдышавшись, я обвела взглядом двор, стараясь не замечать человеческих тел. Голубь подошел к буханке, выпавшей из старушечьей авоськи, и начал клевать. Я ждала. Голубь насыщался. Вскоре откуда-то с неба спустилась еще стайка, налетела на хлеб, толкаясь и ругаясь по-своему. Все как у людей. Я стащила с лица ветошь, попыталась принюхаться. Ничего. Ни запаха хлора, ни ощущения свежего воздуха. Какое-то время придется пожить без обоняния, если вообще имеет смысл говорить о «пожить». Что ж,

сегодня-завтра будет видно, а пока я не собиралась паниковать из-за того, что все равно не смогу изменить. Страшно, чего уж там, – и очень хочется надеяться, что пронесет. Но портить последние – если они и в самом деле последние – часы жизни истерикой просто глупо. Отчаянно зачесались щеки, я потерла сухую, шелушащуюся кожу. Снявши голову, по волосам не плачут, но в зеркало, пожалуй, смотреться не стоит.

Я достала телефон.

«Внизу, похоже, можно дышать. У тебя как?»

«Пока не знаю. Ты не на себе проверяла?»

«Нет. Там голуби».

«Оливковую ветвь не принесли?»

Черт, жаль, не голосом общаемся. Хотела бы я сейчас услышать его смешок, и чтобы муж знал, а не догадывался, что я улыбаюсь. Смайлик – не то. Совсем не то.

«Я что, похожа на праведного старца? Спускаюсь, надоело на крыше штаны просиживать».

«Хорошо. Сейчас приеду».

«Уверен, что у тебя чисто?»

«Должно быть. На мусорных контейнерах воробьи сидят. Жди меня».

«Осторожней, в машине может сохраниться опасная концентрация».

«Не дурак. В подъезде тоже, имей в виду».

«Помню. Лови адрес».

«ОК. Сейчас буду».

Я спустилась вниз, старательно задерживая дыхание и кое-как контролируя кашель. Сложилась, едва оказавшись на свежем воздухе. Продышавшись, огляделась.

Мир выцвел. Вместо солнечного, почти летнего дня вокруг простиралось нечто, смахивающее на выгоревшие кадры старой пленки. Сухая желтая трава, словно только-только из-под снега. Вялые буро-зеленые кроны. Линялые стены домов. Ветер прошелся по деревьям, зашуршал сухими листьями, затих, словно сам испугался. И только голуби, хлопая крыльями, толкались вокруг буханки хлеба. Я отвела взгляд от неподвижных глаз лежавшей на земле старухи и

зашагала к дороге. Встречу мужа на въезде, чтобы ему по дворам не плутать: здешние пятиэтажки все одинаковые, а большая улица одна.

Несколько остановившихся машин – внутрь я не заглядывала. Стая бродячих собак, лежащих на земле с раскрытыми пастями. Открытая дверь ларька на остановке – продавщица, молодая девчонка с выжженными перекисью волосами, выйти успела, а убежать нет. Я отодвинула тело, шагнула внутрь ларька. Чтобы найти среди разнообразного спиртного пару бутылок минералки, пришлось повозиться. Я оставила на столе купюру – бессмысленно и глупо, но чувствовать себя мародером не хотелось. Уселась на лавочке и запоздало вспомнила, что соваться в замкнутые помещения не стоит. Что-то в последнее время я только задним умом и крепка, то ли устала сверх меры, то ли старею...

Полторашка ушла за один присест – пересушенные слизистые требовали влаги, наплевав на объемы желудка. Ветер встрепал волосы, я откинула с глаз прядь, ругнулась – шевелюра на ощупь напоминала солому. Вторую бутылку я просто вылила себе на голову, подставляя лицо под струю воды.

– Маруська, ты чего делаешь?

Я мотнула головой, стряхивая капли, открыла глаза. Совсем не услышала, как он подъехал.

– Провожу дегазацию, – каркнула я. – И дезактивацию...

– Дезактивация – это про другое, – сказал Ив. Присел напротив – глаза в глаза – отвел с моего лба прилипшую прядь. – Худо?

Я кивнула. Муж вздохнул, коротко обнял.

– Поехали. И молчи, пожалуйста, связки побереги.

Смурной, осунувшийся, под глазом свежий багровый синяк, как раз симметричный поставленному мной. Какой левша приложил? Я осторожно дотронулась до его лица.

– Голая баба постаралась, – буркнул Ив, дернув головой. – Самому смешно.

Когда разговаривать не разрешают, приходится лицедействовать. Бровь кверху, недоуменно-любопытное выражение. Поймет?

– Самое обидное, что я ни сном, ни духом. Просто под горячую руку попал.

Я улыбнулась.

– Да правда!

Кивнула, успокаивая – верю. И в самом деле, верю. Не совсем же он дурак, жене про битую любовницей морду рассказывать.

Ив протянул руку, помогая подняться. Повторил:

– Поехали. Хотя погоди. Раздевайся.

Ах, да... Вряд ли хлопчатобумажный костюм впитал из воздуха столько хлора, чтобы создать в салоне опасную концентрацию, но проверять не хотелось.

Протянула ему сумку с вещами – пусть обнюхает, если все нормально, переоденусь. Нет – придется ехать так. Не то чтобы меня сильно беспокоила собственная голая задница, но в штанах как-то гигиеничней.

– Нормально, – сказал Ив.

Даже если кто-то и успел увидеть импровизированный стриптиз, мне на это было наплевать.

– Сознание теряла?

Я пожала плечами.

– А кто знает?

– Так...

– Сказал же – молчи, если не хочешь совсем без голоса остаться. Немая женщина, может, и счастье во плоти, но мне такого счастья даром не надо. Телефон тебе на что?

Я хмыкнула и открыла окно набора СМС.

– Понял, – сказал муж, глянув на экран. – Значит, будем настраиваться на худшее.

Готова поспорить, он тоже сейчас просчитывает варианты, от легкой степени ларингита до токсического отека легких.

«Гроб мастерить?»

– Типун тебе... Машка, не цепляйся к словам. На худшее из того, с чем можно справиться в условиях больницы. Поехали.

«К вашим нельзя».

– Знаю, Маш, не дурак.

От больницы Ива до того завода – полтора километра. Я припомнила лекции по ГО и ЧС. Значит, сперва одномоментный выброс при взрыве, потом вторичное облако, вызванное испарением разлившегося по земле жидкого хлора. Я, похоже, угодила под вторичное, а те, кто оказались в первичном очаге, возможно, не успели даже понять, что произошло.

– Пытался им позвонить – тишина.

Я легко провела ладонью по его плечу – поняла, сочувствую, ты не один. Муж кивнул, уставился на дорогу.

А ведь когда облако легло на город, Ив явно был где угодно, только не в больнице, иначе сейчас я оказалась бы молодой красивой вдовой. Запоздалый страх перехватил дыхание, прошелся холодком вдоль позвоночника. Захотелось вцепиться в мужа и не отпускать. Живой. Зараза этакая, живой… Я заставила себя расслабиться: хватать за руки ведущего машину человека – не лучшая идея.

«Ты был не на работе».

– Машка, нашла время ревновать!

– Да иди ты в задницу! – не выдержала я. Вот ведь, стоит от души порадоваться, и на тебе, все испортил. Кашель накрыл как раз вовремя, чтобы скрыть навернувшиеся слезы.

– Только после вас.

Я откинулась на подголовник, закрыв глаза и всем видом давая понять, что продолжать разговор не намерена. К тому же отличный повод не смотреть по сторонам. Да, трупы сами по себе давно не вызывают у меня никаких эмоций, но когда они валяются тут и там в живописном беспорядке – что-то внутри переворачивается. Не должно такого быть, никак не должно…

– Токсикологического отделения теперь в городе нет, – проворчал муж. – Оптимизаторы недоделанные, экономисты, суки...

«Их все равно можно было переименовывать в вытрезвитель. Только вывеску сменить оставалось».

– Правильно, зато теперь все терапевтические приемники алкашами заполнены. И куда тебя везти – ума не приложу. Что у нас там под выхлоп не попало?

«Третья, пятая и партлечебница».

– Партлечебница не пойдет. Там никогда приличной реанимации не было – контингент не тот. Третья.

Я пожала плечами. Третья так третья. Все равно не упомню сейчас, где работает последний спец из «оптимизированного», не так давно единственного на весь город токсикологического отделения. Двое молодых и бессемейных сразу в Москву подались, заведующий через месяц от инфаркта ушел – не выдержал. Он отделение с нуля создавал, собирал докторов, аппаратуру, методики… Все прахом.

А ведь в уцелевших больницах сейчас наверняка дурдом. Туда всех выживших повезут. И… стоп. Судя по тому, что трупов на улицах больше не было, мы либо выехали из зараженного района, либо концентрация тут была неопасной. Тогда какого рожна? Где кордоны оцепления? Где развернутые палатки первого этапа медпомощи? Где вообще МЧС и армия?

А впрочем, чего я хочу? В тот день, если не считать детей, больше всего досталось помогающим службам, вспомнить хоть, как скоропомощники и менты жаловались. Так почему бы и не эмчээсники. А если добавить к этому вынесенную мэрию, в которой не одни лишь болтуны-депутаты сидели, а еще большинство министерств... Можно сколько угодно проклинать чинуш, но, как ни крути, централизованное руководство висит именно на них, а организация без головы недееспособна. Может, в мелких лавочках и не так, но любая крупная структура, что государственная, что частная, без управления мигом скатывается в хаос. Что ж, примем за данность: рассчитывать придется только на самих себя. Повезет прорваться в больницу – хорошо, не повезет... думать об этом не хотелось.

Людей и машин на улицах становилось все больше.

– И откуда успели повылезать, – пробурчал Ив, сворачивая на тротуар. Старенький «газик» с красными крестами въехал в освободившееся пространство и встал – желающих пропустить «скорую» больше не нашлось, несмотря на сирену. Надо же, какие-то подстанции еще работают...

«Поехали домой, а?»

При одной мысли о том, какая толпа наверняка собралась у приемного покоя, становилось дурно. Какая, в конце концов, разница, прихватит меня дома или где-то посредине бесконечной очереди?

– Не дури.

Ив припарковался во дворе, уже заполненном автомобилями, коротко пиликнула сигнализация. Ухватил мое запястье.

– Пойдем.

Пришлось тащиться следом. Знакомые у него там, что ли? А даже и знакомые – толку-то. Если аппарат ИВЛ занят – значит, он просто занят, и ничего тут не попишешь. Можно накормить семью хлебами толпу страждущих, но материализовать из ничего достаточное количество довольно сложной аппаратуры... Наверное, в разгар

развернутого отека легких я не буду возражать, если кого-то снимут с ИВЛ ради моей драгоценной жизни, но ведь не снимут, вот в чем проблема. Что бы там ни писали газетенки про убийц в белых халатах, ни один врач сознательно не причинит вреда больному. Ошибки – да, сколько угодно, все люди ошибаются, кто чаще, кто реже. Халатность – да запросто, медики в больницах не с Марса берутся и не в монастырях подвижниками воспитываются, так что процент разгильдяев среди них такой же, как в среднем по популяции. Но сознательно угробить пациента – для этого надо быть полным и окончательным выродком. Вроде недоброй памяти доктора Менгеле.

Мы прошли мимо дверей поликлиники, свернули за ограду больничного комплекса.

Люди. Много людей. Плотная толпа у входа в приемный покой терапии. Чуть пожиже у дверей хирургического здания.

«Поехали домой».

Ив достал из кармана телефон, негромко матюкнулся, глядя на экран.

– Сети нет. Машка, твой ловит?

Я покачала головой.

– Придется прорываться, – сказал Ив и свернул в сторону пищеблока. Я хмыкнула – порой мужа посещают гениальные идеи. Комплекс строился по относительно новому проекту, все здания соединены под землей. Пройти в стационар – пройдем, а дальше видно будет. Это «а там видно будет», признаться, уже порядком поднадоело, но других вариантов не было вообще. Главное, чтобы наш маневр не заметили остальные страждущие.

Кто-то из сотрудников пищеблока крикнул нам вслед – что именно, я не расслышала. Ив настойчиво тащил вперед, и приходилось семенить за ним едва ли не бегом, изо всех сил стараясь не споткнуться. Лестница, бетонный коридор с тусклой лампочкой где-то впереди. По старой памяти даже показалось, что запахло плесенью, – но запахов я по-прежнему не ощущала. Я дернула мужа за руку – помедленней, дышать тяжело. Он понял, сбавив шаг. За деревянной крашеной дверью снова стало светло. Ив огляделся, явно прикидывая направление, и пошел в сторону, противоположную приемному покою.

Административный этаж оказался забит под завязку, но муж не остановился. Лавируя между людьми, он дотащил меня до приемной

главврача и вошел, не обращая внимания на крики за спиной. Отодвинул плечом секретаршу, ладно, хоть не рявкнул на девчонку, честно пытавшуюся делать свою работу, и ввалился в кабинет

– Вон! – раздалось из-за стола.

– Дядя Сева, не буянь,– ответил Ив, закрывая дверь. – Все понимаю, но деваться некуда.

– Корнилов-младшенький, значит, вспомнить старика решил, – усмехнулся главный. – Ну что ж, садись… и вы, мадам. Все вы друзей отца вспоминаете, когда задницу припечет. Что у тебя?

– Жена. То же, что и со всеми.

– Могу распорядиться, чтобы осмотрели без очереди. Госпитализировать не могу. Некуда.

– Осмотреть я и сам в состоянии. И даже пролечить. А вот подышать вместо нее – нет.

– Корнилов, где я тебе свободный аппарат возьму? Мне не веришь – давай, завреанимацией позову.

– В течение двадцати четырех часов может освободиться.

– Ваня, ты сам понимаешь, о чем просишь? Я должен приказать снять кого-то с аппарата, чтобы твою жену положить? Помнится, когда у тебя отец умирал, не больно-то ты о его здоровье волновался. А из-за бабы, значит, совсем мозги потерял?

Я открыла было рот, почувствовала, как рука Ива жестко сжала запястье, и предпочла заткнуться.

– Не кипятись, дядя Сева, – сказал муж. – Во-первых, не снять – пациент может сам уйти. Во-вторых, дойдет дело до искусственной вентиляции легких или нет – непонятно, но, если что, хоть возможность будет на аппарат посадить. Дома и того нет.

– Не могу. Коридоры уже все забиты. И сотрудники, кто после того дня жив остался, с ног сбились. У тебя тогда многие умерли?

– В отделении – никого.

– Повезло. У меня по больнице шесть человек – и все врачи от бога. Оставшиеся дыры затыкают, как могут, но... А сейчас – сам видишь, что творится.

Муж вздохнул.

– Хорошо. Ну хоть ларингоскоп и трубку интубационную выдели. Мешок Амбу я сам найду.

Ив умеет интубировать? Неожиданно... хотя, да, «скорая»... Но все равно – дохлый номер. Жест отчаяния, не иначе. Сколько один человек может продержаться, работая с мешком Амбу? Час? Два? Руки-то не железные.

– Корнилов, ты издеваешься? Самим не хватает, те, что есть, – старье чиненое-перечиненое. А то не знаешь, сколько денег на снабжение выделяют...

– Дядя Сева, я ж у тебя не чуда прошу. Ларингоскоп и трубку. Пожалуйста, век должен буду.

– Ты не понял, что ли? Сопляк, своими выкрутасами отца в гроб вогнал, теперь тут решил повыкаблучиваться?

– Хватит! – просипела я. – Иван, перестань унижаться, пошли отсюда. А вам, господин... – я припомнила табличку на двери, – Симаков, могу пообещать, что, когда вам понадобятся мои услуги, окажу их качественно и вне очереди. Я не злопамятна. И даже буду жива, ради такого-то дела.

Дернула мужа за рукав:

– Пойдем.

– А вы мадам, позвольте поинтересоваться, кем подвизаетесь?

– Она патанатом, – ухмыльнулся Ив, приоткрывая передо мной дверь. – Вскроет в лучшем виде.

Снисходить до того, чтобы объяснять разницу между патаном и судебным медиком, я не стала.

– Ну что, в пятую? – спросил Ив, едва мы оказались на улице.

Я покачала головой.

«Там то же самое. И в партлечебнице. Бесполезно».

Господи, как же я устала от всего этого... Додумать я не успела, в который раз закашлялась, согнувшись в три погибели, а когда выпрямилась, Ив, чертыхаясь, доставал из кармана пиликающий брелок сигнализации.

– Беги, – выдохнула я. – Может, успеешь.

– А ты?

– Догоню. Давай, ничего со мной не случится.

Муж кивнул и рванул за ограду.

Когда я добралась до двора, где мы оставили «Гольф», Ив сидел на поребрике, уронив голову на руки. Я опустилась рядом,

прислонилась к плечу. Муж обнял меня одной рукой, так и не выпуская уже бесполезного брелка с ключами.

Не знаю, сколько времени мы просидели.

– Я хотел в цээрбэ[46] какую-нибудь прорваться, – сказал наконец Ив. – Подальше от города. Теперь все... Прости, Маруська...

– Ничего не все.

Не дождутся. Выживу, назло им всем. Кому «им», правду говоря, я и сама не знала, но это не имело значения. Как бы ни хотелось сдаться. Именно потому что очень хотелось. Лечь, свернуться клубочком прямо на тротуаре и сдохнуть. Но – не дождутся. Пока я жива – надо жить.

– У нас ничего нет. Ни аппаратуры, ни лекарств. Я не умею исцелять наложением рук!

Пару дней назад муж уговаривал меня держаться. Теперь, похоже, моя очередь. Сложить лапки и сдохнуть – легко. Слишком легко. Пошло оно все к чертовой матери, я не хочу просто ждать отека легких!

– У нас есть мы. У тебя – я… у меня – ты. Два очень неглупых, – я закашлялась, – и очень настырных человека. И пока это так… никто нас не остановит.

– Маруська, я хороший хирург. Правда, хороший. Но я не Асклепий и даже не Гиппократ.

– Знаю. Но ты, – черт, как же горло дерет, – не сдашься. И сделаешь все, что сможешь. А там… как карта ляжет.

– Как она ляжет, если игра заведомо нечестная?

– Шулеров побьем подсвечниками, – просипела я. – Ну что, домой?

– Нет уж. Пошли за хабаром[47].

Я подняла бровь, вопросительно глядя на мужа.

– В медтехнику, – пояснил он. – Аптеку. И найдем какой-нибудь магазин кожгалантереи, чтобы было в чем унести все, что нужно. Просто так я тебя ему, – Ив указал пальцем на небо, – не отдам.

– Сдалась я ему. – Я снова закашлялась. – Только хорошие девочки попадают на небеса.

– Тем не менее. – Ив протянул руку, помогая подняться. – Пошли.

Выбитые аптечные витрины уже не шокировали, как всего лишь полдня назад. Новый вариант дизайна, не более.

«Думаешь, найдем что-то путное? Наверняка все вынесли».

– То, что нужно нам, скорее всего, оставили. Это тебе не «Лодибра».

Внутри, несмотря на вроде бы целые лампочки, стоял полумрак. Сквозняк из разбитой витрины перебирал листы дефектурной тетради. Стекло на полу, разбросанные лекарства. Я отпихнула ногой упаковку раскрученной биодобавки, якобы призванной лечить импотенцию, – надо же, никто не позарился.

Ив потянул на себя дверцу с оборванной щеколдой.

– Будет смешно, если именно сейчас приедут менты.

«Не приедут. У них без того забот хватает».

Даже если предположить, что в этом городе еще остались менты, занятые работой, а не выживанием.

– Видит бог, я честно пытался сделать все правильно, не превращаясь в мародера.

Я кивнула, легонько сжала его плечо. На душе было удивительно мерзко.

– Подожди тут, я погляжу, – сказал муж. – И если что – сматывайся.

Достал пистолет, медленно двинулся внутрь. Жест вышел словно скопированным из боевика – не удержавшись, я хихикнула. Ив, обернувшись, погрозил кулаком и пошел в глубь помещения, видимо, проверить, нет ли там недружелюбных конкурентов.

Я перелезла через прилавок – все равно, явись вдруг полиция, далеко не убегу с таким-то кашлем – и принялась изучать разбросанные на полу лекарства. Еще бы вспомнить, чем эта дрянь лечится. Ладно, будем исходить из патогенеза. Интересно, ателектаз уже развивается или пронесет? Вроде пока дышу. Так, противокашлевые центрального действия. Выбор невелик, морфина и иже с ним тут явно не найти – значит, остается только кодеин. Зараза, в ящике, подписанном «от кашля», кодеин только в комбинации с веществами, стимулирующими секрецию мокроты, а это мне не надо… значит, посмотрим среди болеутоляющих… Есть! Кодеин плюс нестероидное противовоспалительное. То, что нужно. Дальше – бронхорасширяющие, это в противоастматических спреях. Есть. Интересно, где они держат гормоны в инъекционной форме? В ящиках за прилавком нет, видимо, где-то внутри. Там Ив бродит – наверное, найдет. Тогда пока всякая мелочь вроде глазной мази, чтобы на

обожженную конъюнктиву не села какая-нибудь бактериальная инфекция, антибиотики, чтобы то же самое не произошло с трахеей и бронхами, шприцы-вата-салфетки… Что еще? Ах да, диуретики в инъекционной форме, но это когда до дома доберемся, а то придется, как собачке, каждый кустик метить. Вроде все. Ив что-то задерживается, надо глянуть.

Муж, легок на помине, вынырнул из внутренних помещений. В руках вместо пистолета коробки с лекарствами и фонендоскоп.

– Не ходи туда, – сказал он, складывая принесенное на прилавок рядом с теми лекарствами, что выбрала я. – Там девочка-первостольник… Не ходи.

Хирург не хочет, чтобы зрелище попалось на глаза судебному медику. Что же мародеры сотворили с несчастной девчонкой?

«Думаешь, я на работе ничего подобного не видела», – набрала я на телефоне.

– Машка, твою мать, хочешь полюбоваться – валяй, смотри! Если до сих пор не насмотрелась…

«Не буду».

– Тогда перестань строить из себя циника. Да, я помню, кто ты по специальности. Но ты, блин, еще моя жена, и не надо делать из меня идиота только за то, что я хочу тебя защитить... в том числе и от вида изнасилованного и изуродованного трупа! – Он перевел дух.

Так… а у мужа, похоже, нервы уже тоже ни к черту. Впрочем, учитывая, что творится вокруг, – ничего странного.

– Извини, – просипела я.

Интересно, голос когда-нибудь вернется? Или на связках вовсю разворачивается некроз и повезет, если дело не кончится рубцовым стенозом гортани? Черт, надо бы научиться мыслить как пациент: доктор сказал «в морг» – значит, в морг, и нечего тут прикидывать варианты один мрачнее другого.

– Глянь, вроде ничего больше не надо? – Муж покачал головой. – Пока вспомнил, что к чему, чуть мозги не вывихнул. Никогда не думал, что эти знания пригодятся.

«Придем домой, лекции достанем. Твои. У тебя почерк лучше».

– Был.

«Неважно. Вроде все правильно».

– Тогда давай посмотрим, что там с легкими, раз уж фонендоскопом разжились. Дальше тянуть некуда.

Я послушно стянула водолазку и взяла пистолет. Учитывая время и место – предосторожность нелишняя.

– Повернись, – сказал Ив.

– Обойдешь. А я за дверью пригляжу. Глаз на затылке нет.

– Тьфу ты…

Как же сложно привыкнуть к тому, что старый мир умер. Даже понимая, что когда – и если – все кончится, как прежде уже не станет. Беженцы из горячих точек потом до конца жизни не могут спокойно слышать новогодней пиротехники. Я, похоже, теперь всегда буду держать под рукой пистолет. В какую сторону перекосило мужа – пока непонятно, но думаю, что скоро узнаю. И радоваться новому знанию не придется. Зараза…

– Насколько могу судить, пока бронхи интактны, – сказал Ив. – Может, конечно, со временем клиника развернется…

«Да уже, наверное, развернулась бы. Нет?»

– По справочникам – до суток, а вживую я не видел.

«Пошли поволонтерим хоть в той же третьей. Как раз клинику посмотрим. Заодно и студенческие годы вспомним».

Да, было дело… Любой студент-медик, имеющий хотя бы зачатки мозгов и желания работать, довольно быстро соображает, что теория теорией, а без практики никуда. Дальше все выкручиваются, как могут, но самый простой вариант – напроситься помогать на экстренном дежурстве в клинике. Нам с Ивом пару раз довелось оказаться в одной компании. Тогда я еще не определилась со специализацией и приглядывалась, куда бы податься через три года. Интересовались мы в те времена отнюдь не друг другом, но дежурства запомнились – уж очень насыщенными выдались.

– Машка, балда ты осиновая, где ты была час назад? И я тоже хорош. Вместо того чтобы к Севе идти...

– Ты о чем?

– Блин, как же ты не понимаешь? Если станет плохо человеку, с которым проработал бок о бок хотя бы полдня, тихо подыхать на кушеточке не оставят. Аппарат это, правда, не освободит... Но что смогут.

«На кой черт им сдались судебные медики? Хирурги, наверное, тоже не очень – сейчас терапевты да реаниматологи зашиваются».

– Не дури. Умеешь ты намного больше, чем студенты.

Ив сказал, что в легких вроде чисто. Но это пока. Черт, как делать прогнозы, когда опираешься только на обрывки лекций, что остались в памяти спустя то ли шесть, то ли семь лет? Да, наверное, так будет лучше. Даже если со мной ничего серьезного, самое худшее, что случится в стационаре, – сутки-двое, в течение которых мы вымотаемся в ноль. В первый раз, что ли?

«Ты прав».

– Хорошо. Давай по-быстрому тебя проколем и сваливаем отсюда. Потом я бы на всякий пожарный все же заглянул в медтехнику, и... нет, в третью я больше не пойду. В пятую, тем более что она там как раз неподалеку.

«Хорошо».

– Готовь шприцы, я пока покараулю. И левую руку, чтобы в правой пистолет, если что.

Я кивнула и занялась делом.

Когда можно было уходить, оказалось, что пистолет не влезает в набитую лекарствами сумочку. В карман джинсов тоже. И запихнуть за пояс не вышло – тяжелая угловатая железяка впивалась в живот, а стоило чуть ослабить ремень – тут же норовила ускользнуть в штаны.

– Прямо вестерн какой-то, – буркнула я. – Так и ходить теперь… с этой дурой наперевес?

«Эта дура», правду говоря, однажды спасла мне жизнь, да и вчера, не окажись под рукой пистолета, на чердак бы я не попала. Наверное, надо было радоваться, а не раздражаться. Но радоваться не выходило. Слишком уж хорошо пистолет соответствовал тому, во что превратился город. Интересно – сколько еще ганфайтеров бродит вокруг? И как скоро нормой станут порядки Дикого Запада?

– Ты свой куда дел?

Ив тряхнул барсеткой, тоже набитой до отказа. Покачал головой.

– Неправильно это. Вырвут из рук, пока достаем, – и вся недолга. Оружие выпросил, а про кобуру не подумал.

Я усмехнулась.

Мы мирные люди, а наш бронепоезд гниет на запасном пути. Ошибка на ошибке. Глупость на глупости. И чует мое сердце, мы еще

протанцуем на всех фигурно разложенных на пути граблях. Можно сколько угодно твердить о том, что ошибки – единственно надежный путь познания, но порой слишком уж дорого они обходятся.

«Я вот думаю – что мы будем делать, когда закончатся патроны? У нас обоих не самая распространенная в России модель. И полагаю, что снабжения в ближайшее время не предвидится», – длиннющая фраза еле-еле поместилась на экран.

– До этого надо дожить, – сказал Ив. – Та еще задача, похоже.

Я пристроила пистолет у поясницы, скривилась – все равно неудобно, но лучше, чем на животе. Несколько раз примерилась, выбирая расположение рукояти, чтобы выдернуть с первого раза, если что. Сипло выматерилась. Сюр какой-то – на полном серьезе прикидывать, достаточно ли быстро получается достать пушку. А может, это тоже глюки? Ну, вроде тех, с Вейдером?

– Гадство, – сказала я.

– Гадство, – согласился муж. – Ты не знаешь, сумки на пояс бывают только в спортивных магазинах или в обычной галантерее тоже?

Я пожала плечами. Никогда не интересовалась «кенгурушками» – зачем они мне?

«Торговый центр в соседнем квартале».

– Нет, туда мы не полезем. Слишком высока вероятность нарваться на конкурентов.

И в самом деле. Бытовая техника, меха, ювелирный...

«“Спорттовары” на Пушкинской».

– Потянет. Пошли.

Маленький магазинчик, оставшийся еще с советских времен и каким-то чудом не переделанный под офис или аптеку. Здесь витрины пока оставались целы, но дверь оказалась незапертой. Вскоре мы обзавелись одним на двоих рюкзаком, в который сложили лекарства, мою сумочку и барсетку Ива – чтобы руки освободились, – и поясными сумками. Наверное, не идеальная замена кобуре, но лучше, чем ходить по улице с пистолетом наголо. Незачем привлекать внимание.

Магазин медтехники тоже пока никто не тронул. Огромные, на всю стену, витрины пропускали достаточно света, несмотря на

матовые стекла. Но в помещениях за прилавком уже было темно. Ив щелкнул выключателем – ничего не изменилось.

– Зараза, – чертыхнулся он. – Похоже, электричеству каюк. Хорошо, догадались в «Спорттоварах» фонарики прихватить.

Я кивнула.

– Постоишь на стреме, пока я ищу?

– Да.

– Маш, и если что... не пытайся изобразить Рэмбо. Параметры не те. Если гостей будет больше двух – прячься и сматывайся при первой же возможности.

– А ты?

– А я мужчина.

А ты – идиот, разлюбезный супруг мой. Ну да, тестостерон, мышечная масса и прочая ерунда, отличающая мальчиков от девочек. Но если «гостей» окажется больше... ну, пускай не двух, пускай половины патронов в обойме, то шансов у тебя останется столько же, сколько и у меня. И не будет совсем, если тебя тихонько приложат ломиком по затылку, потому что я спрячусь и начну размышлять о том, как бы половчее смыться.

– Поняла.

– Я быстро.

Я внимательно оглядела зал. Вон тот темный угол уж больно хорош. Да, так и есть – из него прекрасно просматривалась и входная дверь, и коридорчик, что вел во внутренние помещения. Зато свет сюда не падал, и едва ли с улицы было видно, есть ли кто-то внутри. За витриной мелькнула человеческая фигура, я дернула молнию сумки. Может, зря, может, просто прохожий. Качнулась дверь.

– Стоять! – вряд ли это сипение походило на окрик, но вошедший услышал. А вот Ив – едва ли. Плохо. Пальнуть только для шума?

– Дверь закрой, – только бы не закашляться. – И не дергайся.

Высокий, хорошо сложенный мужчина. Аккуратно притворил за собой дверь, шагнул в мою сторону. Движения неспешные, но что-то в них... если он вдруг рванет с линии огня, выстрелить могу и не успеть.

– Стоять, я сказала!

Немолод. Но и не стар, хоть и седина на висках. Взгляд... нехороший взгляд. Очень нехороший.

– Не выстрелишь. Кишка тонка.

Спустить курок – и вся недолга. Даже с пистолетом в руках было страшно.

Я изобразила самую очаровательную из арсенала улыбок.

– Проверим?

Он не боялся. Я уже видела, как люди реагируют на пистолет. Этот вел себя совсем иначе. Оценивал опасность – да. Но не боялся.

– Хм... Верю. И что теперь будем делать?

– Постоим. Сейчас мой муж кое-что оттуда заберет... – Указывать, откуда именно, я не рискнула – ни взглядом, ни жестом. Та самая интуиция, над которой принято подтрунивать, отчетливо подсказывала: малейшая ошибка – и этот тип просто размажет меня по стенке. – …и мы быстро отсюда уберемся. После этого можешь хоть весь магазин выносить.

А непохож он на мародера. Не ходят обчищать магазины с небольшой сумкой на плече, да и медтехника – не то место, где можно разжиться чем-нибудь дорогим. Тонометры на Пустоши неактуальны. И какого черта ему тут надо?

– Николай?

Я отвела взгляд лишь на миг. Увидела, как Ив опускает пистолет. А в следующую минуту вошедший уже летел в мою сторону, каким-то образом умудрившись убраться с линии прицела. Я выстрелила, кажется, промахнулась, потому что в следующий миг руки ушли куда-то в сторону, тело совершило странный кульбит, голова приложилась обо что-то твердое, вспышка, звон в ушах – и стало темно.

– Ну извини, старик, – выплыло сквозь равномерный шум. – На рефлексах сработал.

Никогда в жизни не теряла сознания. Не стоило и пробовать – ощущения мерзопакостные.

Что-то неразборчиво буркнул Ив.

– Ну что надо было, ждать, пока она меня пристрелит?

– Я тебя сам пристрелю, если что. Коммандос хренов.

– Хороший ты мужик, Иван. Но бестолковый. Кто ж о таком заранее предупреждает? Да еще за спину пустив…

Ну да. Сначала ударь – потом подавай голос. Так говорит закон джунглей.

– Маш… твою мать, нашатыркой не запасся.

– Иди ты в задницу, – я открыла глаза. – Только нашатырки не хватало для полного счастья. И так мутит…

За спиной Ива маячил все тот же мужик. Заметив, как я дернулась, поднял раскрытые ладони.

– Тихо, подруга. Все нормально, недоразумение вышло.

Ничего себе недоразумение, чуть башку не проломил… Я осторожно села. Так, вроде голова не кружится, и тошнота прошла. Интересно, сотрясение мозга он мне обеспечил или обойдется? Любой нокаут – сотрясение, поэтому не завидую я профессиональным боксерам… Я провела ладонями по лицу. Что за дурь в башку лезет?

– Маруська?

– Все нормально. Кажется. Ты его знаешь?

– Николай, – мужчина протянул руку, помогая подняться. – Извини, что так вышло.

– Мария.

Черт, все-таки промазала.

– Маш, тошнит?

Я помотала головой:

– Прошло.

– Глянь на меня… зрачки одинаковые, нистагма нет. Вроде обошлось. Голова не болит?

– Болит, естественно, – я потерла затылок, зашипела. – Шишка будет, блин.

– До свадьбы заживет, – усмехнулся Николай. – Тем более, мы квиты, глянь, чуток всего промахнулась, – он продемонстрировал разодранный рукав и ссадину вдоль плеча.

– До свадьбы вряд ли, – вмешался Ив. – Надеюсь, еще одну свадьбу моя жена пока не планирует. Обработать рану?

– Да ну, ерунда какая.

Улыбаться-то он улыбался, а взгляд настороженный. Интересно, он всегда такой… растяжка на взводе, зацепишь – бабахнет?

– Что вы здесь делаете?

– Ларингоскоп ищем, – ответил Ив. – Маше.

– Вот такое? – Николай протянул тетрадный лист, на котором не слишком умело, но довольно точно был изображен ларингоскоп с присоединенным клинком.

– Да. Вадим рисовал?

– Он. И вот лекарства… – Из кармана появился еще один мятый листок. – И вот…

– Интубационную трубку и мешок Амбу, – закончил за него муж. – У дураков мысли сходятся. Как там Игорь?

– Плохо. Вадим говорит, шансов почти нет, но он попытается.

– В аптеке уже был?

– Нет.

Ив кивнул, вывернул на прилавок содержимое рюкзака. Разделил пополам лекарства.

– Я с запасом брал, должно хватить. Это тебе, чтобы на аптеки времени не терять. Теперь смотри. Вот это – интубационная трубка. Вот это – мешок Амбу. Там еще есть, увидишь, я шкафы не закрыл. Рванул сюда, как только чужой голос услышал. Ларингоскопа нет.

Я перевела взгляд с мужа на блестевшую на столе рукоять ларингоскопа.

– Возьми несколько трубок разных диаметров, как я, – продолжал Ив. – Может быть, сумеете через нос завести или трахеостому… Хотя откуда бы Вадиму суметь…

– Сумеет. Вадим – все сумеет. Точно ларингоскопа нет?

– Я не нашел, но можешь проверить.

Ив начал собирать рюкзак.

—Еще смотри: трахеостомическая трубка, скальпель, зажимы. Обрати внимание: вот такой у них должен быть носик. Трубку я там точно видел, скальпели есть, зажимов тоже навалом – ничего особенного. Если заинтубировать не получится – тогда так. Трахеотомии всех учат, может, Вадим и не забыл. Учитывая, сколько хлора Игорь успел наглотаться, скорее всего, придется так…

– А это что?

– Фонарик. Неврологический, но другим пока не разжились, – сказал муж, складывая внутрь рюкзака ларингоскоп. – Помощь нужна или сам разберешься?

– Сам.

– Тогда мы пошли. Удачи тебе.

– И вам. Спасибо. Хороший ты мужик. Иван. Даст бог, еще свидимся.

Мы вышли на улицу.

– На кой черт тебе ларингоскоп без клинка? – спросила я после долгого молчания.

– С клинком. – Муж достал из кармана клинок-макинтош. – Сунул в карман на автомате, когда голоса услышал. Удачно вышло.

– Удачно…

– Нынче каждый сам за себя… Маш, не смотри на меня так! Ну, если я такая сволочь – на, иди и отдай.

– Нет.

– То-то же.

Я усмехнулась.

– Оба мы… сволочи. Но все это не обязано мне нравиться.

– Думаешь, мне оно нравится? Но кроме тебя у меня никого нет.

– Черт… – Я опустилась на бордюр, обхватив голову руками. Разразилась длинной матерной тирадой, и даже больное горло не остановило.

– Маш…

– Все. Проехали. В пятую?

– В пятую.

Глава 11

Около пятой вполне предсказуемо бурлила толпа, и эта толпа мне совершенно не понравилась. Казалось, люди уже не надеются получить хоть какую-то помощь. Обреченность, страх и отчаяние… Дежавю. Я точно знала, где уже видела подобное, – и воспоминания оказались не из приятных.

– Ив, я туда не пойду.

– Маруська, не дури. Вроде договорились уже.

– Нет. Около морга было примерно то же. И второго погрома я не переживу. Отнюдь не фигурально.

Ив какое-то время молчал, разглядывая народ.

– Постой-ка здесь, я разузнаю.

– Нет!

– Тихо, Маруська. Тихо. В самую гущу я не полезу, не дурак. По краешку похожу, может, языками с кем зацепимся. Больница, похоже, не работает. – Он осторожно разжал мои пальцы, вцепившиеся в рукав. – Маш, все нормально. Постой здесь, я быстро.

Он ввинтился в толпу и потерялся среди безликих голов. Я прислонилась к углу дома. Пальцы теребили «молнию» поясной сумки. Ну куда он полез – приключений на задницу мало? Впрочем, вернулся муж и вправду довольно быстро.

– Полчаса назад на дверь повесили объяснение: приема нет из-за отсутствия воды и электричества. И закрылись изнутри.

– Черт… Их снесут. Должны же быть резервные генераторы?

– Жена, ты как дитя малое. Зданию пятьдесят лет. Значит, изначально ничего подобного не имелось, все дополнительное оборудование – на усмотрение главного. А у него могут быть и другие заботы, особенно если место свое получил за то, что умеет вовремя подлизать, где надо. Сева вон… – Ив махнул рукой.

– Не любишь ты его…

– Не люблю. И он меня тоже, как ты успела заметить. Не перебивай. Словом, у главного забот хватает и помимо генераторов, которые ему нужны, как рыбе зонтик. А еще надо про свой карман не забыть… И даже если они генераторы купили – за ними ухаживать

нужно регулярно и запас топлива иметь. И даже если генераторы не только есть, но и работают – проблему с канализацией они не решат. Водоснабжение все равно централизовано.

– В общем, задница, как ни крути, – резюмировала я.

– Она самая.

Он, кажется, хотел сказать что-то еще, но разрозненный шум толпы сложился в стройное, чеканное скандирование.

– У-бий-цы! У-бий-цы!

Я съежилась, зажав уши, спрятала лицо на груди мужа,

– Пойдем, – сказал он, обнимая за плечи.

И когда за спиной взревело и зазвенели стекла, оглядываться мы не стали.

Неработающий лифт, темный подъезд, притихшая квартира. Город стал непригоден для жизни, нужно было уходить. Но, несмотря на то что мне самой дышалось полегче, я не была уверена в том, что осилю дорогу хотя бы до дома родителей. Полторы сотни километров – минимум пять дневных переходов. При том что ни я, ни муж никогда не увлекались пешим туризмом. А значит, в доме нет ни палаток, ни спальников, из прочего инвентаря найдутся разве что топорик, спортивный рюкзак, непонятно каким чудом еще не выброшенный на помойку, да еще тот, что мы украли в «Спорттоварах». Снова идти «за хабаром» казалось слишком опасным – народ уже разобрался, что нет ни сигнализации, ни закона. И, сунувшись в продуктовый супермаркет, мы нарвались на команду мародеров, разойтись с которыми мирно не вышло. К счастью, у нас были пистолеты и готовность стрелять на поражение, не тратя время на предупредительные в воздух и прочие красивые жесты. Так что мы разжились канистрами с питьевой водой и консервами, взяв столько, сколько смогли унести, и оставив за собой два трупа, сожалеть о которых я не собиралась. Сами полезли – сами огребли. Потом, если доживем, можно будет посокрушаться о падении нравов, но это потом. Наблюдая за погромами, как-то очень быстро излечиваешься от излишнего гуманизма… Впрочем, кого я обманываю? Цинизм – не слишком хорошая защита. Беда в том, что другой у меня просто нет, и… я свихнусь, если буду вспоминать их лица.

Мы лежали на диване, уткнувшись носами в монитор ноутбука, благо батарейки еще держались. Источник бесперебойного питания

давно отключился – он был рассчитан разве что на кратковременные скачки напряжения. Вслед за ним вполне предсказуемо отрубился вайфай-роутер, так что пришлось воткнуть кабель прямо в ноут – ровно для того, чтобы понаблюдать за агонией Интернета. Сеть загнулась через четверть часа, и лучше бы ее не было вообще – потому что после пятнадцати минут просмотра новостных сайтов мне остро захотелось пустить себе пулю в лоб и больше не корячиться.

– Машка, это что выходит… – сказал Ив, когда стало ясно, что питание на серверах провайдера окончательно сдохло и Сеть легла полностью. – Это по всей Земле полярный лис прошелся?

– Именно так. – Я захлопнула крышку ноута. – Похоже, цивилизации кранты.

Вереница техногенных катастроф по всему миру. На этом фоне пара ураганов и одно землетрясение выглядели детскими шалостями. Еще несколько политических переворотов, кажется, и у нас в стране тоже – но разобраться в этой теме мы не успели.

– Ну что ж… Твоим родителям нужен сильный мужик, готовый помочь по хозяйству? Надеюсь, я не разучился копать картошку.

– До родителей еще надо добраться.

– Доберемся… Утром выйдем. Не хочется на ночь глядя выступать, да и чем дальше за дневной переход успеем от города уйти – тем лучше. Дорогу помнишь?

Дорогу я помнила только из окна автобуса. Не бог весть что.

Ив поднялся с дивана.

– Давай собирать вещи. Засветло выйдем.

– Успеем еще.

– Маш… Если я буду просто сидеть и ждать утра – я рехнусь. Или застрелюсь. Не знаю, что раньше.

– Не шути так.

– А я и не шучу. – Он протянул руку, помогая встать. – Давай собираться, вечер скоро, а в темноте без света много не сложишь. Только я тебя обколю сначала – пора уже повторить.

И в самом деле, пора.

Ив шагнул было вон из комнаты, остановился в дверном проеме.

– Да, Маш… помнишь, ты просила разузнать про возможную волну выкидышей?

Я кивнула. На самом деле во всем этом уже нет никакого смысла, но просто послать Ива к лешему, как сделал в свое время с моей информацией Костик, не хотелось.

– Так вот… В гинекологии на сохранении… все беременности закончились самопроизвольными абортами.

– Учитывая, что кругом творится, – и нормальную беременность скинуть немудрено.

Муж покачал головой.

– После того как я об этом узнал, спросил в нашем роддоме. У всех, поголовно всех – внутриутробная гибель плода.

Я присвистнула.

– Потом я позвонил коллегам… и выбрался в Сеть. Похоже, в мире не осталось ни одной сохранившейся беременности. Так что будущего у человечества нет.

Муж ушел в кухню, оставив меня переваривать услышанное.

Насчет будущего он погорячился – впрочем, где-то через годик будет видно. Инфраструктура посыпалась, а контрацептивов надолго не хватит – там и станет понятно, сохранилась ли в мире способность беременеть и вынашивать. Но…

Самопроизвольный аборт вообще-то штука нередкая. На ранних стадиях беременности организм таким образом избавляется от нежизнеспособного эмбриона – с хромосомными нарушениями или патологиями развития. Чуть позже в силу вступают другие факторы – гормональные и иммунные процессы, нарушение кровоснабжения плода, инфекции… несть им числа, на самом-то деле. Но чтобы разом, у всех поголовно и одновременно? И среди них – множество совершенно нормальных эмбрионов? Для такого фокуса нужна какая-то внешняя причина.

Раз за разом я упираюсь в одно и то же: излучение, инфекция, интоксикация. И каждая версия рассыпается, не найдя морфологических подтверждений. Любое материальное воздействие оставляет в теле человека вполне осязаемые изменения. Пусть не на макро-, но на микроскопическом уровне всегда найдется комплекс признаков, позволяющих определить источник. Комплекс взаимосвязанных проявлений – его поиск, собственно, основа моей профессии. Обнаружить изменения, связать их в единое целое, сделать выводы. Своего рода детективная задачка – как, впрочем, и при

постановке диагноза. Правда, в отличие от детективных историй, у нас все просто и буднично. Трупы не способны симулировать, скрывать одни симптомы и преувеличивать другие, а то и вовсе находить у себя проявления всех болезней, за исключением родильной горячки. Все как на ладони. Нет, я, конечно, помню, как по молодости нашла признаки странгуляционной асфиксии[48] у бабульки, мирно сползшей по стенке в магазине. Коллеги потом долго подкалывали да… Но с того времени сколько воды утекло?

Что бы ни твердили официальные лица, инфекция исключена. Как бы стремительно ни развивалась патология, любой микроорганизм изменяет среду своего обитания – именно эти изменения и вызывают болезнь. И они будут видны – или сразу на вскрытии, или позже под микроскопом, а микропрепаратов я за последние дни просмотрела достаточно. Еще когда проверяла версию смерти под лучом. И практически то же самое выходит с интоксикацией, даже если предположить какой-нибудь новый супер-пупер-яд, детище военных сверхсекретных лабораторий, вечного пугала обывателей. Даже если допустить, что возможно было создать летальную концентрацию во всей атмосфере… либо так четко просчитать концентрацию в воде или пище, что эффект наступил одновременно у людей разного пола, возраста и веса, при этом оставив совершенно интактными других людей, находившихся рядом с погибшими… Любой яд все равно повлечет морфологические изменения. В зависимости от механизма действия – либо признаки асфиксии, либо патологию внутренних органов. Но никаких следов я так и не нашла. Совершенно никаких.

Получалось, если нет материальной причины – нужно думать о нематериальной. Отбросьте все невозможное; то, что останется, – и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался… Кажется, так. Материальные причины, не оставляющие материальных следов, невозможны. Наверное. Я выматерилась, рывком поднялась с кровати. Хватит. Этак я скоро поверю в карму, ауру и предсказания апокалипсиса одновременно. Баста. Платить за разгадку собственным психическим здоровьем я не намерена: когда все это закончится – чем бы ни закончилось, тогда и поглядим, что к чему. Если будем живы.

Муж вернулся, держа в руках початую бутылку коньяка. Хлебнул из горла, хмыкнул:

– Пойдем, поможешь руки вымыть. Питьевую воду жалко переводить, а этот – в самый раз. Все равно мне «Хеннеси» не нравится.

– Позер. – Я забрала у него бутылку. – Муж, а может, не надо сегодня напиваться? Выходить с похмела – не лучшая мысль.

– А чего бы и нет? До утра просплюсь. Да и тебя напоить можно… Учитывая, что спирт выводится легкими в чистом виде – вот и готовый пеногаситель. С твоим анамнезом…

– Доказательной базы маловато для такого рода терапии. – Я подставила руку. – Надеюсь, ты на кухне не много хлебнуть успел?

– Чуть-чуть. – Муж ввел иголку в вену, торжествующе усмехнулся. – Мастерство не пропьешь.

– Точно. Но все равно ты мне не нравишься.

– Я мог бы ответить, что ты нравишься мне еще меньше. Ладно, пить больше не буду. Раз уж довелось наблюдать конец света – лучше делать это на трезвую голову. Впечатлений больше.

Черт, а ведь с него станется надраться, уйти в штопор и выстрелить. Представить Ива-самоубийцу казалось невозможным – но еще пару недель назад я не могла бы представить Ива-мародера, хладнокровно расстреливающего конкурентов. Заведующий отделением с холеными руками и капризным норовом, интеллигентный ценитель хорошей выпивки и красивых женщин…

– Чего ты на меня так уставилась?

– Ничего.

– Не бойся, ничего я с собой не сделаю.

– Не боюсь.

– Вот и славно… Маш, а у тебя есть какие-нибудь грехи? Ну, серьезные, смертные?

– Грехи? – Я подняла бровь. – Разлюбезный мой супруг, если я когда-нибудь и соберусь обсуждать эту тему, то явно не с тобой.

– А чего так? Рылом не вышел?

– А того, что ты не исповедник и не психоаналитик. Это их дело – скелеты из чужих шкафов вытаскивать.

– Не доверяешь, значит?

– Я себе-то не доверяю. Ив, к чему ты это?

– Да так, ни к чему. – Муж направился в гостиную, раскрыл дверцы шкафа. – Давай собираться.

Недолго думая, он широким жестом выгреб на пол все содержимое полки шкафа. Прежде чем я успела пикнуть, следом полетели вещи еще с одной.

– Да ладно тебе, Маруська. Зато так быстрее, все видно. Берем минимум, только самое необходимое. Потом на своем горбу это переть.

Ну да, быстрее… А ведь он не пьян. Совершенно. Похоже, та пара глотков, что я видела, была единственной.

Муж поймал мой взгляд и качнул головой:

– Машка, я в полном порядке.

Того, кто первый придумал перевести «are you all right?» как «ты в порядке?», следовало бы пристрелить.

– Ага, я вижу.

Я присела над грудой вещей, разбираясь, где же тут мои, а где мужа. Джинсы, различающиеся только размерами – у Ива больше. Водолазки с футболками, правда, отличаются еще и по цвету. Когда постоянно носишь хирургический костюм, нужда в разнообразном гардеробе отпадает сама собой. Печально. Наверное, я все-таки неправильная женщина…

Взгляд уцепился за что-то белое, блестящее, и спустя миг я держала в руках свадебное платье. Надо же, вот оно где валялось, оказывается. Я поднялась, встряхнула плотно скрученный узел. Тяжелая ткань развернулась, подол опустился на пол… ну да, это не я стала ниже, это просто нет каблука. Сколько ж нам тогда пришлось пахать, чтобы устроить себе свадьбу? Ив, помнится, поставил рекорд – как зашел в здание «скорой», так через неделю и вышел – в хирургии он в то время еще не работал. Мне, впрочем, тоже в реанимации скучать не пришлось – благо летом в пору отпусков дежурств обычно хоть отбавляй. Что ж у нас была свадьба… и гости... и платье. Все как у людей. И только когда все эти церемонии заканчиваются, понимаешь, что не в них счастье.

Я развернулась к зеркалу, непонятно зачем приложила платье к груди, разглаживая по телу тяжелую, уже пожелтевшую ткань. Отвела взгляд от собственной физиономии – красноглазый упырь с выгоревшими, смахивающими на солому волосами и розовыми шелушащимися пятнами на лице.

Диджей, или тамада, или как-его-там, совершенно не знал английского. Иначе как объяснить, что в качестве фона для танца жениха и невесты он поставил нам «Hallelujah». Трогательная песенка из «Шрека», ничего более.

Well baby I've been here before

I've seen this room and I've walked this floor

I used to live alone before I knew ya

I've seen your flag on the marble arch

Love is not a victory march

It's a cold and it's a broken Hallelujah [49]

Глядя сейчас на то, во что мы превратили нашу семейную жизнь, – вышло почти предсказание. Впрочем, тогда я не верила в дурные приметы, а жить мы собирались долго и счастливо… Я и сейчас в них не верю, но толку-то…

– Маруська… – раздалось откуда-то сбоку.

Я обернулась к мужу, все еще придерживая платье.

– Если для тебя это так важно, возьми. Невелика тяжесть.

Я дернула щекой, изображая усмешку. Хотелось плакать. Скрутила ткань в бесформенный узел и зашвырнула в глубину шкафа. Перевела взгляд на мужа.

– Только самое необходимое.

– Маш, зачем ты так? – Ив перешагнул груду тряпья, мягко придержал за плечи. – Маруська, не надо. Я же не слепой.

А ведь я все еще его люблю.

Потрясающе своевременная мысль.

Всего полшага навстречу, уткнуться лбом в грудь и так замереть. Я подалась назад, повела плечами, чтобы высвободиться. Ив покачал головой.

– Не пущу. Этой ночью я чуть не поседел, пытаясь до тебя дозвониться. Так что не пущу.

Одним коротким рывком подхватил под бедра, впечатал в дверцы шкафа, прижимая всем телом, прошептал:

– И хоть задергайся.

Ему все же пришлось разжать руки, занявшись застежкой моих джинсов. В два движения вышагнуть из скользнувших по бедрам штанов вместе с бельем, сдернуть водолазку, позволить мужу расстегнуть бюстгальтер. Щетина неожиданно больно царапает по

лицу, но это лишь усиливает возбуждение. На миг оторваться от его губ, поймать взгляд из-под полуприкрытых век, ухмыльнуться:

– Мастерство не пропьешь.

– Точно.

Расстегнуть ремень, позволить снова подхватить на руки, обвив ногами его талию, почувствовать, как он заполняет целиком, подаваясь навстречу, пока дыхание не сорвется в протяжный стон, а руки не ослабеют. Опуститься на груду одежды, потянув его за собой, снова поймать ритм, еще и еще, пока не собьешься – потому что не сбиться не получится. Еще несколько движений – и теперь его очередь. Встретиться взглядом, обнять и больше не отпускать.

Кашель, как всегда, подобрался не вовремя, заставив Ива резко дернуться, высвобождаясь.

– Всю малину испортил, – сказала я отдышавшись. – Ну, хорошо хоть, не полминутой раньше. Хотя… было бы забавно.

– Зараза ты, Маруська. Ехидная зараза.

– Не рыдать же…

– И то правда, – он снова обнял, вытянувшись рядом.

– Муж… а ты меня еще любишь?

– А что я только что делал?

– И кто из нас ехидная зараза?

– Так с кем поведешься… Люблю. Пойдем-ка в спальню, нечего на полу валяться.

– А собираться?

– Успеется. Утром.

Мы вышли из дома, едва стало достаточно светло для того, чтобы не переломать ноги на улицах с неработающими фонарями. Собрались и вправду быстро – в конце концов, и уходили не в никуда. У родителей наверняка найдется какое-нибудь барахло на первое время. Люди их поколения не выбрасывают добротные вещи лишь потому, что те вышли из моды. А еще у них можно будет взять мотоцикл и попробовать вернуться в город, на этот раз забрав с собой столько, сколько влезет в коляску. Но это потом – когда мародеры перережут друг друга. Оставаться в городе опасно – даже если не принимать во внимание то, что в водохранилище опасная концентрация хлора может сохраняться до двух месяцев, а по улицам, вспомнив древний лозунг «грабь награбленное», бродят люди со знаменем экспроприаторов

капиталистической собственности наперевес. Главное – вода, электричество и канализация. Точнее – их отсутствие. Из унитаза уже несло так, что вонь чувствовал даже мой почти потерявший обоняние нос. А что будет после того, как переполнятся сточные емкости и все это добро польется в пруд, не хотелось даже думать.

Перед уходом Ив тщательно проверил краны и выключатели.

– Вдруг да… – ответил он на немой вопрос. – Я все же надеюсь сюда вернуться. Насовсем.

Это вряд ли. Но вслух я не стала ничего говорить. И без того тошно. Ив запер все замки. Еще одно бессмысленное действо. Ценного внутри не осталось ничего – в самом деле, не считать же ценностью нажитую за пять лет технику, без электричества превратившуюся в бесполезный хлам, да брошенные в шкафу банковские карточки? Даже если в городе и найдется хотя бы один работающий банкомат, что толку в бумаге, которую некуда потратить?

– Маш, как думаешь, облако сдуло? – спросил муж, когда мы вышли из подъезда. – Можно, конечно, по объездной кругаля дать, но далековато пешком выходит.

По сравнению с полутора сотней километров десятком больше – десятком меньше особой роли не играло, но тащиться сперва до объездной, а потом огибать город и вправду не хотелось. Прямой путь лежал через зараженные районы, мимо больничного комплекса, где работал Ив.

– Думаю, сдуло. Если не соваться в овраги и подвалы, все должно быть нормально. Пойдем напрямик.

Город казался пустым. Таким тихим он раньше бывал только после полуночи, когда добропорядочные граждане сидели по домам и только изредка по улицам с ревом проносились автомобили, чьи водители возомнили себя шумахерами.

Наверное, вчера на выезде из города были страшенные пробки – но мы этого не видели, а сейчас машин не осталось даже на стоянках. Магазины с выбитыми стеклами, разграбленные ларьки, попался даже вывороченный из стены банкомат. Кое-где – трупы с проломленными черепами и другими признаками насильственной смерти. Надписи на заправках «бензина нет» – может, правда, а может, проблема просто в отсутствующем электричестве. Переполненные мусорные баки,

бродячие псы, деловито разгребающие помойки. А вот бомжей не видать…

Потом трупов стало больше – судя по всему, мы добрались до районов, попавших под облако.

– Через несколько дней в городе станет невозможно дышать, – сказал Ив. – Когда все это начнет разлагаться. И тогда отсюда уйдут последние из выживших людей.

Голос гулко разнесся по пустым улицам. Я поежилась.

– А по городу будут среди бела дня бродить стаи крыс и бродячих собак. Столько еды, хоть и подтухшей, – продолжал муж. – И достаточно какой-нибудь залетной бактерии… Пожалуй, я не сунусь обратно без противочумного костюма.

– В нашем регионе природных очагов чумы нет. Разве что совсем уж какая-нибудь крыса-экстремал, любительница дальних путешествий, да и то… ты не помнишь, сколько у чумы инкубационный период?

– От суток, если первично-септическая… а верхний предел не помню. Доберемся до твоих, надо будет в справочник глянуть.

Пожалуй, добрая половина веса за плечами приходилась на книги. Интернет канул в Лету, а в голове все сохранить невозможно. И неважно, что в деревне без оборудования и лекарств ничего не смог бы сделать даже сам Пирогов. Если не цепляться пусть и за призрачную надежду сохранить информацию – останется только одеться в шкуры и вытесать каменные топоры. Но до чего же жаль пабмеда, кокрановских архивов и медскейпа[50]…

– Гуляла же эта дрянь по Европе, – продолжал Ив. – Штамм другой был, правда, более патогенный… так кто знает, во что она в таких условиях выродится сейчас?

– С купцами и армиями гуляла.

– А сейчас будет с мародерами. Вон, полюбуйся.

Возле здоровенного торгового центра, несмотря на ранний час, суетились какие-то люди.

– Не похожи на мародеров.

И вправду, не будут мародеры организованно вытаскивать из здания трупы, сгружая их в подогнанный грузовик.

– Пойти, что ли, поспрашивать?

– С ума сошел? Они нас не трогают, мы их не трогаем.

– Да вроде не агрессивные…

– Когда станут агрессивные – поздно будет.

– Постой тут, а я поговорю.

– Твою мать, и еще что-то говорят про женское любопытство!

Пока мы препирались, заполненный доверху грузовик уехал. Тела внутри здания, видимо, закончились, потому что следом люди потащили на улицу телевизоры и стиральные машины, аккуратно составляя их у дороги.

– Мародеры, – буркнула я. – Сейчас еще одну машину подгонят и вывезут. Пошли отсюда.

– А трупы им зачем?

– Мясо.

– Машка, ну ты скажешь… чуть не вывернуло.

– Есть другие варианты?

– Нет. Но не так же быстро!

Я усмехнулась. Правду говоря, идея нагоняла дурноту и на меня. Беда в том, что альтернативы я не видела. Ну в самом деле, не предполагать же, что неведомые добровольцы расчищают торговый центр от оставшихся там тел, дабы похоронить их как положено?

– Значит, добавь к тифу и прочему прионные инфекции[51], – помрачнел Ив.

– Это нам не грозит, прионы с блохами не скачут.

Муж махнул рукой и надолго замолчал. Я шла следом. Разговаривать и вправду не хотелось. Слишком тошно видеть вокруг мертвый город.

– Зайдем? – спросил вдруг Ив.

Прямо по дороге начиналась ограда больничного комплекса. Я перевела взгляд с заполненного автомобилями двора на лицо мужа.

– Маш, я…

– Зайдем.

Почему еще не поугоняли машины, стало ясно сразу – выезд перегородила группа столкнувшихся легковушек. Судя по всему, сперва кто-то бортанулся друг о друга, следующий умник решил протаранить затор – и застрял сам. А потом облако легло на город, похоронив под собой всех – и правых и виноватых.

– Я надеялся, что они все же успеют заткнуть окна…

– На верхних этажах могли и успеть. А потом ушли – как только появилась возможность дышать.

– А реанимация? Ожоговое отделение, травма… всё внизу.

Я коснулась его плеча:

– Ты уверен, что надо внутрь?

– Да. Не ходи, если не хочешь.

– Я с тобой.

– Спасибо…

Трупы, трупы, трупы…

Концентрация, при которой запах хлора четко ощущается, не слишком отличается от летальной. Полтора километра до завода. Какова средняя скорость ветра в это время года? Сколько времени прошло с момента выброса до того, как количество газа в воздухе стало смертельным? Пять минут? Десять?

– Я думал, будет хуже.

– Куда уж хуже?

– Народа не так много. – Ив склонился над телом мужчины в белом халате. – Пашка… не успел.

– Их даже не попытались эвакуировать.

– А кто бы их эвакуировал? Ты видела в городе военных? МЧС? Каждый сам за себя…

Пропади оно все пропадом!

– Почему они не заткнули окна? Пропитать ткань гипосульфитом, которого полон рентгенкабинет, ее же в вентиляцию – и можно сидеть до второго пришествия! А лучше на морду, и…

– Машка, если ты такая умная, то почему сейчас сипишь?

– Потому что дура.

Кажется, на верхних этажах все же догадались подняться выше, заткнуть все щели и отсидеться. Потому что, когда мы дошли до общей хирургии, отделение стояло пустым.

– Много у тебя нетранспортабельных оставалось?

– Двое в реанимации. В самом отделении – нет.

Ив толкнул дверь ординаторской. Никого. Мы сбросили на пол рюкзаки. Раскрытая история болезни на столе. Молчащий телевизор.

Муж опустился в офисное кресло. Вообще-то заведующему полагался отдельный кабинет – но с историями болезни Ив, похоже,

работал здесь. Я отошла в сторону. Видеть лицо мужа оказалось… невыносимо.

– Машка, я не могу… Не могу все бросить.

Я не ответила. В самом деле, о чем тут говорить? В городе жить нельзя. В больнице без света и канализации работать нельзя, да и ни к чему. Все очевидно. Просто… Просто надо дать ему время смириться. Слова не помогут. Я подошла ближе, осторожно провела рукой по волосам.

– Не надо, – он прерывисто вздохнул. – Не трогай меня. Пожалуйста.

Я кивнула, словно Ив мог меня видеть. Взобралась на подоконник, устроившись с ногами в оконном проеме. Ив сидел, уронив голову на руки, спина едва заметно вздрагивала. И он просил его не трогать. Ох, черт…

– Отец… – его голос сорвался. – Отец на эту больницу полжизни положил. И все вот так…

Я подобрала с пола пачку сигарет и зажигалку, вернулась на подоконник. Чиркнула колесиком. Черт, только сейчас и курить с обожженной слизистой. Так и не успевшая разгореться сигарета вернулась в пачку. Не мусорить же в ординаторской. Хотя какая теперь разница?

– Твою мать!

Папки с историями, ручки, еще какая-то мелочь полетела на пол, сметенная одним резким движением.

– Еще поп этот, всю душу вымотал, сука! Нафига мне знать? Поделился, гад!

Поп?

– Иоанн? Он-то тут каким боком?

– А таким… – Ив снова спрятал лицо в ладонях. – Неважно. Твою мать…

Неважно… Не хочешь – не надо, сама соображу. Так о чем мог быть тот «один разговор», после которого муж психанул так, что едва не отправил нас на тот свет?

Поехали.

Тысячи, миллионы смертей в один миг, безо всякой причины. Дети до трех – поголовно. Тот возраст, когда ребенок впервые осознает собственное «я», отличное от матери…

Дальше.

Катастрофы и аварии по всему миру.

Я помотала головой. Кажется, пазл начал складываться, и… Нет. Не верю.

Олежка говорил, что в тот день у него в отделе умерли самые надежные ребята. Те, кому он бы доверил спину, не сомневаясь. Главный из пятой, по мнению Ива, доброго слова не стоящий… «Шестеро. Все врачи от Бога». «Как будто все дерьмо, что было в людях, – наружу полезло». Кто же это сказал? Не помню… Погромы, убийства, мародеры… Маньяк этот…

Кому, как не священнику, знать своих прихожан? Сложить одно с другим и сделать выводы. Одна совершенно идиотская гипотеза все расставляла по своим местам. Совершенно. Идиотская.

Неправда.

Бога. Нет.

Никаких морфологических признаков… И в самом деле, откуда бы им взяться. Самое простое предположение оказывается единственно верным, даже если и выглядит откровенно безумным. Бритва Оккама, мать ее. Режет по живому.

«Воскресший» больной, про которого рассказывал муж. Человек, объявивший себя посланником божиим. «И восстанут лжехристы и лжепророки», так? Черт, я уже начинаю верить в этот бред.

Неправда, неправда, неправда!

«Маш, а у тебя-то какие грехи?»

Вот, значит, что тебе сказал священник. И вправду, если поверить – впору рехнуться. Значит, не верить? И в самом деле – Бога нет. Все это – неизвестный вирус или новое излучение… Инопланетяне…

Я хрипло рассмеялась.

– Маш?

– Libera me, Domine, de morte aeterna, in die illa tremenda: Quando coeli movendi sunt et terra. Dum veneris iudicare saeculum per ignem[52].

Вот же память – что помойка… Откуда я знаю «Реквием»?

– Значит, ты тоже поняла.

– Я представляла себе вознесение несколько иначе.

Ив пожал плечами:

– Если вдуматься – зачем в раю тело?

– Черт… Муж, ну что за бред? Мы с тобой сидим посреди сдохшей больницы и на полном серьезе рассуждаем о том, что сбываются пророчества обкурившегося травки фанатика!

– Ты думаешь, тогда была травка?

– Да мне плевать, чем он обдолбался, – на трезвую голову такое придумать нереально!

– Или он не придумывал.

– Или… – Я покрутила в руках пачку сигарет. – Будешь? Лови.

Затянуться у него вышло не с первого раза. Руки дрожали – и это оказалось заметно даже с подоконника. А зажигалка у мужа шикарная – почти идеальная копия пистолета. Сам купил или подарил кто?

Ив бросил зажигалку обратно в ящик стола.

– Маш, ни в одну другую версию это не укладывается. Я пытался. Блин, уже трое суток пытаюсь!

– Да… Но тогда выходит, что дальше можно не рыпаться. – Я достала из сумочки револьвер, задумчиво крутанула барабан. Красивая штука… Смерть не бывает красивой, а вот ее помощники – очень даже.

– Маруська…

– Говоришь, игра заведомо нечестная? Значит, самым разумным будет просто не садиться играть с шулерами.

– Поздно. Сейчас любой твой ход будет по Его правилам.

– И в самом деле… Черт! И этой возможности не осталось.

Не то чтобы я хотела умереть. Не хотелось жить, понимая, что уже бессмысленно. Интересно, каково священнику обнаружить, что оказался недостоин царствия небесного? Я припомнила речь патриарха. Живой. Патриарх в отличие от папы не считается безгрешным. А кстати, были хоть какие-то новости из Ватикана? Не помню, а сейчас уже не проверить. С концом Интернета закончилась и эра информации, добываемой парой кликов. Впрочем, где-то, наверное, Сеть сохранилась – она ведь и разрабатывалась под подобные катаклизмы. Только на кой ляд она теперь? Ну, буду я знать, что случилось с папой, – как это изменит лично мою жизнь?

– Dies illa, dies irae, calamitatis et miseriae, dies magna et amara valde[53]… Ты не помнишь, как там дальше было?

– Не помню. В устах женщины, называющей себя атеисткой, звучит почти кощунством.

Я пожала плечами.

– По правде говоря, инопланетяне с излучателями нравились мне больше. С ними теоретически можно пободаться. Как там у Уэллса? Ветрянка – и finita la comedia[54].

– Ветрянка у Бредбери в «Марсианских хрониках», – мягко поправил Ив. – В «Войне миров» Уэллса корь.

– Да, точно. А так… я даже не знаю, что теперь. И для чего.

– Я тоже не знаю… Подвинься.

Он уселся на подоконнике – я развернулась, прислонилась к мужу плечом. Объятья так себе, но все-таки мы друг у друга пока есть. Несмотря ни на что.

– Маш… я не могу уйти. Не могу все бросить.

Я подняла на него взгляд.

– Даже если вокруг конец света – я не могу уйти. Прости. Слишком много я тут оставил. Я провожу тебя до родителей, а сам вернусь, хорошо?

– Зачем?

– Это мой город. Моя больница. И я никому это не отдам. Никому, понимаешь?

– Ну вот и нашлось «для чего», – усмехнулась я.

– Я знаю, что идиот.

Я снова прислонилась к его плечу, ничего не ответив.

– У родителей ты ведь будешь не одна? Да и толку от меня там…

– А меня кто спросил?

– Маш, не начинай. Пожалуйста. И без того херово.

– Муж, ты и вправду идиот. – Я выпрямилась, развернулась к нему. – Крестовый поход… Мне нравится. С Богом побороться не выйдет, а вот с хаосом и мародерами – вполне. Это достаточно безумно для того, чтобы стать ответом на вопрос «зачем жить, когда все равно конец». В деревне обойдутся и без меня.

– Маруська, ты в своем уме?

– Нет. А ты?

– Наверное, тоже.

Мы расхохотались в один голос.

– Dum vivimus vivamus[55], так, что ли? – отсмеявшись, поинтересовался Ив.

– Ну да. Пока мы живы. А там видно будет.

Конец первой книги